РОССИЯ
ПОЛЬША
И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

в XV–XVIII вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КОМИССИЯ ИСТОРИКОВ СССР И ПНР

Институт славяноведения и балканистики

Институт истории СССР

РОССИЯ, ПОЛЬША И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ в XV—XVIII вв.

Под редакцией академика Б. А. РЫБАКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1979

В книге участвуют польские и советские авторы, исследуются проблемы политических взаимоотношений Европы и Причерноморья, внешнеполитические сношения России и Польши и каждой из них с Турцией и Крымом с конца XV до начала XVIII в., роль Кавказа и придунайских княжеств в политической жизни того времени. В научный оборот авторы вводят много новых сведений о датировке, источниках, их авторстве.

Р $\frac{10603-329}{042(02)-79}$ БЗ — 95—25—1978 0504030000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник статей польских и советских авторов посвящен политическим взаимоотношениям государств Восточной Европы и Причерноморья в период с конца XV в. до начала XVIII в. Интерес к этой проблематике обусловлен большой исторической значимостью происходивших здесь процессов, прежде всего — сложным международным развитием, в ходе которого эпохи мирного сосуществования сменялись периодами вооруженных конфликтов между государствами данного региона, а также складывалась новая расстановка сил в системе этих государств, создавалась новая политическая карта Восточной Европы. Внимание польских и советских историков к данному периоду привлекало и то обстоятельство, что именно тогда наметившаяся ранее тенденция сложения феодальных государств с единой этнической основой все заметнее уступала место тенденции формирования многонациональных государственных образований, что именно тогда в условиях сложной международной борьбы происходило становление и утверждение двух многонациональных государственных организмов в Восточной Европе — Польского государства, подчинившего себе литовские, западнорусские, т. е. украинские и белорусские, земли, а также Русского централизованного государства, включившего в свой состав отдельные народности Поволжья, Сибири и т. д.

Различные аспекты данной проблематики стали предметом обсуждения советских и польских исследователей на научной конференции в г. Сухуми (октябрь 1975 г.). Конференция была проведена комиссией историков СССР и ПНР в рамках программы совместного изучения узловых проблем истории СССР и Польши, в частности совместной разработки некоторых вопросов исторического развития стран Восточной Европы в эпоху феодализма *.

* См.: Польша и Русь. М.: Наука, 1974. Предисловие.

Таким образом, настоящий сборник является результатом совместной работы польских и советских исследователей, итогом их «параллельного» изучения отдельных этапов политического взаимодействия государств Восточной Европы и Причерноморья с конца XV до начала XVIII в.

Ряд статей сборника посвящен тому этапу указанного взаимодействия, который можно охарактеризовать как начало совместной активной политики Турции и Крыма в Восточной Европе, политики, основанной на широком использовании старых приемов ордынской стратегии в этой части Европейского континента и, по существу, преследовавшей те же цели сохранения равновесия между ведущими восточноевропейскими государствами — цели недопущения чрезмерного усиления одного из них.

Важный аспект этого этапа взаимоотношений восточноевропейских государств раскрывает Л. Е. Семенова, посвятившая свою статью анализу польско-молдавско-турецких отношений конца XV в., оказавшихся связанными как с тенденцией политического ослабления Ягеллонов на международной арене, так и с тенденцией упрочения позиций Московского государства в Восточной Европе.

Работа Г. В. Гонца рассматривает процесс превращения Молдавского княжества в формального вассала Османской империи; завершившийся, как считает автор, в 1512 г. Статья И. П. Старостиной освещает внутриполитическую жизнь Великого княжества Литовского XV в.: правовое положение древнерусских земель с учетом расстановки политических сил как на международной арене, так и в польско-литовской государственной системе.

Ряд работ сборника рассматривает развитие международных отношений в этом регионе на протяжении XVI столетия, когда в политике Турции и Крыма наметился поворот к установлению «миролюбивых», а порою и союзных отношений с ослабевшей польско-литовской династией Ягеллонов, а вместе с тем утверждение резко антимосковского курса Константинополя и Бахчисарая, что выражалось в осуществлении военно-политических акций против Русского государства. Одну из важных сторон данного этапа международной жизни раскрывает в своей работе проф. Л. Базылев на основе анализа развития взаимоотношений Польши и Турции в XVI в. Отме-

чая ослабление напряженности в отношениях между Польшей и Турцией и даже установление сотрудничества между ними на международной арене, Л. Базылев показывает в своей работе сложность политической и идеологической жизни Польского государства.

Проф. А. Гейштор освещает в своей статье идеологическую жизнь Польского государства с конца XV до начала XVII в., выявляет взаимосвязь между историко-географическими построениями польских авторов того времени и некоторыми тогдашними «установками» польского феодального государства как внутриполитического, так и международного плана.

Статья А. Б. Кузнецова, касаясь внешней политики Турции, Крыма и Казани в первой трети XVI в., показывает, что она была направлена на подчинение Московского государства или ослабление его путем вооруженных выступлений и посредством поощрения антимосковских акций Польши и Литвы. Исследование Ю. М. Юргиниса освещает дипломатическую деятельность Михаила Литвина, который в 1538—1540 гг. вел в Бахчисарае с ханом Саип-Гиреем переговоры по поводу поддержания мира на крымско-литовских рубежах. Ю. М. Юргинис рассматривает также трактат М. Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян». В близкой по теме статье Е. Охманьский высказывает предположение о том, что автором этого трактата был не М. Тышкевич, а В. Николаевич, секретарь литовской канцелярии при Сигизмунде I и Сигизмунде Августе.

Политические контакты между восточноевропейскими государствами в первой четверти XVI в. затрагиваются в статье М. Е. Бычковой. Одной из попыток создания антитурецкой коалиции в Восточной Европе XVI в. посвящена работа Б. Н. Флори.

В сборнике уделяется внимание и международной жизни региона с конца XVI в. до 40-х годов XVII в., характеризовавшейся, как известно, торжеством контрреформации в Европе вообще и в Польше в частности, резким усилением Речи Посполитой и одновременной активизацией антипольской политики Турции и Крыма.

Исследование В. Серчика сосредоточивает внимание на проблеме взаимоотношений Речи Посполитой с казачеством в первой трети XVII в. Автор раскрывает сложный характер поднепровского казачества как социально-по-

литического явления, отмечая при этом две тенденции дальнейшего развития взаимоотношений казачества с правящим классом Польши: с одной стороны, сращивание верхов казачества с польской шляхтой, с другой — самозащиту широких слоев казачества.

Рассматривая в своей работе исторические судьбы армянских колоний в западнорусских, украинских городах феодальной Польши XVI в.— первой половины XVII в., Д. О. Галустян устанавливает два этапа их культурно-правового развития на протяжении указанного времени: если в XVI в. не только сохранялась, но и утверждалась правовая и культурная автономия армянских поселений в городах Польши, то уже в первой половине XVII в., в условиях торжества контрреформации постепенно пропадала правовая и культурная обособленность армянских колоний, происходило их окатоличивание, а вместе с тем и «сращивание» верхов армянской общины с польским феодальным сословием.

Работа В. Хензеля не только рисует картину разорительных набегов турок и татар на «окраинные» территории Речи Посполитой, но и раскрывает важное экономическое значение «польского» ясыря для Крымского ханства и Турции, устанавливая при этом прямую зависимость масштабов ясыря от усиления или ослабления военно-политической активности Бахчисарая и Стамбула в отношении Речи Посполитой в данный период.

Работа В. А. Александрова касается организации в конце XVI — начале XVII в. обороны южных рубежей Русского государства, которое сотрудничало с казачеством на Дону, строило новые города-крепости, создавало систему сплошных оборонительных линий — Тульской, Белгородской и Изюмской.

Ряд статей сборника посвящен переломной эпохе 40—50-х годов XVII в. в политической жизни Восточной Европы, когда сначала восстановилось равновесие между Речью Посполитой и Россией, а потом наметилось усиление последней в связи с историческим актом Переяславской рады 1654 г.

Статья Л. В. Заборовского рассматривает судьбу возникшего в середине 40-х годов XVII в. проекта польско-русского союза, направленного против Крыма и Турции, характеризует развитие московско-крымских и польско-крымских отношений на рубеже 40—50-х годов. Работа

проф. Я. Тазбира раскрывает роль протестантов в политических контактах Польши и Трансильвании в середине XVII в., подтверждает наличие тесной взаимосвязи между политической жизнью и идеологической борьбой того времени в указанных странах.

В статье И. Б. Грекова на основании данных турецкого автора XVII в. Э. Челеби выявляется характер политики Турции и Крыма в Восточной Европе, раскрывается стратегия и тактика их сотрудничества в данном регионе на протяжении XVI—XVII вв.

Важный аспект внутриполитической и международной жизни Русского государства 40-х годов XVII в., в частности деятельности земского собора 1642 г., рассматривает в своем исследовании акад. Л. В. Черепнин. В работе выявляется тесная связь собора 1642 г. с актуальными задачами русского правительства на международной арене, вскрывается «механизм» взаимодействия внутриполитических и международных факторов в деятельности правящих верхов Русского государства.

В сборнике рассмотрены некоторые важные тенденции международной жизни Восточной Европы и Причерноморья второй половины XVII в., ознаменованные как дальнейшим усилением крымско-турецкой активности, так и более согласованными, чем в предшествующий период, действиями России и Польши против крымско-турецкой агрессии, что нашло отражение в Андрусовском перемирии 1667 г. и в «Вечном мире» 1686 г.

Так, в статье И. В. Галактионова раскрывается значение Андрусовского перемирия в международной жизни Восточной Европы 1667 г.; работа Г. А. Санина дает анализ русско-польских переговоров 1667—1672 гг., предусматривавших создание общего фронта борьбы против крымско-турецкой экспансии. В статье Е. В. Чистяковой прослеживается становление концепции русско-польского союза против Крыма и Турции в «сочинениях» А. Л. Ордина-Нащокина, Ю. Крижанича, И. Гизеля, А. И. Лызлова.

Уделяется внимание и положению придунайских княжеств на том этапе развития международных отношений данного региона, когда все более определенно вставал вопрос об утрате Османской империей контроля над этими странами. Так, статьи Е. М. Руссева и Л. В. Власовой раскрывают борьбу между протурецкими и пропольскими тенденциями в идейно-политической жизни феодальной

Молдавии XVII в., статья П. В. Советова прослеживает возникновение различных проектов перестройки государственной структуры Молдавского княжества.

Значительное место в сборнике занимают труды, связанные с изучением роли Кавказа в международной жизни стран Причерноморья и Восточной Европы на протяжении XVI—XVII вв. Авторы статей по данным вопросам приходят к тому выводу, что в рассматриваемый период Кавказ, защищая себя от натиска Порты и Персии, играл роль барьера, затруднявшего продвижение турецких и иранских сил на север; в то же время государства Восточной и Центральной Европы, оказывая все более энергичное противодействие турецко-крымской агрессии, создавали тем самым благоприятную обстановку для борьбы кавказских народов за свое освобождение. Работа М. Х. Сванидзе выявляет место Грузии в международных отношениях Причерноморья и Восточной Европы первой половины XVII в., показывает ее сопротивление утверждению османской власти и продвижению турок на север, раскрывает сотрудничество Грузии с донским и запорожским казачеством, с Речью Посполитой и Россией.

Исследование польского историка Б. Барановского освещает вопросы взаимоотношений Польши и Кавказа в XVII — начале XVIII в. Отмечая наличие у тогдашних политиков Речи Посполитой значительного интереса к Кавказу как возможному союзнику в борьбе против крымско-турецкого натиска и существование довольно интенсивных торговых и культурных связей Польши с кавказскими народами, проф. Барановский показал в своей работе дипломатические и разведывательные акции Польши на Кавказе в это время.

Рассматриваются вопросы развития международных отношений региона в начале XVIII в., когда после победы под Полтавой наблюдается резкое ослабление антирусского лагеря, состоявшего из Швеции, Турции, Крыма, их союзников в Речи Посполитой, и создаются условия для установления сотрудничества крымско-турецкого политического комплекса с польско-саксонским государственным объединением. Отмеченные сдвиги в тогдашней международной жизни региона получили отражение в работе Ю. Геровского. Но если его исследование раскрывает настойчивое стремление Порты восстановить свои

пошатнувшиеся после Полтавы позиции в Восточной Европе, восстановить, между прочим, с помощью стимулирования антирусской политики Речи Посполитой и Саксонского дома, то работа Ж. А. Ананяна показывает, как в этих условиях Петербург старался не допустить дальнейшего усиления Турции за счет Ирана, добивался сохранения равновесия между Персией и Портой, а вместе с тем вольно или невольно создавал условия как для более интенсивного развертывания освободительного движения народов Закавказья, так и для утверждения своего политического влияния в этом регионе.

Таким образом, публикуемые в сборнике статьи раскрывают тесную связь между конкретным ходом международной жизни и утверждением или ослаблением некоторых важных тенденций восточноевропейского исторического процесса. Так, становится очевидным, что одна из стержневых его тенденций — тенденция восстановления этнически однородных государств, реализованная на древнепольских территориях еще в начале XIV в., на древнерусских землях оказалась «заблокированной» воздействием ряда факторов, в частности воздействием крымско-турецкой дипломатии, старавшейся тогда искусственно поддерживать нужное ей равновесие сил в данном регионе как путем поощрения роста Польши за счет западнорусских, украинских и белорусских земель, так и путем противодействия попыткам Москвы форсировать воссоединение всего восточнославянского населения. Материалы сборника фиксируют таким образом доминирование в данный период той тенденции, которая привела в ходе указанного выравнивания сил к созданию политической карты, не совпадавшей с этнической, к формированию двух больших многонациональных феодальных государств, соперничество которых усугублялось фактом «разделения» между ними восточного славянства, фактом вынужденного осуществления ими совершенно различных культурно-идеологических функций по отношению к восточнославянским землям. Таковы прослеживаемые в сборнике аспекты международной жизни региона, обусловливавшие во многом как сложение новой расстановки сил в Восточной Европе, так и создание новой ее политической структуры.

ПОЛЬСКО-ТУРЕЦКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В XVI В.

Л. Базылев

Турецкие и турецко-татарские проблемы или, говоря несколько иначе, отношения с Турцией и Крымом играют в истории Польши XVI и XVII вв. особую роль; ее можно даже назвать исключительной, хотя такое утверждение потребует краткого комментария. Прежде всего следует ясно определить хронологические рамки: польско-турецкие и польско-татарские отношения заметно оживляются уже в XV в., и даже несколько раньше, если принять во внимание участие поляков в Никопольском сражении 1396 г. Это сражение послужило плохим началом, ибо с тех пор история Польши, Турции и с середины XV в.— Крыма длительное время складывалась в плоскости весьма неприязненных отношений. Но серьезные вооруженные конфликты начались значительно позже. В XVI в. их еще не было, несмотря на множество чреватых неблагоприятными последствиями, иногда кровопролитных инцидентов и на многочисленные столкновения с крымскими татарами на юго-восточных окраинах Польского государства. Лишь XVII в. станет подлинным столетием войн, которые, правда, закончились после венского похода. И, пожалуй, можно принять формулировку, хотя и без какой-либо претензии на точность, что в истории Польши XVIII в. уже не было турецкой проблематики и татарской тоже, упоминание об этом было нужно лишь для общей картины.

Статья посвящена только XVI столетию, когда не было больших военных походов, но были часты дипломатические контакты. Может показаться, что в этом нет ничего удивительного. Польша поддерживала отношения, впрочем весьма разные, со многими европейскими странами, могла поддерживать их и с Турцией. Посольства отправлялись в Москву, Вену, Париж, Лондон, Рим, Венецию, Стокгольм, а также в другие столицы, послы могли ездить и в Константинополь. Было достаточно проблем, которые нужно было постоянно обсуждать, например уже упомянутые конфликты на юго-востоке, сложные вопро-

сы, касающиеся Молдавии, Валахии и Трансильвании, выборы королей в Польше, наконец, некоторые общеевропейские проблемы, требующие согласования позиций. Должно быть понятно и то (даже в случае недостаточно подробных материалов), что во время многих из проведенных в то время дипломатических переговоров стороны стремились найти способы преодоления конфликтных ситуаций и, быть может, даже не без успеха.

Однако долгие десятилетия дипломатических контактов дали немного, о чем ярко свидетельствуют войны XVII в.— тяжелые, разорительные и разрушительные, прежде всего для Речи Посполитой. Разрушения, приносимые этими войнами, были столь огромны, а человеческие жертвы — столь ужасающи, что их ни в коем случае не могли вознаградить самые большие победы; впрочем, крупнейшие из них были одержаны за пределами Польши и, пожалуй, единственный их результат — это несколько турецких экспонатов, которые мы можем увидеть сегодня в музейных собраниях Вавеля.

Из этого также довольно ясно следует, что в XVI в. польские короли проявили большую политическую мудрость, не позволяя вовлечь себя в длительные конфликты и стремясь искать решения дипломатическим путем. Два последних Ягеллона понимали, что в случае вооруженного столкновения с турецким могуществом над государством нависла бы огромная опасность, представители же тогдашнего шляхетского общества значительно слабее отдавали себе в этом отчет или вообще не понимали этого. По крайней мере все те его представители, которые умели хорошо писать, громко, без стеснения и упорно, в речах и печатном слове требовали войны. И не только войны: строились и более смелые планы — разгрома Турции и изгнания ее из Европы — задолго до того, когда эти вопросы могли прозвучать реальнее в большой политике некоторых европейских держав.

Еще во времена обоих Сигизмундов, т. е. до 1572 г., несколько реже, но все же раздавались голоса о том, чтобы сообразовывать намерения с силами, хотя были и существенные исключения. Наш писатель Станислав Ржеховский, автор весьма ценных и поныне вызывающих интерес политических трактатов выступил еще во времена Сигизмунда Старого с двумя речами (написанными полатыни в 1543—1544 гг.), в которых со свойственной его

темпераменту резкостью потребовал организовать антитурецкий крестовый поход. Эти его знаменитые «Турцики» читались широко и за пределами Польши, быстро приобрели популярность, особенно ввиду того, что были написаны «с красноречием, достойным Цицерона».

Популярность этого труда не должна удивлять; в Европе издавна существовало несколько центров, из которых неустанно, хотя и с перерывами, раздавались такие же требования. Они часто имели место в бесстрастной дипломатической переписке, реже, зато пламеннее звучали в речах, произносимых, например, по разным случаям в середине XV в. францисканцем Яном Капистраном. Главными центрами антитурецких тенденций были, разумеется, Рим и Вена, частично Венеция. Запад Европы сохранял в этом отношении глубокое равнодушие. Папство всегда было против Турции, невзирая на интересы разных католических государств, создавало с помощью обещаний разные антитурецкие «лиги». Незачем добавлять, что католическая Польша, пожалуй, ближе всего принимала к сердцу призывы из Рима, а в «антитурецком» творчестве польских авторов религиозные побуждения играли немалую роль.

Представитель польской антитурецкой литературы XVI в. С. Оржеховский имел и предшественников, и последователей.

Их перечень открывает не поляк, но крепко вросший в польскую почву знаменитый Филипп Каллимах Буонакорзи, выдающийся гуманист, политик и поэт, политический советник короля Казимира Ягеллончика и воспитатель его сыновей. Каллимах скончался в 1496 г., так что его главные антитурецкие произведения были созданы еще в XV в.: это — речь, произнесенная перед папой Иннокентием VIII в 1486 г., и речь о короле Владиславе, или о разгроме под Варной [1]. Обе они были опубликованы в 1519—1524 гг. и имели реальное значение для формирования шляхетского мнения о турецких делах.

Польский дипломат мещанского происхождения Эразм Циолэк совершал путешествия в Рим и Аугсбург, где происходили сеймы германского рейха. Целью этих посольств как раз и был обмен мнениями по вопросам, связанным с Турцией, например по вопросу участия Польши в одном из планировавшихся «крестовых походов». Эти

тенденции Циолэк выразил в своих «Речах» («Orationes»), опубликованных в 1519 г.

В последующие годы выходили в свет произведения других авторов, однако уже не столь известных, пока, наконец, не выступил С. Оржеховский. Здесь будет уместно добавить, что польский перевод его первой «Турцики» вышел в свет еще в год ее издания по-латыни (1543), перевод второй — в 1590 г.

Упрочению антитурецких настроений способствовали в определенной степени и произведения других авторов, также и поэтические, например поэма Себастьяна Маршевского на латинском языке [2]. К числу этих авторов можно отнести также юриста Якуба Пшилуского (ум. 1554) и польского историка, первого специалиста по геральдике Бартоша Папроцкого (1543—1614). В год смерти Сигизмунда Августа (1572) была издана поэма Кшиштофа Варшевицкого (1543—1603) «Венеция». Уже в ней автор призывал к крестовому походу против Турции, да и в последующие годы он не изменил этих взглядов. Они ярко выражены в сборнике его речей, озаглавленных так же, как и речи Оржеховского («Turcicae quattuordecim»), и изданных в 1595 г. Несколько раньше (1592) был издан «Excytarz» Юзефа Верещинского (даты жизни неясны, ум. 1599), призывавший к священной войне с турками. Впрочем, это не единственный политический трактат названного автора, пропагандировавшего не только войну с турками и татарами, но также интенсивную колонизацию восточных окраин Польши, основание на Украине Военной академии и даже учреждение нового рыцарского ордена для защиты границ от татар и турок [3]. К великой войне с Турцией призывал ксендз Петр Грабовский (ум. 1625) в брошюре «Мнение коронного сына о пяти вещах, Речи Посполитой Польской принадлежащих» (1595). Этих примеров вполне достаточно для того, чтобы воссоздать атмосферу, в которую было погружено польское шляхетское общество в XVI в. И наряду с этим на протяжении целого столетия политические руководители Польши и Турции вели друг с другом переговоры и подписывали разные договоры.

Дипломатические связи между Польшей и Турцией XVI в. начались буквально в первом году столетия. В 1501 г. в Кракове было заключено с послами султана Баязида II перемирие сроком на пять лет; этот договор

положил начало ряду других, идущих по политической линии, которую без притязаний на особую точность можно назвать политикой дружбы. Вот почему, по крайней мере в старой литературе, эта линия высоко оценивалась, а один из польских авторов сто лет назад с гордостью отметил: «Вот каким было тогда уважение Османов к Речи Посполитой Ягеллонской» [4].

Однако только ли из уважения турки согласились заключить перемирие с Польшей — этот вопрос можно еще долго обсуждать. Если принять во внимание весь комплекс материалов, трудно не поддаться мысли, что историки прошлого времени, хотя и проводили исследования с помощью весьма несовершенных методов, пользуясь гораздо более скромной, чем сегодня, научной лабораторией, все же неплохо вникали в историческую действительность прошлого и формулировали выводы, и ныне поражающие своей логичностью. Речь идет не только об «уважении», но и о гораздо более серьезных выводах, например: «...в Польше и в Венгрии раньше всего созрела мысль о том, что следует считать турок... соседями, и если нет надежды изгнать их из Европы... то следует оградиться от них прочным миром». Этот же автор пишет о несколько более поздних временах: «Поляки не вмешиваются в битвы с Турцией, разве что частным образом, без ведома короля, выступая на австрийской стороне...» [5]. В этом отразились тогдашние отношения, правда, в общем виде, а весь поток антитурецкой литературы в Польше вовсе этому не противоречит. Он лишь свидетельствует о том, что не все умели надлежащим образом взвесить различия между добром и злом, между выгодой и ущербом, безопасностью и возможностью более свободного развития и опасностью. Однако если шляхта была проникнута довольно агрессивными настроениями, то следовало бы ответить на вопрос, почему на то же самое не имели охоты короли, которые как бы то ни было были выразителями интересов и этого сословия. Они, действительно, может и не имели охоты, однако не всегда.

Польская научная литература, посвященная польско-турецким проблемам, не особенно богата. В ней совсем нет работ комплексного типа, зато имеется несколько старых работ, например цитированная выше книга Бартошевича, носящая, впрочем, популярный характер. В тридцатые годы появилось много важных, хотя и посвя-

щенных частным вопросам, исследований Януша Паевского, и это собственно — все, по крайней мере о XVI в. Некоторые детали можно еще обнаружить в изданиях типа компендиев или монографий, посвященных каким-либо близким проблемам, например польско-венгерским отношениям или походам польских магнатов в Молдавию.

Но вот написанная польским историком Яном Рейхманом и изданная недавно «История Турции» (1973) содержит такие, например, формулировки: «Польша поддерживала с Сулейманом вполне корректные отношения... Многочисленные дружеские письма Сулеймана I польским королям находятся в Главном архиве древних актов, например договор от 1533 г. В 1534 г. Сулейман занял пограничную крепость Бендеры (предложение, включенное без какой-либо связи с предыдущим и последующим.— *Л. Б.*). В 1553 г. был заключен новый союзный акт (от слова «союз».— *Л. Б.*) с Польшей» [6]. И без комментария видно, что эти предложения соединены совершенно случайно и не вносят ничего нового даже в самую общую картину тогдашних отношений. Несколько больший вес имеет упоминание о письме знаменитой султанши Роксоланы Сигизмунду Августу, отправленном после смерти его отца [7], но все же это слишком мелкая деталь.

Поддержание хотя бы и непрочных, но как можно более стабильных отношений требовало постоянной отправки посольств в обе стороны. Именно с этими посольствами связаны главным образом весь документальный материал (прежде всего эпистолярный) и сообщения самих послов, иногда кое-какие мемуары, ну и, разумеется, историографические источники (хроники), не говоря уже об архивных материалах, от которых, надо заметить, осталось после второй мировой войны очень мало; можно назвать также разные печатные сборники. Наибольшее значение имеет, безусловно, богатое собрание документов, содержание которых связано с деятельностью одного из виднейших политиков первой половины XVI в. Петра Томицкого. Мы располагаем несколькими томами этого собрания («Acta Tomiciana»), издаваемого, кстати говоря, уже более 120 лет; в них содержится много отрывочных сведений, касающихся отношений с Турцией. Поэтому нелегко приступить к комплексным исследованиям в этом направлении, никто до сих пор и не занялся этим

всерьез, и поныне невозможно составить полный, удовлетворительный в научном отношении перечень самих посольств.

Однако на основании того, что нам известно, мы можем, не опасаясь сильно ошибиться, утверждать, что польские послы (разумеется, разного ранга) отправлялись в XVI в. в Константинополь, по крайней мере, около 50 раз. А ведь и турецкие чауши прибывали в Варшаву, и кто знает, не так же ли часто. Таким образом, даже сами количественные категории дают довольно убедительные аргументы.

Послы ездили с различными инструкциями. Чаще всего речь шла о договорах и соглашениях, заключаемых, продлеваемых, возобновляемых, укрепляемых. Были вопросы, связанные с пограничными инцидентами, зачастую, впрочем, речь шла о более серьезных событиях — о татарских набегах на Польшу, а с другой стороны,— о походах поляков в Молдавию и Валахию. Были также вопросы, связанные с избранием польских королей, прежде всего в 1573 и 1575 гг. Иногда посольства отправлялись для участия в различных торжествах. В большинстве это были, можно сказать, мирные вопросы. И, наконец, в сообщениях некоторых посольств вообще почти нет ничего конкретного, если не считать отдельных описаний. Трудно иначе оценить такое, например, предложение из сообщения Эразма Отвиновского (1526—1614), который ездил в Константинополь в 1557 г.: «На этом костеле (св. Софии) купол столь велик, что подобного ему не мог построить ни один турецкий император» [8].

В истории тогдашних польско-венгерских отношений особую роль играла также венгерская проблема. С 1516 г., когда умер венгерский король Уласло II Ягеллончик, особенно часто велись переговоры о дальнейших перемириях и договорах (как я уже отметил, они неустанно продлевались и возобновлялись) между Турцией, с одной стороны, и Венгрией либо Венгрией и Польшей — с другой. Турецкие послы приезжали в Буду и разные города в Польше и Литве в зависимости от того, где в данный момент пребывал король Сигизмунд Старый, который, разумеется, тоже посылал своих послов в Константинополь. Однако все эти действия носили ограниченный характер, главным образом потому, что более или менее искренние намерения последовательно и ожесточенно

осуждались папой римским и императором. Именно тогда они сильнее всего нажимали на то, чтобы христианские монархи воздерживались от договоров с Турцией [9].

Рим предпринимал и другие акции. Был подготовлен, например, довольно подробный материал о необходимости наступательных действий против турок с учетом будущего предводительства (которое должны были осуществлять император и французский король), финансовых расходов, прекращения, по крайней мере временного, споров между монархами. После ознакомлений с этим материалом получившие его стали посылать в Рим ответы и мнения, обычно уклончивые и увертливые. Пожалуй, такой же была позиция и польского короля, который, хотя и давал какие-то обещания, но ставил активное участие Польши в этой акции в зависимость от многочисленных условий, которые не могли быть выполнены. Это было в 1518 г. Два года спустя умер султан Селим и на турецкий трон вступил Сулейман, предпринявший в скором времени большой поход на Венгрию.

Христианский мир снова пришел в движение, снова как будто усилились военные настроения, даже в Польше, ибо король Венгрии Лайош II Ягеллон, над которым нависла угроза, был родственником (племянником) Сигизмунда Старого. Позиция Сигизмунда не была столь последовательно направлена против Турции, гораздо чаще польский король советовал Лайошу уладить конфликт с Турцией мирным путем, а в 1525 г. отправил даже собственного посла (Станислава Одровонжа) в Турцию для ускорения успешного завершения этих переговоров. Однако посольство Одровонжа добилось лишь половинчатого результата, выгодного для Польши, ибо было заключено трехлетнее перемирие; для Венгрии результат был неблагоприятным, ибо турки отказались вести с польским послом переговоры на эту тему [10].

Невзирая на результаты этого посольства, отношения между Польшей и Турцией в последние годы становились более тесными. Когда в 1531 г. поляки нанесли под Обертыном поражение воеводе Петру Рарешу, они не пошли дальше на Молдавию, чтобы избежать конфликта с Турцией [11]. А в 1532 г. польский посол Петр Опалинский получил в Константинополе акт вечного мира между Турцией, с одной стороны, и Польшей и Литвой — с другой. Положение не изменилось и в следующем деся-

тилетии. Напрасно император Фердинанд усиленно стремился в сороковые годы поссорить Польшу с Турцией. По-прежнему происходили разные инциденты, отношения несколько охладели после того, как Сигизмунд Август заключил брак с габсбургской принцессой Екатериной (1533 г.), сестрой своей первой жены Елизаветы. Однако разрыв отношений с Турцией не произошел. Большую роль сыграли в этом деле несколько умело проведенных посольств, одно из них (1547) даже вернулось с заключенным «Вечным миром» [12].

«Вечный мир» не был, разумеется, действительно вечным, его приходилось без конца возобновлять. В большей или меньшей степени это удавалось еще долго, например, Станиславу Тенчинскому (1554), Ежи Язловецкому (1564), Петру Зборовскому (1568). Переговорам препятствовали лишь некоторые сановники из юго-восточных воеводств, вмешивавшиеся на свой риск в молдавские дела, которые были одной из опаснейших преград на пути, ведущем к прочному урегулированию спорных вопросов с Турцией [13].

В 1552 г. Миколай Сенявский совершил поход в Молдавию, сделав там господарем Александра Лапушняну. Предшественник Александра, Стефан VI Рареш проявлял во время своего недолгого царствования покорность по отношению к Турции, что сильно беспокоило Австрию; почти наверняка по ее наущению Сенявский решился предпринять названный поход. По-видимому, у него были и свои собственные цели, однако о них нам не известно ничего конкретного. Несомненно то, что в Молдавии появился новый господарь и в результате польско-турецкие отношения временно обострились. Несомненно также то, что Сенявский отправился в Молдавию, будучи польским коронным гетманом, т. е. как вполне официальный сановник Речи Посполитой, а также то, что он использовал в своих целях отсутствие короля Сигизмунда Августа, который пребывал тогда в северных провинциях Польши.

Таким образом, в XVI в., т. е. в период, когда королевская власть в Польше была относительно сильной, столь ярко проявлялось своеволие магнатов. Но даже явное недовольство короля не помешало дальнейшей карьере Сенявского, который уже год спустя стал львовским воеводой, а в 1561 г.— великим коронным гетманом.

Несмотря на все эти трудности, Лапушняну сохранил власть господаря, его признала даже Турция, и конфликт был предотвращен. Однако спокойная атмосфера сохранялась недолго. В 1560 г. другой польский магнат отправился в поход на Молдавию; это был еще более отважный и своевольный, чем Сенявский, человек — Ольбрахт Лаский, тоже, впрочем, близко связанный с Габсбургами. Молодому, 24-летнему Ласкому захотелось посадить в Молдавии Якуба Гераклидеса — личность, не совсем для нас ясную, человека, у которого были притязания на эту страну, впрочем ничем не обоснованные. Поход оказался неудачным, но уже в 1561 г. был предпринят второй, и Гераклидес действительно стал господарем, хотя и ненадолго. На этом своевольные вылазки, отнюдь не способствовавшие укреплению отношений с Турцией, не прекратились. Но все же вооруженный конфликт не вспыхнул, ибо, это отнюдь не отвечало интересам официальной Польши, а Турция, которой правил могущественный Сулейман, удовлетворялась таким положением независимо от вспышек недовольства, вызываемого своевольными походами магнатов. Такую политику можно уверенно определить следующими словами: «...видно, немногого, кроме нейтральности, он (Сулейман.— *Л. Б.*) требовал от Польши, если даже в Молдавии терпел на протяжении всего своего царствования авантюрное вмешательство неофициальной, магнатской польской политики» [14].

Несмотря на то что описанные походы предпринимались без согласия короля, несмотря на то что, например, после вылазки Сенявского король приказал ему немедленно вернуться, трудно было бы сказать, что Речь Посполитая совсем отказалась от власти над Молдавией. Польша иногда даже получала верноподданические акты от господарей, но власти Польши над Молдавией никогда не признавал император (что в тогдашнем соотношении сил было менее важным) и принципиально не признавала Турция. Некоторые польские послы более или менее деликатно пытались получить в Константинополе согласие на включение Молдавии в орбиту польского политического влияния, но такое согласие нельзя было получить. Не получил его и Петр Зборовский в своей миссии в 1568 г. Может быть, ему удалось бы добиться и еще чего-нибудь, но как раз во время переговоров пришло известие о том, что поляки (в частности, Ольбрахт Лаский)

разорили Очаков [15]. Так что в польско-турецких отношениях постоянно переплетались положительные и отрицательные моменты, но первые всегда брали верх. Польша вступила в период выборных королей под знаком хороших отношений с Турцией [16].

И когда после смерти Сигизмунда Августа элекция нового короля впервые за двести лет стала для Польши чрезвычайно трудной проблемой, Константинополь проявил к этому огромный интерес. Преобладает мнение, что главным желанием великого турецкого визиря Мехмет-паши Соколлу было прежде всего то, чтобы польская корона не досталась никому из представителей Габсбургского дома. По этой причине Соколлу поддерживал кандидатуру Генриха Валуа, «ибо это уменьшало шансы австрийского кандидата» [17]. Главный турецкий посол прибыл на выборы короля в 1573 г., спустя два дня после избрания Генриха, так что привезенные им письма с рекомендацией избрать поляка утратили актуальность и опоздавшему дипломату пришлось удовлетвориться заявлением со стороны поляков, что новый король выше всего ставит дружбу с Турцией. Так или иначе, снова не было повода для конфликта, а из богатой в тот период дипломатической переписки можно мимоходом выделить любопытную деталь. В одном из писем в Польшу в конце 1572 г. султан Селим II вспоминает Сигизмунда Старого, который «искренне и в подлинной любви жил с нами» [18].

Прошло два года, и снова появилось много поводов для переписки и обмена посольствами: после бегства Генриха перед Польшей опять возникла проблема избрания короля. Понятно, что французский претендент уже не мог приниматься во внимание, а кандидатура кого-нибудь из Габсбургской династии (их было несколько) не перестала быть актуальной и по-прежнему ассоциировалась у Турции с опасными перспективами. По-видимому, еще более опасной считался в Константинополе проект возведения на польский трон Ивана Грозного или его сына Федора [19]. Известно, что в Речи Посполитой (вернее, в Литве) были сторонники такого решения вопроса, однако этот проект был утопией и не имел шансов на осуществление. Встречающиеся иногда в литературе обратные суждения основаны на некритическом толковании некоторых источников.

Отношения между Турцией и Трансильванией в это время складывались так, что Турция быстро и довольно охотно поддержала кандидатуру Стефана Батория [20], у которого в Трансильвании была сильная оппозиция и которого всегда можно было бы шантажировать ею. Правда, турецкий посол назвал его вовсе не первым, когда выступал с речью перед польским сенатом в сентябре 1574 г. В уклончивом ответе сенаторов фигурировала фраза о «древней дружбе с властителями турок».

В конце этого же года в Стамбул прибыл, тоже не в первый раз, польский посол Анджей Тарановский. В свои предыдущие поездки он не добился особых успехов, да и в этой последней ему не очень-то повезло: он приехал в период, когда умер султан Селим II, а власть перешла к Мураду III.

Пребывание Тарановского при султанском дворе затянулось, а переговоры, хотя и велись многократно, не дали никаких результатов. Он выехал из Стамбула лишь в марте 1575 г. Можно предположить, что последняя фаза отношений с Турцией в XVI в. начиналась, так сказать, благоприятно.

Однако в последние годы своего царствования Баторий все чаще подумывал о большой войне с Турцией. Бывший трансильванский князь, он был убежден, что вечный мир в его родной Трансильвании наступит лишь тогда, когда будет разгромлена Турция. Его несколько обнадеживали победы над Иваном IV, хотя последний псковский поход не дал ожидаемых результатов. Разгромить Турцию можно было (по крайней мере по идее), лишь заключив большую коалицию, о которой, впрочем, в то время снова начали поговаривать, разумеется, главным образом в Риме. Все это были, однако, утопии, между прочим, вследствие неоднозначной позиции императора; столь же безосновательными были надежды, возлагаемые на Испанию, однако Баторий не отдавал себе отчета в утопичности этих намерений. Но прежде, чем коалиция была создана, Польша стала перед необходимостью избрания нового короля, и уже неизвестно, в который раз угроза вооруженного конфликта с Турцией снова отодвинулась.

Польско-турецкие переговоры в период выборов короля в 1587 г. не вносят уже почти ничего нового в развитие отношений между обоими государствами. Ну конечно

же, в Варшаву прибыло турецкое посольство, поляков снова подговаривали избрать на трон кого-нибудь из своей среды или же трансильванского князя, которым в то время был капризный и безрассудный Сигизмунд Баторий, снова давали понять, что избрание королем неприятеля Турции приведет к войне. Были и другие формы нажима, например концентрация турецких войск у границ Речи Посполитой.

У поляков в 1587 г. были два претендента: Максимилиан Австрийский и Сигизмунд Ваза. Поскольку в этом соперничестве победителем вышел Сигизмунд, сын шведского короля, которого турки частично поддерживали уже во время его первых выборов, причины возможного конфликта отпали. В Польше воцарилась новая династия, с Турцией был сохранен мир. Сразу же после коронации Сигизмунд отправил в Константинополь Анджея Фредро с заверениями в дружбе и заявлением, что вскоре прибудет «большое посольство» из Польши и уладит все окончательно и торжественно [21].

Однако не только по этой причине на горизонте взаимных отношений начали собираться тяжелые и действительно грозные тучи. Главным было довольно многостороннее сближение с Габсбургским домом Сигизмунда III Вазы, который в своей политике явно отдавал предпочтение австрийской ориентировке. Усилились также набеги казаков на Крым и татар — на Подолье. Так бывало и прежде, однако всегда удавалось как-то наладить отношения; на этот раз дело было гораздо труднее, главным образом из-за позиции тогдашнего визиря, весьма воинственного Синан-паши.

Еще молодой великий визирь (род. 1546) начал в 1576 г. длительную (12 лет), дорогостоящую и очень изнурительную войну с Персией, он считал, что лишь какие-нибудь новые большие победы смогут восстановить его сильно подорванный авторитет, и это в не малой степени укрепляло его воинственные настроения [22]. Таким образом, 1589—1590 гг. были трудными. Небольшие посольства постоянно курсировали между Варшавой и Стамбулом, не давая почти никаких результатов. Синан-паша постоянно грозил войной и требовал возмещения за казацкие набеги. Перемирие было возобновлено лишь в 1591 г. Поляки свалили всю вину за казацкие набеги на императора, и султан Мурад III сделал, наконец, вид, что

принимает это к сведению; правда, в заключенном договоре было отмечено, что правитель Турции соглашается на возобновление перемирия «из врожденного милосердия» [23].

Эту формулировку мы можем со спокойной совестью считать проявлением восточного стиля и не удивляться ей. Удивление вызывает тот факт, что несмотря на то, что «casus belli» столько раз возникал в отношениях между обоими государствами, в XVI в. война так и не вспыхнула. Войну в те годы все же удалось предотвратить, хотя и не без труда. Аналогичное положение повторилось несколько лет спустя.

В 1595 г. великий коронный гетман Ян Замойский двинулся в поход на Молдавию.

События, предшествовавшие этому походу, с точки зрения польско-турецких отношений чрезвычайно характерны. Несколько ранее, в 1594 г., неизвестно уж в который раз были предприняты попытки сколотить антитурецкую коалицию, из которых ничего не получилось. В тот момент, быть может, впервые всерьез Польша была готова присоединиться к такой коалиции, что положило бы конец продолжительным мирным отношениям с Турцией. Однако, несмотря на прогабсбургскую политическую ориентировку Польши, договоренность не была достигнута, ибо этому мешали противоречивые интересы Польши и империи. Польша требовала власти над Молдавией и Валахией, разумеется, в результате победной войны, а император Рудольф II не хотел и слышать об этом. Таким образом, концепция создания антитурецкой коалиции снова закончилась полным провалом, и Замойский приступил к военной операции в Молдавии, завершившейся победой. Господарь Стефан Розван вынужден был спасаться бегством, власть захватил — по милости Польши и Замойского — Иеремий Могила. В акцию вмешались татарские отряды, но побежденные Замойским в битве под Цедорой, они были вынуждены отступить.

Султанский двор снес и это и даже утвердил Могилу господарем. Удивительная вещь: не Турция, а Рим выступил тогда против Польши, причем исключительно резко, вовсе не считаясь с тем, что Польша была бы весьма желательным партнером в возможной антитурецкой лиге. Интересы императорского двора были превыше всего [24].

Спустя пять лет Могиле пришлось бежать из своей столицы Сучавы, захваченной валашским господарем

Михаем Храбрым. Тогда Замойский снова вмешался в события, польские войска опять заняли Молдавию, и Могила возвратился в Сучаву. Третий раз вступить в Валахию, где у власти был поставлен брат Иеремии Шимон, Замойского заставили разные причины. Эти события еще не вызвали конфликта с Турцией. Он возник лишь в 1620 г., когда султан Осман II написал польскому королю: «Не надейся больше на нашу дружбу...» [25]. Но это было уже в XVII в.

Систематизация событий, связанных с государственными контактами между Польшей и Турцией в XVI в., и их объективный анализ дают ясную картину, которая позволяет сделать главный вывод, формулируемый следующим образом: на протяжении всего XVI в. государственным интересам Польши никогда не отвечал вооруженный конфликт с Турцией и именно в таком направлении действовали руководители польской внешней политики. Несмотря на колебания и кажущиеся отклонения, эта деятельность проводилась последовательно, а отклонения возникали главным образом по двум причинам. Первая из них — почти непрерывно проявлявшиеся в политике Рима и Вены тенденции к организации антитурецкого «крестового похода», причем они всегда пытались втянуть в него и Польшу; расстановка международных сил не давала польским королям возможности занимать по этому вопросу резко отрицательную позицию, и поэтому им часто приходилось лавировать и искать разные косвенные и временные решения. Вторая причина, или группа причин, носила религиозный характер, и даже религиозно-политический. Польша была католическим государством, и идея войны с «язычниками» в определенной степени отвечала шляхетскому обществу, что, между прочим, отражается в богатой политической антитурецкой литературе; политический аспект этой группы причин — частые и очень изнурительные татарские набеги, которые (что вполне понятно) вызывали в Польше большое раздражение и желание отплатить, что нередко и приводило к ответным набегам.

Но, несмотря на это, даже противники Турции, когда это было необходимо, умели правильно понять, в чем заключаются жизненно важные интересы Польши. Это сумел сделать даже самый ожесточенный (в теории и концепциях) враг Турции — Станислав Оржеховский.

Оценивая царствование Сигизмунда I, он сказал, в частности: «[Сигизмунд] заключил перемирие с Сулейманом... Что же еще ему оставалось делать? Он был один. Никто не шел ему на помощь. Ниоткуда не было надежды. Он знал, что королевству грозит опасность постоянных турецких войн. Кто же, спрашиваю, посмеет делать Сигизмунду какие-либо упреки по поводу заключения этого перемирия?..» [26].

Давая совсем уж общую оценку, можно пойти еще дальше. Состояние мирного сосуществования с Турцией было выгодно для Польши, однако польза была бы еще большей, если бы взаимные отношения между обоими государствами были теснее. Но путь, ведущий к этому, был очень трудным, что показывают дальнейшие события XVII в.

---

[1] Ad Innocentium VIII de bello Turcis inferendo oratio; Historia de rege Vladislao seu clade Varnensi.

[2] Ad equites Polons de bello Turcis inferendo carmen paraeneticum.

[3] *Bazylow L.* Rosja w polsko-łacińskiej literaturze politycznej XVI wieku.— Slavia Orientalis (Warszawa), 1974, R. XXIII, N I, s. 13.

[4] *Bartoszewicz J.* Pogląd na stosunki Polski z Turcją i Tatarami. Warszawa, 1859, s. 52.

[5] Ibid., s. 53.

[6] *Reychman J.* Historia Turcji. Wrocław, 1973, s. 70.

[7] Ibid., s. 81, 87.

[8] Podróże i poselstwa polskie do Turcji, a mianowicie: Podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Taranowskiego komornika j.k.m. 1569, i poselstwo Piotra Zborowskiego 1586. Kraków, 1860, s. 13. В содержащемся там сообщении Отвиновского, а также Тарановского, который возвращался в Польшу через Килию, Белград на Днестре, Очаков, Азов и Астрахань, нет ни слова о политике.

[9] *Pajewski J.* Stosunki polsko-węgierskie i niebezpieczeństwo tureckie w latach 1516—1526. Warszawa, 1930, s. 18.

[10] Ibid., s. 47.

[11] *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów. Dzieje polityczne. Lwów, 1936, s. 229.

[12] Ibid., s. 264.

[13] Ibid., s. 282. Разумеется, в годы царствования Сигизмунда Августа посольств было больше; еще раньше послом был Язловецкий. Названы лишь особенно важные.

[14] *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1936, t. I, 1506—1548, s. 876.

[15] *Pajewski J.* Legacji Piotra Zborowskiego do Turcji w 1568 r. Materiały do historii stosunków polsko-tureckich za panowania Zygmunta Augusta. Lwów, 1936, s. 53.

[16] «...Ягеллонский период заканчивался гармоническим состоянием польско-турецких отношений. В те годы даже появлялась мысль

о положительном союзе с Турцией...» (*Kolankowski L.* Polska Jagiellonów, s. 289).

[17] *Pajewski J.* Turcja wobec elekcji Walezego. Kraków, 1933, s. 12.

[18] Ibid., s. 13.

[19] *Pajewski J.* Turcja wobec elekcji Batorego. Kraków, 1935, s. 8.

[20] Ibid., s. 15.

[21] *Sas J.* Stosunki polsko-tureckie w pierwszych latach Zygmunta III.— Przegląd Powszechny (Kraków), 1897, R. XIV, t. 55, z. 7, s. 120.

[22] *Bazylow L.* Siedmiogród a Polska 1576—1613. Warszawa, 1967, s. 60.

[23] *Sas J.* Stosunki..., z. 8, p. 234.

[24] *Bazylow L.* Siedmiogród a Polska..., s. 85.

[25] См.: *Konopczyński W.* Dzieje..., s. 257.

[26] *Orzechowski St.* Wybór pism. Wrocław, 1972, s. 72.

ИСТОРИЯ НА СЛУЖБЕ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XV И XVI В.

А. Гейштор

В последние годы польские историки не склонны проводить четкую грань между эпохами, условно называемыми средневековьем и новым временем. В частности, преемственность научной мысли позднего средневековья и раннего Возрождения склоняет к необходимости совокупной трактовки XV и XVI в., что не означает недооценки существенных различий между мировоззрением людей времени Владислава Ягеллы и последнего из его потомков на польском и литовском престолах [1].

В споре о месте Яна Длугоша, о его основной ориентации, о форме и содержании его историографического труда сегодня преобладает мнение, что он уже принадлежал к поколению историков, чьи взгляды отражали эталоны средневековья и содержали новые гуманистические тенденции. Нас особенно интересует в настоящей работе связь историка с основными политическими проблемами его времени, соответствующая традиции средневековой историографии, но пафос и способ выражения, близкий прагматизму гуманистов, ведет к тому, что в этом своем труде Длугош не только предвозвещает, но и открывает новую эпоху [2].

Достаточно ознакомиться с его известным описанием стран, входящих в состав тогдашней Польши или соседних с ней, чтобы увидеть, что почерпнутое из итальянских образцов требование сочетать историческое описание с географическим было успешно применено при анализе территориальной основы исторических событий. Открывающая «Историю Польши» Длугоша Хорография, составленная в 70-е годы XV в., т. е. на склоне жизни писателя, изумляет точностью гидрографического и физиографического описания, психосоциальной характеристики населения, а также широтой кругозора, выходящего за пределы Польши. Автору очень хорошо известны земли ее юго-восточных соседей. Как и над другими его современниками, над ним тяготел балласт ученой традиции,

которую никак нельзя не учитывать. Отсюда его изображение Черноморского побережья — еще одна деталь картины Европы, которую представляли себе историки от Геродота вплоть до Исидора Севильского. Но эта картина по возможности обновлена. Видно, что автор считает древнюю историю началом стран, известных ему под современными названиями. Византия или Константинополь, который «лежит в Европе», Русь, Польша, Паннония-Венгрия, Болгария. Он знает Днестр под тюрко-татарским названием Турло и более десятка его притоков (с незначительными ошибками). Он знает детально бассейн Днепра, и, несмотря на некоторые неточности, видно, что и тут Длугош использовал данные сведущих лиц, особенно при описании Каменца и Киева [3].

Наконец, продолжение его труда, особенно в части, посвященной XV в., дополняют топографические знания, имеющие в виду явно практические, политические и военные цели. Ориентация автора в области польско-татарских, польско-молдавских отношений и в турецком вопросе отражает состояние осведомленности польской канцелярии и дипломатии в период влияния Збигнева Олесницкого. После политического краха и смерти этого деятеля в 1453 г. сам Длугош вошел в состав королевской дипломатической службы и занимал в ней какое-то время пост человека, хорошо осведомленного главным образом о делах Ордена крестоносцев и о династической политике Казимира Ягеллончика. До конца своей жизни он сохранял связи с несколькими из доверенных лиц этой канцелярии. Это вводило историка в курс венгерских, а также турецких дел, с которыми, особенно начиная с 1474 г., были связаны молдавский и валашский вопросы. О стратегическом плане Стефана Великого 1475 г.— опираясь на Каменец, развернуть основные действия против турок на украинских и подольских землях — известны исключительно от Длугоша. Падение Кафы и даже планы объединения против персидского шаха Магомета II в союзе с Венецией нашли отражение в его трудах. Историк старательно зафиксировал многочисленные факты, самостоятельно их собирал: сообщение о падении Константинополя и описание происхождения турок имеют детали, восходящие к работам Энея Сильвио Пикколомини, но у Длугоша было еще письмо молдавского воеводы Александра польскому королю и неизвестные нам источ-

ники. Интересы Польского государства, понимание которых часто расходилось у Длугоша с официальной политикой, склоняли историка одобрять такие шаги короля, как непризнание требований папы, желавшего вовлечь Польшу в противотурецкую политику, что после варненского поражения 1444 г. не без оснований было в Польше непопулярно [4].

Проводившиеся исторические изыскания не оставляют сомнения в задачах, которые историк ставил перед своим трудом в области истории вообще и новейшей в особенности: показать в прошлом истоки действительности и одновременно накопить сведения, нужные для современной ему политики. По юго-восточному и черноморскому вопросам эти сведения пригодились в момент оживления турецкой проблемы, через несколько лет после смерти Длугоша.

К этим сведениям обратился и Филипп Буонакорзи Каллимах, когда собирал из разных источников нужные сведения по турецкому вопросу. Находясь сам на польской дипломатической службе, он был особенно к этому подготовлен: дважды ездил с посольством в Турцию, поэтому книжные сведения восполнял как очевидец. Как писатель он поднял тему борьбы с турецкой угрозой в произведении, в значительной мере следующем за Длугошем (Historia de rege Vladislao, 1485).

Тему союзов, берущих этого противника в окружение, он развил в De his que a Venetis tentata sunt Persis ac Tartaris contra Turcos movendis, тему непосредственных военных действий — в Oratio de bello Turcis inferendo (1490). Каллимах одним из первых (после Яна Остророга) сформулировал идею о долге Польши как защитницы всего христианского мира. Гибкость и реализм, гуманистические убеждения о переменах и закономерностях, вытекающих из природы вещей, хорошее перо при явной вторичности его исторической лаборатории — все это привело к тому, что в лице Каллимаха в историографии польских дел появился скорее прекрасный политический публицист, нежели историограф, кем он сам, очевидно, не хотел быть и, во всяком случае, не стал [5].

Иначе было с сознательным продолжателем труда Длугоша — краковским профессором Матвеем из Мехова. Его Chronica Polonorum (он писал ее с 1510 г., издал в 1519 и в 1521 гг.) в ранней части основана на истории

Длугоша. Меховский продолжает описание современности, пытаясь дать новый синтез отечественной истории, причем сейчас подтверждены стимулы и поощрения, поступавшие к нему из королевской канцелярии. Борец за единство славянства и его автохтонность, он сетовал, что турки овладели южными славянскими землями, гунны — Паннонией, этой «родной землей славян», досадовал, что Русь страдает от нападений турок и татар. Сочинение получило признание среди соотечественников и за рубежом [6].

Полнейший успех имело его следующее произведение — Трактат о двух Сарматиях (Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis, 1517). Это критическое по отношению к географической традиции сочинение стало, как отметил сам автор, открытием незнаемого мира на севере и востоке подобно открытиям португальских мореплавателей на юге. Двадцать изданий свидетельствуют о его популярности в XVI в. Непосредственное наблюдение как источник географического и этнографического описания, привлечение сведений по истории нашествий и переселений народов для объяснения актуального положения вещей (не без заблуждений и промахов), сосредоточение внимания на двух крупных державах — Оттоманской империи и Московском государстве, отстаивание европейского этногенеза славян и нерушимой автохтонности поляков, некоторые политические и публицистические акценты — вот самые существенные черты этой его геоистории, охватывающей народы Восточной Европы вплоть до крымских татар, абхазов и мингрелов. Historia res vera continere debet (История обязана содержать правдивые факты) было лозунгом этой книги, приближавшейся к действительности, как никакое из предыдущих сочинений. Рассказы людей, побывавших в описываемых странах, в частности военнопленных, позволили составить полезный путеводитель по странам, политическое значение которых в начале XVI в. росло в глазах руководителей польской и европейской политики [7].

Подобный, одновременно практический и познавательный характер выступает в сочинениях двух последователей Матвея Меховского — Юста Деция, историка современности, антиквара и генеалога династии, находившегося при дворе Сигизмунда Старого [8], а также достигшего более весомых результатов королевского секретаря Бер-

нарда Ваповского, который компилировал исторические сочинения предшественников, но как картограф стал автором собственного оригинального изображения черноморо-балтийского региона. Нанесенное на две карты, оно стало в значительной степени основой многих карт в европейской картографии XVI—XVII вв. Одна из его карт — Tabula Sarmatiae (1526) — охватывала территорию южной и центральной Польши, Венгрии и северной части Балканского полуострова, а кроме того, значительную часть Великого княжества Литовского, Крымского ханства, небольшой фрагмент Московии. Такая картографическая трактовка соответствовала воззрениям на вопросы политики, войны, а отчасти и торговли, устремленным из Кракова на юго-восток, сосредоточенным главным образом на турецких делах. Вторая карта Ваповского — Mappa in gua illustrantur ditiones Regni Poloniae et Magni Dukatus Lithuaniae (1528) — отражала точку зрения на северо-восток, на вопросы взаимоотношений с Московским государством [9].

Самый популярный в XVI и XVII вв. очерк истории Польши, сочиненный Мартином Кромером, также королевским секретарем и дипломатом, «О начале и деяниях польского народа» («De origine et rebus gestis Polonorum», 1555) соответствовал литературным вкусам эпохи, компилируя фактическую основу предшественников (только до 1506 г.) и учитывая достаточно широко политические события на юго-востоке. Кромер также объединял исторические события с интересовавшей его картиной мира. Его «Polonia sive de situ, moribus, magistratibus et republica Regni Polonici» (1575, 1577) является обстоятельным описанием, соответствующим карте коронных и литовско-русских земель и в незначительной степени соседних [10].

Королевский секретариат явился также приютом карьеры Яна Димитра Соликовского, занимавшегося событиями после смерти Сигизмунда Августа (с примесью автобиографического элемента) [11]. Подобную тему шире, чем его предшественник, поднял и разработал другой королевский придворный — Святослав Оржельский («Interregni Poloniae libri VIII»), заботясь, как и его предшественники, о документации современности [12]. Наиболее выдающимся представителем этой группы секретарей-дипломатов был, несомненно, Рейнгольд Гейденштейн,

кроме известного военного репортажа «De bello Moscovitico» (1584), он дал собственное изложение польской истории до 1572 г., которое отразило политические события эпохи вплоть до зарождения казачества и ранних распрей с ним, пограничной борьбы с татарами, трансильванские и валашские дела, отношения с Оттоманской Портой. Это был писатель, осознававший необходимость подтверждения рассказа свидетелей публичными документами. «Тогда,— писал он,— я имел под рукой все средства исследования правды, которые не всегда каждому бывают доступны в совокупности» [13].

Меньший полет характерен для исторических сочинений Кшиштофа Варшевицкого (из зажиточной мазовецкой семьи), составленных во время службы при дворе Стефана Батория, особенно для «Rerum Polonikalium libri XIII» (1589). Вернувшись из политической эмиграции, он с целью начать дипломатическую карьеру написал трактат «Turcicae quatuordecim» (1595), рассматривавший возможности противотурецкого союза стран, которым наиболее угрожала Порта [14].

Если добавить к названным еще два имени: Андрея Патриция Нидецкого, секретаря Сигизмунда Августа, Анны Ягеллонки и Стефана Батория, который занимался наряду с филологическими разысканиями современной историей [15], а также секретаря и библиотекаря последнего Ягеллона — Лукаша Гурницкого, автора написанной в 1597—1603 гг. на польском языке хроники «Деяния в Короне», то становится ясно, что мы имеем дело с определенной последовательной линией, проведение которой обеспечивалось как упомянутыми тут авторами, так и их покровителями. Их взаимоотношения не были лишены напряженности и терний, так что долг историка и его официальная оценка не всегда шли рука об руку [16].

Мы говорили о произведениях, опубликованных либо подготовленных к печати. Но историографию того времени нельзя полностью оценить, не учитывая труд по собиранию исторических источников. Такие канцлеры и королевские секретари, как Ян Ласки (1505), Мартин Кромер (1551), Ян Замойский (1567—1569), приложили много усилий, приводя в порядок Коронный архив в Кракове, где были созданы важные фонды в области интересующей нас тематики: молдавской, бессарабской, венгерской, татарской, турецкой [17]. Один из бывших сотрудников ко-

ронной канцелярии Станислав Гурский начиная с 1535 г. собрал списки нескольких тысяч документов с середины XV в. до времени Сигизмунда Августа. Свои папки он воспринимал как пособие для польских политиков, в настоящее время это одно из основных собраний источников по истории Польши и соседних стран XVI в.[18] Подобное начинание предпринял королевский секретарь Августин Ротундус Мелеский, чтобы по инициативе Сигизмунда Августа составить около 1551 г. не дошедшую до нас историю Литвы [19].

Наряду с этим интересом к далекому и близкому прошлому, который можно бы назвать дипломатически-политическим и связать с королевской канцелярией и ее отделом иностранных дел, в Польше уже было тогда другое течение. Его создала политическая публицистика шляхетских деятелей, осознающих весомость написанного и печатного слова. Связанное с оживлением политической деятельности средней шляхты, оно представлено полемистами и писателями из этого социального слоя.

Во главе его стоит несомненно талантливый писатель — Станислав Оржеховский (родом из-под Перемышля), неугомонное перо которого касалось многих тем и среди них — юго-восточных вопросов. Две его «Турцики» (1543—1544) — речи, ратующие за войну с Турцией, содержали историческую аргументацию, почерпнутую из сочинений польских историков, к числу которых примкнул и сам Оржеховский благодаря своему очерку о событиях четырех лет после смерти Сигизмунда Старого. Текущая история, рассказанная не без назидательной тенденции, отражает взгляды широких слоев шляхты на основные вопросы внутренней и внешней политики, часто отличные от взглядов придворной среды [20].

Сюда же следует также отнести менее талантливого историка — кальвиниста Станислава Сарницкого (родом из-под Хелма), автора Annales (1587) и Descriptio veteris et novae Poloniae (1585). Это еще одно доказательство того, что изображение времени и изображение пространства слагались в польском Возрождении как совокупное восприятие действительности [21].

Навстречу запросу на учебник польской истории вышел со своим пособием «Chronika sive historiae Polonicae» (1571) Ян Гербурт, саноцкий каштелян, отец Яна Шчесного Гербурта, издателя давних хронистов и совре-

менных ему историков, в молодые годы также королевского секретаря [22].

Иные хотя и различные, но всегда честолюбивые цели ставили перед собой три представителя средней, а скорее даже мелкой шляхты. Наиболее честолюбивым их замыслом было создание доступной отечественной истории на родном языке. Два первых — отец и сын Мартин и Иоахим Бельские (родом из-под Серадза), оба писатели-землевладельцы, деятельные в политической жизни, участники военных походов и авторы изданной Иоахимом в 1597 г. «Хроники польской», хроникальный характер которой не заслонял реального широкого воздействия ее как своеобразной «литературы факта», хотя и без проникновения в причинные связи фактов. Как первая шляхетская хроника это сочинение смотрит на мир не из королевского дворца, а из шляхетской усадьбы. Мартин Бельский был также автором «Воинского дела» («Sprawa Rycerska», 1569), посвященного истории и современному ему состоянию войска разных стран, где есть особые разделы о Московском государстве, Турции, Валахии и татарах, поощрения к войне с турками [23].

Последний из рассматриваемых писателей, но качественно первейший — Матвей Стрыйковский из Серадской земли, осевший в Литве, воин и член посольства в Порту, впечатления которого о ней утеряны, но в произведениях которого живо показано «тиранское турецкое ярмо» (O wolności Korony Polskiej i Wksięstwa Littewskiego, o srogim zniewoleniu inszych królestw, 1575). В споре с Гваньини об авторстве «Описания Сарматии» (Sarmatiae Europae descriptio), изданного Гваньини под своим именем, правота, вероятнее всего, была на стороне Стрыйковского, которого венецианец лишил литературной славы. Это был еще один актуализированный очерк географии и истории Польши, Литвы, Пруссии, Ливонии, Московии и Татарии. В 1611 г. в польском издании Гваньини расширил очерк добавлением, посвященным всей Европе и некоторым странам Ближнего Востока, но при этом вновь воспользовался не своим, а чужим пером — Мартина Пашковского. Главное произведение Стрыйковского «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (1582) широко освещала круг черноморских вопросов равным образом в связи с польскими и литовско-русскими событиями. По сути, и он — историк, проникающий

в древнейшие времена Восточной Европы, — полностью понимал необходимость знания новейшей истории. Он даже писал ее, но не опубликовал, опасаясь недоброжелательных критиков («мы не можем дать полного и свободного суждения, как только о давно минувших событиях»). Работа А. И. Рогова показала достоинства и замыслы автора, а также его большую популярность в России и на Украине в XVII в.[24]

Предшественники Стрыйковского, хотя бы оба Бельские и Павел Пясецкий (труд по всеобщей истории)[25], дождались быстрых переводов на русский язык, что объяснялось интересом к истории вообще и новейшей в особенности в кругах, близких к Посольскому приказу и царю. У Стрыйковского особенно интересными были сведения о России, Белоруссии, Литве, Украине, Турции и татарах.

В XV и XVI вв. возникла значительная по размерам и ценности историческая литература. Как писал Гейденштейн, «умение писать историю в надлежащем этому слову значении несказанно полезно в общественном человеческом бытие, оно труднее, нежели люди обычно полагают, и почти невыполнимо требовать его от человека, суетящегося по беспрерывным делам при дворе»[26]. Оказалось, однако, что люди двора — дипломаты и канцелярские чины наряду с людьми, деятельными на ниве общественной жизни в ее сословных формах,— более всего содействовали развитию истории. Обе эти категории историков жили проблемами своей эпохи и среди них — также крупными черноморскими проблемами. Их познанию они служили своим пером.

Мы используем их достижения в основном как источники политической истории той эпохи. Пришло время заняться их достижениями как свидетельством интеллектуальной культуры и осознания проблем истории и современности в умах эпохи, а также их влияния на своих современников и воздействия на политических деятелей Речи Посполитой в XVI и XVII вв.

---

[1] *Rybicki P.* Historia nauki polskiej. Wrocław, 1970, t. 1, s. 346; *Tymieniecki K.* Zarys driejów historiografii polskiej. Kraków, 1948, s. 20; *Olejnik K.* Problematyka militarna w historiografii polskiej.— In: Studia z dziejów polskiej historiografii wojskowej. Poznań, 1955, t. 1, s. 35.

[2] *Dąbrowski J.* Dawne dziejopisarstwo polskie (do roku 1480). Wrocław, 1964, s. 189; *Bobrzynski M., Smolka S.* Jan Dlugosz, jego życie i stanowisko w piśmiennictwie. Kraków, 1893; *Zarębski I.* Długosz a Poggio Bracciolini.— Rocznik Naukowo-Dydaktyczny WSP (Kraków), 1962, z. 14, Historia; *Koczerska M.* Mentalność Jana Długosza w świetle jego twórczości.— Studia Źródłoznawcze, 1971, t. 15. s. 109—140.

[3] Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae. Varsaviae, 1964, lib. I—II, p. 65; польский перевод: Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskeigo. Warszawa, 1961, ks. 1—2, s. 83; *Kornaus J.* J. Długosz. geograf Polski XV w.— Prace geograficzne, 1925, z. 1, s. 81.

[4] *Dąbrowski J., Gadęda St., Pieradzka K., Radziszewska J.* Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1445—1480. Wrocław, 1965, t. II, s. V.

[5] *Garbacik J.* Kallimach.— Polski Słownik Biograficzny. 1964—1965, t. XI, s. 493—499; Philippi Callimachi Historia de rege Vladislao. Varsaviae, 1961; *Ph. C.* De his gue a Venetis tentata sunt Persis ac Tartaris contra Turcos movendis. Varsaviae, 1962; см. также: *Sobociński W.* Problematyka polityczno-prawna twórczości Kallimacha.— Studia i materiały z dziejów nauki polskiej, 1954, t. 2, s. 109—152.

[6] Maciej z Miechowa. 1457—1523. Historyk, geograf, lekarz, organizator nauki. Wrocław, 1960; *Hajdukiewicz L.* Biblioteka Macieja z Miechowa 1457—1523. Wrocław, 1960; см. также: *Hajdukiewicz L.* Maciej z Miechowa.— Polski Słownik biograficzny, 1974, t. XIX; *Ulewicz T.* Sarmacja.— In: Studium z dziejów problematyki słowiańskiej. Kraków, 1950.

[7] *Maciej z Miechowa.* Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej. Wrocław, 1972.

[8] De Vetustatibus Polonorum; De Jagellonum familia; De Sigismundi regis temporibus, 1521; Sendbrieff von der grossen Schlacht, 1527. О победе Константина Острогского над татарами 27 января 1527 г. на р. Ольшанице см.: *Iodocus Lodovicus Decius.* Księga o czasach króla Zygmunta. Warszawa, 1960; *Pociecha Wł.* Decjusz Jost.— Polski Słownik Biograficzny, 1939—1946, t. V, s. 42—45; *Buczek K.* Maciej Miechowita i pisma historyczne J. L. Decjusza.— Małopolskie studia historyczne, 1958, t. I, s. 4—21.

[9] De bello a Sigismundo I rege Poloniae contra Moscos gesto anno 1508.— Scriptores Rerum Polonikarum, 1894, t. 15, s. 153—163; Kronika Bernarda Wapowskiego (1480—1535).— Scriptóres Rerum Polonikarum, 1874, t. 2; *Lukas S.* Rozbiór podługoszowej czesci kroniki Bernarda Wapowskiego.— Rozprawy Wydzialu Hist.-filoz. AU, 1879—1880, t. 10—12; *Grygiel S.* Próba rekonstrukcji zaginionej części kroniki Bernarda Wapowskiego.— Studia Źródłoznawcze, 1964, t. 9, s. 105—116; *Bieńkowska B.* Nad kroniką Bernarda Wapowskiego.— Studia Źródłoznawcze, 1966, t. 11, s. 111—126; *Buczek K.* Dzieje kartografii polskiej od XV do XVIII w. Wrocław, 1963, s. 22—37.

[10] *Finkel L.* Marcin Kromer historyk polski XVI w.— Rozprawy Wydzialu Hist.-filoz. AU, 1883, t. 16, s. 302—508; *Barycz H.* Dwie syntezy dziejów narodowych przed sądem potomności. Losy historii Jana Długosza i Marcina Kromera w XVI i perwszej połowie XVII w.—

Pamiętnik Literacki, 1952, t. 43/1—2, s. 194—251; *Barycz H.* Kromer.— Polski Słownik biograficzny, 1970, t. XV, s. 319—324.

[11] Commentarius brevis rerum Polonicarum a morte Sigismundi Augusti (1582, 1647).

[12] *Orzelski S.* Bezkrólewie ksiąg ośmioro.— Skriptores Rerum Polonicarum, 1917, t. 22.

[13] Rerum Polonikarum ac excessu Sigismundi Augusti libri XII (1672). Pb., 1857, t. I—II; *Barycz H.* Spojrzenia w przeszłość polsko-włoską. Wrocław, 1965, s. 257—266; *Kosowski B.* Heidenstein.— Polski Słownik Biograficzny, 1960—1961, t. IX, s. 342—344; *Heidenstein R.* Cancellarius. Wrocław, 1960.

[14] *Wierzbowski T. K.* Warszewicki 1543—1603 i jego dzieła. Warszawa, 1887; *Boczek B.* Krzysztofa Warszewickiego nauka o państwie i dyplomacji.— Studia i materiały z dziejów nauki polskiej, 1975, t. 5, s. 181—199.

[15] *Morawski K.* Andrzej Patrycy Nidecki, jego życie i dzieło. Kraków, 1892. Сохранились его произведения: Commentarii de tumulta Gedanensi (1577), пропали: Commentariorum rerum memorabilium.

[16] *Górnicki Ł.* Dzieje w Koronie Polskiej. Wrocław, 1950; *Pollak R.* Górnicki.— Polski Słownik Biograficzny, 1959—1960, t. 8, c. 426—429.

[17] Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Przewodnik po zespołach. Warszawa, 1958, s. 5.

[18] *Zakrzewski W.* S. Górski i jego prace historyczne.— Rozprawy Wydzialu Hist.-filoz. AU, 1909, t. 52, s. 284—311; *Urban W.* Górski.— Polski Słownik Biograficzny, 1959—1960, t. 8, s. 452—454.

[19] *Baryczowa M.* Augustyn Rotundus Mieleski wójt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy.— Ateneum Wileńskie, 1935, t. 10, s. 71—96; 1936, t. 11, s. 117—172.

[20] Orichoviana. Opera inedita et epistolae S. Orzechowski 1543—1566. Kraków, 1891.

[21] *Buczek K.* Kartografia polska w czasach Stefana Batorego.— Wiadomości Służby Geograficznej, 1933, t. 7, s. 97.

[22] *Żelewski R.* Herburt.— Polski Słownik Biograficzny, 1960—1961, t. IX, s. 440—442.

[23] *Chrzanowski I.* Marcin Bielski.— In: Studium literackie. Lwów, 1926.

[24] *Bardach J.* Kronika Macieja Stryjkowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji.— Przegląd Historyczny, 1967, t. 58, s. 326—336; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: Стрыйковский и его Хроника. М.: Наука, 1966; *Budka W.* Gwagnin.— Polski Słownik Biograficzny, 1960—1961,, t. 9, s. 202—204.

[25] *Szelągowski A.* P. Piasecki historyk XVII w.— Przewodnik Literacki i Naukowy, 1898, t. 26, s. 724.

[26] *Heidenstein P.* Dzieje Polski od śmierci Zygmunta Augusta do roku 1594. SPb.: M. Wolff, 1857, t. I, s. 33; см. также: *Backvist C.* La difficile coexistence pacifique entre Polonais et Turcs au XVI-e siècle.— Melanges d'islamologie dédiés à la mémoire de A. Abel. Correspondance d' Orient (Bruxelles), 1975, N 13, vol. III, p. 13—51.

ИЗ ИСТОРИИ МОЛДАВСКО-ПОЛЬСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ КОНЦА XV В.

Л. Е. Семенова

Стремясь обеспечить безопасность северных и северо-восточных границ княжества, молдавские господари с конца XIV в. признавали себя вассалами польской короны [1]. В политике борьбы за Дунайский бассейн, проводимой Польшей в XV в., Молдавское княжество играло большую роль. Обладание дунайскими торговыми путями и выходом в Черное море было главной целью в стремлении Казимира IV распространить власть династии Ягеллонов на Молдавское княжество. Именно здесь лежали корни соперничества Польши с Венгрией за сюзеренитет над Молдавским княжеством. Это соперничество становится постоянным во второй половине XV в., являясь в то же время одним из важных факторов, определявших международное положение княжества и влиявших на его внешнюю политику [2]. В условиях возросшей во второй половине XV в. османской агрессии на Балканах молдавский господарь Стефан III Великий (1457—1504), признавший вначале польский вассалитет [3], учитывал соперничество Польши с Венгрией, меняя внешнеполитическую ориентацию княжества в зависимости от отношений этих государств с Османской империей, чтобы противостоять подчинению княжества султану [4].

В 1489 г. Стефан признал венгерский сюзеренитет [5]. Ставший польским королем после смерти Казимира IV Ян Альбрехт стремился вернуть Молдавское княжество в вассальную зависимость от польской короны, устранив Стефана и посадив на его место своего младшего брата Сигизмунда. Именно в таком плане и обсуждался вопрос о Молдавском княжестве на съезде Ягеллонов в Левоче в 1494 г. Против намерений Яна Альбрехта выступил, однако, венгерский король Владислав [6].

Уведомленный о замыслах польского короля трансильванским воеводой Бартоломео Драгфи [7], Стефан активизировал дипломатическую деятельность с целью предот-

вращения угрозы княжеству. Наряду с укреплением отношений с Венгрией молдавский господарь придавал большое значение политическому сближению с Россией, которое имело место после бракосочетания в 1483 г. дочери Стефана Елены с сыном Ивана III [8]. Основой этого сближения были общие интересы в противодействии планам Ягеллонов [9]. Источники свидетельствуют об оживленных молдавско-русских связях в этот период, о постоянном обмене послами [10]. В 1492 г. при посредничестве русского правительства был заключен договор между Молдавским княжеством и Крымским ханством [11]. Заключив в 1494 г. договор с Литовским княжеством, Иван III проявил заинтересованность в установлении союза с великим князем литовским Александром. Это отвечало и интересам Молдавского княжества, поскольку могло внести разногласия в отношения Яна Альбрехта с его братом Александром и тем самым ослабить династическую коалицию Ягеллонов. При содействии русского правительства обмен молдавскими и литовскими посольствами завершился в 1496 г. утверждением мира между Молдавским княжеством и Литвой [12].

Антиягеллонская направленность акций Стефана ускорила претворение в жизнь замыслов польского короля. Под предлогом военных действий против султана в 1497 г. Ян Альбрехт предпринял поход на Молдавское княжество.

Историки оценивают этот поход по-разному. В довоенной польской историографии были высказаны две точки зрения на характер польско-молдавской войны 1497 г. Одни историки считали, что поход Яна Альбрехта не был связан с решениями, принятыми в Левоче в 1494 г., что он был предпринят с антитурецкими целями и превратился в поход против Молдавского княжества в силу выявившейся враждебности его господаря после вступления польского войска на территорию княжества [13].

По мнению других историков, в частности О. Горки, польские военные действия 1497 г. имели с самого начала антимолдавскую направленность [14]. Эти два подхода к оценке молдавско-польских отношений конца XV в. проявляются в исследованиях и в дискуссиях и современных польских историков по проблемам взаимоотношений Польши с Молдавским княжеством в XIV—XVII вв. [15] Так, недавно вторая точка зрения была поддержана З. Спе-

ральским[16]. Румынская историография, в том числе и современная, рассматривает поход Яна Альбрехта 1497 г. с целью восстановления польского сюзеренитета над Молдавским княжеством как начальный этап в претворении антитурецких планов Ягеллонов[17].

Среди широкого круга источников, освещающих польско-молдавско-турецкие отношения конца XV в., важное значение историки придают турецким хроникам. В частности, выделяются Анонимная хроника жизни султана Баязида II, называемая Менакиб и содержащая описание польско-молдавской войны 1497 г. В 1938 г. она была частично опубликована в польском переводе О. Горкой[18]. Отрывки из этой хроники, касающиеся истории Молдавского и Валашского княжеств, включены в изданную в 1966 г. в Бухаресте публикацию: «Турецкие хроники XV — середины XVII в., относящиеся к Румынии»[19]. Мы хотим обратить внимание также на малоизвестную анонимную турецкую летопись XVI в. (далее в тексте называем ее турецким анонимом XVI в.— *Л. С.*), отрывки из которой о походе Яна Альбрехта 1497 г. и о двух набегах в 1498 г. силистрийского паши Бали-бега Макочоглу на Польшу были опубликованы в 1933 г. в Белграде историком А. Олесницким[20]. Содержащиеся здесь свидетельства представляют несомненный интерес при изучении молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. Попытаемся показать это при рассмотрении конкретной истории похода Яна Альбрехта на Молдавское княжество.

Польский король вел военные приготовления под предлогом подготовки похода по отвоеванию у турок крепостей Килии и Белгорода. Захват этих крепостей султаном в 1484 г. нанес удар по экономическому и военно-политическому положению Молдавского княжества. Поэтому, когда Ян Альбрехт прислал к молдавскому господарю послов с предложением принять участие в походе на Килию и Белгород, Стефан выразил готовность оказать польскому королю военную поддержку, пропустить польские войска через территорию княжества и помочь продовольствием и фуражом[21].

26 июня 1497 г. под предлогом антитурецких действий Ян Альбрехт в сопровождении брата Сигизмунда выступил с армией в направлении к молдавским границам. Уже уведомленный о планах польского короля, Стефан

выслал навстречу посольства во главе с вистиерником (казначеем) Исаком [22]. Любезно приняв послов, Ян Альбрехт просил их сообщить молдавскому господарю, что польское войско движется к Килии и Белгороду с целью отвоевать их у турок. Однако направление движения польской армии не соответствовало этим декларациям. Стефан снова послал к Альбрехту вистиерника Исака и логофета (главу господарской канцелярии) Тэута, чтобы уточнить намерения польского короля. На этот раз молдавские послы были схвачены и отправлены во Львов [23].

В условиях польской угрозы важную роль сыграли предпринятые Стефаном дипломатические меры — заключение через посредство русского правительства договора в 1492 г. с крымским ханом и в 1496 г. с великим князем литовским Александром. Молдавский господарь попытался также получить поддержку султана. Турецкий аноним XVI в. сообщает, что Стефан направил посла к силистрийскому паше с предупреждением о движении польской армии на Молдавское княжество [24]. Менакиб же свидетельствует об обращении молдавского господаря к султану [25]. Стефан просил также о помощи венгерского короля, валашского господаря и крымского хана [26].

Собрав войско в общей сложности (по Менакибу) около 60 тыс. человек [27], Стефан сосредоточил его в Романе, оставив в Сучаве сильный гарнизон. 24 сентября Ян Альбрехт подошел со своей армией к Сучаве и через два дня начал ее осаду [28].

В польской армии сразу же обнаружилась нехватка продовольствия. Молдавские отряды препятствовали подвозу и доставке съестных припасов осаждающим Сучаву польским войскам. Между тем, по данным молдавских хроник, на помощь Стефану прибыли 2 тыс. турок, венгерский король прислал 12-тысячное войско во главе с Бартоломео Драгфи. Прибыла помощь и от валашского господаря Раду Великого [29]. Турецкий аноним XVI в., говоря о помощи турок молдавскому господарю, повествует о посылке силистрийским пашой отряда в 800 человек на помощь Стефану [30].

В момент, когда польская армия испытывала затруднения при осаде Сучавы, а молдавский господарь концентрировал военные силы, вступил в силу фактор поль-

ско-венгерского соперничества из-за Молдавского княжества.

К Яну Альбрехту прибыло посольство его брата, венгерского короля Владислава, с требованием прекратить военные действия против Стефана. Венгерский король предлагал свое посредничество в урегулировании конфликта с молдавским господарем [31]. Одновременно через Бартоломео Драгфи Владислав просил Стефана пойти на примирение с польским королем [32].

В условиях затянувшейся осады Сучавы, когда возникла угроза вступления в военные действия против польской армии присланных венгерским королем войск, Ян Альбрехт согласился на перемирие и 16 октября снял осаду молдавской столицы. По условиям перемирия польская армия должна была отступить из княжества по той же дороге, по которой она пришла. Однако Альбрехт выбрал другую дорогу — к Черновцам через Сирет и большой Козминский лес. Нарушение польским королем условий относительно маршрута отступления дало Стефану повод нанести ему решающий удар. Молдавские войска двинулись вслед за польской армией и настигли ее около Козминского леса. Они атаковали 26 октября вступившую в лес армию Альбрехта. Попавшие в ловушку польские войска были почти полностью разбиты [33]. Ян Альбрехт с остатками армии, атакуемый молдавскими отрядами, с трудом вышел к Черновцам. Польский кавалерийский корпус, подошедший к Снятину для помощи Альбрехту, был разгромлен 29 октября в местечке Ленцешти частью молдавского войска под командованием ворника (придворный боярин) Болдура [34]. У Черновцов молдавские войска нанесли польскому королю последний удар. Альбрехт едва спасся и с небольшим отрядом бежал в Польшу [35].

Планы Яна Альбрехта в отношении Молдавского княжества полностью провалились. Немаловажную роль в этом сыграла дипломатическая акция русского правительства, направленная на то, чтобы отвлечь великого князя литовского Александра от сотрудничества с польским королем и тем самым оказать Стефану хотя бы косвенную помощь.

Несмотря на заключенный в 1496 г. договор с молдавским господарем, Александр был готов, по согласованию с Альбрехтом, направить свои войска против Молдавско-

го княжества. Иван III в конце августа 1497 г. послал в Литву П. Г. Лобана Заболоцкого и дьяка И. Волка Курицына с настоятельной просьбой к Александру, «чтобы еси памятовал на наше с тобою докончание, а на Стефана бы еси воеводу не ходил» [36]. С ответным посольством великий князь литовский заверил Ивана III, что «на Стефана воеводу не пошол» [37], а между тем отправил свои войска на помощь Альбрехту.

«И князь великий Олександр,— сообщает Львовская летопись,— сътвори лесть: сам возвратися, а князей русских с силою своею послал брату своему Ольбрехту на помощь» [38].

В 1498 г. русским послам в Литву В. Ромодановскому и В. Кулешину снова предписывалось предупредить великого князя литовского: «А нынча, брате, слух нам таков, что наряжаешься, а хочешь ити ратью с своим братом, с королем польским на Стефана воеводу волошского. И ты бы, брате, памятовал на наше с тобою докончание, чтобы еси на Стефана воеводу на волошского не ходил, ни людей бы еси своих на помочь брату своему не посылал, а за то бы еси, брате, с нами нежиться не хотел» [39].

В ответном посольстве, прибывшем в Москву 20 июля 1498 г., Александр жаловался на «шкоды», чинимые ему Менгли-Гиреем и Стефаном [40]. Иван III обратился к Менгли-Гирею с призывом оказать влияние на великого князя литовского. Результатом этого обращения русского правительства было посольство крымского хана к Александру [41].

В свое время О. Горка на основании свидетельств Менакиба сделал вывод о том, что Стефан и его армия не участвовали в Козминской битве [42]. Сперальский, оспаривая вывод О. Горки, на основании свидетельств польских хроник, считает, что если сам Стефан и мог отсутствовать по болезни на поле битвы, то молдавская армия не только участвовала в битве у Козминского леса, но и преследовала польскую армию [43]. Основываясь на описаниях молдавских хроник, румынские историки рассматривают Козминское сражение как одну из блестящих побед Стефана [44]. Говоря об отступлении польского короля, турецкий аноним XVI века также пишет, что молдавский господарь «немедленно бросился за ним вдогонку» [45].

Надо полагать, что факт преследования молдавскими войсками польской армии имел место. Трудно судить о достоверности свидетельства турецкого анонима начала XVI в. о выкупе, данном Стефану польским королем, после чего молдавский господарь якобы обязался не чинить ему препятствий при отступлении. Данных других источников у нас нет. Представляет интерес свидетельство турецкого анонима XVI в. о просьбе Стефана к султану нагнать польского короля и нажать «на него с тылу» [46] и о последовавших в 1498 г. двух турецких нападениях на Польшу. Сперальский, возражая польским и румынским историкам, пишет, что Стефан не имел никакого отношения к турецким вторжениям на польскую территорию. По его мнению, молдавский господарь молчаливо предоставил свободу ворнику Болдуру в преследовании поляков после Козминского сражения и помогал затем туркам и татарам в нападениях па Польшу, но так, чтобы не дать королю повода нарушить перемирие. Главную причину такого поведения Стефана Сперальский видит в его расчетах на присоединение к Молдавскому княжеству Покутии в результате предполагавшихся согласно перемирию переговоров с польским королем при посредничестве Венгрии [47].

В этой связи думается, что указание турецкого анонима XVI в. на просьбу Стефана к туркам заслуживает внимания, тем более что свидетельства об этом, хотя и косвенные, имеются и в актовых материалах. Как показывают источники, в 1497—1498 гг. Стефан имел непосредственную связь с Менгли-Гиреем через своих и русских послов, проезжавших через Крым. Проезжавшему в 1498 г. через Крым в Сучаву русскому послу Федору Алексееву (Аксентьеву) хан поручил сообщить Стефану, что по его просьбе он срочно направил своего человека к султану [48].

Есть основания полагать, что турецкая и татарская военные акции 1498 г. против Польши были подготовлены крымским ханом по просьбе молдавского господаря. Турецкий аноним XVI в. сообщает, что в мае 1498 г. войска силистрийского паши Бали-бея Макоч-оглу вторглись на польскую территорию и подвергли ее страшному разорению [49]. Следует, однако, заметить, что вопрос об отношении Стефана к турецким нападениям на Польшу не простой. По всей вероятности, здесь не может быть

однозначного объяснения. Внешнеполитическое положение Молдавского княжества во второй половине XV в. было осложнено соперничеством трех держав — Польши, Венгрии, Османской империи — за обладание торговыми и стратегическими позициями на Дунае и Черном море.

В своем стремлении отстоять интересы княжества Стефан был вынужден постоянно лавировать, учитывая это соперничество трех держав. Думается, именно в этом плане следует рассматривать вышеуказанные свидетельства источников о причастности Стефана к турецко-татарским военным акциям 1498 г. против Польши. Молдавский господарь учитывал то, что Польша и Венгрия придают серьезное значение возможности его сближения с султаном. Именно этот момент подчеркивался в переговорах между Владиславом и Яном Альбрехтом по заключению мира со Стефаном [50].

Новые материалы о польско-венгерско-молдавских переговорах были опубликованы в 1966 г. польским историком И. Гарбачиком [51]. Понимая опасения Ягеллонов, Стефан использовал свои отношения с турками, чтобы затягивать переговоры и добиться отказа Польши от претензий на Молдавское княжество. Когда же 12 июля 1498 г. Венгрия и Польша заключили между собой антитурецкий союз, Стефан при посредничестве Владислава изменил тактику. Он предупредил польского короля о готовящемся осенью 1498 г. нападении турок. Турецкий аноним XVI в. рассказывает о том, какое поражение нанес Стефан турецким отрядам, возвращавшимся после нападения на Польшу через территорию Молдавского княжества [52]. Этими действиями молдавский господарь как бы демонстрировал свое намерение присоединиться к польско-венгерскому союзу. В 1499 г. Стефан отказался от уплаты дани султану и при посредничестве Венгрии заключил мирный договор с Яном Альбрехтом [53]. Союз с Польшей и Венгрией открывал перед молдавским господарем возможность путем участия в широкой антитурецкой коалиции против агрессии султана в Юго-Восточной Европе отвести угрозу подчинения Молдавского княжества Османской империи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из анонимной турецкой летописи XVI в. *

...В то время султан Баязид II имел пребывание
с. 121 в Царьграде. В это время Рус-беги ** послал к воеводе Молдавии посла, который заявил ему: «Или будь со мной заодно против турок, или я иду на тебя!» Молдаванин ответил: «Турок захватил все мои крепости, сколько их у меня было! Приходи ко мне сюда и скорей возьми себе Белгород и Килию, чтобы я смог тебе подчиниться!».

Тогда Рус-беги собрал войско и, придя, стал злоумышлять против Белгорода.

Молдаванин, хотя и знал, что [силистрийский] *** паша ничего не подозревает [о его переговорах], все же собрал войско, [пояснив Рус-беги]: «Это — для того, чтобы мне снова не стать его (паши) врагом».

Рассказчик передает: — В то время бегом в Силистрии был Месих-паша. Молдаванин послал к нему нарочного человека с сообщением: «Будь, дескать, осведомлен о том, что на тебя идет русское войско». Месих-паша, к сожалению, не соблаговолил лично сам заняться этим делом. Но был у него су-баши, по имени Насух-бегоглу. Он (паша) повелел собрать отряд в 800 человек и, поставив

* Рукопись летописи была обнаружена А. Олесницким в материалах Восточной коллекции Королевского областного музея в Сараеве. Публикуемый отрывок из этой летописи, относящийся к истории похода 1497 г. польского короля Яна Альбрехта на Молдавское княжество и последовавших в 1498 г. турецких нападений на Польшу, был переведен им на русский язык и помещен в приложении (*Олесницкий А.* Первые боевые встречи..., с. 121—122). Ввиду недоступности оригинала рукописи мы воспроизводим настоящий отрывок по Олесницкому.

** Так называет летописец польского короля. Судя по форме изложения, летопись написана на основании рассказов участников событий и очевидцев. Летописец вставляет время от времени слова «рассказчик передает». Преследовавшие отступавшую после неудачной осады Сучавы польскую армию турки имели дело с отрядами, присланными Яну Альбрехту великим князем литовским Александром. Поэтому турецкий рассказчик, очевидно, участник событий, называет всю польскую армию «русской», а короля «Рус-беги», «русский». Олесницкий перевел это на русский язык как «властитель Руси». Считаем более правильным оставить в тексте «Рус-беги».

*** Здесь и далее так в переводе А. Олесницкого.

этого су-баши начальником этого отряда, послал его на помощь молдаванину.

Между тем с той (северной) стороны пришло в Молдавию русское войско. Молдаванин, тоже собрав свое войско, выступил навстречу русским, но при этом заявил: «Я тебе не враг, но что делать? Турок пришел с большим войском! Ты считайся только с кознями паши».

В ответ на это русский сказал: «Послушай! Ты говоришь, что не идешь против меня! Так зачем же ты привел с собою против меня турок?»

Молдаванин на это ответил: «Ничего об этом знать не знаю и ведать не ведаю! Турок со мною не советуется! А ты немедленно уходи, откуда пришел. Если ты останешься эту ночь до утра здесь, то будет плохо!».

Русский, растерявшись, стал умолять молдаванина, говоря: «Удержи ты турка, чтобы он не напал на меня!»

Молдаванин возразил: «Если ты просишь, чтобы [турок] не напал на тебя, то скорей пришли нам денег, дабы я переслал их ему. В противном случае, добавил он, ни тебе, ни мне не сдобровать!».

Русский, увидев, что дело зашло далеко, послал молдаванину воз флоринов (червонцев) под охраной конной шляхты, добавив к тому еще много других даров [После этого русский стал отступать]. Тот же (молдаванин) немедленно бросился за ним вдогонку.

Рассказчик передает: — Правоверные воины, проведав об этом, притянули к ответу молдаванина и заявили ему: «Мы слыхали, что ты от русского получил деньги. Русский был нашей добычей, а ты дал ему возможность бежать».

Молдаванин ответил: «Деньги не пропадут, а вы немедленно догоните его и нажмите на него с тылу».

Между тем русские, отступая, подошли к одному ущелью.

с. 122 Неожиданно эти восемьсот человек правоверных, подкравшись, напали на задние ряды русских и, нажав, захватили у них несколько возов.

Русские, видя свое положение, сдвинули [вкруг] в одно место свои возы и [засев за ними] начали бой. Русских был большой отряд, а правоверных только 800 человек! Многие из них были ранены, а другие положили свой живот за веру. В этом бою Насух-бег-оглу лишился одной руки.

Ввиду тяжелого своего положения правоверные прекратили бой и, отступив, ушли.

Это случилось в 903 году по гиджре.

Когда султан Баязид узнал об этом походе русских, он страшно разгневался, сменил Месих-пашу и отдал Силистрийский санджак в управление Бали бегу Малкоч-оглу, причем поручил ему акын на Русь.

Пройдя Валахию, акынджи ворвались в пределы [Червонной] Руси. Они взяли огромную добычу, и разорили и сожгли всю страну. Затем они благополучно возвратились в родные края.

Это произошло тоже в 903 году по гиджре.

[Вскоре после этого] Бали бег снова, вторично испросил акын на Русь. Султан Баязид присоединил к нему румелийских акынджи, а его назначил сердаром (главнокомандующим) над всем войском. Таким образом он подчинил ему и Али бега Михал-оглу.

На основании этого Бали бег Малкоч-оглу кликнул клич на акын. Однако в последний момент со стороны Али бега Михал-оглу встретились затруднения в присоединении его с его отрядами к Бали бегу Малкоч-оглу. Али бег, заупрямившись, и сам не пошел на акын, и своих людей в срок не прислал. Но пока Бали бег собирал эти отряды, ушло много времени, и поэтому войско с запозданием снялось со своих мест.

Акынджи, выступив в поход, прошли серединой Молдавии, но при этом [своими действиями] сильно возбудили против себя жителей этой страны.

Продолжая поход, они разграбили и опустошили русские области. С награбленной добычей и пленными они двинулись [наконец] в обратный путь. [Между тем] наступила суровая зима. Стужа захватила их еще в тех (русских) краях. К тому же и провианта у них не оставалось.

Акынджи захотели снова пройти серединой Молдавии. Однако, по рассказам, уже ранее [идя в акын] они, проходя Молдавию, сильно озлобили против себя жителей ее, досадив им до глубины души.

В этот раз на Молдавской земле собралось большое войско, и молдаване не дали им свободного прохода через свою страну. Когда акынджи все же, прибыв, вступили в пределы Молдавии, молдаване все уничтожили и ни одному из них не дали съестных припасов.

Когда правоверные, минув границы Молдавии, продолжали путь далее, поднялся страшный буран и стал падать снег. Ударил большой мороз, и стало нестерпимо холодно.

Много правоверных погибло. У акынджи почти не осталось коней, и очень многим из них пришлось брести пешком. У пеших же от мороза у одних ноги отмерзли, у других уши отпали...

[1] См.: *Costăchescu M.* Documente moldoveneşti înainte de Ştefan cel Mare. Iaşi, 1932, vol. 2, p. 599—601, 607—608, 621—622, 637—639.
[2] См.: *Семенова Л. Е.* Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 207—234.
[3] См.: Материалы по истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887, с. 99—101, 103—104.
[4] См.: *Семенова Л. Е.* Некоторые аспекты..., с. 208—224.
[5] *Pârvan V.* Relaţiile lui Ştefan cel Mare cu Ungaria. Bucureşti, 1905, p. 104—105.
[6] *Papacostea Ş.* De la Colomeea la Codrul Cosminului (Poziţia internaţională a Moldovei la sfîrşitul secolului al XV-lea).— Romanoslavica (Bucureşti), 1970, XVII, p. 540—541.
[7] *Pârvan V.* Relaţiile..., p. 112.
[8] ПСРЛ. СПб., 1910, т. XX, ч. I, с. 349; см. также: *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М.: Изд-во МГУ, 1952, с. 248—251; *Costăchel V.* Relaţiile dintre Moldova şi Rusia în timpul lui Ştefan cel Mare.— In: Studii cu privire la Ştefan cel Mare. Bucureşti, 1957, p. 188—191.
[9] См.: *Базилевич К. В.* Внешняя политика..., с. 248—251; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М.: Изд-во восточной лит., 1963, с. 188—194.
[10] Сб. РИО. СПб., 1882, т. 35, с. 18, 52; т. 41, с. 41, 156; ПСРЛ. СПб., 1856, т. VIII, с. 219, 221, 224—225; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. М.: Наука, 1965, т. I (1408—1632) (далее: Исторические связи, I), с. 62—63, 69—70; 294—295, примеч. 32; 297, примеч. 45, 47.
[11] Исторические связи, I, с. 68, 296, примеч. 36, 39.
[12] Исторические связи, I, с. 73—74; *Bogdan I.* Documentele lui Ştefan cel Mare. Bucureşti, 1913, vol. II, p. 386—387, 397—398, 400—403, 407.
[13] См., например: *Lewicki A.* Kròl Jan Olbracht o klęsce bukowińskiej r. 1497.— Kwartalnik Historyczny, 1893, VII, s. 1—15; *Finkel L.* Zjazd Jagiellonów w Lewoczy roku 1494. Lwów, 1914; *Papée F.* Jan Olbracht. Kraków, 1936.
[14] *Górka O.* Nieznany żywot Bajezida II dla wyprawy czarnomorskiej i najozdów Turków za Jana Olbrachta.— Kwartalnik Historyczny, 1938, 3, s. 375—427.
[15] *Gierowski J.* Recherches sur l'histoire des relations polono-roumaines dans la Republique Populaire de Pologne.— Revue Roumaine d'Histoire (далее: RRH), 1973, N 4, p. 673—686.
[16] *Spieralski Z.* Po klęsce bukowińskiej 1497 r. Pierwsze najazdy Turków na Polsce.— Studia i Materialy do Historii Wojskowości, IX/1. Warszawa, 1963; *Idem.* Awantury Moldawskie. Warszawa, 1967.
[17] *Iorga N.* Polonais et Roumains. Relations politiques, economiques et culturales. Bucureşti, 1921; *Petrică I.* Relaţiile politico-economice între Moldova şi Polonia în a doua jumătate a sec. al XV-lea.— Ro-

manoslavica, 1964, X, p. 341—356; *Corfus I.* Pagini de istorie romînească în noi publicaţii poloneze.— Anuarul Institutului de istorie ...«A. D. Xenopol», 1968, V. p. 217—231; *Papacostea Ş.* De la Colomeea...; *Idem.* Politica externă a Moldovei în vremea lui Ştefan cel Mare: puncte de reper.— Revistă de istorie, 1975, N 1, p. 15—31.

[18] *Górka O.* Nieznany żywot...

[19] Cronici turceşti privind ţările române. Extrase I. Sec. XV-mijlocul sec. XVII. Bucureşti, 1966, p. 137—139.

[20] *Олесницкий А.* Первые боевые встречи в XV в. турок-османов с Русью (По архивным материалам Юго-славянской Академии наук в Загребе и Королевского областного музея в Сараеве).— Зап. Русского научного ин-та. Белград, 1933, вып. 9 (Отд. отт.), Прилож., с. 121—122.

[21] *Papée F.* Jan Olbracht. s. 76; *Petrică J.* Relaţiile..., p. 354.

[22] Cronicele slavo-romîne din sec. XV—XVII, publicate de I. Bogdan. Ed. P. Panaitescu. Bucureşti, 1959, p. 11.

[23] Cronicele slavo-romîne..., p. 11.

[24] *Олесницкий А.* Первые боевые встречи..., с. 121.

[25] Cronici turceşti..., p. 138.

[26] *Papacostea Ş.* De la Colomeea..., p. 543—544.

[27] Cronici turceşti..., p. 138.

[28] Cronicele slavo-romîne, p. 11.

[29] Ibid. p. 11—12; *Ureche G.* Letopiseţul Ţării Moldovei. Bucureşti, 1958, p. 110—111.

[30] *Олесницкий А.* Первые боевые встречи..., с. 121.

[31] Текст послания Владислава Яну Альбрехту см.: *Papacostea Ş.* De la Colomeea..., p. 549—551.

[32] Cronicele slavo-romîne, p. 11.

[33] Ibid., p. 12.

[34] Ibidem.

[35] Ibidem.

[36] Исторические связи, I, с. 78.

[37] Ответ Александра Ивану III см.: Сб. РИО, т. 35, с. 242—243.

[38] ПСРЛ, т. XX, ч. 1, с. 365—366.

[39] Исторические связи, I, с. 78.

[40] Сб. РИО, т. 35, с. 267.

[41] Сб. РИО, т. 41, с. 242—243.

[42] *Górka O.* Nieznany żywot...

[43] *Spieralski Z.* Po klęsce bukowińskiej 1497 r.

[44] См., например, указ. соч. румынских историков.

[45] *Олесницкий А.* Первые боевые встречи..., с. 121.

[46] Там же.

[47] *Spieralski Z.* Po klesce bukowińskiej 1497 r.

[48] Исторические связи, I, с. 79; Сб. РИО, т. 41, с. 256.

[49] *Олесницкий А.* Первые боевые встречи..., с. 122.

[50] *Papacostea Ş.* De la Colomeea..., p. 546—547.

[51] *Garbacik J.* Materialy do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486—1516. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966.

[52] *Олесницкий А.* Первые боевые встречи..., с. 122.

[53] *Bogdan I.* Documentele lui Ştefan cel Mare, v. II, p. 417—441.

К ИСТОРИИ МОЛДАВСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XVI В.

Гонца Г. В.

В конце XV — середине XVI в., несмотря на сопротивление Молдавского государства турецким завоевателям, идет медленный, но неуклонный процесс сначала втягивания в сферу своего влияния, а затем постепенного подчинения Молдавии Османской империей.

Важным звеном в этом процессе является первая попытка юридического оформления вассальных отношений Молдавии с Османской империей, которая знаменует собой начало нового этапа в молдавско-турецких отношениях и оказывает немаловажное влияние на политические взаимоотношения стран Центральной и Восточной Европы с Османской империей.

Вассальные отношения Молдавии с Портой имели несколько другой характер, чем вассальные отношения между европейскими странами средневековья. Если вассальные отношения Молдавии с Польским или Венгерским королевством были чаще формой установления союза между ними и не носили постоянного характера, то вассальные отношения с Турцией приобрели постоянный характер несмотря на то, что международные акты Османской империи этого типа были односторонними и при подтверждении новыми султанами часто обновлялись дополнительными тяжелыми обязанностями [1].

В современной литературе в последнее время распространен тезис о подчинении Молдавии Османской империей в 1538 г., после похода сюда Сулеймана Великолепного [2].

Но имеются и другие противоположные мнения, в частности об установлении молдавско-турецких вассальных отношений в 1512 г. по так называемому «особому договору», ставшему известным лишь в более позднее время, хотя многими авторами существование этого договора оспаривается [3].

В данном сообщении предпринимается попытка рассмотреть вопрос о характере молдавско-турецких отно-

шений в 1512 г. и точку зрения о возможности оформления в это время вассальных отношений.

Политические события 1510—1512 гг., вызванные борьбой между Селимом и его отцом султаном Баязидом II за турецкий престол, и позиция Молдавии в связи с этими событиями в общем хорошо исследованы, и мы на них останавливаться не будем [4]. Нас интересует новая расстановка сил в Юго-Восточной Европе в связи с приходом на престол Валахии 23 января 1512 г. Неагое Бассараба, которая усложнила позиции Селима в этом районе и ускорила начало переговоров молдавского господаря Богдана III с Селимом в конце января 1512 г. в Белгороде [5].

Молдавия благодаря своему местонахождению и экономике имела в планах Селима военно-стратегическое значение, и поэтому ему была не безразлична позиция молдавского господаря в его конфликте с Баязидом. Однако если в первый период конфликта Селим (войска его стояли на границе Молдавии), можно предполагать, пытался полностью захватить Молдавию, то после прихода Неагое Бассараба на валашский престол с помощью противников Селима положение изменилось. Селим уже не решался полностью захватить Молдавию, так как перспектива открытого выступления против него молдавского господаря совместно с валашским господарем имела бы для него неблагоприятные последствия. В таких обстоятельствах он, по-видимому, был согласен на уступки как политического, так и экономического характера молдавскому господарю. Вынужденный идти (в условиях непосредственной угрозы османского нашествия) на установление прямых контактов с Селимом, Богдан III использовал новую ситуацию и поставил предварительные условия, с которыми, по всей вероятности, и согласился Селим во время переговоров в Белгороде.

По этому соглашению вассальная зависимость Молдавии от Османской империи ограничивалась, очевидно, лишь уплатой сравнительно небольшой по-прежнему дани в казну султана, а также новым с 1512 г. обязательством оказать туркам военную помощь [6]. Однако при последующем подтверждении соглашения новыми султанами добавлялись новые обязанности.

Следует отметить, что наряду с Молдавским государством Польское и Венгерское королевства тоже были

обеспокоены опасностью османской агрессии в период конфликта из-за турецкого престола между Селимом и его отцом. В связи с этим для польского и венгерского королей также была не безразлична позиция молдавского господаря в этом конфликте, так как для них Молдавское государство было некоторой защитой на пути османской агрессии против польско-литовских и венгерских земель. Поэтому Венгрия и в первую очередь Польша прилагали усилия, чтобы отвести Богдана от компромисса с Селимом. Однако, несмотря на явно неблагоприятный характер соглашения Молдавии с Турцией для обеих королевств, польский король Сигизмунд I сам признает в этом же году, что Богдана нельзя упрекать ни в чем, так как внутренние дела в Польском королевстве помешали ему оказать помощь, требуемую Богданом для сопротивления Турции,— единственное, что могло реально препятствовать соглашению между Богданом и Селимом [7].

Политические события в Юго-Восточной Европе, вызванные конфликтом между Селимом и его отцом султаном Баязидом II из-за турецкого престола, знаменуют важный этап в эволюции подчинения Молдавии Османской империей. Они ускорили установление вассальной зависимости в 1512 г., хотя совокупность целого ряда обстоятельств привела к установлению молдавско-турецких вассальных отношений.

Остановимся на некоторых из них, относящихся к нашему вопросу.

Установлению молдавско-турецких вассальных отношений в 1512 г. способствовал ряд объективных причин как внешнеполитических, так и внутренних, которые существовали уже в конце XV в. при молдавском господаре Стефане Великом.

Главной и определяющей внешнеполитической причиной была фактическая изоляция Молдавии на международной арене, несмотря на частые обещания помощи для Турции со стороны ее сильных, но не всегда последовательных соседних союзных с нею европейских стран [8].

Важное значение при определении внутренних предпосылок принятия вассальной зависимости Молдавии от Османской империи имеет позиция молдавского боярства по отношению к внутренней и внешней политике молдавского господаря.

В то время развитие молдавского феодализма, хотя и победившего вширь, еще не дошло до отделения зависимых крестьян от военного дела. Большая 40-тысячная армия Стефана Великого, с которой он разгромил турецкую армию, состояла на три четверти из таких крестьян.

Но это систематическое привлечение в условиях турецкой агрессии зависимых крестьян в господарское войско в конце XV — начале XVI в. сужало возможности развития феодализма вглубь, и бояре-землевладельцы в конце концов выступали против их участия в войске. А это подрывало военную базу господаря для сопротивления турецкой агрессии [9]. В таких условиях перед сторонниками вооруженной борьбы против Турции встала сложная дилемма: либо, опираясь на войско «крестьянского типа», продолжать войну против Османской империи и тогда столкнуться с еще более жестокой оппозицией молдавского боярства, либо отказаться от систематического созыва этого войска и пойти на невыгодный мир или невыгодные вассальные отношения с Османской империей, спасая путем компромисса то, что еще можно было временно спасти [10].

Однако перспектива попасть под владычество Османской империи аналогично балканским феодалам не устраивала молдавское боярство, и поэтому они, хотя и толкают господарей к компромиссу, тем не менее на время еще поддерживают их внешнюю политику, направленную на защиту страны от османской агрессии. Но как только в связи с международным положением, вызванным конфликтом из-за турецкого престола в 1510—1512 гг., создалась благоприятная ситуация и оказалось, что Молдавское государство могло подчиниться Османской империи с условием сохранения автономии страны и классовых привилегий местных феодалов, боярство ставит свои классовые интересы выше интересов страны и постепенно отходит от господаря, не поддерживая уже его политику военного сопротивления турецкой агрессии. Оно рассчитывает, откупившись от османских завоевателей, сохранить феодальные привилегии и возможность по-прежнему эксплуатировать крестьян [11]. Эти расчеты не были лишены основания, ибо, как писал К. Маркс, восточный «деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интере-

сами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот, связанных с действительным управлением»[12].

При рассмотрении обстоятельств, которые заставили Порту определить для Молдавии статус именно вассального государства, надо отметить, что в процессе захвата турецкими султанами обширных территорий в Азии, Африке и Европе практика предоставления им такого статуса как юридическая форма зависимости была известна в политике турецких султанов и турецкой дипломатии до и после 1512 г. В такой вассальной зависимости были Валахия, республика Дубровник и др.[13]

Так как данное явление не было чем-то новым, мы и ставим вопрос в этом аспекте, а именно попытаемся определить, какие причины заставили Османскую Порту предоставить Молдавии в Дунайском регионе статус вассального государства.

Молдавия находилась на самой северной окраине Османской империи, где сильные европейские государства угрожали ее границам, и поэтому немаловажное значение для изучения вышеуказанного вопроса имеют внешнеполитические причины, связанные в первую очередь с военно-стратегическим значением Молдавии для обороны империи.

Казалось бы, на первый взгляд Османской Порте было выгодно как в политическом, так и в экономическом плане превращение Молдавии в пашалык, а для этого Порта имела в XVI в. достаточные силы. Так, турецкие войска занимали в 1538 и в 1574 гг. Молдавию и заменили антитурецки настроенных господарей Петра Рареша и Иоана Воды Лютого своими ставленниками[14].

Однако в действительности турецким султанам было выгоднее, очевидно, сохранение автономии Молдавии в системе Османской империи, потому что они рассчитывали устроить на територии вассальной Молдавии военно-оборонительный заслон против антиосманских выступлений европейских стран: Польши, Венгрии, а после падения Венгрии — Габсбургов. В этом заслоне они сильно нуждались, так как театры их активных военных действий часто менялись (то в Европе, то в Азии, то в Африке) и в связи с этим активизировались стремления в формировании антитурецких коалиций в Европе[15].

Безусловно, молдавские господари при этой автономии могли выступать на стороне антитурецких коалиций, что́ султаны, конечно, имели в виду. Малейшие отклонения от своих обязанностей и тем более антитурецкие выступления жестоко и быстро подавлялись, господари заменялись своими ставленниками. Турки постепенно занимали важнейшие молдавские крепости, а остальные, по требованию турецкого султана, молдавские господари частично разрушили уже во второй половине XVI в.

В таких условиях для Османской Порты, конечно, лучше было, когда первые удары антиосманских коалиций принимали на территории Молдавии не турецкие войска, а военные силы молдавского господаря. Можно было урегулировать свои дела на других театрах военных действий и перебрасывать войска на юго-восточный театр.

Тем не менее нельзя не отметить наряду с политической стороной вопроса о статусе Молдавии в качестве вассала Османской империи и экономическую сторону, роль которой с течением времени и с усилением турецкого ига в Молдавии возрастает [16].

Молдавско-турецкие вассальные отношения прослеживаются в документах после 1512 г. В них выделяются вассальные обязанности молдавских господарей, говорится не только об их оборонительных функциях, но и о том, что они должны принимать участие в турецких походах в Европе. Эти вассальные обязанности молдавских господарей после 1538 г. не вызывают у историков никакого сомнения, так как в это время произошло новое усиление вассальной зависимости Молдавии от Турции. Но о вассальных обязанностях в период 1512—1538 гг. в литературе существуют различные мнения [17]. Несмотря на то что после 1538 г. мы находим больше документов по этому вопросу, источники 1512—1538 г. выявляют уже вассальные обязанности молдавского господаря по отношению к турецкому султану и приносят дополнительные аргументы в пользу точки зрения об установлении османского сюзеренитета в Молдавии именно в 1512 г. [18]

Таким образом, можно сделать вывод, что молдавский господарь Богдан III в конце января 1512 г. из-за сложного международного положения Молдавии и заинтересованности самого Селима в поддержке молдавского господаря согласился стать вассалом Селима и после его

утверждения на турецком престоле стал вассалом турецкого султана.

При предоставлении Молдавии автономии в системе Османской империи Порта исходила из реальных условий соотношения сил, т. е. из действительных внешнеполитических и внутренних интересов турецких султанов в этом регионе. Со своей стороны Молдавия, принимая турецкий сюзеренитет, исходила из внешних и внутренних условий развития молдавского феодализма. Именно совокупность всех этих обстоятельств привела к установлению молдавско-турецких вассальных отношений в 1512 г. Тот факт, что это случилось в 1512 г., определялся международной обстановкой, вызванной политическими событиями в Юго-Восточной Европе в 1510—1512 гг. Связанные с конфликтом из-за турецкого престола эти политические события повлияли на внутреннюю и внешнюю политику турецких государственных деятелей в этот период, но не привели к тому, что сильная Османская Порта заключила с Молдавией «договор» на равных правах, с сохранением цельности территорий последней (как утверждают сейчас некоторые румынские историки) [19].

По всей вероятности, принципы молдавско-турецких вассальных отношений, установленные в 1512 г., были отражены в каком-то одностороннем фирмане, выданном Селимом, когда он был еще претендентом на турецкий престол, и утвержденном им почти без изменений после его прихода к власти.

Несмотря на то что неполнота сведений, которые имеются в распоряжении историков, не позволяет воспроизвести во всех случаях характер вассальной зависимости Молдавии от Османской империи в период 1512—1538 г., тем не менее можно заключить, что эта зависимость была в то время еще довольно слаба. Это объясняется тем, что период 1512—1538 гг. является лишь первым этапом вассальной зависимости Молдавии от Османской империи и что в этот период турецкие султаны еще нуждались в мощи молдавской армии, а также в создании заслона на ее территории.

Разумеется, наше мнение по вопросам установления молдавско-турецких вассальных отношений в 1512 г. и характере этих отношений в 1512—1538 гг. носит в основном постановочный характер и не претендует на окончательное решение этих вопросов.

Тем не менее возможность установления вассальной зависимости Молдавского государства от Османской империи в 1512 г. надо учитывать при исследовании внешней политики Молдавского государства и при оценке политических отношений в Юго-Восточной Европе в 1512—1538 гг.

---

[1] *Баскин Ю. Я., Советов П. В.* Вопросы международного права в договорной практике и политической литературе Молдавии. XIV—XVIII вв.— Советский ежегодник международного права за 1962 г., 1963, с. 189; *Florescu G. G.* L'aspect juridique de chatt-i-cherifs contributions a l'etude de relations de l'Emprie Ottoman avec les principautes roumaines.— In: Studia et Acta Orientalia Bucuresti, 1957, I, 1958, p. 132, 137—138.

[2] История Молдавской ССР. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1965, т. 1, с. 158; Istoria României. Bucureşti, 1962, vol. II, p. 612—613; 776 şi urmat.

[3] *Neagoe M.* Contribuţii la problema aservirii Moldovei faţă de Imperiul Otoman (Inţelegerea dintre Bogdan cel Orb şi Selim din 1512).— Studii. Revistă de istorie (Bucuresti), 1964, t. 17, N 2, p. 311—314; *Ştefănescu St.* Tara Românească de la Basarab I «Intemeetorul» pină la Mihai Viteazul. Bucureşti, 1970, p. 107—116.

[4] Об этом см.: *Longinescu S. G.* Istoria dreptului român. Bucureşti, 1908, p. 78 şi urmat: *Neagoe M.* Contribuţii..., p. 311—322.

[5] *Mustafa A. Mahmed.* Doua documente turcesti despre Neagoe Basarab.— Studii. Revistă de istorie (Bucureşti), 1968, t. 21, N 5, p. 922; *Guboglu M.* Despre materialele arhivistice otomane din Turcia şi importanţa lor pentru istoria ţărilor române.— Revistă arhivelor (Bucureşti), 1966, an. IX, N 2, p. 193; *Beldiceanu N.* La Moldavie Ottomane a la fin du XV-em siécle et du debut du XVI-em siécle.— Revue des etudes Islamiques, 1969, t. XXXVII, fasc. 2, p. 258.

[6] *Kogalniceanu M.* Cronicele României sau letopiseţele Moldovei şi Valahiei Bucureşti, 1874, vol. III, p. 450—453.

[7] *Hurmuzaki S.* Documente privitoare la istoria românilor. Bucureşti, 1892, vol. II, part. III, p. 55.

[8] Антиосманские коалиции в период Стефана Великого ввиду усиления противоречий между его потенциальными организаторами существовали только на словах. См.: *Семенова Л. Е.* Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в.— В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев: Штиинца, 1972, с. 233; *Neagoe M.* Ştefan cel Mare. Bucureşti, 1970, p. 218—219, 259—260.

[9] *Советов П. В.* Исследование по истории феодализма в Молдавии, т. I Очерки истории землевладения в Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, гл. V, § 2—3.

[10] *Советов П. В.* Исследование по истории..., с. 272.

[11] Аналогично действовало палашское боярство при установлении вассальной зависимости Валахии от Османской империи. См.: *Орешкова С. Ф.* К вопросу о подчинении Валахии Османской империи.— Краткие сообщения Ин-та народов Азии (М.), 1961, вып. 30. Иран. Турция, с. 178.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 432—433.
[13] *Орешкова С. Ф.* К вопросу о подчинении..., с. 182; *Максим-Ворничень М.* Турецкие документы о финансово-экономических обязательствах Молдавии и Валахии перед Османской империей во второй половине XVI в.— В кн.: Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1974, т. 3, с. 237.
[14] История Молдавской ССР, т. 1, с. 235, 239.
[15] *Королюк В. Д.* Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI—XVII вв.).— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.). Кишинев: Штиинца, 1973, с. 147—149.
[16] *Максим-Ворничень М.* Турецкие документы..., с. 238—239.
[17] Об этом см.: *Neagoe M.* Contribuţii..., p. 311—313, 321; *Stefanescu St.* Tara Romaneasca, p. 107—115.
[18] Над этим аспектом мы остановимся в отдельной статье.
[19] *Zaharia G.* Mircea Musat. Lupta pentru independenţa şi unitate permanenta a istoriei poporului roman.— Anale de istorie, 1975, t. XXI, N 1, p. 59—60. Известно, что Порта отторгнула постепенно от Молдавии часть территории и превратила их в райи. См.: История Молдавской ССР, т. 1, с. 163—164.

РОССИЯ И ПОЛИТИКА КРЫМА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.

А. Б. Кузнецов

Вопросы истории русско-крымских отношений, а также отдельные аспекты политики Крыма в Восточной Европе в первой половине XVI в. уже привлекали внимание историков.

В работах дореволюционных русских и зарубежных исследователей — И. Хаммера, К. Пулаского, Г. Ф. Карпова, А. Ф. Малиновского, В. Д. Смирнова и др.— по этом вопросам собран значительный материал. Интерес к данной теме сохранился и в советской исторической науке и нашел отражение в работах И. И. Смирнова, С. О. Шмидта, Н. А. Смирнова, Б. Е. Сыроечковского, А. А. Зимина, И. Б. Грекова.

В их работах на основании глубокого анализа документального материала рассматриваются некоторые стороны политики Крымского ханства в Восточной Европе в первой половине XVI в., взаимоотношения Крыма и России и другие вопросы. Авторы показали, что в этот период Крымское ханство выступало в качестве враждебной Российскому государству силы, и особо подчеркнули, что своими действиями Крым создавал для него серьезную угрозу.

Однако следует заметить, что историки сосредоточивали основное внимание лишь на отдельных сторонах русско-крымских отношений и крымской политики в этом районе. Что же касается обобщающих работ по этому вопросу, то их пока, к сожалению, нет.

Поэтому представляется необходимым продолжать исследования основных аспектов политики Крымского ханства в Восточной Европе вообще и в отношении России в частности.

Историки уже вскрыли экономические причины воинственности Крымского ханства на восточноевропейских территориях [1]. Но если практика грабительских походов крымских феодалов в сторону России или в сторону Польско-литовского государства была обусловлена одни-

ми и теми же, по сути, постоянно действовавшими «хозяйственными» причинами, то «график» этих походов, смена их направлений зависели от определенных политических факторов, от меняющейся международной конъюнктуры, между прочим, и от приобщенности крымской политики к известным стратегическим замыслам турецкой дипломатии в этой части Европейского континента. Дело в том, что Османская империя, установившая свой контроль над Крымом еще в середине 70-х годов XV в., не только поддерживала захватнические планы Бахчисарая в Восточной Европе, но и согласовывала их со своими стратегическими расчетами в данном регионе, так или иначе регулировала порядок их осуществления, широко используя при этом как старые традиции ордынской политики (в частности, традиции искусственного поддержания равновесия между ведущими восточноевропейскими государствами), так и прямые политические контакты с отдельными «улусами» ордынской державы, прежде всего с Крымом, а также с Казанью, Астраханью, Ногайскою ордою.

Первая треть XVI в. была временем все более нараставшей активности Крымского ханства, а вместе с тем и Порты по отношению к России. Правда, сама Турция, вовлеченная тогда в военно-политический конфликт на восточных своих рубежах [2], предпочитала активно не включаться в вооруженную борьбу против Русского государства, которое она тем не менее считала в тот период наиболее сильным восточноевропейским соседом, способным изменить соотношение сил в этом регионе в свою пользу. Поэтому Стамбул, признавая весьма актуальной задачу ослабления Русского государства, конкретное ее осуществление, перекладывал прежде всего на Крым, а также на другие ордынские юрты, расположенные в Поволжье и причерноморских степях. Ничего не было удивительного в том, что связанные тесно с Портой отдельные ордынские улусы, и прежде всего само Крымское ханство, очень часто выступали в качестве орудия той политики, которая вырабатывалась на берегах Босфора.

И надо сказать, что правители Крыма, постоянно ощущая поддержку Порты, действовали весьма энергично в отношении восточноевропейских государств, а в рассматриваемое время прежде всего в отношении России.

Поощряемое Портой Крымское ханство вело в данный период организованное наступление против России: здесь использовались «исторические права» Крыма над русскими землями как преемника Ордынской державы, здесь использовались также и традиционные контакты Бахчисарая с другими ордынскими юртами — Казанью и Астраханью. Все это вместе взятое делало Крымское ханство в первой трети XVI в. наиболее опасным противником Русского государства.

На основании анализа большого количества исторических фактов можно утверждать, что основными задачами Крыма на территории Восточной Европы, в первой трети XVI в. были:

1. Не допустить значительного усиления России за счет Польско-литовского государства, добиться сохранения равновесия между ними, предотвратить или хотя бы замедлить активизировавшийся тогда процесс воссоединения западнорусских земель с Россией.

2. Укрепить свое влияние в бывших ордынских улусах Поволжья, превратив их в орудие борьбы с Русским государством.

3. Держать Россию не только под угрозой нападения со стороны юртов Поволжья, а также самого Крыма, но и время от времени претворять в жизнь эту угрозу.

В конечном счете вся политика Крыма и Порты сводилась к тому, чтобы ослабить Русское государство как с помощью организации прямых атак Крыма и отчасти Казани, так и с помощью поощрения антимосковских выступлений Литвы и Польши. И действительно, в рассматриваемые три первые десятилетия XVI в. крымско-турецкая дипломатия развернула энергичную деятельность по консолидации антимосковских сил как в Казани, так и в Польско-Литовском государстве.

Достаточно сказать, что дипломатические контакты крымских ханов с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом на протяжении первой трети XVI в. носили оживленный характер и нередко заканчивались подписанием договоров, направленных против России.

Уже в 1507 г. Менгли-Гирей заключил соглашение, по которому он «готов быти приятелю короля приятелем, а неприятелю неприятелем и вместе с людьми его милости короля польского и великого князя литовского Си-

гизмунда своими людьми и детьми всести на конь против всякого неприятеля и подмогой быти на того неприятеля Московского» [3].

Это соглашение открыло целую серию литовско-крымских договоров, которые должны были поставить Россию перед лицом коалиции Вильно—Крым.

В последующее время эта коалиция продолжала сохраняться, несмотря на то что Крым по тактическим соображениям время от времени совершал набеги на пограничные земли Великого княжества Литовского. Основная же стратегическая линия политики Крымского ханства в Восточной Европе продолжала носить антимосковский характер. Об этом говорит тот факт, что в 1513, 1516 и 1520 гг. оно заключает с Литвой соглашение, направленное против России.

Особенно наглядно взаимная поддержка Крыма и Литвы была продемонстрирована летом 1521 г., когда Литва фактически поддержала хана Мухаммед-Гирея во время его похода на Россию [4].

Поэтому на западных границах Российского государства в первой трети XVI в. постоянно присутствовала военная опасность, которая должна была привести к ослаблению России. На протяжении значительного времени, вплоть до 1519 г. Польско-Литовское государство выступало в качестве союзника Крыма. Своей борьбой против России оно способствовало активизации турецко-крымской экспансии в Восточной Европе и объективно выступало противником объединения сил всего восточного славянства.

Одновременно Крым вел против Русского государства открытую вооруженную борьбу. В первой трети XVI в. она имела форму набегов крымских отрядов на русские земли. Совершая их, Крымское ханство добивалось нескольких результатов. Во-первых, они давали возможность крымской знати получать добычу в виде пленных и имущества. Сейчас невозможно установить точное количество пленных, захваченных крымцами в это время, но совершенно бесспорно, что в результате крымских нападений Русское государство теряло большое количество людей и это играло отрицательную роль в развитии хозяйства страны.

Во-вторых, угроза, постоянно нависавшая над южными границами России, отвлекала ее войска с других теат-

ров военных действий, где их присутствие было также необходимо. Очень ярко это проявилось в период русско-литовских войн первой четверти XVI в., когда эти набеги создали для Русского государства фактически второй фронт, отвлекая его от борьбы за воссоединение западнорусских земель.

В конечном счете эти набеги должны были ослабить обороноспособность России и подготовить условия для более широкого наступления Крыма и Турции в Восточной Европе вообще и против России в частности.

Поэтому-то крымские набеги на русские земли могут рассматриваться как часть широкого плана турецко-крымской экспансии в этом районе. Крымские отряды, совершавшие нападения на Русское государство, видимо, считались в Стамбуле своеобразным авангардом Османской империи в Восточной Европе.

Стремясь нанести более ощутимый удар по русским землям, крымцы бросали на них значительные силы. Так, в 1517 г., «пошли четыре мурзы на великого князя украйны и с ними 20 000 рати» [5]. В 1525 г. из Азова в Москву донесли о том, что из Крыма в поход на русские земли выступает 50 тыс. человек [6]. В 1533 г. Ислам-Гирей подходил к Оке с войском в 15 тыс. человек [7].

В. В. Каргалов подсчитал, что в первом десятилетии XVI в. на южные и центральные районы России состоялось 3 крымских похода, в 1511—1520 гг.— 14, в 1521—1530 гг.— 3 [8]. Однако представляется, что эти цифры не полностью отражают состояние дел. Здесь зафиксированы только более или менее крупные крымские набеги. Совершенно бесспорно, что, кроме этих, попавших в документы, имели место и другие набеги, сведения о которых до нас не дошли.

Тем самым набеги крымских отрядов на московские земли в первой трети XVI в., являясь выражением экспансионистской политики Крымского ханства в Восточной Европе, были направлены не только на экономическое и военное ослабление России, но и преследовали более далекую цель — подготовить условия для широкого наступления Турции и Крыма на Русское государство. Проводя антимосковскую политику в Восточной Европе, правящая элита Крымского ханства учитывала, разумеется, и то обстоятельство, что в данном случае она могла опереться на определенные круги в Казанском ханстве,

В Крыму уделяли этому обстоятельству самое серьезное внимание и стремились укрепить свое влияние в Казанском ханстве. Крымские феодалы рассчитывали использовать Казань в целях борьбы против России и создания против нее мощного блока. В свое время еще А. Ф. Малиновский указывал, что «завоевав Астрахань и получа во власть свою Казань, поддержанием сих царств (Крым.— *А. К.*) мог бы распространить могущество свое до того, чтобы сделаться столь страшным для России, каковы были для оной ордынские цари» [9]. С этим замечанием историка следует согласиться.

Вся первая треть XVI в. в истории русско-крымско-казанских отношений представляет собой время ожесточенной борьбы между Москвой и Крымом за преобладающее влияние в Казани, борьбы, в которой позиция феодалов Казанского ханства играла не последнюю роль [10].

Основные задачи Крыма здесь сводились к тому, чтобы посадить на престол ханов, тесно связанных с крымскими Гиреями, выполнявшими бы их волю, и превратить Казанское ханство в очаг постоянной опасности для России.

Поэтому упорная борьба, развернувшаяся вокруг казанского престола в 1518—1520 гг. и подробно описанная И. И. Смирновым, была борьбой за дальнейшую внешнеполитическую ориентацию Казани. В ней Крым стремился к тому, чтобы, посадив на казанском престоле одного из Гиреев, перевести внешнюю политику Казани в откровенно антимосковское русло. И действительно, в те годы, когда в ханстве сидел крымский ставленник, России приходилось вести борьбу на два фронта — против Крымского ханства на юге и против Казанского ханства на востоке.

Положение еще более осложнилось после того, как в 1524 г. хан Сагиб-Гирей признал Казань юртом султана Сулеймана I, что могло и должно было столкнуть Россию и Турцию. Последняя в это время уже открыто стремилась утвердить свое влияние в бывших ордынских улусах Восточной Европы, превратив их в проводников своей экспансионистской политики.

В Крыму и в Стамбуле ясно понимали, что Казань представляет собой один из важных центров антимосковской политики, сохранение которого имеет очень большое значение.

Не случайно, что в 20-х — начале 30-х годов XVI в. казанские ханы постоянно обращались за помощью к Крыму и последний оказывал им как военную, так и дипломатическую поддержку. Так, в Москву приходили грамоты крымского хана, в которых тот требовал, чтобы Москва отказалась от своих военных мероприятий в отношении Казани. В 1523 г. крымский хан Саадет-Гирей писал Василию III: «И ты б ныне с Казанью помирился и рати своей на них не посылал» [11], а вскоре он же спрашивал у великого князя московского: «...а не помиришься з братом моим и со мною тебе как помириться?» [12].

За всеми этими выступлениями стояло опасение Крыма и Порты потерять Казань, как союзника в борьбе против России. Это опасение правящих кругов Крыма имело под собой основания, ибо Россия вела упорную борьбу за ликвидацию антирусского влияния в Казани. Формы ее были различны — от поддержки противников Крыма в Казанском ханстве до военных походов.

Но если в Казанском ханстве крымско-турецкой дипломатии удавалось в рассматриваемое время достигать каких-то временных тактических успехов, то в отношениях с Астраханью таких успехов не было. Дело в том, что крымско-астраханские отношения в первой трети XVI в. были очень напряженными. Крымское ханство, стремившееся в это время к господству в Северном Причерноморье, сталкивалось на этом пути с Астраханью. Ведя борьбу против России, крымский хан не мог бросить против астраханцев значительные силы и одним ударом покончить со своим противником. Поэтому в Крыму возникает план использовать Русское государство в борьбе против Астрахани. Так, в феврале 1516 г. крымский посол Аппак сообщал в Москве, что хан «на Астрахань хочет идти, а ты (Василий III.— *А. К.*) бы на своей правде и роте заодин с ним стоял» [13]. Тем самым Мухаммед-Гирей приглашал русских принять участие в борьбе против Астрахани в интересах Крыма. В последующее время он же неоднократно требовал, чтобы Россия оказала ему помощь в наступлении на астраханцев и даже предлагал Москве совместную экспедицию против астраханского хана.

Однако в Москве отдавали себе отчет в том, что победа Крыма в борьбе против Астрахани ей невыгодна. Это могло привести к усилению крымского влияния на юге и

ликвидации противовеса, который Россия была не прочь тогда использовать для противодействия крымской экспансии.

Поэтому русское правительство на протяжении всей первой трети XVI в. отказывается помогать Крыму в его борьбе с Астраханью. Попытки хана использовать Россию в своих целях окончились для него неудачей[14]. Крыму до 1523 г. так и не удалось начать наступление на Астрахань, ибо Россия постоянно оказывала ему противодействие. Только после удара, нанесенного Крымским ханством Русскому государству в 1521 г., Мухаммед-Гирей смог перейти в решительное наступление на Астрахань, которое должно было обеспечить ему полное господство в этом районе, создать плацдарм для нового удара по России с юго-запада.

Однако неудача, которую потерпел крымский хан в борьбе против Астрахани, означала, что в Нижнем Поволжье ему не удалось упрочить свое влияние. К тому же Россия, поддерживая в середине 20-х — начале 30-х годов XVI в. с Ногайской ордой и Астраханью добрососедские отношения, пыталась создать для Крымского ханства дополнительные трудности в деле проведения его политики.

Рассмотренный выше материал позволяет сделать следующие выводы.

Первая треть XVI в. была временем широко развернувшейся в Восточной Европе экспансии Крыма и стоявшей за его спиной Турции, главным объектом которой была Россия. Представляется, что в это время крымская политика в отношении России проходит два этапа.

На первом этапе, который хронологически охватывает примерно 1505—1519 гг., Крым, занимавший тогда враждебную Российскому государству позицию, пытается вести борьбу против него, опираясь на свои силы, поддержку Турции, используя Польско-Литовское государство в качестве союзника.

Второй этап, начавшийся около 1519 г., характерен тем, что Крымское ханство, поняв, что Литва не может быть надежным партнером в борьбе против России, постепенно переносит центр тяжести на восток, привлекая Казанское ханство. Одновременно борьба Крыма против России получает все более широкую поддержку со стороны Османской империи. Крымское ханство в это время

переходит ко все более массированному наступлению на Русское государство.

Все это вместе взятое заставляло правительство Василия III вести активную борьбу против крымско-турецкой экспансии. Выстояв в первой трети XVI в. в борьбе против враждебного себе наступления, Россия во второй половине 40-х годов XVI в. сама переходит в контрнаступление и в результате успехов своей политики на востоке в первой половине 50-х годов XVI в. коренным образом меняет расстановку сил в Восточной Европе в свою пользу.

---

[1] *Сыроечковский В. Е.* Мухаммед-Гирей и его вассалы.— Учен. зап. МГУ, 1940, вып. 61; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1948; *Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549).— Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1954, т. 6; *Каргалов В. В.* На степной границе: Оборона «крымской украйны» Русского государства в первой половине XVI в. М., 1974.

[2] Об основных направлениях внешней политики Турции этого времени см.: *Королюк В. Д.* Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии.— В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма» (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 г.). Кишинев: Штиинца, 1973, с. 148.

[3] *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Gireem. Krakòw, 1881, s. 295.

[4] *Pulaski K.* Machmet-Girei, chan Tatarów perekopskich i stosunki jego z Polską. SPb., 1899, s. 289.

[5] Сб. РИО. СПб., 1895, т. 95, с. 477.

[6] *Дунаев Б.* Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916, с. 82.

[7] *Каргалов В. В.* На степной границе, с. 21.

[8] Там же, с. 149.

[9] *Малиновский А. Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями.— Зап. Одесского о-ва истории и древностей, 1863, т. V, с. 224.

[10] Наличие очень серьезной работы И. И. Смирнова «Восточная политика Василия III» (ИЗ. М., 1948, т. 27) освобождает нас от необходимости рассматривать весь комплекс вопросов, касающихся взаимоотношений России и Казани. Поэтому мы ограничимся самыми важными, на наш взгляд, моментами.

[11] ЦГАДА. Дела Крымские, кн. 6, л. 9 об.

[12] Там же, л. 62 об.

[13] Сб. РИО, т. 95, с. 243.

[14] См., например: Сб. РИО, т. 95, с. 436.

ПРОЕКТ АНТИТУРЕЦКОЙ КОАЛИЦИИ СЕРЕДИНЫ XVI В.

Б. Н. Флоря

Международные отношения в Восточной Европе середины XVI в. являлись предметом изучения многих исследователей — русских, советских, польских, немецких и скандинавских. Наряду с исследованиями, посвященными отдельным вопросам, можно назвать и некоторые синтетические работы, появившиеся уже в послевоенное время — от книги В. Д. Королюка «Ливонская война» до монографии датского историка Кнуда Расмуссена [1], в которой сделана попытка проследить вплоть до деталей взаимосвязи политики восточноевропейских государств. Немало сделано исследователями, прежде всего советскими, и для изучения южной политики Русского государства в этот период. Представляется, однако, что дальнейшему продвижению вперед в изучении этой темы мешает отсутствие специальной работы, где была бы прослежена роль идеи антитурецкого союза как в русских внешнеполитических концепциях этого времени, так и во взаимоотношениях России с соседними государствами, прежде всего Великим княжеством Литовским.

Как убедительно показано в работах советских исследователей, война России с татарскими ханствами Поволжья в 40—50-х годах XVI в. была одновременно и военно-политическим конфликтом со стоявшей за спиной этих ханств Османской империей [2]. В Москве хорошо знали об участии янычар и их артиллерии в крымских набегах на Москву, а также о деятельности турецких дипломатов, пытавшихся сколотить направленную против России коалицию «мусульманских» государств. Правда, Турция, занятая борьбой на других фронтах, не стремилась доводить дело до формального разрыва, и Россия, пытаясь ограничить турецкое вмешательство, следовала той же тактике [3], но это не могло скрыть от русских политиков острого конфликта, который продолжал углубляться по мере продвижения русских границ на юг.

Перспектива борьбы с Турцией становилась тем более реальной, что к середине 50-х годов XVI в. в Москве,

как показала Е. Н. Кушева, сложилось решение закрепить достигнутые успехи и довести борьбу с татарскими ханствами до конца. Уже в 1555 г., сразу после установления русского протектората над Астраханью, было принято решение об организации похода на Крым, который должен был завершиться «посажением» на ханский престол царевича Янтемира, сына астраханского вассала России Дервиш-Али [4]. Царь и его советники не могли не понимать, что такой поход на Крым означает вторжение в непосредственную сферу турецких интересов. Ведь крымские ханы назначались турецким султаном, в Крыму и на подступах к нему стояли турецкие крепости. Радикально решить крымскую проблему было невозможно без столкновения с Османской империей.

В связи с этим все более остро вставал вопрос о возможных союзниках Русского государства. После окончания в 1555 г. турецко-иранской войны внимание русских политиков все более обращалось к державам Ягеллонов и прежде всего к непосредственно граничившему с Россией Великому княжеству Литовскому. В Москве, конечно, хорошо знали о том огромном ущербе, который наносили постоянные набеги крымских татар южным областям Литвы и Короны, и о той необъявленной войне, которую население этих областей (и социальные низы и господствующий класс) вело уже много десятилетий, отражая натиск агрессоров. Было ясно, что план совместного выступления России и Литвы, чтобы раз и навсегда ликвидировать татарскую опасность, должен встретить в Великом княжестве Литовском серьезную поддержку.

Такое умозаключение как нельзя более убедительно подкреплялось тем фактом, что та часть населения ягеллонских держав, которая была наиболее последовательным борцом против турецко-татарской военно-феодальной агрессии,— украинское казачество — с переносом военных действий против татар в район нижнего течения Днепра сразу стала на путь военного сотрудничества с русскими войсками. Уже летом 1556 г. вместе с отрядом русского воеводы Д. Ржевского воевали против татар на Днепре «литовские люди, атаманы черкасские из Канева» [5]. Эти контакты еще более расширились с переходом на русскую службу, а затем отъездом в Москву черкасского и каневского старосты князя Дмитрия Вишневецкого. В украинской буржуазной националистической историо-

графии, особенно в трудах М. С. Грушевского, Вишневецкий выступает как крупная политическая фигура своего времени. По мнению М. С. Грушевского, именно Д. Вишневецкий был создателем планов наступления на Крым. Он сумел убедить в их реальности русское правительство, которое отказалось от этих планов с возвращением Д. Вишневецкого в Великое княжество [6]. Очевидна полная ложность этого утверждения, так как планы похода на Крым сложились в Москве еще до установления контактов между Д. Вишневецким и русским правительством.

Украинский советский исследователь В. А. Голобуцкий убедительно показал, что Д. Вишневецкий был типичным выходцем из среды своевольных украинских магнатов и все его политические планы сводились к тому, чтобы, используя противоречия между восточноевропейскими державами, создать для себя на их границах особое феодальное «княжество» [7]. Незадолго до интересующих нас событий он пытался добиться своих целей путем перехода на службу к турецкому султану. Позднее крымский хан вспоминал о предложениях Вишневецкого, если ему отдадут во владение земли на Днепре, «литовскую землю воевати» [8]. Когда эти замыслы реализовать не удалось, Д. Вишневецкий решил осуществить свои планы, сражаясь на русской службе против татар.

Нельзя, однако, согласиться с утверждением В. А. Голобуцкого, что свои планы Д. Вишневецкий осуществлял в постоянной борьбе с украинскими казаками. В реальных условиях русско-литовско-турецкого пограничья лишь при поддержке казачества можно было рассчитывать на осуществление широких политических планов и, несомненно, Д. Вишневецкий не жалел усилий для того, чтобы обеспечить себе хотя бы временную и условную поддержку со стороны казацких атаманов. Для нашей темы важно отметить, что поездка Вишневецкого в Турцию не встретила поддержки со стороны казаков, а в Россию вместе с ним пришли отряды ряда «каневских атаманов» (Сава Балыкчей Черников, Ивашко Пирог Подолянин, Ивашко Бровко и др.), которые остались «служити польскую службу» Ивану IV и после того, как Вишневецкий «отъехал» в Литву [9]. К этому следует добавить, что с русскими войсками на Днепре сотрудничали и казацкие отряды, не находившиеся под командованием

Вишневецкого. Так, в летописной записи от декабря 1559 г. упоминаются отряды «черкасских атаманов» во главе с Гаврилой Слепетцким, которые, возвращаясь из морского похода на Крым, «оставливал» на Днепре Д. Ф. Адашев. Осенью 1559 г. эти отряды много раз ходили на крымские улусы. В боях с ними погибло 7 татарских мурз [10].

Эти данные наглядно показывают, насколько значительной была роль украинского казачества в русском наступлении на Крымское ханство в середине XVI в. Однако при всей его ценности сотрудничество с казаками не могло заменить военно-политического союза с Великим княжеством Литовским. Лишь совместные военные действия двух восточноевропейских держав могли в тех условиях привести к ликвидации Крымского ханства — последнего форпоста турецко-татарской феодальной экспансии в Восточной Европе.

По мере того как планы наступления на Крым становились все более реальными, в русской внешней политике четче обозначалась тенденция к поискам союза с Великим княжеством против «неверных». Если взятие Казани не оставило никаких следов в официальных русско-литовских отношениях, то после установления русского протектората над Астраханью (1554 г.) в Вильно со специальным извещением о победе был отправлен гонец Ф. Вокшерин. В инструкции ему предписывалось говорить пока еще неофициально о желании царя «соединачася» с Сигизмундом II «христианство от бесерменских рук отвселе свобожати» [11]. Когда в январе 1555 г. в Москву прибыл с поздравлениями по поводу побед над «неверными» литовский посланец Ю. Тышкевич, вопрос о союзе между государствами был поставлен уже в официальном порядке. Посланец вместе с послами молдавского воеводы Александра и старцами Хиландарского монастыря на Афоне был специально приглашен на церемонию поставления нового архиепископа в Казань [12], а в царском «ответе» было открыто выражено пожелание чтобы Бог «нам и брату нашему Жигимонту Августу королю помощь свою дал и нашими бы руками всему христианству от бесерменския работы и насилья избаву учинил» [13].

Эти первые попытки нащупать путь к согласию с Великим княжеством против татар не привели, однако, к положительным результатам. Сигизмунд II и его ближай-

ший советник Миколай Радзивилл Черный были далеки от каких-либо планов сотрудничества с Россией [14] и, наоборот, прилагали усилия к сохранению дружественных отношений с Крымом, тем более что с концентрацией сил Крымского ханства на борьбе с Россией татарские набеги на южные области ягеллонских держав практически прекратились. На состоявшихся в Москве в январе 1556 г. переговорах литовские послы охотно говорили о необходимости соединения христиан для борьбы против неверных, но использовали это лишь как аргумент в пользу продления перемирия между государствами, тщательно уклоняясь от обсуждения каких-либо других вопросов [15]. Вырвавшееся во время переговоров у русской стороны обвинение, что Сигизмунд II «крымского царя завсе подымает на государя нашего украины» [16], ясно показывает, как пессимистически оценили в Москве результаты первых попыток склонить Великое княжество к антитурецкому союзу.

Отрицательный итог переговоров был, вероятно, одной из причин того, почему не состоялся намеченный на 1556 г. поход Ивана IV на Крым. Действия русских войск на юге в 1556—1557 г. ограничились набегами на крымские улусы и подготовкой опорных пунктов на Дону и на Днепре (одним из них стал известный город на р. Псел), которые могли бы в дальнейшем стать базой для движения русских войск на Крым [17].

В этом же следует видеть и причину того, что в годы наступления на юге русское правительство продолжало вести мирные переговоры с Крымским ханством. Не будучи уверено в конечном успехе своих планов покорения Крыма, оно было вынуждено держать дверь для мирного соглашения открытой. Несмотря на неудачу первых попыток, русское правительство не считало заключение союза с Великим княжеством делом безнадежным. Не случайно боярину И. М. Воронцову, отправленному в Литву для подтверждения нового перемирия, было поручено заявить литовским политикам, что царь не желает заключать мир с Крымом, «а вперед с ним хочет своим делом промышляти... потому ж как и с казанским» [18].

Новую попытку добиться соглашения с Литвой русское правительство предприняло в 1558 г., но к этому времени международное положение Русского государства изменилось: началась война между Россией и Ливонским

орденом. Поскольку с этого момента балтийская политика русского правительства начинает тесно переплетаться с его южной политикой, следует хотя бы в самой короткой форме охарактеризовать цели, которые преследовало правительство «Избранной рады», начиная военные действия в Ливонии.

Можно констатировать, что в настоящее время никто из советских исследователей, обращавшихся к изучению начального этапа Ливонской войны [19], не разделяет общепринятого когда-то тезиса о наличии у русских политиков середины XVI в. двух противоположных внешнеполитических концепций (южной и западной), за которыми стояли различные социальные силы. Действительно, имеющиеся материалы ясно показывают, что борьба за ликвидацию экономической блокады страны и свободу экономических сношений со странами Западной Европы стала одной из конкретных целей русской внешней политики сразу после прихода к власти правительства «Избранной рады» (первая попытка в этом направлении была предпринята уже в 1550 г. [20–21]). Все исследователи, как советские, так и зарубежные, сходятся на том, что в течение ряда лет русское правительство добивалось этих целей, прибегая лишь к средствам дипломатического (а затем экономического) давления. Таким путем удалось добиться заключения соглашений, в значительной мере соответствовавших пожеланиям русского правительства, но на деле мало что изменилось, так как и Орден, и ливонские города последовательно препятствовали осуществлению этих соглашений на практике [22].

Отказ ливонских послов на переговорах 1557 г. выплатить дань, которую Орден обязался выплачивать и не вносил в течение ряда лет, послужил последним толчком для решения русского правительства применить военную силу. Зимой 1557/58 г. русская армия во главе с касимовским «царем» Шах-Али вступила в Ливонию. Однако поход, как согласно указывают все исследователи, был лишь простым набегом, не преследовавшим цели изменения границ [23], а возвращаясь из похода, Шах-Али в феврале 1558 г. послал ливонским властям грамоту, в которой настоятельно рекомендовалось направить в Москву «великих послов» для выплаты дани и заключения мирного договора. В марте в Ливонию была послана царская «опасная грамота» для таких послов [24]. Все это позволяет опре-

делить поход Шах-Али как военную демонстрацию, которая должна была принудить Орден отказаться от своей тактики саботажа.

Это скромное военное предприятие не могло служить препятствием для больших планов русского правительства на юге, тем более что именно в это время, на рубеже 1557/58 г. возникли новые возможности для привлечения Великого княжества к антитурецкому союзу.

Такие возможности открывало наступившее как раз зимой 1557/58 г. обострение отношений между Великим княжеством и Крымом. Активность русских военных сил на юге, выдвижение передовых русских отрядов за Оку, в степь, лишили Орду свободы действий на шляхах, ведущих к русским землям. Набеги, которые должны были дать татарам добычу и «полон», превращались в полевые сражения с русскими войсками, в которых Орда несла напрасные потери. В этих условиях хан решил пойти на изменение своей политики. Зимой 1557/58 г. Орда совершила набег на менее защищенные районы Великого княжества. Одновременно хан, рассчитывая удвоить возможные выгоды и устранить тяготеющую с севера угрозу, направил в Москву своего посла Ян-Болдуя с предложением заключить мирный договор и союз с Крымом на условиях, предложенных русской стороной, если царь возьмется выплачивать ему те «поминки», которые ранее выплачивал король [25].

Однако ожидания хана не оправдались: под влиянием происшедших событий русское правительство вновь вернулось к своему плану союза с Великим княжеством против турок и татар. Новый поворот русской внешней политики проявился прежде всего в резком разрыве мирных переговоров с Крымом: прибывшего в Путивль ханского посла, как вспоминали потом татары, царь «велел изымати, связати... а животы его велел грабити» [26]. Затем для возобновления переговоров о союзе в Литву в феврале 1558 г. был послан Р. В. Олферьев, который должен был информировать литовских политиков о намерении русского правительства продолжать войну с Крымом и о его желании оказать помощь пострадавшему от татар Великому княжеству. Царь, должен был заявить посланец, «о их невзгодах велми скорбит... а толко бы где возможно государю нашему христьянству помочи — и государь бы за них и душу свою положил».

Одновременно Р. В. Олферьев должен был поднять вопрос о заключении «вечного мира» между Россией и Великим княжеством [27]. Как видно из заявления А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого литовским послам от марта 1559 г., в Москве были готовы заключить такой мир на условиях «как меж государей ныне пописаны перемирные» [28]. Это означало, что русское правительство было готово на неопределенно долгий срок отказаться от борьбы за воссоединение украинских и белорусских земель, если Великое княжество окажет поддержку русским планам покорения Крыма. Зная о большом ущербе, который крымский набег принес землям Брацлавским и Волыни, в Москве, по-видимому, рассчитывали, что магнаты и шляхта этих районов окажут поддержку русским предложениям и это сможет привести к изменению прежнего политического курса Литвы. Не случайно, Р. В. Олферьев должен был сообщить Д. Вишневецкому о царском приказе: идти за Ордой и отбить захваченный «полон» [29].

Эти предложения действительно в известной мере оправдались. Русская инициатива встретила на Литве самый благоприятный отклик («Все люди,— сообщал в отчете Р. В. Олферьев,— его приезду ради добре» [30]), В переговорах, кроме руководителя господарской канцелярии (канцлера, писаря), как было в обычае, приняли участие такие видные феодалы Украины, как Константин Острожский и Стефан Збаражский, которые не скрывали своего полного неудовлетворения существующим положением дел на юге и своего убеждения в безуспешности попыток наладить добрососедские отношения с Крымом [31]. Позиция литовского канцлера М. Радзивилла Черного была гораздо более сдержанной. Отметив, что хана «изгонити из Крыму не хитро», М. Радзивилл Черный указал, что такие действия навлекут на Великое княжество войну с Турцией, а нет уверенности, что в этом случае Литва сможет рассчитывать на помощь России (царь «на своем слове не устоит») [32]. Однако, несмотря на эти скептические высказывания, общий итог переговоров был, бесспорно, положительным. Русские предложения не были отклонены, король обещал прислать в Москву посла для дальнейшего обсуждения поднятого вопроса [33], а в его официальном ответе говорилось о намерениях Сигизмунда «о всем добром и обороне христианской мысли-

ти... и границы паньств наших, и там, где люди для небезъпечности от неверных перемешкивати не могут... ку помешканью беспечному успокоити» [34].

Как были восприняты итоги переговоров в Москве, показывает запись о посольстве Алферьева, внесенная в редактировавшуюся А. Ф. Адашевым правительственную летопись, куда попали не скептические замечания М. Радзивилла Черного, а вложенное в уста советников Сигизмунда II заявление, что «король... добре хочет вечным миром миритца и на крымского стояти» [35].

Эти оптимистические ожидания подтвердились с прибытием в Москву в июне 1558 г. литовских посланников Я. Волчка и Л. Харабурды. Правда, как выяснилось, у посланников не было полномочий для решения вопроса «о пограничном береженье христианству от татар», но они снова подтвердили желание короля бороться с «неверными» и просили «опасной» грамоты для «великих послов», которых король направляет к Ивану IV для заключения мира и союза [36]. Казалось, что дело близится к своему завершению и 1559 г. может стать переломным годом в наступлении на Крым. Активность русских войск на юге резко возросла. В феврале 1559 г. на Днепр был послан окольничий Данила Федорович Адашев, который должен был идти на судах по реке в Черное море и с моря атаковать крымские улусы. Тогда же на Донец были посланы кн. Дмитрий Вишневецкий и постельничий Ивана IV Игнатий Вешняков. Они должны были заложить на Дону город, строить суда и на них идти к Керчи, во владения Крымского хана [37]. Вслед за передовыми отрядами должна была двинуться за Оку главная русская армия во главе с царем. Один из крупнейших русских воевод, герой взятия Казани М. И. Воротынский был послан за Оку в Дедилов, «и з Дедилова на поля мест смотрити, где государю и великому князю полком стати» [38]. 11 марта был принят «приговор», определявший состав участников похода, в котором должна была принять участие почти вся боярская дума [39]. Предполагаемая концентрация главных русских сил в верховьях Дона (а не Днепра, где ранее прилагались главные усилия для разведывания «дороги» к Крыму) связывалась, вероятно, с тем, что в бассейне Днепра ожидали выступления войск Великого княжества.

Однако уже в тот момент, когда принимались эти ре-

шения, ситуация снова изменилась. В том же марте 1559 г. в Москву, наконец, прибыло давно ожидавшееся литовское посольство. Но оно не оправдало возлагавшиеся на него надежды.

Русское правительство, видимо, опираясь на сообщения о положении в южных воеводствах, переоценило влияние татарского набега на внешнюю политику Литвы. Если украинские феодалы проявили явный интерес к планам совместной войны против татар, то Сигизмунд II и литовская магнатерия, державшая в своих руках главные нити управления страной, не намеревались менять прежней политики. Для стабилизации положения на юге король прибег к традиционным для ягеллонской политики средствам, направив в Стамбул посольство с жалобой на действия Девлет-Гирея. Если русские предложения не были при этом отклонены и литовское правительство выразило готовность к переговорам, то это объяснялось тем, что в начале 1558 г. Сигизмунд II и его советники еще не знали, что стоит за татарским нападением. Из королевских писем от лета 1558 г. видно, что в Вильно с юга приходили тревожные вести о сборе на границе турецких и татарских войск, которые «нигде инде... тягнуты вмысл перед себе взяли одно до панств наших» [40].

В этих условиях военное сотрудничество с Россией могло оказаться небесполезным. К концу 1558 г. неясности рассеялись. Акция Сигизмунда II в Стамбуле имела полный успех. Султан приказал крымскому хану и пограничным беям не только прекратить нападение на державы Ягеллонов, но и возместить нанесенный им ущерб, в частности вернуть пленных. В конце 1558 г. при королевском дворе появились и крымские послы, извещавшие о «большом» посольстве, отправленном для восстановления мира с Великим княжеством [41]. Когда тем самым угроза с юга отпала, отпали и причины, заставлявшие литовских политиков договариваться с Россией.

Неудивительно, что на переговорах в Москве в марте 1559 г. литовские послы решительно отклонили не только русские условия «вечного мира», но и русский проект антитурецкого союза.

Споры завершились заявлением послов, в котором они с полной откровенностью раскрывали мотивы, побудившие их правительство занять такую позицию: «и только крымского избыв, и вам не на ком пасти, пасти вам на

нас»[42]. Не подлежит сомнению, что эти слова раскрывают нам самое существо дела: литовская магнатерия рассматривала Крымское ханство как возможного союзника в борьбе за сохранение своего господства над белорусскими и украинскими землями и потому не была заинтересована в его уничтожении.

Негативный исход русско-литовских переговоров определил собой развитие дальнейших событий на юге. Царский поход за Оку был отменен[43]. Военная кампания снова свелась к действиям передовых отрядов, которые, несмотря на несомненные успехи[44], не могли привести к тому решающему перелому в борьбе с Крымом, на который рассчитывало правительство. Вместе с тем и сама возможность конечного успеха южных планов русского правительства оказывалась под вопросом.

Одновременно русско-литовские переговоры марта 1559 г. привели к серьезному осложнению положения в балтийском секторе русской внешней политики.

Здесь положение, казавшееся ясным зимой 1557/58 г., постепенно все более запутывалось. Поход Шах-Али в Ливонию не привел к желанным результатам. Прибывшие в мае 1558 г. в Москву ливонские послы снова прибегли к излюбленной тактике проволочек: ссылаясь на разорение страны, они просили не требовать с Ордена дани, обещая, что «в иных данях вперед исправятся»[45]. Нежелание ливонской стороны изменить свое поведение даже перед лицом открытого применения военной силы заставило русских политиков искать такой путь решения вопроса, когда ливонские власти при всем желании не могли бы саботировать принятых на себя обязательств. Принятое решение заключалось в том, чтобы добиться приезда в Москву магистра[46]. Здесь ему должны были быть продиктованы условия нового мирного договора, предусматривавшего ввод русских гарнизонов в основные ливонские города[47]. Осуществление такого соглашения означало бы превращение Ливонии в зависимое от России государство. Такое решение, гарантируя соблюдение условий о свободе торговли, имело еще ту выгоду, что ставило под русский контроль центры, которыми России трудно было овладеть без флота.

Этими соображениями определялся избранный русским правительством метод действий: с одной стороны, следовало предпринимать военные походы в Ливонию,

чтобы заставить магистра явиться в Москву, с другой стороны, следовало все время демонстрировать свою готовность к мирным переговорам, чтобы ливонские власти искали решения своих проблем именно в Москве. Поэтому военные действия в Ливонии, возобновившиеся весной 1558 г., неоднократно прерывались, а воеводы русских полков направляли ливонским властям грамоты с предложением прислать в Москву послов для заключения мира [48].

Однако такая тактика не давала результатов. Хотя в ходе войны стало явным военное бессилие Ордена и русские войска заняли более 20 городов и замков в восточной части Ливонии, магистр в Москву так и не явился. Думается, что именно в этих условиях и начались «супротивословия... еже не ходити бранию» между царем, настаивавшим на более активном ведении войны, и его советниками во главе с А. Ф. Адашевым, о чем мы узнаем из первого царского послания А. М. Курбскому [49].

В этих условиях ситуация еще более осложнилась последовавшим в марте 1559 г. выступлением литовских послов, потребовавших вывода русских войск из Ливонии и прекращения войны [50].

Когда Орден получил поддержку со стороны Великого княжества, трудно было ожидать, чтобы он принял предложенные А. Ф. Адашевым условия мира. Вместе с тем обозначившаяся скоро перспектива перехода Ливонии под власть Сигизмунда II требовала концентрации главных русских сил на балтийском театре военных действий. Тем самым возникало еще одно серьезное препятствие на пути осуществления крымских планов русского правительства.

Неудивительно, что осложнение международного положения страны привело к обострению борьбы в русских политических кругах, которая, как известно, завершилась удалением от руководства государственными делами А. Ф. Адашева и Сильвестра, на которых была возложена ответственность за допущенные просчеты.

Важно, однако, отметить, что и в новых, более неблагоприятных условиях люди, пришедшие к руководству государственными делами, пытались продолжать активную политику на юге. В 1560 г. русские передовые отряды и татарские вассалы продолжали на разных направлениях (хотя и с меньшим размахом, чем ранее) нападать на

крымские улусы [51]. Продолжались и попытки добиться соглашения с Великим княжеством. Так, в грамоте, направленной в Литву в июле 1560 г., наряду с резким протестом против вмешательства Сигизмунда II в ливонские дела указывалось, что царь по-прежнему желает «добра хрестьянского» и «союзной любви» и просит короля прислать в Москву своих великих послов, если он желает о «добре хрестьянском промышляти заодин» [52]. Как правильно констатировал К. Расмуссен, это означало новое предложение заключить союз против Крыма [53].

Через месяц с просьбой прислать в Москву послов, чтобы «мир вечный и доброе дело на прочный покой християнский делати», в Литву было направлено посольство во главе с окольничьим Ф. И. Сукиным. Мир и союз между государствами должен был скрепить брак овдовевшего Ивана IV с сестрой Сигизмунда-Августа [54].

Лишь когда и эти попытки соглашения закончились неудачей, а Сигизмунд II принял Орден под свой протекторат и направил в Ливонию войска, в русской внешней политике наступил радикальный поворот. Военные операции на юге стали постепенно сворачиваться, а в Крым в декабре 1561 г. была отправлена царская грамота, в которой Иван IV предлагал хану прислать задержанному в Москве крымскому послу инструкции для заключения мирного договора и обещал ему «крепкую дружбу» и «добрые поминки» [55]. Это означало не только фактическое, но и формальное окончание русского наступления на Крым.

Из предшествующего изложения ясно, какие важные причины побудили русское правительство отказаться от своих крымских планов. Поэтому лишь как полемическое преувеличение можно рассматривать утверждение А. М. Курбского, что царь Иван отказался от похода на Крым под воздействием «ласкателей» и «собутыльников» [56]. На самом деле князь Андрей хорошо понимал, чем объяснялась эта нерешительность. Не случайно посвященный крымской войне раздел его «Истории о великом князе московском» завершался рассуждением о том, что сложившаяся на юге ситуация (ослабление Орды, голод и падеж скота) ближе всего касалась Великого княжества, но Сигизмунд II «не к тому обращался умом, но паче в различные плясания много и в преиспещренные машкары. Тако же и властели земли тоя», которые, по мнению Курбского, активны только в пьянстве «на прот-

чия дни паки гнусны и ленивы многолетнего ради обыкновения. И сего ради забыли таковаго благополучнаго времени на бусурманы»[57]. В этом отзыве о нравах магнатерии и шляхты Великого княжества также очевидна явная полемическая заостренность, но горечь его высказываний понятна. Ведь именно отказ литовских феодалов от союза против Крыма способствовал неудаче южных планов «Избранной рады» и уходу с политической арены А. Ф. Адашева и других друзей Курбского.

Однако, если планы большой войны против Крыма не осуществились, опыт контактов между двумя восточноевропейскими державами во второй половине 50-х годов XVI в. не был только негативным. Есть все основания полагать, что именно в этот период были завязаны те связи русского правительства с запорожским казачеством и частью украинских феодалов, которые получили развитие в последующий период и нашли свое выражение в ряде совместных военных акций против Турции и Крыма в 70—80-х годах XVI в.[58]

---

[1] *Rasmussen K.* Die livländische Krise (1554—1561). København, 1973.

[2] *Шмидт С. О.* Предпосылки и первые годы Казанской войны (1545—1549).— Труды Моск. гос. историко-архивного ин-та, 1954, т. 6; *Бурдей Г. Д.* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50-х гг. XVI в.— Учен. зап. Саратовского ун-та, 1956, т. 47; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963, ч. 2, гл. 1.

[3] Так, в 1554 г. царь официально отклонил просьбу черкесских князей дать им «помочь» против султана, так как «турской салтан в миру со царем» (ПСРЛ. СПб., 1906 г., т. XIII, вторая половина, с. 259), в 1559 г., во время морского похода на Крым, Д. Ф. Адашев освободил захваченных турок, заявив им, что «с Турским государь в дружбе и воевати его не велел» (там же, с. 318).

[4] См.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа..., с. 197—198.

[5] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 270—271.

[6] *Грушевський М. С.* Історія України — Русі. Львів, 1909, т. VII, с. 117.

[7] См. данную им характеристику деятельности Д. Вишневецкого: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев: Политиздат УССР, 1957, с. 71—84.

[8] ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом, кн. 10, л. 130—130 об.

[9] Состав войска Д. Вишневецкого подробно характеризуется в летописной записи об его «отъезде». ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 343.

[10] Там же, с. 322—323.

[11] Сб. РИО. СПб., 1887, т. 59, с. 450.

[12] Там же, с. 462; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 250—251.
[13] Сб. РИО, т. 59, с. 463.
[14] Для их позиции следует признать характерным тот факт, что в ноябре 1554 г. Сигизмунд II направил посольство в Швецию с предложением заключить военный союз против Ивана IV. *Jasnowskij J.* Miko'aj Radziwiłł Czarny (1555—1565). Warszawa, 1939, s. 124—125.
[15] Сб. РИО, т. 59, с. 482 и сл.
[16] Там же, с. 503; это утверждение было близко к истине: в 1557 г. Сигизмунд II, например, обещал ливонским послам для облегчения положения Ордена организовать татарский набег на Россию. *Rasmussen K.* Die livländische Krise..., S. 103.
[17] О ходе военных действий на юге см.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа..., с. 208—209.
[18] Сб. РИО, т. 59, с. 526.
[19] См., например: *Шмидт С. О.* Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе.— В кн.: Советская историческая наука от XX к XXI съезду КПСС (История СССР). М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 132—133; см. также: *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966, с. 128—130.
[20—21] См.: Русско-ливонские акты. СПб., 1869, с. 377—379.
[22] Подробный анализ русско-ливонских взаимоотношений в середине XVI в. см. в работе шведского ученого С. Свенссона: *Svensson S.* Den merkantilia backgründen till Rysslands anfall på den livlandska ordenstaten. Lund, 1951, а также в этюде И. П. Шаскольского: *Шаскольский И. П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
[23] См., например, его оценку в работе К. Расмуссена: *Rasmussen K.* Die livländische Krise..., S. 97—98.
[24] Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. 1326—1569.— ЧОИДР, 1915, кн. 4, № 22—23, с. 39—41.
[25] О политике Крыма и причинах ее изменений см.: *Rasmussen K.* Die livländische Krise..., S. 90—92.
[26] ЦГАДА, Сношения России с Крымом, кн. 10, л. 157. Русская сторона впоследствии не отрицала этого, возлагая ответственность за происшедшее на «дурных» советников Ивана IV.
[27] Инструкции Р. В. Олферьеву см.: Сб. РИО, т. 59, с. 541—543.
[28] Там же, с. 571—573.
[29] Там же, с. 541.
[30] Там же, с. 545.
[31] Там же, с. 546: «...в бусурманских государех которые правды хотеть? государь наш король... посылает к ним великое свое жалованье казну свою, и здесе послов его и людей пословых жалует великим своим жалованьем... и ничем его не утешит, всегды изменяет».
[32] Сб. РИО, т. 59, с. 545, 547.
[33] Там же, с. 544.
[34] Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского. М., 1843, с. 141.
[35] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 292.
[36] Сб. РИО, т. 59, с. 551—560; ср.: ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 300.

[37] О посылке этих отрядов и связанных с ними планах подробнее см.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа..., с. 214—215.
[38] Разрядная книга 1475—1598 гг. М.: Наука, 1966, с 178—179. На это важное свидетельство указал Р. Г. Скрынников: *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины, с. 134.
[39] Разрядная книга..., с. 178, 180—182.
[40] Archiwum XX Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1910, t. VII, N 36—37.
[41] Султан Сулейман — Сигизмунду II, 20 мая 1558 г.— Жерела до істории Украіни— Русі. Львів, 1901, т. VIII, с. 31—33; *Rasmussen K.* Die livländische Krise..., S. 124—125.
[42] Сб. РИО, т. 59, с. 577.
[43] См. запись в разрядах: «И того лета государев поход на Тулу не был» (Разрядная книга..., с. 183).
[44] О ходе военных действий на юге в 1559 г. см.: ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 318—320, 322—323; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа..., с. 214—215: *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere Lithuanien du XVI siècle le prince Dimitrij Višnevetckij et l'origine de la Sec Zaporogue d'apres les Archives ottomanes.— La Russie et l'Europe. XVI—XX siècles. Paris; Moscou, 1970, p. 159—161.
[45] Послания Ивана Грозного. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 40, 48, 49.
[46] Сб. РИО, т. 59, с. 578.
[47] Эти условия сформулированы в речи Адашева перед датскими послами в апреле 1559 г.: Копенгагенские акты..., № 58, с. 108.
[48] Такие грамоты были отправлены в ноябре и декабре 1558 г., в феврале 1559 г.: Копенгагенские акты..., № 41, с. 74—75; № 49, с. 91; № 51, с. 93, 94.
[49] Послания Ивана Грозного, с. 40, 48—49.
[50] Сб. РИО, т. 59, с. 578.
[51] См.: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа..., с. 215, 218—219; *Lemercier-Quelquejay Ch.* Un condottiere Lithuanien..., p. 162—164.
[52] Сб. РИО, т. 59, с. 611.
[53] *Rasmussen K.* Die livländische Krise..., S. 150.
[54] Сб. РИО, 1892, т. 71, с. 1—8.
[55] ЦГАДА, Сношения России с Крымом, кн. 10, л. 203 об. О дате миссии см.: ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, с. 339.
[56] РИБ. СПб., 1914, т. 31, стб. 240.
[57] Там же, стб. 241.
[58] О некоторых из этих акций см.: *Флоря Б. Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х гг. XVI в.— Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975.

ПОСОЛЬСТВО МИХАИЛА ЛИТВИНА У КРЫМСКОГО ХАНА В 1538—1540 ГГ.

Ю. М. Юргинис

В 1615 г. в Базеле были опубликованы по-латыни 10 фрагментов трактата Михаила Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» [1]. В дедикации издателя сказано, что сам трактат в 1550 г. был вручен автором великому князю литовскому Сигизмунду-Августу в качестве политического меморандума. Весь трактат не уцелел, а опубликованные фрагменты обратили на себя внимание исследователей XIX в. В России они перепечатывались дважды [2]. Не возникало сомнения, что Литвин — не настоящая фамилия, а псевдоним. М. К. Любавский [3] и И. Йонинас [4] пришли к единому мнению, что под ним скрывался военный и политический деятель Великого княжества Литовского Михайло Тышкевич, он же Тишкович, который как посол великого князя был задержан крымским ханом и в качестве почетного заложника пробыл у него почти два года. И. Лаппо (1869—1944) возражал такому заключению, хотя сам какого-либо предположения о личности автора трактата не дал [5].

Фрагменты трактата Литвина изучались как литературный памятник эпохи Возрождения. Сам трактат был сочинен с целью обратить внимание великого князя литовского и короля польского на опасное положение государства и толкнуть его на путь существенных реформ. Острой критике подвергается общественно-политический строй, судопроизводство, нравы феодальной аристократии, церковь и служители культа. Критику строя Великого княжества Литовского он излагает, сравнивая существующие в нем нравы с образом жизни крымских татар и москвитян в пользу последних, не жалея густых красок для своих соотечественников.

Трактат, по всей вероятности, не воздействовал на великого князя, и его рукопись, содержащая интересные сведения о жизни в Крыму, очутились в руках у издателя И. Грассера в Швейцарии. В конце первого фрагмента издатель поясняет читателю: «В последующих томах Михайло только сетует на испорченность нравов своего на-

рода и говорит, что нет более губительного врага, чем они, и прежде всего предлагает искоренить их. Он желает, чтобы нравы были исправлены и предлагает мероприятия. Однако оставим в стороне подобного рода сетования, так как их достаточно имеется и у других народов, и познакомимся с тем, что относится к истории — учителю жизни».

В настоящее время следует обратиться к мемуарам Михайла Литвина с двумя вопросами: при каких обстоятельствах их автор очутился в Крыму и что в его наблюдениях заняло главное место. Полученные ответы помогут пролить свет в отношении Литовского феодального государства и Крымского ханата в первой половине XVI в.

М. Любавский и И. Йонинас выяснили, что М. Тышкевич не был особенно крупным и влиятельным землевладельцем. Его имущество было незначительным. Желая преумножить его, в 1533 г. он вступил в неравный по возрасту брак с вдовой известного князя Михаила Глинского и овладел его имуществом. Каких-либо высоких государственных должностей он не получал. Он сам, как и его старший брат Василий, являлся ротмистром наемного войска и был хорошо знаком с военным делом, особенно с нападениями крымских татар на украинские поселения. О его посольстве в Крыму стало известно из обращения великого князя Жигимонта (Сигизмунда Старого) к раде панов в 1538 г. в связи с подготовкой к войне с ханом Саип-Гиреем и созывом сейма [6].

Крымский ханат выделился из Золотой орды и в 1443 г. стал независимым при поддержке правительства Великого княжества Литовского. Однако отношения между Крымским ханством и Литвой не были устойчивыми, особенно после того, как в 1475 г. хан Менгли-Гирей (1468—1515) стал вассалом турецкого султана. Отношения, установленные его отцом Хаджи-Гиреем (1443—1466), который некоторое время жил в Лиде и с помощью великого князя литовского Казимира стал ханом, поддерживались договорами, присягами и заложниками. Литовское правительство стремилось избавиться от принужденной дани, называемой подарками или поминками, и использовать ханских заложников в качестве возможных ставленников у власти Крымской орды.

Следует отметить, что в борьбе с Золотой ордой ставленники сыграли немалую роль при разжигании усобиц

среди претендентов на ханский престол. Уже великий князь Витовт имел своего союзника Тохтамыша, родственник которого Хаджи-Гирей стал крымским ханом. Противник Менгли-Гирея Ших-Ахмат содержался в Каунасском замке как пленник и как соперник хана. Он в Каунасе и умер.

В 1480—1481 гг. в Вильнюсе жили два брата Менгли-Гирея: Нордоулат и Андир. Хан требовал отпустить их. Посланник великого князя Казимира Иван Глинский объяснял хану: «Так бывало издавна за предков господара моего, великого короля — коли на которых царей пригодиться неверемя и они прихоживали до великого князства Литовского, ино хлеба и соли не боронивано, а как добровольно прихоживали, так добровольно и отхоживали; а хто в орде на царстве седить, с тым таки у приязни бывали, а тым ся приязнь не рушивала; наболей как господар наш, король его милость, со отцем вашим доканчанье взял и в приязнь вшол» [7].

Хан и великий князь литовский в своих посланиях называли друг друга братьями и уверяли, что желают жить в братстве и приязни, давали присягу и письменно ее подтверждали, обменивались послами, которые, конечно, не были постоянными и нередко выполняли обязанности курьеров. Часто случалось, что посланники хана не возвращались домой из Литвы, так как здесь по политическим соображениям они содержались как почетные гости. Беспокоило Менгли-Гирея и долгое отсутствие его посла Бариаша в то время, когда в Крыму послом великого князя Казимира был князь Иван Глинский, по происхождению татарин.

Хан пообещал прислать в Литву одного своего сына. На это Казимир 5 января 1481 г. ответил: «А теж сына своего хочеш дать к нам для лепшое приязни и правды, иноколи ты даси к нам сына своего на том то и познаем, же и усхоч с нами жит так, как отец твой з нами жил, царь Аркгирей, а мы будем сына твоего держати в чести и в ласце» [8].

Иметь в Литве сына, брата или другого близкого родственника хана считалось делом выгодным в случае возможного проявления смуты при ханском престоле. Смута избавила бы Литву от большой ежегодной дани за «братство и приязнь». В пограничных воеводствах княжества был введен особый налог — ординщина для покрытия

расходов дани или упоминков хану. «Братство и приязнь» обозначало, что хан не будет допускать набегов татар его ханства.

Почетные заложники у хана рассматривались как средство денежных доходов в случае расторжения братства. Такие случаи бывали часто. Тот же Менгли-Гирей был в дружеских отношениях с киевским воеводой Иваном Ходкевичем, часто менялся с ним посланиями. В 1482 г. хан напал на Киев, опустошил город, а самого воеводу с членами его семьи взял в неволю. Воевода умер в Крыму, а его жену и детей выкупило литовское правительство за большую сумму денег. 28 апреля 1512 г. литовские войска в битве под Вишневецком разбили татар. Менгли-Гирей заложником прислал внука Джелал-альдина и послов для заключения мира и союза с великим князем литовским и королем польским, который согласился ежегодно посылать хану 15 тыс. злотых [9].

Незадолго после этого заволжские и ногайские татары просили литовское правительство отпустить к ним в качестве их царя Шиг-Ахмата. Для великого князя литовского представляло большой интерес поставить во главе заволжских и ногайских татар исконного врага Гиреев, тем более что они перебили перекопских татар под водительством своего хана Махмед-Гирея, который добивался Астрахани. В бою погиб Махмед-Гирей с сыном и многими мурзами. Отношения между татарскими ордами установились самые враждебные. Это было как раз на руку литовскому правительству, но из-за отсутствия средств Шиг-Ахмат остался в Литве. Его нельзя было отправить с пустыми руками, надо было ублаготворить не только самого хана, но и всех татарских князей и мурз, которые его приглашали, дать ему средства упрочить свое положение в орде.

После смерти Менгли-Гирея началось соперничество между его наследниками. В 1534 г. Крымская орда распалась на два ханства. Одна часть орды признавала ханом Саип-Гирея, сына Менгли-Гирея, другая — его племянника Осман-Султана. Литва поддерживала отношение с Саип-Гиреем и через своего посла Аникия Горностая заключила договор о дружбе, по которому обязывалась посылать ему ежегодно «упоминков», а хан обязался воздерживаться от нападения на земли Литовского государства. «Упоминки» установились в меньших размерах, чем

раньше, при его отце. С данью, которую составляли прежде всего драгоценные ткани, в Крым отправился Аникий Горностай. Опасаясь нападения по дороге сторонников Осман-Султана, он оставил подарки в Киеве, а сам добрался до Бахчисарая, чтобы известить хана о величине подарков и обсудить пути их доставки из Киева. В то время (в 1537 г.) один из ногайских князей, друживший с Саип-Гиреем, напал неожиданно на Осман-Султана и убил его. Вся орда соединилась под властью Саип-Гирея, который, почувствовав свою силу, отказался принять то, что было для него оставлено в Киеве, и изложил новые требования литовскому послу А. Горностаю, который, вернувшись в Вильнюс передал письмо хана великому князю.

Великий князь немедленно отправил в Крым Михайла Тышкевича, чтобы он уговорил хана соблюдать условия договора и испросил принять те «упоминки», которые оставлены Горностаем в Киеве. В то же самое время он обращался к раде панов, излагая всю опасность создавшейся ситуации. Послание хана было оскорбительным, он требовал такой же величины подарков, какие получали его предки и, кроме того, «почал людей своих в земли наши всылати». По мнению великого князя, уступки требованиям хана не успокоили бы его, так как он стал единовластным в Перекопской орде, знал собственную силу и, кроме того, его всячески поддерживал турецкий султан. По приказу султана хан будет нападать на Литву, невзирая на договора и высокие подарки. Султан Сулейман намеревался захватить Валахию и Мултаны (Молдавию). Великий князь не видел другого выхода, кроме как подготовиться к войне, и ставил вопрос перед радой панов: стоит ли вообще посылать упоминки [10].

Подготовиться к войне без согласия сейма было невозможно, а для созыва сейма нужно было время. Для этого Тышкевичу было дано указание проявлять любезность к хану, чтобы тот принял уже подготовленные и отправляемые подарки. Не довольствуясь этим, великий князь литовский и король польский Сигизмунд, 1 ноября 1538 г. через переводчика Кульзымана отправил письмо хану Саип-Гирею. В письме говорилось, что Михайло Тышкевич уполномочен добиваться «братства и приязни» и что хану следует принять ту любезность, которую было поручено передать А. Горностаю. Перечислялись заслуги Литвы, которая не признавала ханом Осман-Султана и в са-

мый критический момент Саип-Гирею турецкий султан помочь не смог, ибо в то время он был занят войной с Персией [11]. Была сделана попытка успокоить хана, который требовал уплаты упоминков и за прошлые три года.

Сейм состоялся 22 марта 1538 г. в Вильно. На нем была установлена плата «на оборону земскую» в размере 20 грошей с коня, т. е. с восьми крестьянских служб, с которых землевладельцем выставлялся конный ратник. На эти деньги были отправлены 1000 конных ратников на окраинные замки. Но, так как этих людей было мало, рада панов послала к королю просьбу, чтобы он со своей стороны выставил 1000 коней на средства скарба. Король согласился и сделал в этом смысле распоряжение подскарбию земскому. Кроме того, было решено в случае настоятельной необходимости собраться всему земскому ополчению Литвы в назначенном месте для отражения врага общими силами [12].

Военные приготовления не ускользнули от ханского внимания. Он не согласился смириться и задержал литовского посла Михаила Тышкевича в качестве почетного заложника.

Летом 1538 г. староста черкасский и воевода киевский сообщили раде панов, что стража их видела огромное татарское войско, которое переправлялось через Днепр, и что по всем признакам с войском двигается и сам хан. После получения этих вестей было созвано литовское земское ополчение в Новгородке, которое должно было оставаться здесь до получения новых вестей о татарах с тем, чтобы или двинуться против них, или разойтись по домам, если известия будут успокоительные [13].

Скоро было получено известие, что татары, навестив Волошскую землю, возвращаются домой по направлению к Очакову. Члены рады и бояре разъезжались из-под Новгородка по домам.

С переводчиком великого князя Кулейманом Тышкевичу была послана инструкция, чтобы он либо подписал с Саип-Гиреем договор на прежних условиях, либо принял объявление войны, возлагая на хана всю ответственность за последствия. Саип-Гирей не решался начинать войну, но согласиться с условиями договора, заключенного три года назад, тоже не хотел и поэтому задержал у себя посла, дожидаясь какого-либо благоприятного случая.

В конце 1539 г. в Литву прибыл гонец хана Шимка и

заявил, что хан согласен заключить договор, если ему будут вручены упоминки, оставленные в Киеве. Великий князь любезно принял предложение, и с гонцом Шимком, возвращавшимся в Крым, послал своего дворянина Оранского, уполномочив его взять из Киева упоминки и передать Тышкевичу, чтобы тот вручил их хану Саип-Гирею. Оранский должен был получить квитанцию от хана и доставить ее в Вильнюс.

Хан, получив упоминки, заключил прелиминарный договор на предложенные условия и в конце 1539 г. послал к великому князю гонца Аркачеева. Саип-Гирей в своем послании сообщает великому князю о его намерении жить в дружбе с Литвой и начать войну с Москвой. Против московского князя он послал своего сына Емин-Гирея с войском, а великого посла Михайла Тышкевича отпустил. Великий князь через своего посла Аркачеева и толмача Богдана Урмянина поспешил изъявить благодарность за посылку ханом своего сына с войском на московскую землю, уверяя, что желает сохранить приязнь и ждет ханского посла [14].

Михайло Тышкевич вернулся в Литву в начале 1540 г., пробыв в Крыму почти два года. Жалобы от него самого или от властей за плохое обхождение с ним, как в то время было принято, не поступили. Из этого следует, что он жил в Крыму свободно и даже бывал в гостях у самого хана. Таким образом, у него создались благоприятные условия, чтобы понаблюдать за жизнью в ханате.

Будучи ротмистром, он в первую очередь следил за военными делами и за отношениями к татарам жителей Крыма. Города́ у морского берега долгое время оставались независимыми и только 70 лет назад попали в руки турок. В городах, сообщает М. Литвин-Тышкевич, живут греки и платят своим поработителям подушный налог. Земледельцы, скотоводы и виноградари, они живут не бедно, многие из них даже имеют серебряную посуду. Но их жизнь все-таки является неприглядной, так как магометане считают их христианами, не достойными уважения. Татары и турки с ними не общаются, заставляют работать по воскресеньям и даже в дни пасхи. Христианин не имеет власти над холопом и даже над родным сыном; если тот является непослушным, отец обращается за помощью к властям. Христианин теряет всякие права, если он хотя бы в шутку высказался против религии магоме-

тан. Греческие города, в недалеком прошлом процветавшие, при господстве турок и татар приходят в упадок.

Хан в состоянии послать на войну около 30 000 всадников, ибо каждый мужчина, способный оседлать коня, является воином. Тышкевичу бросилось в глаза то, что у татар много коней. Когда их войска отправляются в поход, каждый всадник ведет с собой до пяти запасных лошадей. Имея возможность менять коней, они могут быстро передвигаться и внезапно нападать. По мнению Михайла Литвина-Тышкевича, ошибается тот, кто количество татарских воинов определяет по следам коней. Обоз у них отсутствует. Военную добычу, в том числе и пленных, превращаемых в рабов, они доставляют на конях.

Автор трактата говорит, что он видал отправку татарских войск в Венгрию по требованию турецкого султана, чтобы оказать помощь при его походе. Собиралось около 15 000 воинов под руководством одного из сыновей Саип-Гирея. Это могло бы иметь место в 1540 г., так как в 1540—1541 гг. султан Сулейман нападал на Венгрию [15].

По мнению автора трактата, татары были вооружены довольно бедно — не все имели сабли и стрелы, редко у кого были доспехи, у них совсем отсутствовала роскошь. В походе они питаются сушеной сорой и сыром. Отсутствие обоза увеличивает подвижность конного войска. Важной целью их набегов был захват людей, которых они превращали в рабов и продавали за большие деньги.

Физически они очень выносливы, жара и холод не являются для них помехой в походах. Через реки они переправляются, сидя на конях, а свои мешки с продовольствием и другими припасами кладут на кучи из камыша и привязывают к хвостам коней. В бою они всегда пытаются окружить левый фланг противника, чтобы им было удобно стрелять из лука. Они довольно часто пользуются тактикой обмана. Во время сражения неожиданно обращаются в бегство, и, когда противник, сбив строй, гонится за ними, они вдруг по команде поворачивают обратно и с непредвиденной яростью наступают. Таким путем они часто добиваются победы.

Стратегически умело татары подбирают поле для битвы. При Соколе литовские войска потерпели поражение, так как татары хитро ввели противника в разрушенный город и, кроме того, в холмистую местность, где быстрое передвижение сил по неудобной местности стало невоз-

можным. После этой победы племя Гиреев воспрянуло духом. Из-за стратегической неосторожности была проиграна битва с ханом Ослам-Султаном при Очакове, несмотря на то что литовское войско имело превосходство.

Военную силу татар М. Тышкевич-Литвин видит в их общественном порядке. Они — кочевники, занимающиеся в первую очередь скотоводством, их дома — передвижные шалаши. Они не употребляют спиртных напитков, поэтому всегда трезвые и умеренные в употреблении пищи. Своего богатства они не выставляют напоказ, у них не видно убогих и голодающих. Личной собственности на недвижимое имущество, за исключением колодцев, у них нет. Имущество принадлежит роду.

Производственной работой они не занимаются. Главное для них — религия и оружие. Из-за отсутствия личной собственности оружие им нужно не для защиты своего имущества, а для войны с другими племенами и с христианскими народами в целях добычи денег и рабов для продажи. Они не намерены занимать чужие территории и устанавливать над ними свою власть. Рабов у себя в качестве рабочей силы не держат дольше семи лет. Суд у них не светский, а духовный.

Автор трактата подробно описывает торговлю рабами. Корабли по Черному морю из Азии и других континентов в Крым доставляют оружие, ткани и коней, а назад возвращаются наполненные рабами. Рабов у татар достаточно: их одалживают, дарят и продают. В базарные дни их продают с молотка по повышенной цене. Особенно бойко торговля рабами ведется в Кафе. Драматизируя, автор говорит, что Кафа не город, а пропасть христианской крови. Он описывает, как попавшие в неволю люди подготовляются как товар для продажи. Некоторых парней и девушек неплохо кормят и одевают, чтобы при продаже они лучше выглядели, за таких дороже платят.

Главной целью трактата Михайла Литвина была критика существующего строя Литовского феодального государства, но пребывание его автора в Крыму и описание того, что он там видел, является источником для решения двух политических вопросов. Во-первых, для выяснения форм отношений между Великим княжеством Литовским и Крымским ханатом в первой половине XVI в. и, во-вторых, для определения внутреннего строя и военной организации татар того же времени.

[1] *Michalonis Lituani.* De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum. Basileae, 1615.
[2] Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2; Мемуары, относящиеся до истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. 1.
[3] *Любавский М.* Кто был Михайло Литвин, написавший в половине XVI в. трактат «О нравах татар, литовцев и москвитян».— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт истории: Учен. зап.— М., 1929. Т. IV.
[4] *Jonynas I.* «Fragmentu» autorius.— In: *Mykolas Lietuvis.* Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius. Vilnius, 1966, p. 115—123.
[5] Лаппо И. И. Литовский статут 1588 г. Каунас, 1936. Т. I, ч. 2. Возражение основано на том, что Тишкевичи, или Тышковичи, были русскими и в то время — православным родом с Волыни. Между тем автор трактата, хотя и находился под влиянием реформационного движения, вне всякого сомнения, был католиком. И. Лаппо ошибался, полагая, что в Великом княжестве Литовском реформация распространялась только среди католиков. На самом же деле она не меньше затронула и православных. Автор трактата, как видно из текста, причисляет себя к литовцам. Это не мешало ему быть православным. Ведь значительное число литовских князей и бояр, получивших владения в Белоруссии или на Украине в то время, когда великие князья литовские были язычниками (до 1386 г.), ассимилировались по языку и вероисповеданию. Михаил Литвин прежде всего был гуманистом, почитавшим язычество как реликт античности и полагавший, что феодальная аристократия Великого княжества Литовского — римско-литовского происхождения. По нравам гуманистов он свое настоящее имя Михаил не только латинизировал, но и литуанизировал, превращая в Микайла аналогично архаической форме литовских имен — Ягайла, Скиргайла, Кесгайла и т. д. Спор об идентификации Михаила Литвина можем считать открытым и полагать, что посол литовский у крымского хана и автор трактата — не одно и то же лицо, но это ни в коем случае не мешает решению вопроса об отношениях литовского правительства с крымскими ханами в первой половине XVI в.
[6] РИБ. Юрьев, 1914, т. XXX, с. 7—10.
[7] РИБ. СПб., 1910, т. XXVII, с. 331.
[8] Там же, с. 336—337.
[9] *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem Tatarów Perekopskich. Kraków, 1881, s. 175—183.
[10] РИБ, т. XXX, с. 8—9.
[11] Там же, с. 11—13.
[12] *Любавский М.* Литовско-русский сейм. М., 1900, с. 270.
[13] Там же, с. 271.
[14] Там же, с. 59.
[15] Так предполагал проф. И. Ионинас, опираясь на то, что известны три похода Сулеймана против Венгрии: в 1529, 1532 и 1540—1541 гг. М. Литвин мог видеть отправление войска в последний поход перед возвращением в Литву.

МИХАЛОН ЛИТВИН И ЕГО ТРАКТАТ О НРАВАХ ТАТАР, ЛИТОВЦЕВ И МОСКВИТЯН СЕРЕДИНЫ XVI В. *

Е. Охманьский

Литовская письменность со времени своего зарождения в конце XIV в. до Люблинской унии в значительной мере анонимна: неизвестно, кто писал ее важнейшие памятники — литовские летописи, кто составлял Литовский статут 1529 г. Правда, удалось неоспоримо определить, кто был автором первой литовской книги 1547 г., но это произошло как благодаря находке непосредственных указаний на авторство Мартина Мажвидаса, так и благодаря раскрытию Я. Сафаревичем акростиха в его труде, сообщающего имя автора. Отсутствие же таких указаний не позволило исследователям убедительно показать, кто были авторы двух других ценных памятников литовской письменности середины XVI в. «Rozmowy Polaka z Litwinem» (1564) — замечательного политического трактата о «prawei wolności» литовской и об унии Литвы с Короной, а также знаменитого политического трактата, хотя известного только во фрагментах «О нравах татар, литовцев и москвитян», автор которого, писавший в середине XVI в., тоже скрывал свое настоящее имя и известен как Михалон Литвин [1]. Названные здесь основные памятники литовской письменности возникли в эпоху развивающегося в Литве Ренессанса, на них повлияла частично и распространяющаяся в Литве Реформация. Как Ренессанс, так и Реформация порывали с частой анонимностью средневековья, так как писатели в погоне за известностью привыкли ставить свои имена на титульных листах своих трудов. Между тем в литовской письменности вплоть до унии 1569 г. продолжают появляться анонимные сочинения.

Автором «De moribus Tartarorum, Lituanorum et Mosshorum» сейчас считается живший около середины XVI в. Михаил Тышкевич, русский боярин и великокняжеский дворянин, упоминаемый в источниках 1528—1552 гг.

М. К. Любавский указал первым, что автором этого трактата был литовец [2], поскольку Михалон в одном месте

* Перевод статьи сделан И. П. Старостиной.

ясно отметил, что «Idioma Ruthenum alienum sit a nobis Lituanis» (V, 23). Однако это указание было оставлено без внимания, хотя русское происхождение рода Тышкевичей было ему известно. М. К. Любавский исходил из предпосылки, что названное в трактате имя Михалон — настоящее, а, поскольку автор упоминал, что был в Крыму во времена хана Саип-Гирея (1533—1551), отождествил его с личностью литовского посла в Крыму в 1538—1539 гг.— с паном Михаилом Тышкевичем — и столь простым способом признал несомненным его авторство.

Против этого тезиса М. К. Любавского возразил другой исследователь — И. И. Лаппо, доказавший, что автором «De moribus» был затронутый реформационным движением католик, который гордился римским происхождением своего народа — литовцев, чем, конечно, не похвалялся бы подданный Литве русский. Поэтому И. И. Лаппо принял, что по происхождению Михалон был литовцем [3]. Однако он не обосновал точнее своей точки зрения, поэтому его тезис был предан забвению, в то время как выводы Любавского укоренились в литературе [4].

Укреплению гипотезы Любавского значительно способствовала литовская публикация «De moribus» в 1966 г. Вместе с воспроизведением первого издания 1615 г. и его литовского перевода в ней помещен литовский перевод уже упоминавшейся статьи М. К. Любавского, а также приложена статья известного литовского исследователя И. Ионинаса (1884—1954), посвященная автору «De moribus». И. Ионинас, который почти одновременно с Любавским начал исследовать вопрос об авторстве трактата — личности Михалона Литвина, пришел к тому же выводу: трактат вышел из-под пера Михаила Тышкевича. Ионинас привел ряд других аргументов, свидетельствующих об авторстве Тышкевича, в особенности подчеркнул факт, что автор сам говорит о своем пребывании в Крыму во время татарского похода в Венгрию, который мог иметь место в 1529, 1532, 1540—1541 гг. Тышкевич, как показал Ионинас, был в Крыму по крайней мере с осени 1538 г. приблизительно до начала 1540 г.[5]

И. Ионинас, очевидно, специально не публиковал результаты своих исследований личности Михалона Литвина, поскольку в свое время он усомнился в авторстве Тышкевича и проводил дальнейшие изыскания. Во всяком случае, издавая рукопись работы И. Ионинаса,

Ю. Юргинис совсем не упомянул о ее состоянии, а в своем предисловии к литовскому изданию трактата вопрос об авторстве обошел молчанием, в другом же месте осторожно намекнул на то, что до настоящего времени окончательно не выяснено, кто такой Михалон Литвин, чтобы затем принять авторство Михаила Тышкевича [6]. За авторство Тышкевича как будто высказалась и А. Вишняускайте, отрицая литовское происхождение автора и рассматривая его как православного [7]. Авторство Тышкевича принял в последнее время и белорусский исследователь С. Ф. Сокол, причислив таким образом Михалона Литвина к выдающимся представителям общественно-политической мысли Белоруссии XVI в.[8]

Прежде попытки установления авторства трактата «De moribus» исходили из предпосылки, что имя Михаил — настоящее. На этом основании автора трактата усматривали в литовском после, носящем это имя, который находился в Крыму во времена хана Саип-Гирея, о котором Михалон говорит как о живом, между тем имя Михаил не дает достаточно надежных указаний на личность автора «De moribus». Оно появляется в трактате только три раза и исходит, по всей вероятности, не от автора, а от издателя, который опубликовал труд Михалона. В тексте же автор все время тщательно скрывает свое имя. В конце он говорит, что, вызвав (своей критикой) раздражение стольких людей, он не хочет возмутить против себя и священников (X, 41) — тех, с кем очень сурово обошелся. Значит, это и было причиной того, что он не сообщил своей фамилии и имени (которое легко можно было расшифровать!) и предпочел укрыться в тени, чтобы избежать нападок со стороны затронутых им лиц. Ведь хотя и анонимно, но он выступал против двух наиболее влиятельных слоев — магнатов и ксендзов.

В работе по установлению авторства трактата «De moribus» как М. К. Любавский, так и И. Ионинас допустили принципиальную методическую ошубку: они не попытались на основании труда определить черты личности автора. Оба взяли за основу своих рассуждений вместо целого комплекса черт личности автора только одно указание — имя Михаил, причем исходили из того, что оно является настоящим именем анонимного автора. Оба также не пытались доказать, мог ли указанный ими Михаил Тышкевич быть свидетелем татарского похода в Венгрию,

о котором упоминал автор трактата. Их выводы поэтому следует признать недостаточными, а авторство Михаила Тышкевича недоказанным.

Для выяснения личности автора, скрывающегося под псевдонимом Михалона Литвина, основным вопросом является установление комплекса признаков, его характеризующих. В комплекс этих признаков должны входить: национальность, вероисповедание, социальное происхождение, образование, имущественное положение, непосредственное знакомство с описанными в трактате литовцами, татарами и москвитинами, наконец, пребывание в Крыму во время какого-то татарского похода в направлении Венгрии.

О национальности Михалона Литвина говорит прежде всего его высказывание о том, что литовцы — это итальянцы, происходящие от крови итальянской (Italianis, Italice sanguine oriundis, V, 23). После этой констатации автор привел доказательство римского происхождения литовцев, а именно сослался на сходство языческих культов обоих народов и подобрал 74 латинских слова, сообщив, что в литовском и латинском языке много одинаковых слов («idem significant Lituanice sermone quod et Latine»). Из литовских же привел одно: «ugnis, id est, ignis» (V, 23—24). Значит, он несомненно знал литовский язык [9]. При этом он показал знакомство со старыми, «до сих пор» еще кое-где сохранившимися языческими верованиями литовцев, среди них — обычай сжигания мертвых, гадание по полетам птиц, внутренностям зверей (V, 23). Сходством литовских и римских верований он подкреплял теорию римского происхождения литовцев, уже отмеченную Длугошем. Михалон Литвин был ее горячим приверженцем. Он не происходил из Жемайтии, хотя кое-что о ней знал, но слабо, поскольку Плотеле помещал у берега моря, где якобы высадились его римские предки. Так что он был родом собственно из Литвы — из Аукштайтии.

В нескольких местах автор высказывает свои религиозные убеждения. Приведя московское проклятие: «Чтоб ты стал человеком римской или ляцкой веры», прибавляет от себя: «так ее не выносят» (V, 23). Он сообщил также, что некий москвитин чародейским способом отобрал у некоей девушки оставшуюся у нее после причастия евхаристию (IX, 32). Православный никогда не привел бы такого оскорбительного для своей религии

суждения. Он не гордился бы, как это делал Михалон Литвин (V, 25), крещением Литвы при посредстве соседней Польши в 1386 г. при прадеде нынешнего короля Сигизмунда Августа. Он также не беспокоился бы о сгоревшем в 1529 г. соборе св. Станислава в Вильно (IX, 33). Он не употреблял бы также определения «наши ксендзы», которых порицают не только язычники, но также и соседи русские за то, что они пьют вино — предмет роскоши — и едят мясо (X, 40). Он отметил также, что если бы наши ксендзы постились три дня, прежде чем поднять божью чашу, то жили бы примернее, чем сейчас, что они используют викариев и даже сдают костелы в аренду, а во многих храмах пасторов вообще не видно (X, 40). С таким знанием дела мог писать не православный, а католик, критически относящийся к римской церкви под влиянием Реформации.

Социальное происхождение Михалона Литвина установить нетрудно. Он дважды упомянул свое земельное владение — Pagus, fundus (IV, 21—22) — и при этом сожалел, что своего соседа по селу, подлежащего другой юрисдикции, не так просто вызвать на суд. А если бы кто-либо, относящийся к нему недружелюбно, захватил собственное имение Литвина, то, выплачивая судье за каждое возбуждение дела десятую часть его стоимости, он потратил бы на суды все свои сбережения. Значит, он был не очень зажиточный литовский боярин.

Если Михалон Литвин писал на латыни и на хорошей латыни, то он, возможно, имел университетское образование. Исключено, что кто-то переводил его труд на латынь, так как автор показал знание античных авторов (V, 24). Может быть, он получил юридическое образование, поскольку в его трактате много места занимают юридические рассуждения, сетования на недостатки правосудия в Литве, юридические нормы в Литовском статуте 1529 г., а также их сравнение с татарскими и московскими. Он знал и польское право, поскольку ссылался на достоинства Пиотрковского статута 1511 г. Он имел, пожалуй, личный опыт в имущественных процессах, поскольку подчеркнул их стоимость. Он обладал также довольно обширными историческими познаниями в области истории собственной страны. Он знал о Миндовге (он употребил русское написание — Mindavvg), то, что он принял не только крещение, но и корону (diadema), о которой глу-

хо сказано во всех литовских и русских летописях. Возможно, он прочел об этом у Меховского (1521)[10]. Он имел достаточно сведений по истории Руси и Москвы, например знал предание о крещении в Корсуни, упоминал о свержении татарского ига Иваном III. Это могло бы свидетельствовать о том, что в Вильно у него была какая-то московская летопись. Он хорошо ориентировался в татарском мире, в его делениях на орды, знал историю Крыма и династии Гиреев. Он проявлял необычную для среднего христианина начитанность в священном писании, а именно в знании Старого завета, который несколько раз цитировал, что свойственно людям, проникнутым духом Реформации.

Возможно, ему довелось побывать в Германии, поскольку он дважды сообщил о соотношении литовского гроша и немецкого крейцера (IV, 19, 22). Пребывание в Германии объясняет одновременно и его реформаторские взгляды на дела католической церкви в Литве. Но, возможно, эти данные он получил от виленских купцов.

Из труда Михалона можно также сделать некоторые выводы о профессии автора. Скорее всего, это был человек, связанный с великокняжеским двором, так как он показал хорошее знание работы литовской канцелярии. Он утверждал, что если на его родине посылали кого-либо по господарской службе, то тот, хотя и не всегда заслуживал это, получал от казны деньги на дорогу, коней и подводы, хотя иногда возвращался, не выполнив дела. Более того, канцелярия выдает слишком много разрешений на подводы, хуже того, недавно от обязанности предоставления постоя освободили тех, которые с этой собственно целью получили имения при дорогах из Москвы, из Крыма и Турции (до Вильно). Михалон знал также, что некий московский священник тайно получал в королевской канцелярии копии договоров, распоряжений и материалы совещаний, которые посылал своему князю (IX, 32). Таких деталей не мог знать человек, не занятый в литовской канцелярии.

Михалон был знаком и с политической жизнью за границей, поскольку знал, что у ливонцев с Москвой вечный мир (в сущности — перемирие 1503 г.) и добрососедские отношения (IX, 32). Он обладал обширными знаниями о своей стране и о соседних землях, полученными из поездок, скорее всего не приватных, а по службе своего го-

сподаря. Больше всего у него данных о Киеве, традиции и памятники которого он знал превосходно. Он посетил знаменитый Софийский собор и Киево-Печерскую лавру. Не раз он бывал в Мозыре, не раз видел весной на Припяти неслыханное изобилие рыбы (IX, 33—34). Он знал весь путь вдоль Днепра до его двенадцати рукавов, впадающих в Черное море (IX, 35), ознакомился со всеми надднепровскими городами: Вязьмой, Дорогобужем, Смоленском, Дубровно, Оршей, Могилевом, Рогачевом, Быховом, Речицей, Любечем, Чернобылем, Киевом, Каневом, Черкассами, Дашовом и Очаковом (IX, 35). О лежащей в устье Днепра местности Видово он заметил, что она была местом ссылки Овидия (IX, 35). Он восхищался Днепром и его одиннадцатью порогами; к сожалению, он не привел названия ни одного из них, зато сообщил, что от последних литовских городов на Украине — Черкасс и Браславля — до Крыма шесть дней пути степями (I, 2).

Сам Крым, как описывает Михалон, равнинный, только на побережье есть горы и леса. Там издавна живут угнетаемые татарами греки. Здесь много соли, легко добываемой из соленой воды, так как она кристаллизуется летом от жары. Земля, раз вспаханная и проборонованная, дает всякое зерно и виноград. Скот даже зимой остается на пастбище под открытым небом и выгребает корм из-под снега (I, 2). Зимой в Крыму дует северный ветер, а реки покрываются льдом. Автор, следовательно, очень хорошо был знаком с Крымом. Наибольшую ценность, однако, имеет его описание жизни и татарских обычаев, как почерпнутое из его непосредственных наблюдений и добросовестное в своем изложении. В нем нет вымысла и фантазии, его суждения о татарах, может быть, слишком восторженно, но верно воспроизводят татарские реалии. Он знал ханский двор и гаремы Саип-Гирея, что могло бы указывать на то, что он был его официальным гостем. Об одном из этих гаремов сообщил, что он расположен в очень красивом месте и имеет прекрасный сад и парк, там хан принимает своих гостей за столом, уставленным дорогой посудой, сам, однако, ест из деревянной и глиняной (I, 10). Он посетил и Кафу, здесь в порту был на рынке невольников, увезенных из Литвы и Руси.

Михалон Литвин хорошо знал и Москву, так как сообщил об Иване III, что он украсил столицу каменным замком, а дворец — резными на манер Фидия камнями,

куполы же некоторых часовен позолотил. Его сын Василий увеличил столицу, а руками взятых в плен наемных литовских жолнеров поблизости от нее возвел село Налевки (III, 11) [11]. Он отметил, что при московском дворе пьют из больших золотых и серебряных кубков, или так называемых «соломенных», так как царь (речь, вероятно, идет об отце Ивана IV Грозного — Василии III), все, даже солому, продавал и покупал на это разные ценности (IX, 31). Эта деталь указывает, что автор знал царский дворец, а попасть туда мог только как официальный гость.

Знакомство с Польшей Михалона Литвина показывает его одно очень интересное наблюдение: так, говоря о древности и богатстве Корсуни, он упомянул, что именно из этого города происходят и двери гнезненского собора (1, 3). Откуда бы он мог знать об этом знаменитом памятнике искусства и как бы мог определить (хотя ошибочно) его происхождение, если бы не побывал в Гнезно.

Хорошее и глубокое знание соседних стран, прежде всего Крыма и Москвы, указывает на то, что Михалон Литвин должен был ездить туда официально. Его пребывание при ханском и московском дворе позволяет сделать вывод, что он выступал там как представитель своего господаря и государства.

Для установления личности автора особенно важным является время его пребывания в Крыму. Автор упоминает о зимнем наряде Крыма, а потом о заснеженных степях (IX, 36). Значит, он ездил в Крым зимой и находился там в зимнее время. Он говорил также о кристаллизующейся в соль воде, а это он мог наблюдать только летом. Он сообщил также, что в окрестностях Киева есть много назойливых, пьющих кровь оводов, а особенно много их появляется в начале июля (IX, 37). В Киеве собирается множество людей, особенно весной (IX, 36). Таким образом, в одну сторону он путешествовал зимой, в другую — ранним летом, а, поскольку видел Крым зимой, значит, возвращался оттуда, скорее всего, только тогда, когда спадала вода и дороги высыхали, т. е. в начале июля он должен был уже вернуться в Киев.

Труднее обстоит дело с определением года его пребывания в Крыму. Некоторое указание дает его информация, что Кафа, а также другие крымские города попали в турецкие руки около 70 лет тому назад (I, 3—4). Знал ли автор точную дату падения Кафы — 1475 г., неизвест-

но. Можно, однако, допустить, что он был в Крыму несколькими годами раньше, чем писал свой труд (ок. 1550). Другое указание на время его пребывания в Крыму — это свидетельство того, что, когда он там был (ut me presente ibi), перекопский царь послал своего сына с половиной своего войска (всего 15 тыс. человек, но вооруженных по большей части слабо) на помощь Турции против Венгрии. Турецких походов времени Саип-Гирея, т. е. во времена пребывания Михалона в Крыму, было несколько. И. Ионинас указал на походы 1529, 1532 и 1540—1541 гг. (последний поход имел место в 1541 г.). Он упустил из виду татарский поход на Венгрию 1538 г. и турецкий поход весной и летом 1543 г.

Теперь нужно рассмотреть список литовских послов в Крыму при Саип-Гирее, а затем установить, кто из них мог быть свидетелем участия татар в одном из этих походов? Тот, кто мог наблюдать выступление татарских войск на помощь туркам, должен быть принят во внимание как предполагаемый автор «De moribus».

Во времена Саип-Гирея, когда Литовское государство под угрозой частых татарских нападений на свои владения предприняло попытки примирения с беспокойным противником, в Крым было отправлено несколько посольств, которые возили хану в доказательство союза и дружбы упоминки стоимостью по 15 тыс. золотых ежегодно, если это было возможно с литовской стороны, но посольства направлялись не каждый год. Сохранились свидетельства о следующих посольствах [12]: в 1534 г. послом был Оникей Горностай, в 1538—1539 г.— Михаил Тышкевич, в 1539 г.— Воина Оранский, в 1540 г.— Оникей Горностай, в 1542 г.— Константин Ратомский [13] и в 1542—1543 гг.— Венцлав Миколаевич.

Таким образом, только два посольства по времени совпадают с известными татарскими походами в направлении Венгрии: летом 1538 г. татары напали на Молдавию, и этот поход мог наблюдать Михаил Тышкевич. В 1543 г. король Сигизмунд в Кракове в начале июня знал, что «царь Перекопский на сей стороне Днепра с великими людьми наготову стоит» [14]. Присутствие царя в этом походе сомнительно, так как Саип-Гирей поручил его проведение сыновьям, но свидетелем этого похода мог быть пан Венцлав Миколаевич. Следующий турецко-татарский поход на Венгрию имел место позднее, в 1549 г.

Какой из двух указанных послов — свидетелей татарского похода в направлении Венгрии — соответствует чертам личности автора «De moribus» — Михаил Тышкевич или Венцлав Миколаевич?

Поскольку католичество автора «De moribus» трудно опровергнуть, а все, кроме одного-единственного Венцлава Миколаевича, литовские послы в Крыму были православными, ответ на поставленный вопрос оказывается неожиданно простым: как предполагаемый автор трактата «De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum» может быть принят во внимание только Венцлав Миколаевич. Теперь, однако, предстоит провести дальнейшие исследования, которые могли бы сделать эту гипотезу еще более правдоподобной.

Основной задачей является выяснение того, соответствовали ли черты личности пана Венцлава Миколаевича чертам автора «De moribus».

Для этого следует рассмотреть биографические данные Венцлава Миколаевича.

Венцлав Миколаевич известен как писарь (секретарь) литовской канцелярии сначала (согласно А. Бонецкому) при Сигизмунде Старом в 1535—1542 гг., а потом при Сигизмунде Августе в 1547—1556 гг. В эти последние годы он, как утверждал А. Бонецкий, был скирстомонским и росиенским старостой.

В 1555 г. вместе с Збаражским и Шимковичем Венцлав Миколаевич был с посольством в Москве. Он был женат на Дороте, дочери Мартина Белевича. В 1540 г. судился с ее братом Юрием [15].

Эти скупые сведения Бонецкого можно кое в чем дополнить и расширить. Впервые имя Венцлава названо в 1522 г. в завещании Войтеха Насиловского, а также в актах виленского капитулы, где он назван как свидетель Вацлав из Майшагялы, писарь (notariusz) [16]. Однако Венцлав находился в Литве еще раньше. Так, в 1529 г. он сообщал, что участвовал в судебном деле еще времен Миколая Радзивилла [17], т. е. до 1522 г. В привилее 1526 г. Ольбрахта Гаштольда для костела в Даугелишках выступает секретарь Венцлав Миколаевич [18]. Эта запись свидетельствует как о его боярском происхождении (nobilis), так и о его профессии — был секретарем апостольской креации. Возможно, с начала своей секретарской деятельности он был на службе одного из самых могущественных

литовских панов Ольбрахта Гаштольда, в то время уже первого сановника в литовском государстве — виленского воеводы и литовского канцлера (с 1522 г.). В 1529 г. он временно стал земским бельским писарем вместо Станислава Вирбовского, обвиненного в том, что, уехав в Мазовию, он не выполняет обязательств, что он не происходит из Великого княжества Литовского и не имеет тут имения.

В следующем году король вернул писарство Вирбовскому, который представил оправдывающие его отсутствие причины — выезд по делам королевской службы. В этом не очень приятном для Венцлава деле (предпринятом, вероятно, через его покровителя Гаштольда, упорно боровшегося против жителей Короны на Литве) заслуживают внимания мотивы его назначения на эту должность. Он получил его за свои знания, как отмечал король в своем привилее [19]. Венцлав вернулся на службу к Гаштольду, ибо выступает как писарь этого магната и позднее, в 1531 г. Благодаря ему он сделал и дальнейшую карьеру, попал самое позднее в 1534 г. в великокняжескую канцелярию [20]. Гаштольд как канцлер легко мог поместить в канцелярию своего человека. В должности секретаря в латинском отделе канцелярии Венцлав Миколаевич оставался без перерыва до своей смерти.

Пользуясь доверием своего начальника, руководителя внешней политики Литвы Гаштольда, в декабре 1536 г. вместе с полоцким воеводой Яном Глебовичем с витебским воеводой Матеем Яновичем он выехал с посольством в Москву как один из трех послов [21]. Это посольство прибыло в Москву 12 января 1537 г., а два дня спустя было принято малолетним государем Иваном IV и его боярами [22]. Венцлав после окончания долгих и острых переговоров между посольством и московскими боярами контролировал составление перемирной литовской «грамоты». Под его наблюдением «королеву грамоту писал Угрим, подьячей королев» [23].

Характерно что два сообщения Михалона Литвина, касающиеся московских дел, соответствуют московскому опыту Венцлава Миколаевича. Говоря об отношениях Литвы с Москвой, Михалон в одном месте делает выпад в адрес царя Ивана IV, явно обращаясь к литовско-московским переговорам 1537 г. Московские бояре тогда в заключение согласились с тем, чтобы Литва сохранила

только что отбитый Гомель, но решительно протестовали против литовских притязаний: «Которые новые городки поставлены, поставил,— говорили литовцы,— государь ваш на нашего господаря землях. От Полоцка и от Витебска, Заволочье, Себеж и Велиж и те городки велел разорити, чтоб их не было»[24]. Твердо отклоняя литовские требования, московские бояре заявили, что их государь «Велиж поставил на своей земле». В ходе дальнейших переговоров литовцы настаивали уже только на разрушении Себежа и Заволочья, молчаливо признав правоту москвичей в вопросе о Велиже[25].

Таким образом, известие Михалона Литвина о сооружении московской стороной Себежа, Заволочья и Велижа на литовской территории точно соответствует начальной позиции литовских послов в Москве по этому вопросу. Это весьма характерная деталь и собственно коронное доказательство того, что известия Михалона Литвина по этому вопросу могли быть сообщены только членом литовского посольства в Москву в 1536 г. Это указывает на Венцлава Миколаевича, поскольку именно он мог записать именно такое, а не иное сообщение о ходе переговоров. Велиж не был больше предметом споров, а кто же другой мог через несколько лет знать о такой детали переговоров?

Михалон Литвин сказал, что при московском дворе пьют из больших золотых и серебряных кубков. Он давал этим понять, что был свидетелем или участником этого. Правда, литовское посольство 1536 г. не было приглашено к монаршему столу, поскольку великий московский князь «еще себе столом не едал» по малолетству. Однако 16 февраля, когда обе стороны «грамот не дописали, ели на дворе дьяки с Венцславом» так же, как и на следующий день[26]. Вместе с тем после утверждения перемирия Иван IV «целовал крест», а потом «подавал им (литовским послам.— *Е. О.*) князь великий вина фряжские и меды вишневые и малиновые в ковшах и в чарах в золотых и дворяном королевым также подавал из своих рук»[27]. И в этом пункте данные Михалона Литвина совпадают с личным опытом Венцлава Миколаевича. Это является сильным доказательством в пользу его авторства трактата «De moribus».

Посольство, в котором он участвовал, после заключения перемирия на 5 лет выехало из Москвы 20 февраля

1537 г. Венцлав Миколаевич во время своей миссии, следовательно, имел время присмотреться и к самой столице московского государства, и к ее жителям.

О посольстве Венцлава Миколаевича в Крым говорит лист Сигизмунда I к Саип-Гирею от 30. XI 1542 г. Король доносил в нем хану: «... иж мы вжо одного посла нашого великого, секретаря нашего, державцу Медницкого, пана Венцлава Миколаевича с тыми упоминкам до тебе, брата нашого отправили и послали». Но посол с дороги сообщал королю, что «...иж он жадным обычаем к тему року, яко ест в докончанию описано», добраться до Крыма не сможет из-за плохой дороги и «для великих вод». Король писал далее хану, что, когда посол прибудет с упоминками в Киев, даст об этом знать хану. Тогда хан, «для небезпечности напротивку оных впоминков, абы ся в поли которое шкоды от неких людей не стало», вышлет своих людей «до Черкас на стречу»[28]. Посол сообщал королю о своей дороге, трудной и тягостной, еще перед Киевом, куда мог прибыть самое раннее в ноябре 1542 г. Таким образом, он мог находиться в Крыму в конце 1542 г. или в начале 1543 г., что полностью соответствует информации Михалона Литвина, поскольку он видел заснеженные степи и Крым в зимнем наряде. В Крыму Михалон Литвин был до весны и начала лета, так как где-то в первых днях июля ему докучали кровососущие оводы. В любом случае это совпадает со временем возвращения Венцлава Миколаевича на родину, так как уже 28 августа 1543 г. в Неполомицах под Краковом королевский документ подписывал: «Вецлав секретарь (это по-русски.— *Е. О.*) subscripsit»[29], а до июля королевские письма визировал «Михайло писар». О передвижении же татарских войск король писал из Кракова 4 июля 1543 г.[30] Таким образом, Венцлав Миколаевич мог быть свидетелем этого похода в Крыму в конце весны, перед своим возвращением.

В 1554 г. в Люблине прибывшее московское посольство встречали «от короля Остафей Волович да писар Венслав». После переговоров московский дьяк Идук «с писаром с королевым с Венцлавом грамоту написали с списка».

В конце люблинских переговоров еще раз выступили «Остафей да писар Венслав», которые держали опечатанную «грамоту перемирную»[30а].

Как опытный дипломат пан Венцлав Миколаевич во второй раз был послом в Москву в 1555—1556 гг.[31] Послы вручали тогда «от себя» упоминки Ивану IV, при этом «от писаря от Венслава поминки 100 золотых черленых 2 коня» [32].

Последнее упоминание о нем приходится на 1559 г., когда он упомянут при перечне свидетелей в привилее виленского епископа Валериана Протасевича для алтаря Св. Креста виленской кафедры [33].

Пан Венцлав Миколаевич, таким образом, происходил из Майшиогалы, где у него было имение. В 1528 г. он как «Венцлав Миколаевич» выступает в списке литовского войска среди «бояр мойшакгольских», выставляя на военную службу одного коня [34]. Значит, его имение было небольших размеров и не могло насчитывать больше нескольких домов.

Может быть, он ставил этого коня с только что пожалованных ему владений. До 1528 г. он получил от короля две пустые земли, называемые Тричишки и Мончушишки в майшиогальском повете. Впоследствии Гаштольд дал ему «до воли» господарской бывшие владения доктора Томаша Бредиша. Королевский привилей, подтверждающий передачу этих владений ему, а также «его жоне и их детем» «вечно и на веки непорушно» он получил 10 июля 1528 г.[35] Это было небольшое имение, стоимостью 300 червоных золотых [36].

В Литовской метрике сохранилось подтверждение майшиогальскому боярину Венцлаву Миколаевичу на куплю имения в Гедетанех от 10 октября 1529 г. [37]

Всего он потратил на эти угодья 142,5 коп грошей. Около 1529 г. пан Венцлав Миколаевич увеличил свои владения на 14—15 служб. Всего ему принадлежало в 1528 г. по крайней мере 18 подданных и несколько невольных. Стоимость его состояния равнялась: 142,5 коп грошей плюс 300 червонных золотых, всего — более 262 коп грошей. Он, однако, на этом не остановился. Будучи уже господарским секретарем, в 1537 г. «бил чолом» королю об увеличении своих владений [38]. Позднее, при Сигизмунде Августе, он добился более прибыльных (согласно данным Бонецкого) постов — наместника в господарских владениях в Скирстомони и в Росиенах в Жемайтии. Как литовец он был, очевидно, католиком, что подтверждает московская Никоновская летопись,

которая определила состав посольства однозначно: «все Римського закона» [39].

Возникает вопрос, где Венцлав получил образование и изучил латынь, благодаря которой стал писарем, а потом и латинским секретарем великокняжеской канцелярии? Напрасно бы его стали искать в Album Studiosorum Краковского университета. Но Acta Rectoralia этого учебного заведения отметили под 1506 г. студента: «Venceslaus Lithuanus» [40]. Дело в том, что это же имя носили еще два других человека, жившие в Литве одновременно с Венцлавом Миколаевичем, которые тоже имели университетское образование: Вацлав (или Венцлав) Чирка из Волковыйска, доктор права, виленский каноник в 1524—1546 гг., а также Вацлав Вежбицкий, плебан в Гродно около 1524 г., великокняжеский секретарь в 1533 г., жемайтийский епископ в 1534—1555 гг. Если, однако, принять во внимание, что Чирка учился в 1515 г. в Италии, где, вероятно, и получил докторскую степень, то Вежбицкий был, согласно данным В. Виюка-Кояловича «nationale Lithuanus, gente Polonus» [41] (т. е., вероятно, поляком из принадлежащего Литве Подляшья). Единственным литовцем, названным в актах краковского университета в первой половине XVI в., был бы Венцлав Миколаевич. Кроме этого упоминания, нет никаких других данных об обучении в Кракове Венцлава Литвина.

Венцлава Миколаевича, по всей вероятности, уже не было в живых в 1561 г., когда наместником в Скирстомони и Росиенах был Матей Веткович [42], скорее всего, после умершего Миколаевича.

Что же получается из сопоставления черт личности Михалона Литвина с биографией пана Венцлава Миколаевича из Майшагялы?

Вот сравнение черт личности Михалона Литвина с чертами Михаила Тышкевича и Венцлава Миколаевича.

Черты Литвина по трактату	Тышкевич	Миколаевич
Литовская национальность	—	+
Католическое вероисповедание	—	+
Знание литовского языка	?	+
Знание латинского языка	?	+
Знание русского языка	+	+
Среднезажиточный боярин	+	+
Посол в Крым	+	+

Свидетель татарского похода	+	+
Участие в посольстве в Москву	—	+
Связь с великокняжеским двором	+	+
Работа в литовской канцелярии	—	±
Университетское образование	?	+
Знание Польши	?	+
Знание права	?	+
Знание Германии	?	?
Знание истории Литвы и Руси	?	+

Как Михалон Литвин, так и Венцлав Миколаевич из Майшагялы (почти из центра собственно Литвы) были по национальности литовцы католического вероисповедания, по происхождению — бояре, имели университетское образование и знали латынь.

Оба непосредственно знали как Крым, так и Москву, оба были связаны профессиональной работой с литовской канцелярией. Знание же литовского языка Венцлавом Миколаевичем не подлежит сомнению. Оба знали литовское право, сам же Миколаевич судился лично. Пребывание пана Венцлава в Крыму в качестве посла совпадает по времени с описанным Михалоном Литвином выступлением татарских войск в поход в сторону Венгрии. Наконец, оба выступают как не очень зажиточные люди. Словом, черты личности Михалона Литвина совпадают с чертами личности пана Венцлава Миколаевича из Майшагялы до такой степени, что между ними следует поставить знак тождества [43].

Труд Михалона Литвина нес острую критику в адрес собственных соотечественников. Главными недостатками литовцев Венцлав Миколаевич считал излишества, пьянство, воровство, разбой и убийство. Правосудие, утверждал он, разъедено коррупцией и бессилием, высокие судебные пошлины делают невозможным для пострадавшего, не имеющего достаточных средств, осуществление правосудия, пьяные судьи выносят приговоры, как хотят, а свидетели, которые не должны присягать, обычно лгут. В Литве сохраняется неволя людей, имеющих ту же национальность и веру.

Несправедливы налоги, так как их взимают с головы, тогда как следовало бы перемерить дворы и поля, чтобы каждый платил в зависимости от количества облагаемой земли. У женщин очень большая свобода нравов

и даже одежды. Неумелой и жадной оказывается государственная администрация, один человек может иметь и десять должностей с ущербом для других, замки приходят в негодность, страна становится открытой для неприятеля. Нравы клира возмутительны, жаждущие ксендзы пируют, имеют наложниц, забрасывают божью службу. В духовное сословие они вступают незрелыми, желая получить богатые дворы и несколько приходов одновременно, не живут при костеле, храмы сдают в аренду. Поэтому-то и вера паствы не сильна, любовь к богу слабеет и пропадает.

Программу исправления одновременно нравов и литовского строя Михалон Литвин изложил во фрагменте, опущенном И. Грассером. Из труда можно, однако, заключить, что, по мнению Михалона, прочной основой сильного литовского государства должны стать: трудолюбие, бережливость, воздержанность, мужество и отвага. Этими достоинствами молодежь могла бы овладеть в школе в то время, как в Литве нет «гимназии» или средних школ [44].

Венцлав Миколаевич в своем трактате затронул жизненно важные для литовского общества вопросы государственного значения. Возникает вопрос, не отражали ли его мысли в какой-то степени взгляды более широкого круга литовской шляхты и даже правящей среды, словом, имели ли какое-нибудь практическое значение? Исследователи обошли этот вопрос молчанием.

С. Ф. Сокол, который специально занимался общественно-политическими взглядами Михалона Литвина, обратил внимание на то, что осужденная Михалоном неволя в Литве была ограничена II Литовским статутом 1566 г. и уничтожена, за исключением неволи военнопленных, III Статутом 1588 г.[45] Было ли это под влиянием идеи Михалона, выяснить, пожалуй, не удастся, во всяком случае, промежуток в несколько лет между написанием трактата, вероятно, на Литве более широко в рукописи неизвестного, и появление II Статута требует определенной осторожности в выводах.

Предметом острой критики Михалона Литвина было непригодное и дорогое судопроизводство. Он обратил внимание на то, что в Литве существуют только два суда, а именно воеводские (трокский и виленский), до которых нужно было добираться иногда 50 миль (IV,

22) и которые перегружены были множеством дел. Этот вопрос стал предметом обсуждения литовского сейма в 1544 и 1547 гг.

Тогда от короля безуспешно добивались, чтобы в соответствии со статутом 1529 г. были созданы поветовые суды [46]. Этот вопрос был вновь поставлен на виленском сейме 1551 г. Тогда у короля просили, «абы в кождом повете был судья и писар присяжный», на что господарь выразил согласие, постановив, чтобы судьи в поветах судили четыре раза в год, а воеводы два раза в год рассматривали апелляции, нужно было также в поветах учредить присяжных писарей [47].

Михалон Литвин жаловался на высокие судебные сборы (IV, 14). Этот вопрос был поднят сеймом 1551 г., который просил короля «о пересуд и о вины, абы были от того вызволены». Король частично согласился на эту просьбу [48].

На сейме 1551 г. король выполнил и другое требование, выраженное Михалоном Литвином и шляхтой, которая домогалась, чтобы за убийство наказывали «iuxta legem divinum», как хотел Михалон Литвин (IV, 19) — согласно божьим законам [49].

Литовской шляхте, на которую начала влиять Реформация, стремящаяся и к ограничению церковных богатств, был близок также другой вопрос, поднятый Михалоном Литвином. Он справедливо критиковал держание ксендзами нескольких костелов одновременно (X, 41). И вот на сейме 1551 г. было потребовано, хотя и тщетно, «абы каждая парсуна стану духовнего, так Рымского, яко и Греческого закону, двох або трех костелов, то есть хлебов духовных, не держали» [50].

Сходство требований Михалона Литвина с устремлениями литовской шляхты несомненно, но невозможно решить, сыграли ли здесь взгляды Венцлава Миколаевича инспирирующую роль в начинании шляхты или же представляли только отражение стремлений этой общественной прослойки. Ясно одно: добиваясь уничтожения неволи, поднимая вопрос об ограничении власти и доходов панов, которые имели по десять должностей, в то время, как другие шляхтичи были отстранены от управления (IX, 31), Венцлав Миколаевич как выразитель идеологии шляхетской демократии в Литве шел в своих реформаторских концепциях дальше, чем широкие круги политиче-

ски сложившейся шляхты, которая таких требований публично еще не ставила.

Теперь Венцлав Миколаевич из Майшиогалы (ок. 1490—1560) в качестве автора трактата «De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum» (ок. 1550) представляется как выдающаяся по своему умственному кругозору фигура [51]. Он был одним из наиболее просвещенных людей своей эпохи в Литве, одним из первых гуманистов, с широким кругозором и прогрессивными общественно-политическими взглядами. При этом он был литовским патриотом, желавшим исправления строя своей родины, возвращения ей могущества, для чего, по его мнению, был один путь — исправление пришедших в упадок нравов.

---

[1] *Michalonis Lituani.* De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moschorum fragmina X multiplici historia referta. Nunc primum per I. Jac. Grasserum, C. P. ex manuscripto authentice adite. Basilieae apud Conradum Waldkirchium, MDCXV, p. 1—41 (ссылки на текст трактата даются в скобках в тексте статьи). Факсимиле первого издания и литовский перевод И. Ионинаса см.: *Mykolas Lietuvis.* Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius. Vilnius, 1966. Есть два русских перевода труда Михалона.— С. Шестакова: Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. М., 1854. Кн. 2; а также К. Мельника: Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Киев, 1890, вып. 1, с. 3—58. Польского перевода нет.

[2] Подробнее об этом см.: *Mykolas Lietuvis.* Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius, s. 124—133.

[3] *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. Каунас, 1936, т. I, ч. 2, с. 333, примеч.

[4] См., например: Lietuvių literaturos istorija. Vilnius, 1957, т. 1, s. 83—88; *Trumpa V.* Mykolas Lietuvis.— Lietuvių Enciklopedija. Boston, 1959, t. XVIII, s. 439—440; Mažoji Lietuviškoji Tarybine Enciklopedija. Vilnius, 1968, t. II, s. 590—591.

[5] См. об этом листы короля Сигизмунда от 30 июля и 20 октября 1538 г.: Archiwum Sanguszków (Lwów), 1890, t. IV, s. 152, 165; *Demel J.* Historia Rumunii. Wrocław, 1970, s. 147.

[6] *Jurginis J.* Renesansas ir humanizmas Lietuvoje. Vilnius, 1965, s. 129; *Idem.* Istorija ir poezija. Vilnius, 1969, s. 45—46, 57.

[7] Pergale (Vilnius), 1966, N 2, s. 171.

[8] *Сокол С. Ф.* Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI в. Минск: Наука и техника, 1974, с. 35—63; *Он же.* Идеи гуманизма в мировоззрении Михайло Тышкевича.— В кн.: Проблемы общественных наук. Минск, 1970; а также: *Александрович И.* Михайла Тышкевич.— Полымя (Минск), 1968, № 4.

[9] Автор собрал такие основные понятия, как aer, sol, mensis, dies, noctia, deus, vir; основные местоимения: tuus, meus, suus; назва-

ния частей тела: okulus, auris, nasus, dentes; названия некоторых растений: linum, canapum, avena; животных: pecus, ovis, основные числительные, глаголы в повелительном наклонении, причастия. Весь этот небольшой латинско-литовский продуманно составленный словарь свидетельствует о прекрасном знании автором литовского языка, его языковом чутье и его интересах. Наличие терминологии, связанной с земледелием и хозяйством, показывает, что автор словаря был не простым любителем латыни на уровне среднего студента, он старательно подбирал отдельные выражения, согласно определенной концепции, соответствующей его хозяйственным интересам. Отсюда такие выражения, как: ansa, corbis, abis, rota, jugum, pondus, culeus.

[10] См.: *Matthias de Miechow.* Chronica Polonorum. Kraków, 1521, lib. 3, cap. 52, p. CLXI. Автор употребляет, однако, название не diadema, a korona.

[11] Сообщение Михалона Литвина о Налевках использовал С. М. Соловьев без ссылки на источник, но автору было известно издание Калачова. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1960, кн. 8, с. 377.

[12] Данные об этих посольствах см.: *Kolankowski L.* Zygmunt August wielki książe litewski do roku 1548. Lwów, 1913, s. 123, 128, 136, 184. См. также: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М. 1900.

[13] Ратомского (имя установлено на основе сведений Бонецкого) ждал в Крыму фатальный случай: Саип-Гирей приказал его арестовать и держать под стражей, а слуг поймать и посадить в тюрьму. См.: РИБ. Юрьев, 1914, т. XXX, стб. 8283. О Горностае, Оранском и Ратомском см.: *Boniecki A.* Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887, s. 86, 222, 281—282.

[14] Archiwum Sanguszków, t. IV, s. 352.

[15] *Boniecki A.* Poczet rodow..., s. 363.

[16] Biblioteka Czartoryiskich, sign. 3516; AGAD, sign. 197, k. 687, 24.VII 1522.

[17] Литовская метрика, кн. XIX, AGAD, sygn. 200, k. 63.

[18] Privilegiae seu fundationes ecclesiarum dioecesiae Vilnensis, kopiariusz z XVII w. Biblioteka Czartoryskich, sign. 1777, k. 397.

[19] Литовская метрика, кн. XVI, AGAD, sygn. 198, k. 594—595; возвращение писарства Вирбовскому произошло 6 IV. 1530 (Там же).

[20] Acta Tomiciana, Kraków, t. XVI, s. 284.

[21] Сб. РИО. СПб., 1887, т. 59, с. 62—108. Литовское посольство насчитывало всего «литви 415 человек, а лошадей с ними 611» (там же, с. 64).

[22] Сб. РИО, т. 59, с. 65.

[23] Там же, с. 105.

[24] Там же, с. 82.

[25] Там же, с. 85.

[26] Там же, с. 66, 67, 105.

[27] Там же, с. 107.

[28] РИБ, т. 30, стб. 88.

[29] Archiwum Sanguszków, t. IV, s. 364.

[30] Ibid., s. 352.

[30a] Сб. РИО, т. 59, с. 441, 442.

[31] ПСРЛ. СПб., 1904, т. XIII, с. 263. Московские отчеты об этом посольстве см.: Сб. РИО, т. 59, с. 485—516. 7 II.1556, во время утверждения перемирия Венцлав читал перед царем «Королево слово» (там же, с. 510).
[32] Сб. РИО, т. 59, с. 491.
[33] *Kurczewski J.* Kościół zamkowy czyli Katedra wileńska. Wilno, 1910, t. II, s. 64.
[34] РИБ, т. 33, стб. 49.
[35] Литовская метрика, кн. XV, AGAD, sygn. 197, k. 632—633. Потомство Венцлава Миколаевича сейчас установить трудно. Возможно, его сыном был Шчесный Венцлавович, который в 1565 г. ставил коня с вотчины в Рудоминском повете (где находились Волкогуян). РИБ, т. 33, стб. 278.
[36] Литовская метрика, кн. XII, AGAD, sygn. 196, к. 108—109.
[37] Литовская метрика, кн. XII, AGAD, sygn. 198, к. 527—529. О ценах на землю и службе см.: Статус Великого княжества Литовского 1529. Минск, 1960, с. 109, ст. 20; РИБ, т. 33, стб. 554.
[38] *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм, с. 5, 436, прим. 24.
[39] ПСРЛ, т. XIII, с. 116. Аналогичные сведения в московском дневнике переговоров о перемирии: Сб. РИО, т. 59, с. 64.
[40] Acta Rectoralia Almae Uniwersitatis Studii Cracoviensis ab anno 1469. Kraków, 1893. T. I, N 2072.
[41] О Чирке и Вержбицком см.: *Ochmański J.* Biskupstwo wileńskie w sredniowieczu. Poznań, 1972, s. 41—42, 46; *Fijałek J.* Uchrześcijanienie Litwy przez Polskę.— In: Polska i Litwa w dziejowym stosunku. Kraków, 1914, s. 273, 294, 240.
[42] Istorijos archyvas. Kaunas, 1934, kol. 565, 665.
[43] *Barycz H.* Dzieje nauki w Polsce w epoce Odrodzenia. Warszawa, 1957.
[44] О такой школе — «о создании коллегии в Вильно или в Ковно» — ходатайствовала литовская шляхта на сейме 1568 г. См.: *Ochmański J.* Historia Litwy. Wrocław, 1967, s. 119.
[45] *Сокол С. Ф.* Социологическая и политическая мысль, с. 51.
[46] РИБ, т. 30, стб. 127, 144.
[47] Там же, стб. 184—185, ст. 2.
[48] Там же, стб. 188—189.
[49] Там же.
[50] Там же, стб. 176, ст. 19.
[51] Венцлав Миколаевич в определенной степени недоброжелательно относился к высокому правовому положению женщин, определенному Статутом 1529 г., считая, что у них слишком много свободы, которой они злоупотребляют, что в сущности у них мужские права, они даже управляют, занимают уряды, владеют волостями, городами, дворами (VII, 27—28).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРАВА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

И. П. Старостина

В состав Великого княжества Литовского входили земли бывшего Древнерусского государства. Форма их связи с центральной литовской землей по разным причинам не была одинаковой. Наиболее тесно к ней примкнули территории, не занявшие самостоятельного места в литовско-русской федерации (Черная Русь с Новгородком и Гродно, земля Берестейская и др.). Полоцкая, Витебская, Киевская, Смоленская земли, а также Чернигово-Северская земля и Подолия сохранили обособленное положение [1].

Политические права и гарантии феодальной автономии Полоцкой, Витебской, Киевской, Смоленской земель, а также Волыни были зафиксированы в областных привилеях, называемых в литературе также уставными земскими грамотами [2]. Дворянско-буржуазная историография не смогла верно решить вопрос о связи культуры славянских земель с литовской культурой. В изучении актуальной проблемы белорусско-литовского синтеза особое место должно занять изучение областных привилеев, нормы которых регулировали отношения Литвы с украинскими, белорусскими и русскими землями.

Работ, специально посвященных областным привилеям, очень мало [3]. Отсутствуют и их научные издания, отвечающие современным археографическим требованиям [4]. Таким образом, необходимы и научная публикация этих памятников, и их специальное изучение. Здесь мы ограничимся рассмотрением норм о татьбе областных привилеев в сопоставлении с другими правовыми памятниками, так как проблема собственности — главная в истории феодализма. Мы не ставим целью дать исчерпывающий анализ. Неразработанность вопроса в целом не позволяет сделать уверенных обобщений, и потому представленные здесь наблюдения не претендуют на полноту, а выводы имеют предварительный характер.

Рассматриваемые привилеи дошли до нас в виде копий в книгах Литовской метрики; их подлинники не сохранились. Все они представляют собой подтверждения более ранних грамот [5]. Поэтому, используя эти источники, нужно учитывать разновременность сложения отдельных частей и возможные переработки при подтверждениях. В этом отношении особенно важна работа И. Б. Якубовского, попытавшегося вычленить более ранние грамоты и проследить их последующее развитие [6]. Однако неизбежная гипотетичность подобных реконструкций не позволяет использовать их безоговорочно. Насколько осторожно нужно подходить к восстановленным источникам, свидетельствует следующий пример. И. Б. Якубовский, реконструируя привилей Жемайтии, приуроченный им к 1440 г., отнес к нему первые 13 статей из привилея 1492 г.[7] Реконструкция была проведена на основе латинского текста. В 1933 г. К. Яблонскис опубликовал найденную им позднюю польскую копию привилея Жемайтии времен Казимира IV. К. Яблонскис установил, что привилей был выдан в 1441 г., а оригинал его был написан на русском (старобелорусском) языке. Оказалось также, что его содержание не имеет почти ничего общего с реконструкцией, а многие статьи, отнесенные И. Б. Якубовским к привилею 1492 г., содержатся уже в тексте 1441 г.[8]

К сожалению, ценная работа И. Б. Якубовского не была продолжена. Конкретная детальная оценка его реконструкций требует специального исследования, выходящего за рамки поставленного в статье вопроса. Мы будем обращаться к ним постольку, поскольку это будет необходимо для нашей задачи. Так, совершенно оставим в стороне гипотетические «ряды» XIV в. и привилеи Витовта и Сигизмунда Кейстутовича, взяв в качестве нижнего предела начало правления Казимира IV. Сохранившиеся подтверждения, как правило, позволяют выделить достаточно определенно части, имевшиеся уже в документах Казимира.

Рассмотрим сначала нормы о татьбе Витебского и Полоцкого привилеев, поскольку эти памятники имеют много общего. Витебский привилей сохранился в виде подтвердительной грамоты Александра 1503 г., а Полоцкий — как подтверждение Сигизмунда Старого 1511 г.[9] Во вступительной части Витебского привилея говорится, что он является подтверждением грамоты, выданной Ка-

зимиром: «Дали им наш лист потому ж, как отец наш король его милость им дал был». В тексте подтверждения нет прямых следов того, что он перерабатывался или дополнялся. В нем нет также и влияния общеземского привилея 1447 г. Поэтому можно согласиться с И. Б. Якубовским в том, что Витебский привилей сложился «в правление Казимира, но до 1447 г.» [10]

Сложнее обстоит дело с Полоцким привилеем, являющимся подтверждением грамот Александра и Казимира и «доброволенств» прежних князей. И. Б. Якубовский обратил внимание на то, что Полоцкий привилей по языку и содержанию распадается на две части. Древнейшая из них во многом совпадает с Витебским привилеем. На основании анализа содержания и сопоставления с сохранившимися источниками И. Б. Якубовский выделил статьи, отнесенные им к правлению Александра и Сигизмунда Старого. Шесть статей, соответствующих привилею 1447 г., он отнес к подтверждению Казимира после 1447 г. Не рассматривая более ранних реконструкций, можно принять, что совпадающие части Витебского и Полоцкого привилеев сложились раньше 1447 г.[11] Именно в этой части Полоцкого привилея находятся постановления о татьбе.

Сравнивая Витебский и Полоцкий привилеи, можно заметить следы переработки в Полоцком привилее. Вместо краткой формулы Витебского привилея «А о обаде исправа дати» [12] и ряда других положений, трактующих вопросы о наказании только по суду, в Полоцком привилее содержится развернутая статья, соответствующая ст. 3 общеземского привилея 1447 г.[13] Число примеров можно увеличить.

Рассмотрим статьи о татьбе.

Витебский привилей	Полоцкий привилей
А станеться в которого Витблянина татьба, а доищуться татьбы лицом: ино Витблянину вся татьба лицом вернути; а чого лицом не доищуться которое татьбы, ино истьцу с татиного дому жоною его и детми заплатити его гибель, а в том тати мы вольны; а не будет у татя чим платити татьбы, ино его истьцу выдати, и где его всхочет, там его денет.	А доспеет ся в которого Полочанина татьба, а доищут ли ся татьбы, ино господару отдати; а чего не достанет, ино татя выдати.

Витебский привилей предусматриваст возвращение украденного истцу в том случае, если оно будет найдено. Недостающее предписывается оплатить имуществом вора, а если его не хватит, то жена и дети преступника выдаются потерпевшему. В последнем случае виновность жены и детей специально не оговаривается. Несостоятельный вор выдается потерпевшему. Вор, возместивший убытки истцу, поступает в распоряжение государственной власти, но наказание не определено. Выдача вора вполне соответствует обычаям того времени [14].

Полоцкий привилей более краток. В нем говорится, что если украденное найдено, то оно возвращается владельцу, а если чего-либо не будет хватать, то вор выдается истцу. Исследователи давно обратили внимание на различие этих постановлений, в частности на отсутствие в Полоцком привилее упоминания о жене и детях [15]. И. Б. Якубовский полагал, вероятно, что Полоцкий привилей сохранил более древнюю формулировку, поскольку в реконструируемый им текст Полоцко-Витебского привилея 1392—1399 гг. он включил постановление о татьбе в форме, дошедшей в Полоцком привилее [16]. Однако краткость не всегда может свидетельствовать о большей древности, к тому же в данном случае мы и не пытаемся восстанавливать древние формулы и этапы более ранних переработок. Различия между привилеями можно объяснить и по-другому. В Полоцкий привилей было включено положение, соответствующее ст. 4 общеземского привилея 1447 г. об индивидуальной ответственности за преступления. В нем говорилось и о неответственности семьи за преступления ее главы («а жоны и детей не займати и именья не рушати») [17]. Не решая здесь вопроса о том, какая формулировка древнее, отметим, что в Полоцкой грамоте статья о татьбе не противоречит положению общеземского привилея в отличие от Витебской, сложившейся до 1447 г.

Нужно заметить, что в привилеи включались, вероятно, только наиболее общие и важные, с точки зрения составителей, нормы. Но они вовсе не покрывали всей совокупности действующих правил. В рассмотренных постановлениях о татьбе выделяются два общих момента: 1) четко выраженное положение о возвращении украденного истцу; 2) выдача несостоятельного вора потерпевшему. Первый будет подробнее рассмотрен ниже, второй

ставит во главу угла интересы истца, о публичном наказании в данном случае ничего не говорится. Различия же между статьями, вероятно, объясняются разновременностью окончательного оформления.

Рассмотрим теперь статью о татьбе Смоленского привилея. Он дошел до нас в виде пожалования Александра 1505 г., подтвердившего привилей-маестат Казимира и ряд судебных решений Казимира и «листы» Казимира и Александра, направленные наместникам по поводу различных притеснений смольнян. Все они четко выделяются в тексте привилея [18]. Постановления о татьбе содержатся в привилее-маестате, выданном Казимиром, когда он был еще великим князем. Принято считать, что это произошло в 1442 г., когда после упорного сопротивления Смоленск сдался и принял наместников Казимира [19]. Статья о татьбе очень краткая: «Також и в татиное беремя нам не вступатися, ни наместнику Смоленскому: нижьли опять отдати тому, в кого што украдено».

Она предписывает вернуть украденное истцу, подчеркивая, что князь и его наместник не должны на него посягать [20].

Обратимся теперь к Киевскому привилею. Он сохранился в виде подтверждения Сигизмунда в 1507 г. «листов» Казимира и Александра. Поскольку статьи о татьбе привилея имеют сходство с Судебником Казимира, можно полагать, что они входили в «лист» Казимира, выданный киевлянам [21]. Исследователи предполагают, что Киев получил привилей после ликвидации удельного княжения [22], когда, подавив с помощью оружия сопротивление киевлян, там стали править княжеские наместники. В привилее, выданном в 1494 г. киевским мещанам, тоже упоминается «лист» Казимира. Там содержатся и постановления о татьбе, похожие на Судебник Казимира [23]. Вот нормы о татьбе Киевского привилея, привилея киевским мещанам в сопоставлении с Судебником Казимира (см. с. 123).

Киевский привилей предусматривает два случая при татьбе: большую татьбу, когда вор не в состоянии уплатить потерпевшему стоимость украденного, и татьбу, которую вор может оплатить. В первом случае украденное предписывается вернуть истцу, а вора повесить. Здесь же указано, что если вор отнес украденное к жене и она знала о преступлении и пользовалась с детьми его

Привилей киевским мещанам

А в кого што вкрадуть и выймуть лицем в татя, а того еще будеть в дом свой не вносил, а жона и дети не пожывали, жена и дети от того прави; а тать мочи ль будеть заплатити со своего дому, и он заплати, а татя казнити по его делом подле права; пак ли не будеть татеви чым заплатити, ино и лица у двор не брати, отдати истцу, в кого вкрадено.

Киевский привилей

А теж хто што у кого вкрадет, а доищуться тое татьбы, а татьба будет велика, не възможет того заплатити: ино татя на виселицу; а к жоне будет носил, а жона будет ведала, а поживала з детьми: ино и жона винна з детьми; а што украл, то государю вернути, у кого вкрадено; а коли възможет заплатити, ино исцу заплатити татиным именьем, а лицо на двор.

Судебник Казимира 1468 г.

1. Што с лицом приведуть татя, будеть ли мочи чим платити, ино заплатити истинну; пак ли чего у дому не будеть, а будеть ли то жона ведала з детми ужо изрослыми, ино жоною и детми заплатити, а самого на шибеницю; а што будуть малыи дети, ниже семи годов, тыи в том невинни.

2. А пак ли злодей не имети будеть чим платити, ино и лица у двор не имать, воротити истьцю, у кого украдено, и просокы половину верънути; а злодеа на обешение, а просока по старому.

5. А коли бы злодей што у кого украл, а и где украдено, а там его ухватят с лицом, а он у дом не принесл, жона и дети того не поживали: злодей терпи, а жона и дети и дом их невинен.

плодами, жена и дети также признаются ответственными за преступление. Цена украденного, влекущая за собой смертную казнь, возраст ответственности детей не указаны. Во втором случае вор платит истцу стоимость украденного, а украденное («лицо») поступает в пользу двора. Те же самые принципы, но сформулированные несколько иначе, отражены и в привилее киевских мещан. В нем предусмотрена неответственность жены и детей, если вор не приносил в дом краденного и жена и дети им не пользовались. Далее указывалось, что вор, если может, платит своим имуществом. При несостоятельности вора «лицо» не берется во двор, а возвращается истцу.

В этих постановлениях выделяются три основных положения: 1) ограничение коллективной ответственности и индивидуализация наказания; 2) поступление украденного во двор, если вор может уплатить истцу стоимость украденного; 3) украденное возвращается истцу только при несостоятельности вора.

Все эти положения соответствуют постановлениям Судебника Казимира. Отметим также, что в киевские привилеи были внесены общие положения об ограничении коллективной ответственности [24]. Сравнение статей о татьбе киевских привилеев и Судебника показывает не только нормативное, но иногда и текстологическое сходство. Особенно похожи ст. 2 и 5 Судебника Казимира и привилей киевским мещанам. Несомненно, положения киевских привилеев о татьбе были сформулированы под влиянием Судебника Казимира [25].

Рассмотрим подробнее положение о поличном. По поводу постановлений о татьбе Витебского и Киевского привилеев И. Марков отметил, что они модифицировали принцип литовского права о поступлении поличного судебной власти [26]. Этот вывод можно уточнить. Впервые положение о получении поличного двором встречается в Судебнике Казимира 1468 г., первой дошедшей до нас письменной фиксации законов в Великом княжестве Литовском [27]. Первый издатель Судебника И. Н. Данилович не понял смысла этого постановления [28]. Впервые его объяснил М. Ф. Владимирский-Буданов [29].

Были ли постановления Судебника о поступлении поличного во двор нововведением? Поскольку он является первым сохранившимся законодательным памятником

Литвы, нет возможности проследить эволюцию его норм сопоставлением с более ранними литовскими же источниками аналогичного характера. Анализ соответствующих статей Судебника, кажется, позволяет считать, что разбираемый принцип имел место в литовском праве и до издания Судебника. Действительно, в его первой статье прямо не говорится, что поличное остается во дворе, кому идет «истинна» (стоимость украденного), тоже не указано. Видимо, этот порядок был достаточно знаком современникам. Вторая статья, поясняющая, как возмещается истец при несостоятельности вора, более конкретна. В ней предписано в таком случае не забирать «лицо» во двор, но вернуть истцу; возвращалась истцу и половина просоки (платы за розыск вора). Статья заканчивается словами «а просока по-старому». Вероятно, положения о возвращении истцу украденного и половины просоки вносили изменения в прежние правила.

Согласно ст. 3, кроме оплаты «истинны», вор должен был заплатить уголовный штраф — «вину», которая шла хозяину, в подданстве которого он находился. Судебник определил, какие преступления наказываются смертной казнью. Много внимания в законах Казимира уделено ограничению ответственности членов семьи за преступления ее главы. Не останавливаясь здесь на других его решениях, отметим, что это находило соответствие во внутренних социально-экономических процессах и в общеевропейской правовой тенденции [30].

Принцип, согласно которому поличное поступало судебной власти, не составляет особенности только литовского права. Его наличие в средневековом чешском праве отметил Р. Раушер [31], а вслед за ним Марков [32], привлекший и источники Великого княжества Литовского. Ю. Бардах также уделил внимание этой проблеме в исследовании таких явлений, как «сок», «сочение» и «просока» в Великом княжестве Литовском [33]. Чешские свидетельства являются хронологически более ранними, чем литовские. Но есть и более поздние указания на бытование подобного принципа. Так, «Каролина» — уголовно-судебное уложение Карла V в XVI в. осуждает и отменяет обычай «иных мест» конфисковывать украденное и награбленное имущество в пользу местной власти, а не возвращать его тому, у кого оно было украдено или награблено [34].

Полоцкий, Витебский и Смоленский привилеи резко отличаются требованием безоговорочного возвращения поличного истцу от Судебника Казимира. Видимо, это положение было внесено в них в связи с тем, что в литовской земле действовали совсем другие нормы. В таком случае постановления о татьбе Витебского, Полоцкого и Смоленского привилеев можно расценить как сохранение в этих землях собственных норм уголовного права, отличных от литовских. Отметим, что Полоцкий и Витебский привилеи зафиксировали большие атрибуты автономии, чем грамоты других славянских земель Великого княжества Литовского. Например, право на участие в выборе воевод, право жителей на суд над ними только в пределах их земли, право не посылать их жителей на гарнизонную службу («заставу») в другие города и не ставить «без их воли» к ним «застав» [35].

Нормы о татьбе Киевского привилея составлены явно под влиянием Судебника Казимира. Таким образом, в 70-е годы XV в. можно констатировать распространение правовых установлений, утвержденных в литовской земле, на славянские области.

В дальнейшем принцип поступления украденного в пользу суда, сохраняясь в литовском праве, претерпел изменения. В первом Литовском статуте 1529 г. при обнаружении у кого-либо украденных вещей поличное оставалось во дворе, если обвиняемый не мог оправдаться, «нижли бы тот виноватый тое лицо во врадника нашого ценою выкупил». В Слуцком списке установлено, что дорогостоящее поличное («албо шаты, або сребро, або кони добрые»), доставленное «до двора нашого або князского и панского», возвращалось владельцу даром, если вор не был в состоянии заплатить за него [36]. В просьбе бояр и шляхты Жемайтии, направленной королю в 1542 г., среди других поднимался вопрос о градации при выкупе от урядников поличного разной стоимости [37]. В середине XVI в., Михалон Литвин, обличая современные порядки в области литовского суда, назвал и получение судьей в уголовных делах дохода (litze), а также выплату первому судье суммы, равной стоимости украденной вещи, если она переносится другому судье [38]. В 1551 г. в ответ на просьбу литовской шляхты было установлено, что поличное стоимостью 100 коп грошей выкупается полтиной грошей, стоимостью менее

10 коп грошей — 12 грошами, при несостоятельности вора поличное возвращается даром [39]. Во II Литовском статуте 1566 г., в статье о своде установлена в пользу уряда выкупная плата за поличное «ку зводу» 12 грошей. Кроме того, было предписано при несостоятельности вора возвращать «лицо» владельцу даром. Статья о дорогих вещах по существу повторила положения вышеупомянутой статьи Слуцкого списка [40]. Согласно III Литовскому статуту 1588 г. при своде уряд не мог брать больше 12 грошей «за выкупованье лица». Далее предписывалось возвращение поличного даром при несостоятельности вора. В другой статье установлено, что дорогие украденные вещи уряд возвращает владельцу, взяв свой доход 50 грошей. «Лицо» стоимостью меньше копы грошей выкупалось шестью грошами [41].

В формулировании норм о татьбе Витебского, Полоцкого, Смоленского, Киевского привилеев наблюдается сходство. О близости в этом отношении Полоцкого и Витебского привилеев уже говорилось (см. выше). Приведем формулы, общие у них с другими привилеями: «а доищуться татьбу лицом: ино Витблянину вся татьба лицом вернути» (Витебск); «а доищут ли ся татьбы, ино господару отдати» (Полоцк); «отдати тому, в кого што вкрадено» (Смоленск); «а доищуться тое татбы... а што украл, то государю вернути, у кого вкрадено», «отдати истцу, в кого вкрадено» (Киев) (ср. Судебник Казимира — «воротити истьцу, у кого украдено»). О влиянии Судебника Казимира на киевские привилеи говорилось выше [42]. Наши наблюдения над формулами привилеев не претендуют на обобщения. Мы хотели лишь обратить внимание на определенные стереотипы, употреблявшиеся в юридическом языке Великого княжества Литовского в XV в. Однако в Волынском привилее, как это будет показано, употреблены и другие формулы и обращено внимание на другие казусы.

Волынский привилей сохранился в подтверждении Александра 1501 г. На основании сопоставления его с подтверждением Сигизмунда 1509 г. и Киевским привилеем И. Б. Якубовский выделил часть, относящуюся ко времени Казимира [43]. Здесь находятся постановления о «злодействе». Относительно даты привилея Казимира мнения исследователей расходятся. Вероятно, более прав Якубовский, полагавший, что он был издан некоторое

время спустя после 1452 г. Действительно, его большая часть является результатом жалоб на злоупотребления великокняжеских урядников [44].

В Волынском привилее имеется целый комплекс статей о суде. Не разбирая их подробно, отметим, что большое внимание в нем уделено разграничению вотчинной и государственной юстиции. Привилей в ответ на жалобы волынских феодалов подтвердил их право на суд и судебные штрафы («вины») своих людей. Это соответствовало положению общеземского привилея 1447 г. Владельцы брали также «головщины» «з слуг и з людей своих». Однако из вотчинной юрисдикции были исключены наиболее важные уголовные дела. Отметим, что татьбы с поличным среди них не было. Исключение сделано для ярмарок. Здесь наместники старосты судили частновладельческих подданных вместе с судьей, которого разрешалось брать обвиняемому из числа «земян» [45]. Рассмотрим теперь статьи о «злодействе».

«А злодея приличного где коли имуть на чыем именьи, там его мають судити и там жо мает каран быти подлуг давного обычая».

«А поличное тому, на чием именьи злодея изымають».

«А приличного злодея не пускати; а хто бы его пустил, або на окуп дал, и на него бы довод справный был, тот мает вину заплатити по давному, как перед тем было».

«А которого злодея имуть на ярморку, або в городе и в месте нашом з лицом: заслужит ли шыбеницы, ино его на шыбеницу, а естли не заслужит шыбеницы, ино шкода платити, а вина тому, чый чоловек».

Согласно первому положению суд и наказание вора должны производиться там, где он был пойман. В этом случае действовала подсудность по месту задержания преступника. Характерно, что статья ссылается при этом на давний обычай.

В законодательных памятниках Великого княжества Литовского долгое время не было полных и точных правил определения подсудности. Впервые этот вопрос более или менее подробно отражен во II Литовском статуте [46]. Для более раннего периода на основании изучения сохранившихся правовых источников и судебной практики установлено, что в Великом княжестве Литовском основным началом подсудности был принцип территориаль-

ности[47]. Однако этот принцип нарушался. Существовала особая подсудность городов с магдебургским правом, радных панов, привилегированных представителей высшего слоя феодалов и т. п. Зависимое население, жившее в имениях феодалов, судили их владельцы. Развитие и укрепление иммунитета в Великом княжестве Литовском способствовали утверждению подсудности по подданству. Общим правилом при этом было обращение за судом к той власти, в подчинении которой находился ответчик. В соответствии с таким принципом были сформулированы положения общеземского привилея 1447 г. о вотчинном суде, а также Судебника Казимира[48].

Сохранились сведения, хотя и не зафиксированные в виде специальных постановлений, что в Литве начала XVI в. действовала норма, запрещавшая задерживать у себя пойманного чужого подданного, «бы хотя бы добре и в зраде, и в злодействе поимяны были»[49]. Нарушитель должен был заплатить «навязку» (вознаграждение потерпевшему за неправомерный поступок против личности или имущества). Это правило распространялось и на татьбу с поличным. Так, в 1518 г. был присужден к уплате навязки князь Федор Михайлович Чорторыйский, по указанию которого был пойман, а затем оставлен служить с семьей человек князя Федора Ивановича Ярославича. В судебном решении пояснялось: «...а к[г]дыжь бы он сам, або люди его того человека поимали з лицом, або щим кольве, мел его вести ку его милости князю Фведору, кому тот человек служить водлуг обычая и права земского: иж нихто не маеть чиего кольве человека поимавши в себе держати, леч тогож часу маеть его вести к тому пану, чий человек»[50]. Число подобных примеров можно увеличить[51].

В договорах XV в. Великого княжества Литовского с Новгородом, Псковом и Полоцка с Ригой вопрос о подсудности решается неодинаково. В договорах с Новгородом и Псковом отмечена подсудность по месту совершения преступления. Полочан же судили только в Полоцке, а немцев — в Риге[52].

Не рассматривая всей совокупности вопросов о подсудности I Литовского статута, укажем, что в его решениях о суде над частновладельческими подданными в случае воровства наличествуют и подсудность по подданству, и подсудность по месту задержания[53]. Против под-

судности по подданству при преступлениях выступал Михалон Литвин, считая более эффективной подсудность по месту совершения или задержания преступников [54].

Подсудность по месту задержания вора при «приличном злодействе» Волынского привилея противоречила «земскому обычаю и праву» и судебной практике Великого княжества Литовского начала XVI в. Интересно, что формула Волынского привилея напоминает употребленную в грамоте великого князя Василия Дмитриевича и великого князя Михаила Александровича ок. 1396 г.: «*А татя*, и душегупца и розбойника, и грабежника, *где имуть, туть судят*» [55]. Тот же принцип, но сформулированный в других выражениях, отмечен в грамоте Великого Новгорода тверскому и великому князю Борису Александровичу с предложением заключить договор 1446—1447 гг., а также в Записи о душегубстве середины XV в. [56] Общий принцип подсудности Волынского привилея по месту задержания вора распространялся и на частновладельческий суд. С другой стороны, вотчинный суд ограничен изъятием наиболее опасных преступлений; кроме того, в местах, где необходимо поддержание общественного спокойствия (ярмарки) допускается смешанный суд, но судебные штрафы получает хозяин преступника. Все это вполне соответствует широкому распространению иммунитета и неразвитости судебно-административных государственных органов. Явление это, общее для Великого княжества Литовского, было характерно для Волыни, где вотчинное землевладение получило большое распространение в связи с особенностями ее социально-экономического развития. Поэтому, вероятно, вопросы разграничения вотчинной и государственной юстиции столь подробно отражены в привилее.

Вторая статья Волынского привилея развивает положения первой. Она предписывает передачу «поличного» тому, в чьем имении схвачен вор. М. Н. Ясинский считает, что поличное означает украденную вещь [57]. М. Н. Брицын понимает под поличным судебную пошлину [58]. Он ссылается при этом на рязанские и молдавские грамоты. Однако, хотя традиционно поличное рязанских грамот объясняется как судебная пошлина, содержание этого понятия не выяснено [59]. Поличное Волынского привилея, вероятно,— украденная вещь. Трудно сказать, какое происхождение имела эта норма.

Третья статья запрещает отпускать пойманного с поличным вора и брать с него выкуп. Нарушитель платит «вину». Ее соотносили со ст. 12 Судебника Казимира [60]. Укажем различия между ними. Статья Судебника направлена против нарушителей судебных приговоров, отпустивших за выкуп или взявших в неволю воров, выданных им по суду для наказания. Мера наказания не определена, ее предстоит установить панам раде, что говорит о ее недавнем происхождении. В привилее суд не упомянут вообще, а штраф нарушителю — давняя традиция. Постановление Волынского привилея напоминает русские постановления о «самосуде», известные с конца XIV в. [61] Оно отразило старую правовую норму.

В четвертой статье говорится, что пойманный с поличным «на ярморку, або в городе и в месте» вор должен заплатить «шкоду», заслуживающего виселицу следует повесить, а штраф идет владельцу вора. Статья в общем виде определяет порядок взысканий и наказаний воров.

Резюмируя, отметим, что различия норм о татьбе областных привилеев были обусловлены как более ранними особенностями этих земель, так и их положением в Великом княжестве Литовском и временем фиксации этих норм. Они были также связаны с эволюцией литовского права и государственности. Важно было бы уяснить, какое влияние оказывали на формирование привилеев политические отношения славянских земель с Литвой, стремившейся удержать их в своем подчинении, в особенности в связи с укреплением Русского централизованного государства. Общее значение подтверждения прав земель и распространения привилегий литовских феодалов на феодальную верхушку славянских земель отмечено [62]. Изучение привилеев может способствовать их конкретизации.

---

[1] *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. М., 1892, с. 61 и др.

[2] Не касаемся привилеев Жемайтии для неславянской земли, Луцких, относящихся к периоду подчинения Польше, Бельского и Дорогичинского, связанных с введением польского права.

[3] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; *Якубовский И. Б.* Земские привилеи Великого княжества Литовского — ЖМНП, 1903, № 6. Важной для этой темы является ценная работа А. Л. Хорошкевич: *Хорошке-*

вич А. Л. Очерки социально-экономической истории северной Белоруссии в XV в.: Докт. дис. М., 1974, а также подготовленная ею публикация: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. М., 1977. Вып. 1.

[4] Публикации отдельных привилеев разбросаны в устаревших изданиях. Кроме того, М. Ф. Владимирский-Буданов поместил в Хрестоматии Витебский, Киевский и Волынский привилеи, снабдив их комментариями. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия по истории русского права. Киев; СПб., 1901, вып. II, изд. IV, с. 44—49, 53—61, 62—67 (1-е изд. в 1873 г.). В упомянутой работе М. Н. Ясинского дается сводный текст грамот, разбитых на отдельные статьи, расположенные в систематическом порядке. В приложении к «Очерку истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского (М., 1915; 1-е изд. в 1910 г.) привилеи напечатаны по позднейшим подтверждениям (кроме Смоленского 1505 г.). В статье тексты цитируются по: *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты, 109, 176, 177—179, 186.

[5] *Якубовский И. Б.* Земские привилеи..., с. 254.

[6] *Якубовский И. Б.* Земские привилеи...

[7] Там же, с. 256—261, 294—296.

[8] Praeitis. Kaunas, 1933, t. II, p. 423—427.

[9] АЗР. СПб., 1846, т. I, № 204; РИБ. СПб., 1910, т. 27, стб. 846—849; АЗР. СПб., 1848, т. II, № 70.

[10] *Якубовский И. Б.* Земские привилеи..., с. 264, 271—272.

[11] Там же, с. 263—265, 272—273, 301—303.

[12] Там же, с. 265—266.

[13] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 123, 124; *Любавский М. К.* Очерк..., с. 326.

[14] Ср., например: Судебник 1497 г. ПРП. М.: Госюриздат, 1955, вып. 3, с. 347.

[15] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 178.

[16] *Якубовский И. Б.* Земские привилеи..., с. 297.

[17] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 173.

[18] АЗР, т. I, № 213.

[19] *Якубовский И. Б.* Земские привилеи..., с. 279; там же указана литература.

[20] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 178. В грамоте, выданной Смоленску в 1514 г. после присоединения к Москве, вместо «татино беремя» употреблен термин «поличное»: СГГД. М., 1813, № 148.

[21] АЗР, т. II, № 30.

[22] *Якубовский И. Б.* Земские привилеи..., с. 283; там же указана литература.

[23] РИБ, т. 27, стб. 547; АЗР, т. I, с. 145; Цитаты и нумерация статей судебника даются по изданию: Kazimiero Teisynas (1468 m.). Vilnius, 1967, p. 26—32.

[24] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 173—174; РИБ, т. 27, стб. 547.

[25] Киевский привилей не столь буквально повторяет Судебник, как привилей киевским мещанам. Он более четко формулирует основные положения, в частности о передаче поличного во двор. Ср. также ст. 4, 6 Судебника.

[26] *Markov J.* K dejinám českého zemského práva XIII a XIV storočia.— In: Juridica slovaca. Bratislava, 1948, I, s. 37—38. Ср.: *Bar-*

dach J. Sok, soczenie, prosoka.— Czasopismo prawno-historyczne, 1973, t. 25, z. 1, s. 73—74.

27 Этот небольшой по объему памятник первоначально предназначался для собственно Литовской земли.

28 *Daniłowicz I. N.* Statut Kazimierza Jagiellończyka. Wilna, 1826, s. 46.

29 *Владимирский-Буданов М. Ф.* Христоматия..., с. 34.

30 *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 г. о личной и семейной ответственности при уголовных преступлениях.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М.: Наука, 1978, с. 252—260.

31 *Rauscher R.* O krádeži a loupeži v českém právu zemském. Bratislava, 1929, s. 55.

32 *Markov J.* K dejinám..., s. 37—38.

33 *Bardach J.* Sok..., s. 73—74.

34 Каролина. Алма-Ата: Наука КазССР, 1967, ст. CCXVIII.

35 *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 118, 120; права не ставить заставы в Витебском привилее нет.

36 Статут Великого княжества Литовского 1529 г. Минск: Изд-во АН БССР, 1960, разд. XIII, ст. 17, 28.

37 АЗР, т. II, № 221, ст. 15.

38 *Mykolas Lietuvis.* Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius. Vilnius, 1966, текст, p. 20.

39 РИБ. Юрьев, 1914, т. XXX, стб. 192—193.

40 Временник Московского о-ва истории и древностей российских. М., 1855, кн. XXIII, разд. XIV, ст. 2, 22 (здесь назван также «земянский» двор).

41 *Лаппо И. И.* Литовский статут 1588 г. Каунас, 1938, т. II, разд. XIV, ст. 3, 24.

42 Отметим еще аналогии. В Витебском привилее употреблена формула, похожая на формулу Смоленского договора с Ригой и Готским берегом, действие которого распространялось и на Витебск («и где его всхочет, там его денет»; «камо его хочеть, там дежеть»). ПРП. М., 1953, вып. II, с. 68. Композиционно-нормативное и терминологическое сходство наблюдается в норме о выдаче истцу несостоятельного вора Судебника 1497 г. и Витебского привилея («*А не будет у того татя статка, чем исцево заплатить, ино* его бив кнутиемь, *да исцу его выдать в его гибели головою на продажю*...» ПРП, вып. III, ст. 10, с. 347; «*А не будет у татя, чим платити татбы, ино его истцу выдати*...»). Известна привилею и «гибель» в значении убытка.

43 АЮЗР. СПб., 1863, т. I, № 36.

44 *Якубовский И. Б.* Земские привилеи..., с. 287—288.

45 *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 182, 186—187.

46 *Ясинский М. Н.* Главный Литовский трибунал. Киев, 1901, с. 78.

47 *Любавский М. К.* Областное деление..., с. 627—628; *Ясинский М. Н.* Главный Литовский трибунал, с. 80 и др.

48 *Любавский М. К.* Очерк..., с. 328.

49 *Малиновский И. А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1901, с. 400.

50 РИБ. СПб., 1903, т. XX, стб. 1248—1249.

51 См., например: РИБ, т. XX, стб. 38—39, 102—103, 1512 и др.

52 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, № 70, 335; Полоцкие грамоты, № 34, 35, 37 и др.

[53] Статут..., разд. XIII, ст. 4 — о воровстве с поличным, ст. 5 — об обнаружении у кого-либо украденных вещей, ст. 21 — о раненном во время воровства «злодее»; разд. VI, ст. 4 — о «злодействе» между частновладельческими подданными.
[54] Mykolas Lietuvis... текст, p. 20.
[55] ДДГ XIV—XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, № 15.
[56] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 20; ПРП, вып. III, с. 167—169. Подробнее см.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.: Изд-во АН СССР, 1951, ч. II, с. 354—355.
[57] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 179.
[58] *Брицын М. А.* Из истории восточнославянской лексики. Киев: Наукова думка, 1965, с. 148.
[59] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895, т. II, с. 1128; *Веселовский С. Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М.: Российская ассоциация научно-исследовательских ин-тов общественных наук, 1926, с. 58; ПРП, вып. III, с. 123; ср.: *Ланге Н. И.* Древние русские смесные или вобчие суды. М., 1882, с. 71.
[60] *Ясинский М. Н.* Уставные земские грамоты..., с. 175—176.
[61] ПРП, вып. III, с. 163, 172.
[62] *Пашуто В. Т.* Страны Прибалтийского региона.— В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М.: Наука, 1972, с. 295—296; *Ловмяньский Х.* Русско-литовские отношения в XIV—XV вв.— В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М.: Наука, 1972, с. 275.

РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ XV — НАЧАЛА XVI В.

М. Е. Бычкова

В истории класса феодалов и связанных с ней проблемах образования государственного аппарата, борьбы политических группировок, развития общественно-политических идей большое место занимает вопрос о переезде на службу из Литвы на Русь в XV — первой трети XVI в. представителей отдельных семей. Как правило, эти выезды связаны с военными или политическими конфликтами, и требовалось какое-то время и определенные усилия, чтобы вновь приехавший феодал занял в уже сложившихся социальных и политических группировках то место, которое соответствовало его происхождению. Эти вопросы находят свое отражение в так называемых легендах о происхождении отдельных родов.

Последнее время подробно исследован вопрос о служебном положении потомков литовских великих князей при московском дворе, их участии в политической жизни, врастании в среду московского боярства и обосновавшихся при московском дворе потомков русских князей [1]. Переезд на службу к московским великим князьям, как правило, был связан с предварительными переговорами, оформлялся соответствующими грамотами. Очевидно, сама процедура выезда была достаточно торжественная и напоминала приезд иностранных посольств.

Кроме летописей, которые содержат иногда довольно подробные рассказы о переезде на службу в Москву, и докончальных грамот, в которых фиксировалось служебное положение вновь выехавших, отдельные уникальные известия о таких переездах сохранили родословные документы XVI в. В этих источниках записи восходят к семейной традиции, а не к официальным документам и в какой-то мере дополняют и уточняют официальные сообщения.

Одна из подобных записей — родословная легенда князей Звенигородских, составленная в начале XVI в. Она помещена в летописном сборнике, принадлежавшем

Дионисию Звенигородскому [2], и содержит сведения о выезде князей Звенигородских на Русь в июле 1408 г. в свите литовского князя Свидригайлы. Этот рассказ сохранил оригинальные сведения о составе самой свиты литовского князя, о его встрече в Москве.

По сравнению с соответствующим летописным рассказом, который послужил канвой для легенды [3], здесь добавлены подробности встречи князя Свидригайлы: за семь верст от Москвы его встречали бояре великого князя Федор Свибло и Иван Родионович Квашня; Свидригайло при этом «целоваша крест на том, что великому князю его не вредить ничим». За три версты от города приезжих встречал сам великий князь Василий Дмитриевич с братом Юрием. Подробный список князей и бояр литовских, помещенный в легенде и частично совпадающий с летописным, позволяет не только уточнить время выезда представителей отдельных семей, но и определить, с кем они были связаны службой в Литве. Правда, здесь вызывает сомнения список бояр, встречавших литовского князя. Иван Родионович Квашня, в действительности боярин Дмитрия Донского, умер в 1390 г., а Федор Андреевич Свибло где-то в конце XIV — начале XV в. попал в опалу и тоже не мог находиться в свите великого князя Василия [4].

Более поздние выезды на Русь в XV в. князей Воротынских, Одоевских и Бельских систематически отмечались в летописях, но без деталей, описывающих процедуру выезда и состав их дворов.

Вторым подобным источником является родословная память о Глинских князьях, составленная в начале 30-х годов XVI в. в Москве сторонниками Мстиславских князей [5]. По этой памяти мы можем восстановить службу Глинских в Литве во второй половине XV в., определить социальный слой литовского боярства, к которому они принадлежали, и родственные связи этой семьи. Сравнение родословия с другими источниками позволяет установить среду, принимавшую участие в так называемом восстании Михаила Глинского 1508 г.

Князья Глинские, появившись на службе в Литве в XIV в., первоначально занимали довольно высокое положение при дворе великих князей и смогли породниться с верхушкой феодальной знати [6]. Но их положение было непрочным.

Мы не можем утверждать, было ли это связано с какой-то утратой земельных владений или с тем, что выехавший на Литву род не сумел войти в ряды правящих литовских семей, распределивших основные должности при великокняжеском дворе. К концу XV в., и особенно в XVI в., большинство Глинских служили удельным князьям и магнатам.

По родословной памяти одна из ветвей Глинских во второй половине XV в. находилась на службе у мстиславских князей, причем отец Михаила Глинского — Лев Борисович — даже не входил в состав мстиславского боярства. Через свою жену Лев Глинский находился в родстве со средними слоями этого боярства — Мелешковичами и Есмановичами. Представители этих семей во второй половине XV в. неоднократно приезжали на Русь в составе посольств. Наиболее значительным в установлении родственных отношений было замужество дочери Льва Борисовича — Федки Львовны, которое породнило Глинских с семьей Хребтовичей. Деверь Федки Львовны Ян Литавор Богданович Хребтович был одним из самых крупных политических деятелей Литвы последней четверти XV в. [7]

Сестра Льва Борисовича, тоже Федка, была женой Александра Дрожджа [8]; среди двоюродных племянников Льва Глинского мы видим лиц, служивших Гаштольдам и Радзивиллам [9].

Сведения о Глинских, относящиеся ко второй половине XV в., необычайно скудны, и только возвышение Михаила Львовича Глинского при дворе великого князя Александра приводит к бурному политическому и экономическому расцвету всей семьи. Поэтому изменение служебного положения Михаила Львовича после вокняжения Сигизмунда, перечеркнувшее все достигнутые успехи, и привело к выезду в Москву как братьев Глинских, так и связанных с ними лиц. Однако следует отметить, что сам выезд был не первым контактом с Москвой в истории этой семьи, подобные связи прослеживаются с середины XV в.

Борис Иванович, внук Алексы, родоначальника Глинских, служил Свидригайле, выезжавшему на службу в Москву, и благодаря своему браку находился в родстве с князьями Воротынскими и бежавшими в Литву потомками русских удельных князей [10].

В 1482 г. в Москву бежал князь Иван Глинский [11]. В 1495 г. был взят в плен в Москву путивльский наместник Богдан Федорович Глинский вместе с женой. Литовское правительство неоднократно просило о его возвращении; из ответа русского правительства 1510 г. ясно, что он жив, а в 1512 г. князья Михаил Иванович Мстиславский и Федор Иванович Жеславский получают право на земли умершего в Москве их зятя князя Богдана Глинского [12]. Сын Богдана — Владимир Глинский — около 1532 г. вернулся в Литву, а в 1540 г. выехал снова в Москву, возможно, со своим сыном Богданом Владимировичем [13].

В 1516 г. и позже (до 1538 г.) в Москве находился Юрий Иванович Глинский [14].

Это показывает, что выезд Михаила Львовича и его братьев сам по себе был блестящей и драматической акцией, но независимо от него существовали родственные связи Глинских с фамилиями, имевшими своих представителей в Москве, а переходы их на службу к московским князьям имели место в конце XV — первой трети XVI в.

Фигура Михаила Львовича Глинского и выезд Глинских на службу в Москву постоянно привлекали внимание историков, начиная с Н. М. Карамзина. В научной литературе последних лет он сам характеризуется «политическим авантюристом большого масштаба» [15] и человеком «незаурядной воли, огромного честолюбия и энергии» [16].

Биография Михаила Глинского — русские источники называют его еще Михаил Дородный и Михаил Немец — неоднократно была предметом исследования, но сегодня многое в ней связано скорее с историографической традицией, чем с показаниями источников. Прекрасную характеристику Михаилу дал Сигизмунд Герберштейн; без преувеличения можно сказать, что в «Записках» ему уделено внимания больше, чем какому-либо политическому деятелю [17], и автор относится к Михаилу с явной симпатией. Часть сведений о Глинском, в особенности о его службе у герцога Альберта и отношениях с немцами, он, возможно, получил в Германии. В частности, только от Герберштейна известно, что Михаил «еще юношей прибыл в Германию, проявил свою храбрость на службе у Альберта, герцога саксонского, который в то время вел войну

в Фрисландии»[18]. С этим сообщением перекликается ответ русского правительства польским послам (1517), где упоминается, что в молодости Михаил «был дан на училище в Италейские страны». Герберштейн пишет о нем несколько иначе: «Воспитанный в обычаех немцев, у которых он вырос»[19]. Из показания этих двух источников в литературе стало хрестоматийным положение о многолетней службе Глинского при дворе императора Максимилиана, чьим послом был Герберштейн, а также в Италии и Испании.

По польским источникам, Михаил Глинский был на службе у Альберта более 12 лет[20], что согласуется с актами земельных дел, где с 1482 по 1496 г. упоминаются только его братья[21].

Родословная память Глинских сообщает о его отъезде «в Немцы» в составе посольства Яна Литавора Хребтовича, известного политического деятеля Литвы, Литавор отдал его учиться немецкой грамоте и языкам. Если учесть, что сестра Михаила Львовича была замужем за Мартином Богдановичем, братом Литавора, то показания родословной памяти приобретают большую убедительность.

Сам выезд Глинских и сопутствующие ему события, как одна из ярких страниц политической борьбы начала XVI в., неоднократно привлекали внимание историков[22]. Но в исследованиях никогда не поднимался вопрос о том, какое реальное положение занимали Глинские в Литве, каков социальный состав и родственные связи лиц, выехавших вместе с ними.

Большой интерес при решении этого вопроса представляет опубликованный А. А. Зиминым летописец, где подробно перечислены выехавшие с Глинскими лица. Здесь прежде всего записаны Иван, Василий и Михаил Львовичи Глинские, их двоюродные братья Дмитрий и Иван Васильевичи Глинские, Андрей и Петр Александрович Дрожджи. Василий и Дмитрий Михайловичи Жижемские, благодаря браку Настасьи Жижемской и Владимира Богдановича Глинского, состояли в родстве с другой ветвью Глинских, потомков брата Бориса Ивановича — Семена. В родстве с Глинскими был и Якуб Ивашенцевич[23].

Список этих лиц, сопоставленный с актами Литовской метрики, позволяет проследить их связи с Глинскими еще по службе в Литве. Передел земель, конфискованных после выезда Глинских и связанных с ними лиц, между

литовскими боярами начался уже летом 1508 г. Сохранившиеся акты позволяют довольно полно установить как круг выехавших, так и их родственные связи.

Наиболее известен в исторической литературе двоюродный брат Михаила Андрей Александрович Дрождж, которому иногда незаслуженно приписывается княжеский титул. Еще С. М. Соловьев писал, что ссора Михаила Глинского с верхушкой литовского боярства во время правления Александра произошла из-за его «клиента» Андрея Дрождж[24]. Если в 1489 г. при Казимире Андрюшка Дрождж получает «6 коп с корчом в Менску»[25], то с 1500 по 1508 г. он получает бывшие владения князей Дмитрия Пронского и Петра Масальского, а также несколько дворов и дворцов[26]. В 1498 г. он становится чашником, а затем — конюшим виленским[27]. Один акт, связанный с пожалованием ему земель выдан как распоряжение Ивану Глинскому, другой подписан Михаилом Львовичем. В 1499 г. Андрей продал земли писарю Федку Григорьевичу, также родственнику Глинских со стороны Мелешковичей[28]. Петр Александрович Дрождж известен лишь как совладелец Андрея[29].

Якуб Ивашенцевич, принимавший активное участие в восстании, вплоть до 1524 г. прослеживается служившим в России[30]. По актам он получает землю в 1506 г.[31] А в 1509 г. Богдан, Андрей и Дмитрий Ивашенцевичи за службу получают от Сигизмунда именья и двор в Киеве «дядьковщину их, пана Романовы, которые держал зрадца наш князь Иван Глинскои по первои жоне своеи по их сестре, по пана Романовои додце»[32]. Иваном Глинским может быть Иван Львович или его двоюродный брат Иван Васильевич, также выехавший в 1508 г. в Москву.

Ряд лиц, записанных в летописец, связан с Глинскими лишь служебными отношениями.

Михаил Гагин имел владения в Киевском и Жмудском поветах. Жмудское имение — двор Можейковский — он получил в 1507 г., когда его собственные земли в Путивле отошли к Москве. Распоряжение 1507 г. было сделано на имя Мартина Хребтовича. Уже в июне 1508 г. двор Можейковский получил Лев Тышкевич, поскольку его земли в Киевском повете были опустошены «от татар и от Михаила Глинского». Несколько позднее киевские земли Гагина перешли к Яцку Елцковичу. В России Га-

гины были «литвой дворовой» по Медыни, которая досталась в кормление князю Василию Глинскому [33].

Князь Василий Мунча (очевидно, он шел по списку смоленских князей) получал пожалования первоначально как и Андрей Дрождж с менского мыта [34]. Его земли в Мозырском повете были конфискованы в мае 1508 г. [35]

Семен Александрович Брянец, чьи дети в Москве числились в составе «литвы дворовой», держал дворец и села в Слонимском повете. В 1509 г. они отошли к Ивану Есмановичу, очевидно дяде Ивана Раевского, служившего мстиславским князьям, также свойственнику Глинских [36].

Князь Иван Козловский, о котором летописец специально пишет, что он служил Михаилу Глинскому, записан в Литовской метрике в рубрике дворян, «которые имений не мают» [37]. В 1506 г. он получает жалованье с доходов в Лиде и Смоленске. Служба его детей в России в первой половине XVI в. прослежена А. А. Зиминым [38]. В 1687—1688 г. при подаче росписей в Разрядный приказ возник спор о старшинстве двух ветвей Козловских князей (они считались потомками князей Фоминских); в процессе спора выяснилось, что представители этих ветвей — потомки Романа Ивановича и Льва Ивановича — служили одни в Москве, другие в Литве (Лев Иванович и его дети) и «в прошлых годех не в одно время» выезжали на Русь [39].

К лицам, записанным в летописец, по актам добавляются Василий Микульский, чьи земли в Троцком повете в 1510 г. отошли к князю Глебу Пропскому [40]; Карачюра, слуга князя Василия Глинского; Андрей Станкович «служебник Михаила Глинского» [41].

Некоторые лица, связанные с Глинскими, вскоре вернулись в Литву.

В июне 1508 г. писарь Богуш Боговитинович получает в Троках дворцы Михаила Глинского и Матвеевский, поставленный на землях князя Михаила его слугой Матвеем. Уже в августе 1508 г. Матвей возвратился в Литву и хотел вернуть себе дворец, но он остался за Богушем [42].

Любопытна история Ивашка Немирича, изложенная в привилее 7 августа 1510 г., где подтверждаются его права на земельные владения. Иван Немирич служил при дворе Ивана Львовича Глинского, «и коли вже розумел

по них, иж они таковую зраду вмыслили и стали противку нас, государя (Сигизмунда.— *М. Б.*), он послал отца своего Немиру до гетмана нашого, князя Косьтяньтина Ивановича Острозьского, хотячи нам, прирожоному государю своему служити, и теж поведаючи, иж великии князь московьскии дворянина нашого Остафья Дашкевича мает до зрадци нашои Глинского прислати» [43]. Сообщив об измене Глинского Константину Острожскому, Ивашко стал действовать по его совету: он дождался приезда из Москвы Остафья Дашкевича, передал ему «лист» Константина, где содержалось предложение, «аж бы ся (Остафей.— *М. Б.*) на веру предков своих и свою и теж на ласку вашое милости панскую (Сигизмунда.— *М. Б.*) вспамятал, и вашои бы милости, государу своему прирожоному служил» [44]. После этого Немирич бежал от Глинских в Овруч.

На суде 1510 г. показания Ивашка Немирича были подтверждены как письмами Константина Острожского 1508 г., так и его личным свидетельством. На основании всего этого Ивашку Немиричу были возвращены Варевцы, имение его жены Феди, дочери пана Булгака Лисичанка, и он сам был освобожден от подозрения, что «з зрадцою нашим з Глинским был и панства землю казнил» [45].

Другой привилей от 29 февраля 1511 г., описывающий судебный процесс еще времен княжения Александра, позволяет установить родственные связи между Остафием Дашкевичем и Ивашкой Немиричем. Когда великий князь Александр дал князю Тимофею Капусте «именья в Киевском повете Остафьевы Дашкевича в тои час, как он зъехал был в землю неприятеля нашого, ино деи земенин вруцкии Немира жаловал на него брату нашому, королю Александру, поведаючи, иж бы тыи именья материзна жоны его, сестр Остафьевых» [46]. Именья вернули сестрам Дашкевича, а киевский воевода князь Иван Львович Глинский получил распоряжение найти для Тимофея Капусты «только ж людеи и земель». Привилей 1511 г. подтверждает все эти пожалования.

Очевидно, упомянутый здесь Немира — тот же отец Ивашка, который ездил за инструкциями к Константину Острожскому. В обоих привилеях Немира и Ивашко Немирович названы «вруцкими земенинами», оба они

связаны службой с князем И. Л. Глинским. В таком случае Ивашка Немирич был племянником Остафья Дашкевича.

Можно привести и некоторые наблюдения о службе Булгака, Дашковича и Ивана Немири в Литве. Среди пожалований Казимира от 1488 г. есть запись о выдаче Булгаку Лисице «15 коп з мыта киевского и путивльского»; по этой же записи Немира получает «6 коп грошей з мыта в Берести» [47]. Он же по другой недатированной записи пожалований Казимира получает «4 рубли з вин у Вилькии» [48].

В 1506 г. Булгак Лисичанок получает «на 13 коп грошей з мыта киевского аргитового отмена» [49]. Осенью 1508 г. Остафий Дашкович получает «тивунишка речицкая и чечерская и горвольская на сюю осень» и в ноябре 1509 г. «30 коп со скарбу» и «8 коп с корчмы черкаское» [50].

На какое-то время были конфискованы земли и должности у родственников Глинских — Федка и Мартина Богдановичей Хребтовичей, также участвовавших в этом выступлении, но оставшихся в Литве [51].

Каким-то образом был связан с выездом Глинских и Федор Коллонтай. В апреле 1508 г. он получил двор Клевицы, который держал князь Василий Львович Глинский, со всеми прикупами и привилегиями Глинского, поскольку он «великие шкоды впад, иж он сам был в руках втого здраицы нашого князя Михаила Глинского, што том выехал, а жону и дети там зоставишь» [52]. В 1511 г. его вновь обвинили в соучастии восстанию Глинских. Якобы в начале 1508 г. в Новогрудке Михаил Глинский говорил, что виновником войны был Федор Коллонтай; на свадебном пиру он просил у Михаила заступничества от имени православной шляхты, которую хотят принудить к католической вере [53].

Мы видим, что родословные документы XVI в. не только содержат подробности о выезде на службу в Москву, отсутствующие в других документах. Их основное качество заключено в том, что известия родословий позволяют более детально установить родственные связи выехавших лиц.

Таким образом, мы получаем представление о среде литовского боярства, имевшего тенденцию переезжать от одного великого князя к другому.

Из истории Глинских мы видим, что благосостояние этой семьи с середины XV в. полностью зависело от воли князя, которому они служили. И в Москве, как показали наблюдения А. А. Зимина, сразу после выезда они находились в ранге служилых князей, а в 40-е годы XVI в. опустились до положения членов Боярской думы [54].

Известия о семье Глинских позволяют вернуться еще раз к браку Василия III и Елены Глинской. Исследования последних лет, восстанавливающие происхождение Елены по материнской линии, показали, что сам брак был определенным звеном в цепи внешнеполитических действий московского великого князя [55].

Мы видим, что эта женитьба связала московского великого князя с широкими слоями православного литовско-русского боярства. Она привлекала на службу в Москву литовскую знать. Еще М. Н. Тихомиров считал, что она способствовала выезду на Русь Дмитрия Вишневецкого [56]. Очевидно, сюда же можно добавить и состоявшийся через полгода после свадьбы выезд свойственника Елены — Федора Михайловича Мстиславского. «Таким образом,— писал М. Н. Тихомиров,— этот брак совсем не был прихотью старевшего Василия, а имел некоторые политические последствия» [57].

---

[1] *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси.— ИЗ, 1954, т. 22; *Зимин А. А.* Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 году.— Советские архивы, 1970, № 5; *Он же.* Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.— В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVII вв. М.: Наука, 1975; *Бычкова М. Е.* Первые родословные росписи литовских князей в России.— В кн.: Общество и государство феодальной России: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1975.

[2] ГБЛ, ф. 113. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря, д. 661, л. 365—366.

[3] ПСРЛ. СПб., 1856, т. 8, с. 82; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 25, с. 237.

[4] ГБЛ, ф. 113, д. 661, л. 366; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969, с. 50, 266.

[5] Подробнее см.: *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания.— В кн.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина: Записки Отдела рукописей. М.: Книга, 1977, Вып. 38.

[6] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1895, s. 78—80.

[7] *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 112—113.
[8] Там же, с. 113—114, 122—123.
[9] По русским родословным росписям, Гаштольдам служили Федор и Вацлав Ивановичи Глинские. Из них Вацлав помещен в недатированном списке дворян, «которые имении не мают», с указанием, что прежде он имел имение в Смоленске. ЦГАДА, ф. 389. Литовская метрика (далее: ЛМ), кн. 8, л. 138 об.
[10] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 78, 178—179.
[11] АЗР. СПб., 1852, т. 1, с. 99. Это известие может относиться к Ивану Дашковичу, Ивану Семеновичу или Ивану Борисовичу Глинским. См.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 79.
[12] АЗР, т. 1, с. 100. Женой Богдана была княжна Мария Ивановна Жеславская (см.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 87). В 1522—1523 гг. русское правительство было согласно отпустить в Литву Богдана Глинского (см.: Сб. РИО. СПб., 1882, т. 35, с. 661.
[13] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 88—89. Богдан умер до 1576 г., его матерью была княжна Настасья Жижемская.
[14] РИБ, СПб., 1903, т. 20, I, стб. 337—339.
[15] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М.: Изд-во восточной лит., 1963, с. 237.
[16] *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М.: Мысль, 1972, с. 85.
[17] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 17, 39, 168—171.
[18] Там же, с. 39.
[19] Сб. РИО, т. 35, с. 546; *Герберштейн С.* Записки о московитских делах, с. 168.
[20] Akta Tomiciana. Epistole, legationes, responza, aktiones, regeste. Poznań, t. 1, 1852, s. 15; *Зимин А. А.* Россия на пороге..., с. 85.
[21] *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 83—84.
[22] *Зимин А. А.* Новое о восстании..., с. 68—70.
[23] Там же, с. 72—73. Ю. Вольф писал, что дочь Ивана Борисовича Глинского была замужем за Якубом Ивашенцовичем. См.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy..., s. 79.
[24] *Соловьев С. М.* История России. М.: Изд-во АН СССР, 1960, кн. III, с. 220—221.
[25] РИБ, 1910, т. 27, стб. 260.
[26] АЛМ, 1896, вып. 1, с. 92; 1897, вып. 2, с. 67; ЛМ, кн. 8, л. 171 об., 224, 433.
[27] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego księstwa Litewskiego. 1386—1795, Kraków, 1885, s. 208.
[28] АЛМ, вып. 2, с. 41.
[29] ЛМ, кн. 8, л. 262—263. Дворец Радомль в Менском повете принадлежал обоим братьям.
[30] См.: *Зимин А. А.* Россия на пороге..., с. 91—92.
[31] РИБ, т. 27, стб. 849—851.
[32] ЛМ, кн. 8, л. 316.
[33] Там же, л. 150—150 об., 229; *Зимин А. А.* Россия на пороге..., с. 91.
[34] РИБ, т. 27, стб. 478; ЛМ, кн. 8, л. 431.
[35] ЛМ, кн. 8, л. 231 об.
[36] *Зимин А. А.* Новое о восстании..., с. 73; *Бычкова М. Е.* Родословие Глинских..., с. 114.

[37] ЛМ, кп. 8, л. 435.
[38] *Зимин А. А.* Новое о восстании..., с. 73.
[39] ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, д. 108, л. 159.
[40] ЛМ, кн. 8, л. 369.
[41] Там же, л. 421 об.; АЛМ, вып. 2, с. 87.
[42] ЛМ, кн. 8, л. 237 об.— 238, 251 об.— 252.
[43] Там же, л. 399—399 об.
[44] Там же, л. 399 об.
[45] Там же, л. 399.
[46] Там же, л. 489 об.— 490.
[47] РИБ, т. 27, стб. 289, 303.
[48] Там же, стб. 190.
[49] ЛМ, кн. 8, л. 440. В привилее 1510 г. даются две формы его имени — Булгак Лисица и Булгак Лисичанок.
[50] Там же, л. 445, 467 об.
[51] *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze..., s. 184, 221, 236.
[52] ЛМ, кн. 8, л. 223 об.
[53] РИБ, т. 20, стб., 1196.
[54] *Зимин А. А.* Служилые князья..., с. 50—51.
[55] *Тихомиров М. Н.* Иван Грозный и Сербия.— В кн.: Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М.: Наука, 1969, с. 86—88; *Rüß H.* Elena Vasil'evna Glinskaja.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (Wiesbaden), 1971, Bd 19, Hf. 4.
[56] *Тихомиров М. Н.* Иван Грозный и Сербия, с. 89—90.
[57] Там же, с. 88.

ПРОБЛЕМА ЯСЫРЯ В ПОЛЬСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ XVI—XVII ВВ.

В. Хензель

Из тех слов, которые означают в османо-турецком языке рабство, в польском языке прочно принялся термин, называющий военного пленника словом «есир» (esir) в форме «ясырь» (jasyr). Одновременно произошло перемещение его значения — от конкретного к абстрактному. В польском языке слово «ясырь» означает турецкий или татарский плен. Стоит отметить, что в османо-турецком языке слово «есир» означало также попросту раба, а производное от него «есирджи» (esiridzi) — торговца рабами. Такое расширение значения слова связано с тем фактом, что немусульманское население, взятое в плен во время войны, составляло в соответствии с принципами мусульманского права основную группу рабов. Кроме того, легальной основой статуса раба ислам признает лишь наследование этого статуса. Ему неизвестны другие источники рабства, такие, например, как рабство за долги. Тот, кто родился на территории мусульманского государства, т. е. «исламского мира» (dar al-islam) свободным человеком, не может быть превращен в раба. Этому принципу противоречило лишь принудительное отбирание христианских детей на территории Османской империи, так называемое *девширме* (dewszirme). Имели место и другие случаи его нарушения. Тем не менее число людей, превращенных в рабов вопреки мусульманскому праву было, по всей вероятности, небольшим. Большинство рабов, как отмечают европейские повествовательные источники, были военнопленными. А среди них рабы русского и польского происхождения перечисляются на первых местах наряду с немцами (австрийцами), грузинами и эфиопами. На самых тяжелых работах, например на галерах, в XVI и XVII вв. использовались главным образом, пожалуй, славяне.

До сих пор нет каких-либо исследовательских работ, посвященных рабству в Османском государстве. Историки считают, что это явление играло незначительную роль

в тогдашней общественной структуре Турции. Особенно эту проблему обходят современные турецкие историки. Симптоматическим кажется тот факт, что «Общественно-экономическая история Турции», написанная Мустафой Акдага, два тома которой уже изданы под эгидой Турецкого исторического общества, совершенно не затрагивает этой проблемы. Некоторые статьи по частным вопросам содержит «Словарь исторических терминов» Мехмеда Зеки Пакалина, но в нем нет общей статьи на тему рабства. Даже новая «Энциклопедия ислама» ограничивается лишь описанием юридического положения рабов.

Формально-правовой подход облегчает идеализацию судьбы рабов. Так, английский ученый Ч. Боуэн утверждает: «Рабы в исламе являются или являлись собственностью своих господ, имевших над ними абсолютную власть. Но их служебный статус (servitude) почти не приводил к какому-либо общественному неравенству». Такой взгляд правомерен лишь по отношению к привилегированным, которые оказались рабами самого падишаха. Именно перед ними через корпусы (так называемых «рабов Порты» — adzemi и jeniczeri), а также школы пажей (iczoglani) был открыт путь к высоким должностям, высокому общественному положению и богатству. Издавна говорят и пишут, что в Порте, если кто-либо имел соответствующие квалификацию и счастье, мог дойти даже до должности великого визиря. Известно, что по крайней мере со времени Мехмеда Завоевателя большинство высших офицерских и административных кадров вышло из рядов рабов. Европейские авторы прошлого времени считали, что даже на верху своей карьеры эти люди оставались рабами в полном смысле этого слова. Англичанин Рико писал в XVII в.: «Если бы кто-нибудь захотел, как следует понаблюдав, правдиво описать турецкий двор, то ему пришлось бы признать, что это не что иное, как тюрьма, полная рабов, которые ничем не отличаются от тюрьмы на галерах, разве только тем, что на более опрятном месте и в более дорогих цепях сидят».

Точно так же польские авторы в XVI и XVII вв., как, например, Ожеховский, ошибочно утверждали, что османская армия отличается невысокими боевыми качествами, поскольку состоит из рабов нетурецкого происхождения. В этом месте следует подчеркнуть, что, называя этих людей, принадлежавших к высшим слоям османско-

го общества, рабами, мы допускаем неточность с точки зрения права. Они были не рабами, но вольноотпущенниками и в соответствии с принципами мусульманского права между ними и господином имели место отношения типа клиент—патрон. По мнению Халила Инальцика, наряду с арабским институтом mewla, определявшим отношения именно этого типа, в Османской империи следует также искать влияния монгольского института нукеров (nökeri).

Оценка диаметрально изменится, если вместо этой привилегированной группы мы будем рассматривать положение всей массы рабов. Поэтому болгарский ученый Бистра Цветкова утверждает, что рабы были лишены в Османской империи каких-либо человеческих прав, что их положение было хуже, чем рабов античного мира. Но с этим крайним мнением тоже трудно согласиться.

Разная оценка прежними и современными историками доли рабов невольно наводит на мысль, которую обычно не принимают во внимание, а именно: в Османской Турции раб рабу не был равен. Если речь идет о высокой мобильности в османском обществе, о том, что даже рабу — а в XVI и XVII вв. прежде всего рабу — был открыт доступ к наивысшим должностям, то следует определить, какой категории рабов это касалось.

Забирая в ясырь людей из соседних государств, турки увеличивали состав населения своей страны, а вместе с тем и численность воинских контингентов. Этот процесс совершался в определенных юридических формах. Прежде всего, следует сказать о так называемом pendzik, по которому одна пятая часть пленных, захваченных во время войны с неверными, являлась собственностью падишаха. Известно, что эти пленные специально отбирались. Кроме этого пути, существовала возможность выдвинуться в общественном отношении у рабов пашей, беев и высших военных чинов (askeri). Будучи отпущенными на свободу, если они годились к участию в войнах, они тоже приобретали статус askeri, т. е. военных. Однако турки нуждались в иностранных пленных не только для управления государством или для увеличения своего войска, но также и для выполнения разных хозяйственных работ.

Рассматривая вопрос о социальной подвижности, следует помнить о том, что такие возможности были огра-

ниченными. Подобной перспективы была лишена категория подданных, определяемых названием райатов (reaja). «Сын райата является райатом» — гласила классическая османская формула. Она распространялась и на рабов райата. Вольноотпущенник райата становился райатом.

Кроме того, известно о существовании в XVI и XVII вв. особой категории крестьян из рабов, так называемых ortakczy kullar, поселенных в султанских владениях (havassi-i numajun). Они наделялись участками земли для возделывания, снабжались необходимыми орудиями труда и семенами. За это половина полученного ими урожая шла в казну султана. Кроме того, их обязывали нести такие повинности свободных крестьян reaja, как например, öszür, или десятина, а если они не приняли ислама, то должны были также платить дань (haracz). Надзирал над ними специальный чиновник султана — «эмин» (emin), от которого, как следует из документов, они пытались утаить часть урожая. Власти старались сохранить замкнутость этой социальной группы. Рабам, входившим в категорию ortakczy, разрешалось жениться, но жен они могли выбирать только в своей среде. Они были полностью подчинены своему надзирателю — эмину. Территория деревни была закрыта перед чиновниками извне, и даже наказывать их можно было только с ведома эмина.

Об этих сторонах османской системы следует помнить, рассматривая проблему ясыря в тогдашней Речи Посполитой. В польской историографии этот вопрос изучен слабо. Он интересовал польских историков, изучавших отношения с Востоком, таких, как Б. Барановский, Я. Паевский и Я. Рейхман. Были изучены лишь некоторые аспекты. Довольно много внимания было уделено истории поляков, взятых в плен татарами или турками и сделавших карьеру в Турции или Крыму, таких, как Иоахим Страж (Ибрагим-бей), Ян Кердей (Саид-бей), Войцех Бобовский (Али-Бей), Цегельский (Ислам-бей). Некоторое внимание было уделено вопросам, связанным с выкупом пленных; опубликованы фирманы турецких султанов, касавшиеся их освобождения.

То, что интересующая нас проблема до сих пор не изучена глубже, объясняется, пожалуй, некоторыми объективными причинами. Довольно трудно отыскать соответствующие источники. Исключительно важное значе-

ние имеют здесь архивные источники, причем нет сомнений, что фонды польских архивов могут оказать лишь частичную помощь в изучении проблематики ясыря. Необходимо прежде всего получить доступ к турецким архивным фондам и провести в них продолжительный розыск, что для польских историков по объективным причинам до сих пор было невозможным.

Развитие турецкой экспансии в XV в. привело к прямому столкновению польских и турецких государственных интересов. Попытка разгромить возрастающую мощь Турции, предпринятая Владиславом Варненьчиком, к которой в определенной степени было привлечено и польское рыцарство, закончилась неудачей. Польша Ягеллонов также не сумела успешно соперничать с турецким влиянием в районе Черного моря. Подчинив себе Крымское ханство, завоевав Килию и Белгород, Турция прочно обосновалась в этом районе и могла контролировать Молдавию и Валахию. Поход Яна Ольбрахта оказался безуспешным. В XVI в. обе стороны воздерживались от крупных военных начинаний. Это был период относительного спокойствия и нейтральности, прерываемых, отдельными походами, организуемыми турецкими центрами на северо-западном побережье Черного моря, и ответными действиями польского рыцарства.

Положение изменилось в XVII в., когда нейтральность перешла в открытую враждебность, выразившуюся в целой серии войн, проводимых с переменным успехом. Турецкая угроза Речи Посполитой перестала существовать после отпора, данного туркам под Веной Яном Собесским, и после Карловицкого договора, заключенного в 1699 г. В XVIII в., в период кризиса обоих государств, их взаимные отношения снова улучшились.

Данная характеристика польско-турецких отношений является, безусловно, упрощенной, мы оставили в стороне мотивировки и причины такого положения вещей. Для нашей темы существенно лишь то, что на протяжении длительного периода, во время которого Польша и Османская империя успели пережить свой расцвет и упадок, в Турции всегда имелось определенное количество ясыря с польских, литовских и украинских земель, входивших в то время в состав единого государственного организма. Ведь даже в XVI в., когда польско-турецкие

отношения в годы правления в Польше Сигизмунда Старого и Сигизмунда Августа, а в Турции — Сулеймана Великолепного были действительно хорошими (о чем убедительно свидетельствует заключение в 1533 г. прочного мирного договора вместо предшествовавших ему кратковременных перемирий) на территории Турции имелось значительное число рабов польского происхождения. Нам известны выдающиеся поляки того времени, достигшие высоких должностей при османском дворе. Иоахим Страж — Ибрагим-бей, взятый в ясырь ребенком, ряд лет был главным переводчиком Высокой Порты. Он не раз приезжал в Польшу с разными миссиями. Несколько ранее в турецкой дипломатической службе действовал Ян Кердей (Саид-бей). О том, что в XVI в. в Турции было много польских пленных, свидетельствуют также посольские инструкции и дипломатическая переписка между Высокой Портой и коронной канцелярией Польши. Вопрос освобождения польских подданных из плена в них появляется постоянно.

По феодальной традиции поставщиками ясыря в Стамбул и другие турецкие города прежде всего были татары — «охотники за врагами», как их часто называли османские авторы. Для Крымского ханства с его слабо развитым сельским хозяйством, с населением, состоящим частично из родоплеменных групп, ведущих традиционный кочевой образ жизни, грабеж соседних стран был главным источником дохода и условием благосостояния. Поэтому крымские, нагайские и буджакские татары отправлялись за скотом и ясырем на территорию Польши, Литвы, а также Московской Руси. Выгода, получаемая от рабского труда, а еще больше, пожалуй, прибыль от продажи рабов на турецком рынке, либо же от больших сумм, уплачиваемых в порядке выкупа, если в плен попадал богатый человек, семья которого могла заплатить такой выкуп, давали Гиреям и богатым крымским родам средства для роскошной жизни, а рядовым членам орды позволяли выжить, особенно в часто повторяющиеся периоды голода. Татары нередко открыто признавались в такой экономической мотивировке своих действий. Они так же упорно не соглашались возвращать пленных без выкупа. Эти вопросы освещены в письме великого крымского визиря Сефера-Гази-аги, адресованном Миколаю Пражмовскому:

«Послы, да и разные коронные посланники, не хотят уходить от нас без ничего, не взяв по нескольку рабов. О чем, ваша светлость, изволь ведать, ибо мы не можем безвозмездно от наших татар брать рабов... Нам приходится платить за них такие суммы, в которые они оценивают их. Хотя они и оценивают, но им это в убыток, да и нам не на руку, что приходится такие суммы платить, когда берем такого раба от татарина, чтобы отдать послам вашим, которых множество. А у ваших татарских людей нет другого богатства, кроме рабов, ибо они — их плуг и коса».

В соответствии с исторической правдой следует подчеркнуть, что жертвами татарских набегов, если иметь в виду земли Речи Посполитой, чаще всего становилось украинское население, или же, как его прежде называли,— русинское, а по терминологии турок и татар — русы.

На основании разных источников можно показать, что польской стороне нелегко было противодействовать тогда крымскому натиску. Из исследований, проведенных недавно М. Хорном, следует, что в первой половине XVII в. Польша делала для защиты своих русских воеводств от крымских набегов гораздо больше, чем считалось прежде. Но, признавая, что татарские набеги наносили огромный ущерб землям, входившим в состав Речи Посполитой и прежде всего ее восточным окраинам, заселенных русинами, мы не можем не зафиксировать и того факта, что территории Московской Руси на протяжении рассматриваемого времени оказывались в аналогичном положении. Крымское ханство попеременно вело борьбу то с одним, то с другим своим восточноевропейским соседом. Оно организовывало грабительские набеги то на земли Московского государства, заключая при этом союз с Польшей, то на территории Речи Посполитой, вступая в данных случаях на путь сближения с Москвой. В выработке этой тактики Крымского ханства, как подчеркивалось в историографии, играли роль не только экономические, но и политические причины. А. А. Новосельский справедливо отверг взгляды, в соответствии с которыми направление крымских набегов зависело лишь от того, какая сторона приносила больше выгод, больше даров и упоминок.

И действительно, при объяснении тактики лавирования крымской дипломатии между Московской Русью и

Речью Посполитой следует, пожалуй, учитывать стремление Бахчисарая сохранять равновесие сил в Восточной Европе. Как отмечалось в исторических исследованиях, Крым на протяжении XVI—XVII вв. успешно добивался этих целей, совершая нападения то на одного, то на другого своего северного соседа. Следует, однако, учитывать, что при этом Крым избегал установления прочных и длительных союзов как с Московской Русью, так и с Польско-литовским государством (исключением был первый период правления Менгли-Гирея в конце XV в., когда он, зная о союзе Польши с Волжской ордой, выступил последовательным противником Польско-литовского государственного объединения).

Такая тактика Крымского ханства не была изолирована от политики Порты.

Со времени покорения побережья Крыма турецким флотом под предводительством Ахмета Гедика-паши ханство Гиреев попало в вассальную зависимость от Высокой Порты «под верховенством Оттоманской Порты», как гласит название незаменимой до сих пор «Истории Крымского ханства», написанной выдающимся русским востоковедом В. Д. Смирновым. Каждый новый хан получал инвеституру от османского султана. Поэтому вполне понятно, что политика Крыма, зависимая от Порты, обсуждалась польскими послами не только в Бахчисарае, но и в Стамбуле. Правда, при этом правители Турции и Крыма часто делали вид, что татарские набеги происходили стихийно, без их санкции. Даже если Высокая Порта передавала польскую жалобу в Крым, в ответ можно было услышать, что польский король запаздывает с уплатой подарков (так польская сторона называла дань, которую неоднократно соглашалась уплачивать хану, или налога (турецкое vergi), как пишут турецкие и крымско-татарские источники). А если, несмотря на уплату дани, совершались грабительские набеги, ханы оправдывались тем, что это происходило без их ведома.

Так выглядели широкие политические предпосылки крымских походов на земли Московской Руси и Речи Посполитой, тех походов, которые обеспечивали Крыму и Порте поступление ясыря.

Как же практически осуществлялся этот сбор ясыря на территориях Восточной Европы вообще и Речи Посполитой в частности?

М. Хорн составил недавно хронологию и установил территориальные границы татарских набегов в первой половине XVII в. Он насчитал их 76, в 1606—1649 гг. это были набеги разного типа. Автор делит их на три вида: генеральные походы, большие и, наконец, небольшие. Интересны его попытки определить величину ясыря в каждом типе; во время генерального похода забиралось до 5 тыс. пленных, в больших — до 3 тыс., в небольших — в среднем около 250 пленных. Мимоходом можно заметить, что подобное деление было известно также туркам того периода. Известный турецкий ученый XVII в. Катиб Челеби называет на первом месте походы, организуемые ханом или членами его семьи и называемые sefer. Затем он называет экспедиции меньшего значения, называемые по-турецки czapul, от чего происходит польское слово czambul. Наконец, грабительские набеги совсем уже небольших отрядов, так называемые besz basz, т. е. буквально «пять голов».

Кроме крымских татар, набеги на Польшу устраивали также орды, находившиеся в некоторой зависимости от власти хана. В первой половине XVII в. особенно прославился своими набегами предводитель буджакских татар Кантимир-мурза, т. е. «Кровавый меч». Протоптанными путями, которые в исторической литературе имеют свои названия — Кучманский, Черный и Валахский, на земли Речи Посполитой вторгались ордынцы. Избегая крупных оборонительных центров, они захватывали добычу и часто уходили с ней прежде, чем удавалось организовать оборону.

Случалось, что и само население, даже без помощи армии, успешно боролось с татарскими набегами. Например, в 1621 г. во время Хотинской войны, когда Кантимир-мурза дошел до самого Люблина, на обратном пути, под Каменец-Подольском, на него напали горожане и крестьяне. Ясырь удалось отбить и доставить в город.

В XVII в. важным источником ясыря были походы турецких войск. Для турецких воинов ясырь был лакомым куском. Случалось, что перед походом турки брали от стамбульских торговцев задаток на пленных, которых намеревались доставить. Кроме этих, своего рода официальных походов, турецкие начальники нередко организовывали небольшие походы собственными силами на Подолье и Волынь с территории Молдавии или из причер-

номорских крепостей Очаков, Аккерман, Килия, где были расквартированы турецкие гарнизоны и где собирались купцы, занимавшиеся торговлей рабами. Неоднократно сами купцы были инициаторами походов.

Захватом людей на польских территориях занимались также турецкие купцы, ездившие в Москву и обратно через земли Речи Посполитой «не по обычным дорогам, ибо если бы они хотели делать это на обычных дорогах, то опасались бы, что им это было бы запрещено»,— говорилось в посольской инструкции Петра Зборовского.

Случалось также, что нечестные посредники уводили беглых крестьян на турецкую территорию либо продавали их там как рабов. Таким образом, по-разному можно было попасть в турецкий плен и этот увод пленных приносил Речи Посполитой значительный ущерб.

Нет сомнений, что ясырь был одной из главных причин претензий, выдвигаемых в адрес Османской Турции и Крымского ханства. Соответствующий пункт, касающийся освобождения пленных, постоянно включался в так называемые примирительные письма, посылаемые турецкими султанами королям по их просьбе. К примеру, в примирительном письме Мурада III, отправленном Стефану Баторию, второму после Генриха Валуа польскому королю, который, между прочим, был избран на польский трон по турецкой протекции, султан позволял «людям короля» (kyralyn adamlary) выкупать пленных польского происхождения (Lihlü), которые не перешли в ислам и остались христианами:

1) «людям короля» дозволяется разыскивать таких пленных и выкупать их по согласию их господ;

2) им дозволяется с выкупленными пленными уйти из Турции, и никто не может помешать им в этом;

3) если во время действия договора кто-либо из подданных обоих государств будет взят в плен, следует освободить его без выкупа;

4) что касается пленных, захваченных ранее, то королевские люди могут забирать их с мест, где они находятся, а господам не разрешается требовать слишком большого выкупа;

5) пленные, которые перешли в ислам, должны быть освобождены.

Подтверждение этой процедуры мы находим в дипломатической переписке. Например, великий визирь Семиз

Али-паша сообщал в письме Сигизмунду Августу в 1564 г., что султан благосклонно принял посла Язловецкого и выдал ему польских пленных христиан. Тех же, которые перешли в ислам, он отпустил на свободу.

Стоит подчеркнуть пункт, касающийся перешедших в ислам пленных, ибо существует довольно распространенное мнение, что переход в ислам, отуречивание как бы автоматически давало свободу. Отпуск на свободу пленных, принявших ислам, зависел от доброй воли господ. Освобождение было поступком, рекомендуемым шариатом, но во всей истории ислама, в самого начала этой религии, существовали рабы-мусульмане. Мусульманское право говорит только о том, что мусульманина нельзя превратить в раба. Если же он раб от рождения или же стал рабом как военнопленный, т. е. был частью военных трофеев, ибо именно так определяли на Востоке захваченных во время войны людей, то он остается рабом до тех пор, пока не получит от своего господина освободительной грамоты или же не будет освобожден по устному заявлению. Единственно исключение — мать мужского потомка (umm walad), автоматически получавшая свободу после смерти господина, который был отцом ребенка. Это последнее правило действовало, впрочем, не только на мусульманском Востоке, оно применялось также в Древней Руси, ибо о нем говорится в «Русской правде».

Переход в ислам вводил пленного в мусульманское общество, из которого ему нельзя было выйти ни под каким видом. Вот почему в примирительных письмах говорится о том, что перешедшие в ислам не могут возвратиться в Польшу, а лишь могут быть отпущены на свободу.

Освобождение пленных, формальным основанием чего служили примирительные письма, было одной из самых трудных задач послов, хотя и подкреплялось специальными письмами, адресованными кади. Петр Зборовский жаловался, что ему грозила серьезная опасность со стороны тех турок, от которых к нему бежало более двадцати польских рабов, «так что по требованию bacz tynem, получив обещания, я отдал их всех, записав имена, ибо сам опасался опасности с их (турок.— *В. Х.*) стороны, а обещали мне, что воистину всех вернут, только как следует расспрося, где взяты, как проданы, чтобы те,

что их купили, могли получить свои деньги, а те, что вопреки перемирию их захватили, будут наказаны».

Радиус действий посла и его людей был ограничен главным путем, по которому они добирались до Стамбула и обратно. Известия о том, что производился более широкий розыск, редки. Однако, например, в посольском отчете Якуба Вилямовского говорится, что его переводчик Миколай вместе с чиновником Порты отправился на поиски пленных. Небольшие фонды на выкуп пленных имели все польские послы. Государственная казна лишь в исключительных случаях отпускала средства на эту цель. Таким образом, эти средства получали послы от частных лиц. Удавалось освободить лишь немногих пленных. По-видимому, группа возвращавшихся пленных не превышала нескольких сот человек. Например, Войцех Мясковский говорил, что привел 217 пленных. По правде говоря, это много, если принять во внимание, что тринитарии за время своей почти столетней деятельности в пользу Польши выкупили всего 517 человек. И тем не менее такая практика существовала.

Кто был богат, мог сам себя выкупить через родственников, а часто через купцов, торговавших с Востоком. Такое право дал им, например, Мехмед III в письме к Сигизмунду III, отметив, что основанием для определения размера выкупа было заявление хозяина раба, сделанное под присягой.

Несмотря на все договоры и распоряжения султанов, провинциальные сановники не всегда охотно их выполняли. Об этом свидетельствует письмо, в котором Селим I повторил приказ санджакбею Аккермана возвратить всех пленных, захваченных в Польше во время набегов местных турок сообща с аккерманскими татарами.

В выкупе часто посредничали армяне или польские караимы. Однако не подлежит сомнению, что вся эта деятельность в небольшой степени уравновешивала убыль населения из-за захвата ясыря. Постоянная угроза, какой подвергались юго-восточные границы, была важным политическим фактором. Тем не менее в данных условиях Речь Посполитая, ведущая военную политику против России, не была в состоянии решить проблему ясыря.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI—XVII В.

В. А. Александров

На протяжении второй половины XVI—XVII в. борьба с экспансией Крыма и Турции составляла одну из важнейших внешнеполитических задач России. В зависимости от международных ситуаций, внутреннего состояния России, расчетов (или просчетов) русского правительства она то обострялась, то временно затухала, но на протяжении веков не теряла ни значения, ни остроты. Ее этапы определялись изменявшимися возможностями борющихся сторон. Падение Золотой орды еще не означало окончания вековой борьбы России с татарскими государственными образованиями. После падения Казани и Астрахани на южных и юго-восточных границах России во второй половине XVI—XVII в. очагами постоянной опасности оставались Крымское ханство и ногайские орды. Эта опасность осложнялась тем, что Крымское ханство попало в вассальную зависимость от Турецкой империи, которая на протяжении XVI—XVII вв. вела упорно наступательную политику в отношении Центральной и Восточной Европы, Кавказа и Ирана.

В этих условиях всякие попытки России ликвидировать пережитки подданического отношения Руси к Золотой орде, за которые цеплялись крымские ханы, а тем более вступать в открытую борьбу с Крымом рассматривались Турцией как угроза ее коренным интересам в Северном Причерноморье. Незыблемость существования Крымского ханства была основой политики Турции в Причерноморье, а набеги крымских ханов на русские земли, совершаемые систематически и весьма часто по собственной инициативе, нередко без ведома Стамбула, молчаливо им подразумевались, с одной стороны, как право на обогащение и существование за счет соседей, а с другой стороны, рассматривались как метод воздействия на усиливавшееся централизованное Русское государство, точнее, как метод его ослабления в целях успеха

в дальнейшем собственно турецкой экспансии [1]. Таким образом, «золотоордынское наследие» Крымского ханства по грабежу русских земель было принято турецким правительством составной частью его экспансионистской политики.

Организация обороны южной границы России на протяжении второй половины XVI—XVII в. отражала вполне определенный оборонительный этап во внешней политике русского правительства в отношении Крыма и Турции. Эффективность и результативность этой обороны были необходимыми предпосылками наступления на причерноморские степи, начатого русским правительством в конце XVII в. и продолжавшегося в XVIII в. Указанная проблема, разумеется, не может рассматриваться только с узко военной точки зрения (стратегической, тактической, инженерной). В ней отражались и отношение русского правительства к своим внешнеполитическим задачам, и степень народнохозяйственного освоения южнорусских областей, и особенности социальной политики правительства, проводимой по отношению к населению этих областей. Только при таком многостороннем учете всех этих вопросов возможно объективно представить себе целенаправленность организации обороны на юге и ее результаты.

Известно, что начиная с Ливонской войны и до «вечного мира» с Польско-Литовским королевством (1686 г.), т. е. на протяжении 120—130 лет, внешняя политика России подчинялась прежде всего отношениям с государствами на западе и северо-западе. Как бы тонко ни оценивала русская дипломатия того времени все перипетии своих взаимоотношений с Крымом, Ногаями и Турцией и их отношения между собой, в целом она стремилась избегать втягивания страны в тяжелые и длительные военные конфликты с ними.

Уже Ливонская война показала, насколько от положения на юге, от политики крымских ханов зависели успехи и неудачи России на Западе. Стратегическое значение защиты южной границы было очевидно. На протяжении 24 лет Ливонской войны только три года южные области России не испытали разора от татарских набегов, причем в 1568—1574 гг. ситуация складывалась угрожающая, когда в 1571 г. Девлет-Гирей захватил Москву, а в 1572 г. вновь перешел Оку. Фактически в 1568—1574 гг.

России пришлось, помимо Ливонской войны, вести войну с Крымом [2]. Основная линия русской обороны в то время опиралась на течение Оки, где в Калуге, Серпухове, Тарусе или Алексине, в Коломне и Кашире располагались полки.

Еще в 1550-х годах русское правительство выдвигало с целью активной обороны значительные силы полевой армии далеко за Оку, под Тулу и далее на рубежи рек Быстрая и Тихая Сосны к Днепру и Дону [3]. Для предупреждения татарских набегов с 1571 г. именно там, на рубежах Дикого поля была организована постоянная, с апреля и до зимы, полевая сторожевая служба с центрами в Путивле и Рыльске. Ее структура и функции были отражены в первом известном на Руси военном уставе, который был разработан в Москве в результате совещания во главе с князем М. М. Воротынским южных детей боярских, знатоков полевой службы. Основная цель этой службы заключалась в том, чтобы неприятельские «воинские люди войной безвестно не приходили». Достигалось это тем, что одновременно по точно расписанным маршрутам русские разъезды передвигались вдоль всей южной границы. Кроме того, далеко в стéпи высылались специальные разъезды [4].

Стремясь предупредить заранее о надвигавшихся татарских войсках, эти разъезды следили прежде всего за несколькими шляхами (дорогами), по которым обычно проходила татарская конница, а именно: наиболее западным Муравским (между Ворсклой и Сев. Донцом), разветвлявшимся затем на Бакаев, Свиной и Тахмуцкий шляхи; Изюмским (между Сев. Донцом и Осколом), Калмиусским (между Осколом и Доном) и Ногайским (между верховьем Битюга и Цной). Эти шляхи проходили по речным водоразделам и возвышенностям [5], так как татары старались избегать речных переправ, болот, оврагов и лесов. С учетом тактики неприятеля строилась и русская сторожевая служба. Однако в борьбе с крайне подвижным противником, избегавшим осад укрепленных пунктов и боевых столкновений с крупными соединениями русских войск, при всей оперативности сторожевой службы далеко не всегда удавалось вовремя сконцентрировать полевые рати и преградить путь татарам. Поэтому во второй половине XVI в. вдоль южного «берега» Оки постепенно был создан единый оборонительный комплекс,

состоявший из лесных завалов (засек), полевых укреплений на дорогах и в других местах, особенно на бродах через Оку, и непосредственно крепостных сооружений, возникших до XVI в. в городах Веневе, Туле, Одоеве, Белеве, Лихвине, Козельске, которые были опорными пунктами в системе обороны складывавшейся Засечной черты [6].

После окончания Ливонской войны русское правительство начало усиливать сторожевую линию постройкой городов-крепостей. Иначе говоря, на основе сторожевых постов стали создаваться опорно-оборонительные крупные пункты. На протяжении 1580—1590-х годов возник ряд так называемых «украинных» городов — Воронеж, Елец, Ливны, Оскол, Лебедянь, Курск, Белгород, Валуйки, Кромы, Царев-Борисов. Создание этих опорных пунктов позволило иначе дислоцировать полевую армию, которую ежегодно с 1599 г. в ожидании татарских набегов стали развертывать не вдоль Оки, а много южнее — в «украинных» городах, в лесостепной зоне, обычно в треугольнике между Мценском, Орлом и Новосилем. Эти изменения в обороне южной границы отразились и на военно-окружной организации боевых сил; так, наряду с «Береговым» разрядом, в который входили полки, развертываемые вдоль берегов Оки, появились Рязанский и Украинный разряды, объединявшие ратные силы в городах, тяготевших к Рязани и к «украйне» [7].

Укрепление южной границы и выдвижение полевых ратей ближе к степям было тотчас замечено в Крыму и получило своеобразную интерпретацию. В 1602 г. хан Казы-Гирей запросил русского посланника князя Гр. Волконского — «не видим ли вашего умысла столь недружелюбного; вы хотите задушить нас в ограде» [8]. В это время русское правительство не могло и думать о серьезном наступлении на Крым, но по южной границе оно поставило «ограду» (правда, несовершенную), которая, что существенно отметить, была построена в значительной степени силами местного южнорусского населения. М. Н. Тихомиров, описывая южные области России в XVI в., их население и хозяйство, отмечал, что «Распределение сторожевой службы в Диком поле соответствовало заселению края» [9]. На основе ряда свидетельств он же заключал далее: нет основания говорить о том, что область «украинных» городов была заново заселена

только в XVI в. «Вероятно, она никогда не испытывала полного запустения» [10]. Этот вывод был поддержан в исследовании о постройке Белгородской черты В. П. Загоровским [11]. Достаточно указать, что при постройке Воронежа значительную часть его населения составили люди, набранные на месте, среди которых были бывшие крепостные, беглые холопы и крестьяне. Известно о существовании русских поселений на берегах Сейма и Оскола в 1580-х годах. В то же время за коренными жителями Путивльского уезда укрепилось особое название — севрюки; есть основание видеть в них даже особую этнографическую группу населения, наличие которой свидетельствовало о давнем заселении территории. В существовании донского казачества в рассматриваемое время со сложившейся общественной организацией так же не приходится сомневаться [12].

Тяжелые годы «Смуты», крестьянской войны под руководством И. Болотникова и иностранной интервенции разрушили систему южной обороны. По известным, но, по всей вероятности, неполным данным, с 1607 по 1618 г. были разрушены или полуразрушены южнорусские города Чернь, Кромы, Орел, Карачев, Ряжск, Болхов, Серпухов, Царев-Борисов, Дедилов, Епифань, Крапивна, Лебедянь, Серпейск, Мещевск, Козельск, Лихвин, Перемышль, Путивль, Оскол, Ливны, Елец, Данков, Шацк, Михайлов, Калуга [13]. На протяжении этих лет татарские отряды ежегодно опустошали всю южную часть государства, переходили Оку, появлялись под Москвой и при полной безнаказанности проявляли стремление вообще «вон не выхаживать» из русских земель. А. А. Новосельский очень образно писал, что в это время «татары ходили на Русь до утомления» [14]. Трудно даже учесть количество угнанных ими пленных. Из одной только орды Больших нагаев было в 1619 г. освобождено до 15 тыс. находившихся там русских пленников. Иранский шах Аббас, безусловно осведомленный о состоянии восточных рынков, на которых продавались русские пленники, в 1620-х годах выражал свое удивление русским послам по поводу того, что в России еще оставались жители [15].

Деулинское перемирие 1618 г. с Польшей, заключенное на $14^1/_2$ лет, дало возможность правительству патриарха Филарета провести неотложные мероприятия по восстановлению системы обороны южной границы. Важ-

нейшим условием для этого было урегулирование отношений с Крымом и Турцией; международная обстановка для этого благоприятствовала. Всеми силами стремясь удержать свои позиции в Европе, в частности в Причерноморье, Турция втянулась в длительную борьбу с Польшей, а крымская политика в это время целиком была подчинена турецкому руководству. В 1621 г. Турция даже склоняла Россию к военному союзу против Польши и прислала в Москву посольство во главе с опытным дипломатом Фомой Кантакузином [16]. Эта попытка была дипломатично отведена в Москве, но набеги татар почти прекратились [17]. Русское правительство восстанавливало оборону на юге в значительных, сокращенных по сравнению с концом XVI в. масштабах и из-за недостатка сил и средств не могло учесть памятные уроки Ливонской войны и «Смутного времени». Как и в конце XVI в., оборонительные полевые рати ежегодно в 1620-х годах выдвигались за Оку, но на более северную линию: Мценск — Крапивна — Тула — Дедилов — Михайлов — Пронск — Рязань. Сокращен был и радиус расстановки сторожевой службы, упорядоченной в 1623 г. Она не выдвигалась далеко в степь, не достигала Днепра и низовьев Дона и Донца, как в XVI в., а ограничивалась течением Сейма, Псла, верховьями Ворсклы, Оскола и Тихой Сосны. Даже из передовых «украинных» городов — Путивля, Белгорода и Валуйки — сторожевые разъезды не отходили далее чем за 15 верст [18].

Стратегически задача обороны сводилась к старому принципу — не дать татарам прорваться через Оку к Москве и в центральные уезды. Исходя из этого, восстанавливались разрушенные города и существенно усиливались их гарнизоны (стрельцы, пушкари) [19]; основную массу стрельцов на юге концентрировали не на Оке и не в передовых крепостях, а в городах, расположенных на южных притоках Оки (Проня), а также на юго-западных рубежах по линии Калуга—Брянск—Путивль, что объяснялось подготовкой к борьбе с Польшей за потери, понесенные по Деулинскому перемирию.

Война с Польшей, начатая в 1632 г. и закончившаяся в 1634 г. Поляновским миром, показала полную несостоятельность обороны южной границы, что во многом определило, как известно, неудачу этой войны. Надежда Крыма на нейтралитет в этот момент оказалась напрасной, а ук-

раинные города не смогли предохранить уездное население от татарского погрома. А. А. Новосельский подробно охарактеризовал причины, по которым крымские ханы, воспользовавшись ослаблением султанской власти, самочинно начали в огромных масштабах набеги на русские земли в самый не подходящий для турецкой дипломатии момент (голод, разорение, междоусобия) [18]. Еще в 1631 г. возобновившиеся татарские набеги достигали рязанских земель, но осуществлялись разрозненными и относительно небольшими отрядами (до 800 человек) [19]. Однако уже в июле 1632 г. до 20 тыс. татар вторглось в русские пределы — в Мценский, Новосильский, Орловский, Карачевский, Ливенский и Елецкий уезды. Бои с ними продолжались до октября. К 1633 г. польским дипломатам, пообещавшим от имени короля Владислава увеличенные «поминки», без труда удалось склонить крымского хана повторить набег. В июне 20—30 тыс. татар с царевичем Мубарек-Гиреем достигли Оки. Помимо наиболее южных уездов, татарскому погрому подверглись непосредственно приокские — Серпуховской, Тарусский, Калужский, Алексинский, Каширский, Коломенский, Рязанский. Часть этой орды перешла Оку и вторглась в Московский уезд. В последующие 1634—1637 гг. набеги продолжались в тех же масштабах, и если не достигали Оки, то только из-за слабости общего татарского руководства. Несмотря на упорное сопротивление русских полевых полков, одержавших ряд побед, общая численность угнанных татарами пленных в 1630-х годах достигала много больше 10 тыс. человек [20–22].

В этих обстоятельствах русское правительство пришло к единственной, принципиально верной оценке внешней политики Крымского ханства и сделало из нее также единственно верный вывод. Ошибочность русской политики в отношении ханства была очевидна. История показала, что дипломатические соглашения с кочевыми хищниками, т. е. татарской знатью, не обеспечивали ни безопасности страны, ни претворения в жизнь ее внешнеполитических задач. В середине 1630-х годов русское правительство принимает решение об обороне южной границы и на протяжении последующих десятилетий XVII в. упорно осуществляет грандиозное строительство, создавая беспрецедентную до того систему оборонительных сооружений глубиной в сотни верст. В этой системе принципиаль-

по новым был подход к тактической оценке средств обороны. Ее основу составляли сплошные оборонительные линии, а крепости оставались опорными узлами сопротивления. Против тактики боевых действий татарской конницы это была единственная возможность успешной обороны.

Очередность создания отдельных звеньев этой системы находилась в полном соответствии с динамикой направлений татарских нападений. Первостепенное внимание было уделено оборонным сооружениям на Ногайском и Калмиусском шляхах [23]. Создание оборонительной системы было начато в 1635 г. На протяжении последующих пяти лет была реконструирована старая тыловая Засечная черта и положено начало наиболее передовой и в оборонном отношении основной Белгородской черты. Белгородская линия протягивалась приблизительно по линии сторожевых постов, установленных после 1571 г. Эта преемственность была не случайной; создатели черты опирались на опыт старой сторожевой службы и, исходя из местных ландшафтных условий, ставили преграду татарским набегам вдоль южной границы лесостепи, так сказать, прямо перед степью [24]. Строительству предшествовали изыскательные инженерные работы и создание карт-чертежей. На первостепенные работы ассигновывались 111 тыс. рублей и 24 тыс. четвертей хлеба для обеспечения рабочих [25]. В течение 1630-х годов был создан прежде всего Козлово-Тамбовский укрепленный район (Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы, перекрывающий Ногайскую дорогу). Почти одновременно на Калмиусском и Изюмском шляхах возникли Усерд, Яблонов, Короча, Чернавск, несколько севернее черты — Ефремов и впереди нее, между Муравским и Изюмским шляхами,— Чугуев.

Укрепление границы тотчас вызвало, как и в 1602 г., соответствующую реакцию в Крыму. В 1638 г. хан Бегатыр-Гирей потребовал разрушения выстроенных городов, а после, разумеется, отказа в 1644 г. татары предприняли хорошо организованный набег со стороны еще не укрепленного русскими Муравского шляха. Они вторглись в пределы Польши, а затем — России; 30—40-тысячное татарское войско угнало свыше 10 тыс. русских пленников, а в 1645 г. повторило набег и угнало еще свыше 6 тыс. человек [26]. Однако, как ни тяжелы были послед-

ствия этих набегов, они коснулись только юго-западных уездов — Рыльского и Путивльского. Татары не рискнули сталкиваться с расположенными севернее полками русской полевой рати, так как в связи с завершением строительства Засечной черты перспектив прорыва к Оке у них уже не было.

Засечная (приокская) линия к этому времени тянулась примерно параллельно Оке, между Мещерскими и Брянскими лесами. Она начиналась у Рязани и далее на запад проходила до Венева, к Туле, Крапивне, Одоеву, Лихвину и Белеву и завершалась около верховий Жиздры. К западу от Тулы леса шли полосой до массива брянских лесов, а потому особое внимание русских градодельцев привлекла восточная часть черты, и тульские, веневские, каширские и рязанские засеки были подвергнуты особо серьезной реконструкции. Перестройкой Засечной черты руководили виднейшие представители московской администрации, и для работ, по известным данным, было привлечено до 27 тыс. человек и до 3,5 тыс. лошадей. Из этого количества основная часть работников (до 23 тыс.) концентрировалась на наиболее уязвимом для нападения восточном крыле черты [27]. Засечная черта, протянувшаяся на 500 км, представляла собой выдающееся военно-инженерное сооружение. Она была создана с учетом топографических особенностей местности, а также тактики и боевых средств противника. Борьба с татарской конницей не требовала монументальных каменных сооружений, а потому русские инженеры, используя и усиливая естественные препятствия (овраги, водные рубежи, болота, лесные засеки), возводили земляные укрепления — крепости и валы — с таким расчетом, чтобы затруднить маневренность и подвижность противника. Некоторые из валов до сих пор сохранились немыми свидетелями осуществленных работ. Правительство России долго уделяло внимание Засечной черте; несмотря на ее тыловое положение, она ремонтировалась и ее отдельные элементы реконструировались вплоть до 1670-х годов [28].

Татарские набеги 1640-х годов побудили правительство ускорить завершение еще более грандиозного сооружения — передовой Белгородской черты, тянувшейся на 800 км с запада, от верхнего течения Ворсклы до Дона и далее на северо-восток, вдоль течения р. Воронеж к

р. Цне. В 1640-е годы на всем ее протяжении было построено 18 городов-крепостей, создано два укрепленных района — на востоке, в Лебедянском уезде (Добрый, Сокольск), и на западе, в Комарицкой волости, под Севском. Особое внимание было уделено наиболее западной части черты, закрывавшей Муравский шлях[29]. К 1653 г. Белгородская черта была сооружена и, как писали современники, «татарский ход унялся, и городы и уезды стали в береженье»[30]. В инженерном отношении Белгородская черта не отличалась от Засечной, но превосходила ее по мощности укреплений — валы, рвы, подолбы, острожки и города составляли почти сплошную цепь[31].

Постройка Белгородской черты существенно отразилась на организации обороны южной границы. С 1646 г. полевые полки стали дислоцироваться непосредственно за сплошной оборонительной линией, концентрируясь в районах Белгорода, Яблонова, Карпова. Белгород (вместо Тулы) становится не только центром всей оборонительной линии, но и центром управления всей южной обороны, центром сложившегося военно-административного округа — Белгородского разряда. В ведении округа находились гарнизоны всех южных городов, и по «воинским вестям» к Белгороду должны были стягиваться из более северных городов служилые люди. На территории этого разряда находилось до 68 городов (90 уездов — в конце XVII в.)[32]. Тем самым была достигнута значительная централизация в обороне границы. В 1666 г. на юго-западе был выделен особый округ — Севский разряд (12 уездов).

Строительство черты осуществлялось силами местного населения, бурно увеличивавшегося в результате народной колонизации юга. Оно же в большей степени дало необходимое число людей для комплектования местных гарнизонов, которые лишь отчасти пополнялись правительством путем перевода служилых людей из более северных городов. По подсчетам В. М. Важинского, в 1630—1640-х годах в 30 городах Белгородской черты «прибор» в служилые люди для городовой службы из местного населения дал почти 7,5 тыс. семей (60%), а перевод из других городов — 5 тыс. семей (40%). В большинстве своем приборные чины — казаки, стрельцы, пушкари — происходили из служилой и крестьянской среды, из холопов и гулящих людей[33].

С образованием сплошной Белгородской черты изменялось и соотношение родов войска, обеспечивавших оборону. Комплектование вооруженной силы на Белгородской черте совпало с началом упадка поместной конницы и первыми опытами по созданию регулярных полков. В 1640-х годах в некоторых уездах — Воронежском, Лебедянском, Севском и др.— были организованы из местного крестьянского населения драгунские полки для несения конной и пешей пограничной службы. Попавшие в их состав крестьяне (5500 человек) были освобождены от всех повинностей и налогов и обязаны нести воинскую службу наряду с ведением своего хозяйства. Существовали эти полки до 1680-х годов. В середине XVII в. в Белгородском разряде появились конные полки «нового строя» — рейтары и копейщики (из детей боярских и других сословных групп). Местные казаки частично попали в новые полки, частично пополнили гарнизоны новых городов. Наконец, с середины XVII в. из украинских переселенцев, осевших по Белгородской черте, было организовано пять поселенных полков — Острогожский, Харьковский, Ахтырский, Сумской, Изюмский. К 1670-м годам в них было свыше тринадцати тысяч человек, столько же украинцев числилось на городовой службе в гарнизонах [34].

Всего в Белгородском разряде на 1651 г. число ратных людей достигало 46 тыс. человек, среди них все большую роль играла пехота, задачей которой была оборона укреплений Белгородской черты. Непосредственно в 22 городах, расположенных собственно по Белгородской черте, в 1651 г. числилось около 18 тыс. служилых людей (4,8 тыс. детей боярских, свыше 5 тыс. казаков, около 3,5 тыс. стрельцов, около 3 тыс. драгун и т. п.) [35]. В 1670-х годах поместная конница как основной род войск потеряла свое значение. В Белгородском разряде только 10% дворян числилось па старой полковой службе, 50% — в полках нового строя и 40% — на городовой службе. В целом в результате организационной деятельности правительства по созданию вооруженной силы из числа местного населения к середине XVII в. на территории Белгородского разряда насчитывалось 275 тыс. человек обоего пола, составлявших семьи служилых людей; к концу века их число возросло почти до полумиллиона человек. Среди этих семей дворянская прослойка была незначи-

тельна (менее 10% общей массы служилых людей), чему способствовала гибкая политика правительства.

К концу XVII в. общая численность служилых людей, постоянно проживавших на территории Белгородского и Севского разрядов, достигала более 84 тыс. человек, т. е. возросла с середины века на 85% при резком увеличении солдат, копейщиков, рейтар и падении роли старой поместной сотенной организации кавалерии.

Заинтересованное в заселении, хозяйственном освоении и обороне южной части государства, русское правительство сдерживало распространение в южных уездах вотчинного и помещичьего элемента и сквозь пальцы смотрело на прибор в ратную службу беглых крестьян. С 1637 г., т. е. с начала строительства Белгородской черты, было запрещено давать поместья и вотчины боярам и московским дворянам в Болхове, Воронеже, Ельце, Карачеве, Курске, Лебедяни, Ливнах, Мценске, Новосиле, Орле, Рыльске, Старом Осколе и всех городах, лежащих к югу от них. Только с 1670 —80-х годов в интересах крупных феодалов правительство начало постепенно отказываться от такой «охранительной» политики и крепостничество стало распространяться на юге [36].

Глубоко эшелонированная оборона способствовала заселению и хозяйственному освоению южного края. С укреплением границы на юге крестьянское население, спасавшееся от крепостной неволи, бурно росло: в 1646 г.— 230 тыс. человек, в 1678 г.— 470 тыс. человек. В итоге общая численность населения на юге достигла в последней четверти XVII в. свыше миллиона человек. К концу XVII в. только служилые люди, занимавшиеся сельским хозяйством, как правило, своими силами, владели более 3 млн. десятин пашни [37].

По самым минимальным подсчетам за первую половину XVII в. татары угнали из русских пределов 150—200 тыс. человек [38]. После постройки Белгородской черты татары могли прорваться в русские пределы только в случае обхода оборонительной полосы с запада или востока. Так, в 1659 г. после тяжелого поражения русской поместной конницы под Конотопом Мухамед-Гирей вторгся с запада и подверг грабежу 21 уезд Севского и Белгородского разрядов, где было убито и пленено 27 тыс. человек и сожжено около 10 тыс. дворов [39]. Но в 1670-х годах во время русско-турецкой войны и знаменитой обороны

Чигирина татары не рисковали предпринимать серьезных попыток прорыва Белгородской черты. Более того, обороняя Чигирин и вступая в полевые сражения с турецкой армией, русские войска опирались на черту как надежно укрепленный тыл.

В это же время стало неизбежно укрепление местности впереди Белгородской линии, активно заселявшейся русским и украинским населением (к югу и юго-западу от Белгорода, между Ворсклой и Северным Донцом, Полтавой и Харьковом). В 1683 г. ногайцы и крымцы напали на возникшие там селения и дошли до Полтавы. С 1679 г. и вплоть до 1690-х годов эта территория была укреплена «Новой» (Изюмской) чертой. Она тянулась на 400 верст по лесостепной местности от г. Усерда, расположенного на Белгородской черте, к югу до Валуек, затем по р. Осколу на Царев-Борисов и далее к р. Коломаку, прикрывая собой заселявшуюся Слободскую Украину [40]. Таким образом, Белгородская черта на своем значительном протяжении становилась второй линией обороны.

С 1680-х годов Белгородская и Изюмская черты стали играть существенную роль не только собственно в обороне. В 1683 г., когда турки предприняли наступление на Вену, где потерпели сокрушительное поражение от польско-имперских войск Яна Собесского, русские войска, стоявшие в Поднепровье и опиравшиеся на Белгородскую черту, сковывали значительную часть вооруженных сил Крымского ханства [41]. Вскоре же Белгородская и Изюмская черты послужили опорой при начавшемся наступлении русских на Крым. Правда, походы В. В. Голицына в конце 1680-х годов не увенчались успехом, но перелом в борьбе с Крымским ханством, жившим за счет грабежа соседей, прежде всего Польши и России, был очевиден; в значительной степени он был обусловлен грандиозным оборонительным строительством, обеспечившим сначала безопасность южнорусских областей, а в дальнейшем — активную наступательную борьбу.

Система обороны, опиравшаяся на сплошные инженерные сооружения, оказалась единственно возможной в борьбе с хищническим Крымским ханством, причем создать ее было под силу только государству с сильным централизованным управлением.

[1] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 422—423; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1946, т. I, с. 3, 4, 103, 123, 158.
[2] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 17, 23; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963, с. 288—290, 330—336.
[3] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 23, 43, 44.
[4] *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской окраине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846; *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 56—60.
[5] *Загоровский В. П.* Белгородская черта, с. 51, 52; *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 443, 444.
[6] *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв.— Материалы и исследования по археологии Москвы. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. 8, с. 121, 122.
[7] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 44.
[8] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1824, т. XI, с. 28.
[9] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 416.
[10] Там же, с. 422.
[11] *Загоровский В. П.* Белгородская черта, с. 22—24.
[12] *Тихомиров М. Н.* Россия..., с. 426—429.
[13] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 67.
[14] Там же, с. 80.
[15] Там же, с. 79, 80.
[16] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция, М.: Изд-во АН СССР, 1946, т. II, с. 10—16.
[17] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 150.
[18] Там же, с. 159—161.
[19] *Александров В. А.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М.: Наука, 1967, с. 238, 239.
[20] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 181—183, 193, 197.
[21] Там же, с. 206—209.
[22] Там же, с. 198, 209—216, 228—237, 265, 266, 296.
[23] Там же, с. 294, 195.
[24] *Загоровский В. П.* Белгородская черта, с. 17.
[25] Там же, с. 94.
[26] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 336—341, 349—357.
[27] *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения..., с. 125—129.
[28] См.: *Никитин А. В.* Оборонительные сооружения, с. 129 и сл., а также с. 213.
[29] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 369, 370.
[30] *Важинский В. М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974, с. 45.
[31] *Загоровский В. П.* Белгородская черта, с. 77—85, 192—193 (рис. 8).
[32] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 371; *Загоровский В. П.* Белго-

родская черта, с. 120, 121; *Важинский В. М.* Землевладение..., с. 68, 69.

[33] *Важинский В. М.* Землевладение..., с. 58.

[34] Там же, с. 58, 59, 69; *Строков А. А.* Общий курс истории военного искусства. М., 1951, т. 1, с. 137—142, 146—148, 166, 167; Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 445.

[35] *Загоровский В. П.* Белгородская черта..., с. 141; *Важинский В. М.* Землевладение..., с. 65.

[36] *Важинский В. М.* Землевладение..., с. 65, 66.

[37] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 305, 307.

[38] *Важинский В. М.* Землевладение..., с. 54, 55, 72, 105.

[39] *Новосельский А. А.* Борьба..., с. 436.

[40] *Важинский В. М.* Землевладение..., с. 46.

[41] Там же, с. 46—49; *Загоровский В. П.* Белгородская черта, с. 18, 287—289; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция, т. I, с. 26; т. II, с. 170.

[42] Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в., с. 532.

РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ И КАЗАЧЕСТВО В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII В.

В. А. Серчик

Быстрое создание казаками элементов особой политической структуры, а затем их настойчивое стремление расширить и упрочить эту структуру, добиться ее автономии и даже независимости от Речи Посполитой (добавим, стремление, подкреплявшееся часто значительными успехами) было своего рода историческим феноменом. Это явление вызывает удивление уже потому, что казацкое общество формировалось не только из представителей местного, восточнославянского населения (главным образом крестьянского), но также из пришельцев со стороны, отличавшихся от основной массы казачества своими обычаями, языком и вероисповеданием. На приднепровских территориях, словно в колдовском котле, перемешивались прибывавшие сюда многочисленные переселенцы самого разного происхождения, прежде всего выходцы из местного православного населения, кроме того, беглецы из Польши и Московской Руси, а также из Крыма и Балканского полуострова. Формирование казачества было, таким образом, превосходным примером объединения крестьянского населения из разных стран рассматриваемого региона, показателем того, как судьба большинства пришельцев определялась особыми социально-политическими условиями, сложившимися тогда на землях приднепровского пограничья, а не их социальным или этническим происхождением, не степенью их прежней зависимости от тех или иных феодалов.

В Приднепровье бежали крестьяне, платившие оброк и те, которые были вынуждены отрабатывать барщину на панском фольварке, угнетаемые боярами русские подданные и татарские цюры, находившиеся в полном подчинении и зависимости от своих прямых начальников.

Беглецов на днепровские пороги первоначально объединяла еще одна общая черта. Почти все они были молодыми людьми: их возраст не превышал, как правило, 25—30 лет. В большинстве случаев они не оставляли

после себя оплакивающих их жен и детей, зато часто оставляли родителей, которые восхваляли молодецкую удаль своих отважных сыновей и рассчитывали, что они вернутся домой в блеске славы.

Разумеется, у беглых крестьян не было большого опыта по созданию прочной политической структуры, способной обеспечить международные и внутриполитические условия существования казачества. Тем не менее, оказавшись в особой политической обстановке на окраинных землях Речи Посполитой, переселенцы вынуждены были создавать такую структуру. И здесь заметную роль сыграли два обстоятельства. С одной стороны, постоянно возраставший натиск извне, главным образом со стороны воинственного Крыма, содействовал становлению организации военного типа, которой и предстояло со временем превратиться в довольно устойчивую политическую структуру. С другой стороны, по мере увеличения численности населения на приднепровских землях, по мере разрастания запорожского войска и формирования политической элиты казачества стали проявляться имущественное расслоение, определенные признаки становления классовых отношений. Правда, в первые десятилетия своего существования казачество еще не знало завершенных форм социальной и политической дифференциации, присущих развитому феодализму, тем не менее позже местное крестьянское население, а также какая-то часть «запорожских товарищей» попадали в социальную и политическую зависимость от «верхов» казацкого общества, создавая основу для разделения запорожского войска на казацкие «низы» и казацкую «старшину».

Так сложилась своеобразная форма военной организации, постепенно превращавшейся в обычный феодальный организм, в котором отдельные ступени политической иерархии, отдельные институты власти оказывались в руках лиц, отличавшихся не столько своими способностями, сколько имущественным положением. И если в процессе развития наметившихся тенденций какая-то часть казацкой старшины все чаще предъявляла готовность сотрудничать с феодальной Польшей, то «низы» казачества обычно оказывались в оппозиции к Речи Посполитой.

Таким образом, можно принять сложившееся в историографии мнение, согласно которому запорожское каза-

чество уже на ранних этапах своего существования выступало не только в качестве фактора сдерживания натиска извне, прежде всего крымского натиска, но и в качестве очага оппозиции по отношению к наступательной политике польских феодалов и католической церкви [1].

Поэтому не было ничего удивительного в том, что процесс формирования запорожского казачества оказался тесно связанным как с обострением внутриполитической борьбы в Речи Посполитой (часто на национальной, а потом все больше и на религиозной почве), так и с усилением активности феодальной Польши на международной арене (в частности, в форме все более интенсивного использования казачества в противодействии крымско-турецкому натиску).

Такая двойственная роль казачества в политической жизни Речи Посполитой порождала двойственное отношение к нему и польского правительства. С одной стороны, Речь Посполитая уже в середине XVI в. пыталась привлечь казачество к осуществлению своих политических целей, направить его против сил, угрожающих восточным окраинам Польского феодального государства. С другой стороны, польское правительство, считая казачество скоплением «разбойничьих», «смутьянских» элементов, старалось подчинить их действующему феодальному праву, ограничить их самостоятельность системой запретов и угроз.

Так, 20 ноября 1568 г. (т. е. за полгода до заключения Люблинской унии) Сигизмунд Август издал универсал, адресованный «подданным нашим, казакам», которые, как в нем говорилось, «из замков и городов наших украинных, без приказа и уведомления господарей и старост наших украинных съехавшись на Низ, на Днепре, в поле и других местах проживают». Король отмечал, что, по его сведениям, казаки, «живя своевольно, на подданных турецкого султана, чабанов и татар Перекопского хана, на улусы и кочевья и набеги совершают», грабя их и нанося всяческий ущерб. Сигизмунд Август напоминал им, что такое поведение противоречит перемирию, заключенному как с Турцией, так и с Крымом, и что в дальнейшем такие действия могут привести к срыву перемирия, в результате чего и «вся Украина, и отдаленные от нее повяты... ущерб и неволю» могут испытать.

Король запрещал совершать набеги, угрожая в противном случае строго наказать «нарушителей всеобщего мира» [2].

Через двенадцать лет подобный универсал издал Стефан Баторий с той разницей, что адресовал его должностным лицам и шляхте на Украине.

Он писал в нем: «Видя, сколь много нам и Речи Посполитой важно, чтобы пакты, которые мы имеем с турками, татарами и валахами, солидно соблюдались, не только в настоящее время, когда мы заняты борьбой против московского государства, но и в любое другое время, мы и с нашей стороны заботимся о том... чтобы своевольные люди не давали пограничным соседям повода срывать пакты и всеобщий мир».

Нарушавших пакты «своевольных людей» следовало хватать, брать под стражу и ожидать указаний, что с ними делать дальше [3].

Еще через десять лет Сигизмунд III объявил о решении сейма, устанавливавшем отряд из тысячи человек (впрочем, из казаков) под командованием снятинского старосты Миколая Язловецкого из Бучача, которому было поручено «с особым усердием и прилежанием мир с соседними государствами соблюдать, любому человеку вторгаться в соседние государства, ущерб наносить запрещать». В нем предписывалось также построить на Днепре деревянную крепость, которая стала бы постоянным местом пребывания этого гарнизона [4].

Но угрозы королей и предпринимаемые ими репрессивные меры оказались малодейственными, ибо в следующие годы еще более возросло количество жалоб на «казацкое своеволие».

Однако в это же время наряду с карательными и репрессивными мерами делались попытки, особенно ввиду все более активных действий Речи Посполитой на востоке, ипользовать казаков в качестве вооруженного подкрепления, сторожевой и разведывательной службы и т. д. Вероятно, это было немалым потрясением для окраинной шляхты, привыкшей видеть в запорожских казаках лишь беглых подданных или лучше или хуже организованные банды разбойников и воров.

У московского государства, кроме донского казачества, была «линия» фортификаций, преграждавших путь татарам. Речь Посполитая предложила только один способ защиты своих границ [5].

В 1575 г. на польскую службу было принято 300 казаков, в 1578 г.— 500, а вскоре после этого — 600. Кроме того, в польских войсках, сражавшихся против Москвы, были казаки-добровольцы, числом не менее 1500 человек. Наконец, в 1590 г. сейм принял постановление «Порядок со стороны низовых казаков и Украины» [6]. О некоторых его пунктах сообщил известный нам универсал Сигизмунда III. Число казаков, вписанных в «реестр» и состоявших на государственном жалованье, возросло до 3000 (2000 пеших и 1000 конных). Одновременно с этим король был уполномочен раздавать шляхте «пустынные места» на Украине.

Вследствие этого Речь Посполитая втянулась в украинские дела еще глубже, чем когда бы то ни было. Создав сеть имений, на деле — магнатских латифундий — и обжив слабо освоенные до сих пор феодалами земли, она стремилась, с одной стороны, прочно связать окраины с остальной частью Польского государства, а с другой — сделать защиту восточных границ Польши личным делом шляхты, имевшей там свои владения. Эти планы были частично осуществлены.

Вскоре оказалось, что привлечение казачества к осуществлению планов Речи Посполитой является задачей, которую будет трудно осуществить лишь с помощью постановления Сейма или королевского универсала.

В 1592 г. вспыхнуло восстание Косинского, которое, хотя и началось с личного спора между киевским князем Константином Острожским (а позже — черкасским старостой Александром Вишневецким) и шляхтичем Кшиштофом Косинским, было безосновательно названо одним из польских историков «приватной войной» [7], ибо оно вскоре превратилоь в настоящее восстание казаков против Речи Посполитой.

В 1593 г. варшавский сейм принял конституцию «О низовых казаках», в которой бунтующие, грабящие и переходившие государственную границу без разрешения казаки были названы врагами отечества и изменниками, которых можно убивать, не опасаясь за это никакого наказания [8].

Но и это не помогло. В 1595 г. началось следующее восстание под предводительством Северина Наливайко, Григория Лободы и Савулы. Оно приобрело столь большой размах, что во главе войск, высланных для борьбы

с бунтовщиками, стал сам польный гетман Станислав Жулкевский.

Когда в 1596 г. на брестском синоде была заключена уния православия с католической церковью, которая охватила земли, находившиеся в границах Речи Посполитой, возникло положение, о котором справедливо было сказано, что с этого времени «мы имеем дело, с одной стороны, с верующими без духовенства, а с другой — с духовенством без верующих» [9], ибо действительно большинство среднего и высшего православного духовенства приняло унию, однако большинство верующих осталось при православии.

С этого момента противники униатов были вынуждены выступать также против Польши, а поскольку ближайшим оплотом православия было Московское государство, то нет ничего удивительного в том, что перед Речью Посполитой появился не только внешний неприятель, но и — что гораздо хуже — неприятель, которого поддерживала значительная часть населения окраин. Казачество высказалось за православие.

* * *

Польское правительство не вполне отдавало себе отчет в новой ситуации, грозившей в любой момент новым конфликтом. Проекты решения существовавшей проблемы, возникавшие в Речи Посполитой, не выходили за рамки использования казаков в проводимых Польшей войнах, а тогдашние предложения, содержащиеся в работах Юзефа Верещинского «Публика со стороны учреждения рыцарской школы...», Петра Грабовского «Низовая Польша» и Шимона Старовольского «Побуждение или совет» сводились к постулату полного подчинения украинских земель [10]. Кшиштоф Пальчевский, отмечая старания турок ликвидировать казачество, говорил, что это не только не принесет пользы Польше, но и вообще недостижимо [11].

В тот период Речь Посполитая была одним из могущественнейших европейских государств. Расширив свою территорию благодаря Люблинской унии, достигая значительных успехов в московских кампаниях, получая постоянную поддержку со стороны сил контрреформации, феодальная Польша оказывала влияние на ход политической жизни Центральной и Восточной Европы.

Возраставшая роль магнатов в Речи Посполитой, а также по-прежнему значительная роль зернового экспорта Польши в западноевропейские страны вели к продолжению и расширению ее экспансии на восток, к освоению и даже покорению плодородных земель Поднепровья. При этом не следует забывать, что официальное русло феодальной колонизации совпадало со стихийным движением народных масс, переселявшихся на эти земли[12].

В этих условиях интересы польских феодалов требовали все более настойчивых попыток превращения казачества в инструмент восточной политики Речи Посполитой.

Теоретически в начале XVII в. существовали лишь две возможности установления взаимоотношений Польши с казачеством.

Первая — добиться соглашения на союзнических принципах между обоими равнозначными партнерами. Однако усилившаяся в эпоху торжества контрреформации Польша не могла встать на этот путь. Действия шляхты и польского двора во второй половине XVII в. в этом отношении свидетельствовали о том, что возможность такого решения вообще не принималась во внимание и таким образом практически оказалась нереальной.

Вторая — подавление всяческих попыток казачества освободиться, установление польской администрации на землях, населенных казаками, принятие их под юрисдикцию феодальной Польши. Именно на этот путь встали правящие круги Речи Посполитой.

Следует, однако, признать, что при попытках его реализации возникали значительные трудности, которые в конечном счете и помешали осуществлению программы-максимум Речи Посполитой в отношении казачества.

Между тем, пожалуй, с начала XVII в. определенная часть казацких старшин, надеясь на получение шляхетства, была готова к тесному сотрудничеству с феодальной Польшей. В 1600 г. около 2000 казаков приняли участие в походе Яна Замойского на Валахию. Командовал ими Самуил Кишка, называвший себя гетманом.

В 1601 г. всеобщий коронный сейм принял конституцию, восстанавливающую гражданские права тех казаков, которые участвовали в восстании Косинского и Наливайко. Амнистия охватывала лишь тех, кто принял бы участие в военном походе против Швеции. Было дано обеща-

ние легализировать действовавший устав казачества, выражено согласие на введение в Запорожье наследственного права и дано заверение в том, что в то время, когда казаки будут сражаться в Ливонии, их семьи и имущество не понесут никакого ущерба [13].

Кишка командовал казаками и в Ливонии, но погиб во время военной кампании, быть может, даже был убит своими подчиненными за излишнее соглашательство по отношению к польским властям, которые не спешили выполнять взятые на себя перед казачеством обязательства. В результате этой медлительной политики казаки ушли из Ливонии, что привело к новым осложнениям для Речи Посполитой, на этот раз из-за того, что возвращавшиеся отряды грабили по пути шляхетские имения на белорусских землях. На Украине казаки появились весной 1603 г. Они потребовали предоставления им шляхетства за заслуги в Ливонской войне, за то, что они служили «только за воду и за траву» [14].

Казаки не прекратили набегов на земли, подчиненные Турции, хотя иногда предупреждали о планируемых набегах как «верные слуги» короля и Речи Посполитой, «не желая быть небрежными в исполнении своих рыцарских повинностей» [15]. Тем не менее это отнюдь не удовлетворяло польские власти.

В то время Речь Посполитая начала проявлять все больший интерес к делам, связанным с появлением на арене Дмитрия Самозванца и его притязаниями на московский трон. Приходилось лавировать. Какие-то группы казачества были нужны для войны с Россией, но именно в связи с этим нельзя было допустить какой-либо диверсии с татаро-турецкой стороны. Нельзя было проявлять снисхождение к своеволию, но в то же время — и оказывать излишнюю строгость.

Речь Посполитая снова вернулась к политике полумер, а казаки по-прежнему действовали своевольно (с точки зрения польских властей) на пограничных территориях, проводили смелые и победные морские походы. Они нападали на Варну, Килию, Аккерман, Перекоп, Синоп, предместья Константинополя, Трапезунд и Каффу. В то время блеснул своими военными талантами казацкий гетман Петр Конашевич-Сагайдачный [16].

К счастью, Турция была занята войной с Персией и не могла двинуться против Польши, однако татары из

года в год нарушали ее границы, грабили и жгли поселения, а население уводили в полон.

В 1609 г. было решено послать на Украину королевских комиссаров, ибо, как отмечалось в решении «О запорожских казаках», «великое бесправие и своеволие делают те казаки... власти старост наших и панов своих не признают, но своих гетманов и другую форму справедливости своей имеют, из-за чего мещане наши из городов бегут, власть чиновников наших и власть украинную смешивают. ...А наконец, самовольно, помимо воли и ведома нашего и наших военных начальников, в скопища большие собираясь, совершают набеги на города в землях наших и [на] неприятельские замки, нарушая всеобщий мир и пакты, которые у нас с соседями нашими заключены... [17].

В 1604 г. значительное число запорожцев приняло участие в московском походе Дмитрия Самозванца. Они остались с ним даже после того, как польские войска, опасаясь зимы и недовольные запозданием в выплате жалованья, вернулись на родину [18]. Сотрудничество определенной части казачества с польскими властями продолжалось и позднее, Сигизмунд III даже выражал благодарность отдельным группам казаков за их участие в совместных боевых действиях [19].

Однако в этом сотрудничестве не все шло гладко. В универсале от 21 декабря 1613 г., адресованном казакам, король отмечал: «Мы получили достоверные сведения, что вы собираетесь в немалые скопища в разных местах и, несмотря на власть нашу ..., не боясь наказаний, не только в волостях государства нашего забавляетесь, притесняя их, но и в поход на валашскую землю идти собираетесь... Строго наказываю вам: не медля... из скопищ своих, разъехавшись на свои обычные места, не только вред наносить коронным землям прекратите, но и в землю валашскую и в иные государства входить... не смейте». В случае непослушания «войскам Речи Посполитой и начальникам нашим военным приказываем так поступать, как против неприятелей отчизны своей, и преследовать вас велим, наказывая за ваше своеволие и непослушание ваших жен и детей и добро отбирая» [20].

В 1614 г. турки пригрозили Польше войной именно ввиду постоянной угрозы со стороны казаков. Правда, они лишь выразили намерение организовать карательную

экспедицию против Запорожья, но ведь оно лежало в границах Речи Посполитой, и ни у кого не было сомнений в том, чем это может закончиться.

Поэтому король удвоил усилия, чтобы защитить юго-восточные границы от возможного турецкого нападения и заодно покончить с казацким «своеволием». На Украине появились коронные войска под командованием Жулкевского, а к казакам и войску поспешили гонцы с универсалом, в котором говорилось, чтобы казаки не мешали войску занимать квартиры на постой и взимать продовольствие у населения, а польские контингенты — не вступали в споры с казаками, «из которых мог бы возникнуть гомон или же кровопролитие» [21].

В это время сама Турция, занятая очередной войной с Персией, не выступила против Речи Посполитой (турецкие войска под командованием Ахмета-паши даже ушли из Молдавии). Зато роль Крыма становилась все более активной [22].

В этих условиях в 1615 г. происходили какие-то важные переговоры казачества с польским двором. О требованиях казаков мы можем только догадываться. По-видимому, широкие слои казачества настаивали на автономии, а казацкая элита, вероятно, хотела сравняться в правах с польской шляхтой, как это было в 1603 г.

Что касалось позиции польского правительства, то она оставалась прежней: казаки являются подданными короля, должны нести пограничную службу, не провоцировать конфликтов с соседями, полностью подчиняться законам, действовавшим в Речи Посполитой. Взамен правящие круги Польши готовы были лишь выплачивать определенное вознаграждение, да и то предназначенное лишь для небольшой их части [23].

Но, чем бы ни завершились эти переговоры, казаки продолжали проявлять антитурецкую и антикрымскую активность. Так, примерно в то же время казаки опустошили предместья Константинополя и разгромили эскадру турецких кораблей, отправившихся за ними в погоню. В отместку татарская орда опустошила окраины Речи Посполитой.

В конце 1616 г. Сигизмунд III обратился к украинской шляхте с универсалом, запрещавшим посылать в Низовье продовольствие, порох и свинец и требовавшим, чтобы казакам было запрещено строить челны и корабли. За

невыполнение королевских приказов грозила смерть и конфискация имущества [24].

Эта мера усилила напряженность между Польшей и казачеством.

Как раз в это время на Украине произошло несколько серьезных крестьянских выступлений. К поднявшимся на борьбу крестьянам присоединилось много казаков. Между тем их гетман Сагайдачный в то время продолжал сотрудничество с польским двором. Одной из причин этого было, по всей вероятности, то, что он опасался за свои собственные владения [25].

Благодаря этому, а также дипломатическим способностям Жулкевского Речи Посполитой удалось заключить два важных соглашения.

Первое из них — с Искандером-пашой — было подписано 23 сентября 1617 г. в Буше, близ Яруги в Подолии. Тем самым был приостановлен турецко-татарский поход на Польшу. В первом пункте, недвусмысленно озаглавленном «Казачье бесчинство», Речь Посполитая обязывалась удерживать казаков от набегов, взамен получила подобное заверение от турецкой стороны, касающееся татар (при условии уплаты им ежегодной дани) [26].

Второе соглашение было подписано с казаками 28 октября в Ольшанке, на р. Рось. Заключению соглашения предшествовали трудные переговоры, ибо проводивший их от имени Польши Жулкевский имел уже готовый проект, который полностью игнорировал требования казаков. Он сводился к определению числа реестровых казаков всего в 1000 человек, запрещению присылать продовольствие и военные припасы в Низовье без разрешения киевского воеводы и черкасского старосты. Этот проект был совершенно нереален, в чем, пожалуй, парламентарии отдавали себе полный отчет. Поэтому не удивительно, что окончательный текст Ольшанского соглашения, выраженный одновременно в двух декларациях: польской и казацкой, значительно отходил от предварительно принятых установок.

В нем не было точно определено число запорожцев, но указывалось, что «ремесленникам, купцам, шинкарям, вуйтам, мастерам, капкаюкам [так!], былачеям [так!], мясникам и всем, кто каким-либо ремеслом балуется, и другим пришлым людям прикажут прочь идти и всем тем, кто уже годы [два года], как к войску их присоеди-

нились, тоже прогонят их от себя, чтобы казаками не звались».

Жалованье должно было выплачиваться в том же размере, что и до сих пор, т. е. для тысячи людей (что, однако, не ограничивало числа запорожского войска), но казаки выговаривали себе право обращаться по этим вопросам к сейму. Неясной была декларация королевских комиссаров по вопросу казацкого «старшего». В то же время в казацкой декларации давались следующие объяснения по этому поводу: «...а старшего от имени его королевского величества... и пана гетмана коронного теперь и того, что потом будет, который из войска нашего достойный и к этому нами самим выдвинут [и ни от] никого другого избран, а его милость коронный гетман подтверждать будет».

Со своей стороны казаки обязывались к тому, чтобы «на волости не выходили» и «на обычных своих местах жили» [27].

Ольшанское соглашение было заключено обеими сторонами под давлением обстоятельств. Речь Посполитая, которая вела войну с Россией, хотела не только обеспечить себе тылы, но и приобрести союзников; казакам грозила необходимость вести войну на два фронта: с турецкой армией и войсками Жулкевского, а Сагайдачный, как мы уже отметили, в то время был склонен к соглашению больше, чем когда-либо прежде.

Однако сейм не утвердил пунктов соглашения, а об увеличении размеров жалованья (читай: реестра) не хотели и слышать. Решение «О низинных казаках» повторяло старые формулировки, уже испытанные практикой с отрицательным результатом. Давались обещания послать в будущем на Украину новую комиссию для рассмотрения казацких требований. Одним словом, в отношении Речи Посполитой к казачеству ничего не изменилось.

Когда в 1618 г. была объявлена вербовка солдат в войско королевича Владислава, отправлявшегося на Москву, Сагайдачный присоединился к нему с несколькими тысячами казаков. При этом, как следует из соответствующего королевского универсала, довольно основательно были разграблены шляхетские имения Киевского воеводства, причем в такой степени, что казакам пришлось даже пригрозить коронными войсками и формальной вой-

ной [28] (22 мая к гетману был послан приказ, чтобы соединиться с отрядами краковского кастеляна).

Но иначе действовал Сагайдачный в Русском государстве. Он самостоятельно захватил Елец и Калугу и даже сообща с поляками пытался (впрочем, безуспешно) завладеть Москвой. Однако, несмотря на тесное сотрудничество Сигизмунда с Сагайдачным, несмотря на заключение выгодного Польше Деулинского перемирия (конец 1618 г.) [29], международное положение Речи Посполитой заметно ухудшалось: надвигалась война с Турцией.

Только теперь правящие круги Польши сочли необходимым приступить к урегулированию отношений с казачеством на более гибкой основе. Переговоры с казаками были начаты в сентябре 1619 г. на Раставице (в районе Паволочи). Они продолжались несколько недель из-за нежелания польской стороны идти на значительные уступки в пользу казачества. Но в октябре 1619 г. соглашение все же было достигнуто [30]. Реестр был расширен до 3000 человек, был увеличен также размер жалованья, а имевшаяся задолженность в его выдаче была немедленно погашена. Кроме того, казакам было уплачено 20 тыс. злотых за участие в московской кампании и старшине дополнительно были пожалованы 2 тыс. злотых «за оказанное послушание». Эта последняя сумма была, пожалуй, самым убедительным аргументом в переговорах, ибо казаки обязались устранить из своих рядов неприкрепленных к казачеству людей, которые присоединились к ним в последние пять лет, а также сжечь все свои лодки и корабли, на которых отправлялись обычно в походы на турецкие владения. За эту «жертву всесожжения» им должны были выплатить дополнительное возмещение.

Казаки пытались оставить себе лазейку, чтобы в будущем обойти твердые и ясно сформулированные условия соглашения: они безуспешно требовали, чтобы в соглашение было внесено разрешение выступать в поход против турок в случае, если Речь Посполитая не уплатит вовремя жалованья.

В королевских землях они должны были подчиняться судопроизводству и власти старост, в частных владениях — феодальным панам, а во время войны — военной юрисдикции.

Таким образом, хотя и было достигнуто соглашение между польским двором и запорожским войском, по со-

глашение несовершенное, не удовлетворившее широкие массы казачества. Заключение Раставицкого договора вызвало не только замешательство среди простых казаков, но и недоразумение среди старшинской верхушки. Показательным было то, что атаман Яцко Бородавка отказался подчиниться Сагайдачному, встав на путь самостоятельных действий (он предпринял морской поход в сторону Варны).

Но, разумеется, не только этот поход осложнил отношения усилившейся Речи Посполитой с Османской империей. Более важным поводом для этого послужило участие лисовчиков в диверсионной антитурецкой акции в Венгрии и Словакии: именно в этом факте султан Осман II увидел «казус белли» и объявил Польше войну.

При этих новых международных обстоятельствах изменились и внешнеполитические установки Сагайдачного. Идя по пути Бородавки, пытавшегося сблизиться с Россией, Сагайдачный также стал действовать в этом направлении.

В 1620 г. в Москву прибыло посланное им посольство, которое заявило, что казаки, как и прежде (!), готовы бороться со всеми врагами царя, в том числе и с Крымом. Гетман послал своих послов не с пустыми руками: они привезли в Москву двух крымских «языков», а также хвалились заслугами не только Феофана, но и самих казаков в деле создания на православных окраинах Речи Посполитой новой антиуниатской церковной иерархии [31].

Однако этот демарш Сагайдачного в Москве не дал должных результатов: ослабленная после «смуты» и интервенции Россия не могла активно включаться в борьбу против Крыма и Турции; проявляли в этом плане пассивность теперь и широкие массы казачества.

Таким образом, в начавшейся войне с Османской империей Польша должна была рассчитывать только на свои силы; между тем, силы эти оказались малочисленными и недостаточно дееспособными — в результате гетман Жулкевский потерпел поражение под Цецорой (в октябре 1620 г.).

Перед правящими кругами Речи Посполитой возникла задача нового урегулирования отношений с казачеством. Сейм, собравшийся в Варшаве в конце 1620 г., был поставлен перед необходимостью идти на некоторые уступки казакам. Проект принятия на государственную

службу 20 000 казаков за небольшую, по сути дела сумму в 100 тыс. злотых дискутировался теперь как вполне реальный [32]. Сейм, кроме того, решил прибегнуть к посредничеству патриарха Феофана, находившегося тогда в Киеве. Надеясь хотя бы на нейтралитет Феофана в вопросе военного сотрудничества казаков с польскими войсками, правящие круги Речи Посполитой решили не ломать той антиуниатской реформы православной церкви, которую провел незадолго перед тем иерусалимский патриарх (замена униатских епископов православными в пяти епископиях, а также поставление нового православного митрополита).

Стремясь сохранить созданную им новую иерархию православной церкви в Поднепровье, а также усилить военную организацию казачества, Феофан пошел на компромисс с правящими кругами Речи Посполитой: он направил послание казакам, декларируя возможность их сотрудничества с польским командованием.

Но, добившись этой «уступки» со стороны патриарха Феофана, польские сенаторы уменьшили свою «уступчивость» по отношению к требованиям казаков, делегации которых прибыли в июле 1621 г. в Варшаву (в составе Сагайдачного и православного епископа Иезекииля Курцевича). Переговоры продолжались две недели и не привели к таким решениям, каких ожидали казаки. Они требовали, чтобы король признал восстановленную православную иерархию, за что выражали готовность принять участие в войне против Турции; а между тем Сигизмунд III «купил» Сагайдачного Конашевича, признав его гетманское звание, но не признал новых православных епископов и лишь воздержался от введения в жизнь эдикта, объявлявшего их врагами королевского величества и государства [33].

Армия Османа II не дожидалась результатов варшавских переговоров и, переправившись через Дунай в середине августа, раскинулась лагерем под Белгородом (Белгород-Днестровский). Казаки тоже были готовы к военным действиям. Бородавка прекратил осуществляемые до той поры набеги на шляхетские владения и, переправившись через Днестр, вел операции в Молдавии. 20 августа 1621 г. польские войска под командованием гетмана Кароля Ходкевича тоже перешли реку и расположились в близком соседстве от Хотина. На следующий день в Хо-

тин приехал из Варшавы Сагайдачный. Спустя два дня в польский лагерь прибыл посланник Бородавки (позже — казацкий гетман Дорошенко) с вопросом, что делать дальше. Ходкевич приказал спешно соединяться с польскими силами. С возвращавшимся Дорошенко поехал Сагайдачный. Казаки в то время стояли лагерем в районе Могилева-Подольского.

Тяжелые потери, понесенные Бородавкой в ходе неудачных боевых действий, отказ польского правительства от какой бы то ни было поддержки этого гетмана способствовали успеху его политического конкурента Сагайдачного. На созванном совете старшин Сагайдачный говорил не только об особом расположении к нему тогда короля Сигизмунда, но и о готовности правящих кругов Польши пойти на новые уступки казачеству. Эти декларации сыграли свою роль в переориентации казацких верхов: Бородавка был низложен, а потом и казнен (3 сентября под Хотином), Сагайдачный же оказался снова на посту гетмана. Став во главе Запорожского войска, Сагайдачный привел в лагерь Ходкевича 4 тыс. казаков. Польское войско насчитывало 35 тыс. человек. Против них стояло 15 тыс. турецких солдат, несколько десятков тысяч татар и неисчислимые массы слуг, большинство которых могло в случае необходимости тоже взяться за оружие.

Битва под Хотином началась в начале сентября 1621 г. и продолжалась с короткими перерывами шесть недель. Выиграли ее польско-казацкие союзнические силы. Союзники с признанием оценивали действия друг друга, сражаясь героически и — что важнее всего — эффективно с во много раз превосходящими силами противника.

Слава победителей продолжалась многие годы. В 1670 г. Вацлав Потоцкий закончил поэму «Хотинская война». Автор, переживший восстание Хмельницкого, не испытывал особого расположения к казачеству, но, несмотря на это, признавал, что турки были разгромлены благодаря уловке, подсказанной будто бы казаками Ходкевичу:

Надолго залегли казаки, словно охотник
за лисой или волк, когда видит стадо овец,
лишь тогда выскочит,
когда приблизятся к нему, когда уверен в добыче;
так и казаки применяют уловку —
до тех пор лежат притаившись, пока неприятель

не приблизится к ним, тогда палят ему в глаза
и из пушек, и из ручного оружия...

. . . .

язычники, почувствовав себя в безопасности, страшно
дивятся,
что казаки стреляют и все еще живы.

. . . .

...наши и казаки изо всех сил
секут, колют, стреляют в испуганные тылы [34].

Хотинская битва исчерпала силы обеих сражавшихся армий. Начались переговоры. Турки потребовали контрибуции и выдачи казаков, по крайней мере строгого наказания их за постоянные нарушения границы и за нападения на турецкие владения. Современники тех событий согласны в том, что польские парламентарии признали казаков своими товарищами по оружию и решительно воспротивились предложениям противной стороны [35]. На всякий случай ответственность за все «своеволия» была свалена на мертвого уже Бородавку.

Мирный договор был заключен 9 октября. Практически, он ничего не изменил, не внес никаких новых элементов, которые могли бы придать ему прочность. Речь Посполитая обязывалась удерживать казаков от морских набегов на Турцию, а те — татар от набегов на польские окраины.

Само собой разумеется, что у коронных парламентариев не было выбора, не трудно также удивляться тому, что казаки, которые были официально уведомлены о содержании договора, не проявили восторга, а напротив, выражали разочарование. Они быстро оставили хотинский лагерь, не ожидая празднования победы, выражений благодарности и т. п. Ближайшие недели показали, что они поступили разумно.

Уже через две недели после заключения Хотинского мира королевские комиссары подготовили проект универсала по казацкому вопросу, запрещавший под страхом смерти побеги в Запорожье и поставку оружия казакам [36].

При этом польская сторона воздерживалась от предоставления казачеству как обещанных денег, так и ранее декларированных политических льгот. Неудивительно, что казаки продолжали выдвигать свои требования. Уже

через некоторое время после Хотинской битвы казаки отправили Сигизмунду III петицию, в которой хотя и обязывались прекратить морские походы, но просили выполнить обещания, данные Сагайдачному во время варшавских переговоров, а именно: постоянно платить жалованье в размере 100 тыс. злотых в год, выплатить вознаграждение за участие в последней войне, соблюдать равноправие православия, построить больницу для калек, согласиться на проживание в шляхетских и королевских владениях без необходимости выполнять повинности подданных, разрешить наниматься на службу в армии других царствующих лиц и, наконец, вывести коронные войска из Киевского воеводства [37].

Безусловно, эти условия, особенно два последние, были неприемлемы для Речи Посполитой. Тем не менее они могли послужить исходным пунктом для переговоров, ведущих к согласию. А между тем король согласился только на уплату вознаграждения за хотинскую войну; остальные вопросы он отослал на обсуждение сейма и местных властей (старост), что на деле означало отказ выполнить казацкие требования.

Таким образом, все осталось по-старому.

Незачем, пожалуй, описывать дальнейшие взаимоотношения Речи Посполитой и казачества в последующие годы. Они ни в чем не отличались от того, что происходило и до хотинской «виктории». Однако следует добавить, что теперь казаки уже вполне осознавали собственные силы и возможности. Они не только обходили строгие приказы, но и начали открыто угрожать восстанием и прекращением каких-либо связей с Польшей.

Вот почему на заседаниях Сената в 1623 г. краковский кастелян князь Ежи Збарский потребовал окончательно решить казацкий вопрос, причем не только по соображениям турецкой угрозы, но и в связи с собственными крестьянами, ибо «отовсюду нам грозит буря» [38]. Было даже решено послать на Украину новую комиссию, а в помощь ей придать сильные военные отряды, которые могли бы приступить в нужный момент к действиям. Однако в это время решение сейма не было претворено в жизнь.

А казаки начали вмешиваться во внутреннюю борьбу между татарскими ханами. В 1624 г. они выступили на стороне братьев Шахин-Гирея и Мамед-Гирея против

Турции, которая хотела поставить вместо них у власти послушного себе человека. Запорожцы сражались на их стороне на суше и на море, а в январе 1625 г. заключили с Шахин-Гиреем наступательно-оборонительное соглашение. Когда оказалось, что казаки все более активно участвуют в татарских делах и что это несет угрозу совместных казацко-татарских выступлений против Речи Посполитой, а также перспективу вовлечения в эту борьбу Русского государства, было решено предпринять решительные меры. Казацкий вопрос, таким образом, переставал быть внутренним делом Польши и практически становился вопросом международной жизни Восточной Европы в целом, вопросом политического сближения «православного казачества» с «православным Московским царством», что, естественно, не могло не активизировать поведения польского правительства.

Неудивительно, что в этих условиях польский коронный гетман Станислав Конецпольский действовал не только энергично, но и весьма осторожно. Он не начинал военных действий, пока не убедился в нейтральности турок в случае войны Польши с казаками. Лишь получив соответствующие заверения, он двинулся на Украину. Вслед за ним летели королевские универсалы, адресованные местной шляхте с требованиями оказывать гетману поддержку приватными отрядами. Они находили у шляхты отклик.

Коронные войска насчитывали около 8 тыс. солдат. Они поднялись со своих стоянок в середине сентября 1625 г. Казацкий гетман Марек Жмайло не ожидал столь энергичного выступления Речи Посполитой, не знал он также о договоренности между поляками и татарами и спокойно готовился к очередному походу на турецкие владения. Однако уже спустя месяц, когда произошли первые столкновения под Каневом, он понял, что ему угрожает. 25 октября в районе Крылова произошла встреча посланных Конецпольским королевских комиссаров с Жмайло.

В требованиях комиссаров появился новый элемент, а именно: приказ выдать в руки поляков главарей антитурецких выступлений, людей, ездивших послами в Москву и находившихся в переписке с русским царем [39]. Теперь уже не опасность спровоцированной казаками войны с Турцией, а возможность выступления православ-

ного русского царства на стороне православных казаков не давала спать польским властям. Опыт с возрождавшимся православием в Восточной Европе показывал, что эти опасения не были безосновательными.

Большинство требований комиссаров было отвергнуто советом казацкой старшины. 29 октября Конецпольский ударил по противнику и выиграл первую битву. Казацкие вылазки закончились неудачей, в связи с чем Жмайло отступил на оз. Куруково, где снова попытался организовать оборону. Конецпольскому не удалось прорвать ее в марше и ввиду явного преимущества сил, а также больших потерь он решил еще раз начать переговоры. Они продолжались четыре дня и закончились подписанием соглашения (на урочище Медвежьи Лозы, 6 ноября 1625 г.), известного под названием Куруковского.

Вот его пункты:

1) амнистия участникам набегов на турецкие владения, на владения украинской шляхты и королевские земли, «пусть только впредь старостам и начальникам своим послушание оказывают»;

2) установление порядка избрания «старшего», в соответствии с которым казаки получали право избирать начальника из своей среды, но при условии утверждения этого выбора великим коронным гетманом, выступавшим от имени короля (так после низвержения Жмайло был избран Михаил Дорошенко);

3) обязательство казаков составить реестр до 18 декабря 1626 г.; в этот реестр могло входить не более 6000 человек, «а тем, кто будет выписан, это не будет вредить и наказывать их подстаросты не могут [за то], что в войске запорожском были»;

4) определение ежегодного жалованья размером 60 000 злотых, выплачиваемого в Киеве;

5) определение отдельного вознаграждения для казачьей старшины ежегодно в следующем размере: для «старшего» — 600 злотых, для двух есаулов — по 150 злотых, для кошевого, писаря, шести полковников и судьи — по 100 злотых и для шести «полковничьих» есаулов и шестидесяти сотников — по 50 злотых;

6) определение мест стоянки войска казацкого: на Низовье, за порогами — 1000 человек «либо так много, как позволит его милость гетман, уведомленный старшим и в соответствии со временем и надобностью»; в королев-

ских владениях (в частных владениях, при условиях названных в 10-м пункте) — остальные;

7) подчинение казаков юрисдикции старшины «по обычным писаным правам»;

8) запрещение вести самостоятельные кампании против Турции;

9) приказ немедленно сжечь челны и корабли, используемые для морских походов, вместе с запрещением строить подобные средства переправы в будущем;

10) приказ возвратить в течение 12 недель земли в частных и церковных владениях, за которые они отказываются платить оброк либо отрабатывать барщину (так же и те земли, которые захватили незаконно), «урожай же с них, озимину и яровые, старосты и паны позволят им спокойно собрать» и, наконец, требование, имевшее в виду прежде всего Россию: «...союза ни с какими соседними государствами не заключать, послов от других государств не принимать и не сообщаться посольствами, и служить другим государствам не сметь».

В случае несоблюдения условий соглашения констатировалось, что «Речь Посполита с ними поступать будет, как с врагами королевской воли» [40].

Текст Куруковского соглашения был гораздо большим, чем текст предыдущих польско-казацких соглашений, однако его тон и характер статей не отличались от них, за исключением некоторых деталей. Ни один из королевских комиссаров не задумался о том, что сделать с 40 000 «выписчиков», которые не попали в реестр. По-прежнему считалось, что для того, чтобы соглашение выполнялось, достаточно пригрозить строгими наказаниями. В недалеком будущем авторам Куруковского соглашения пришлось глубоко разочароваться.

Таким образом, в первой четверти XVII в. польско-казацкие отношения были лишь функцией политики Речи Посполитой по отношению к Турции, Швеции и России, а также результатом внутренней наступательной политики феодально-католических сил. Решающим фактом, от которого зависели именно такие формы этой политики, были не столько отдельные ошибки польской дипломатии [41], сколько экономические и общественные интересы польских магнатов и шляхты.

[1] Історіа Украïньскоï РСР. Киïв, 1967, т. 1.
[2] АЮЗР, 1863, ч. III, т. 1, с. 4—6. Универсал Сигизмунда-Августа казакам, датирован в Варшаве 20 ноября 1568 г.
[3] АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 12—13. Универсал Стефана Батория должностным лицам и шляхте украинских воеводств, датирован в Варшаве в январе 1580 г.
[4] Там же, с. 28—30. Универсал Сигизмунда III об образовании отряда для удержания казаков от нападений на соседние государства, датирован в Кракове 25 июля 1590 г.
[5] Это заметил еще Ф. Равита-Гавроньский в своей, впрочем, тенденциозной книге: *Rawita-Gawroński F.* Kozaczyzna ukrainna w Rzeczypospolitej Polskiej od końca XVIII wieku. Zarys polityczne-historyczny. Warszawa, 1922, s. 42.
[6] Volumina Legum. СПб., 1859, t. 2, s. 310—311.
[7] *Tomkiewicz W.* Kozaczyzna ukrainna. Lwów, 1939, s. 23.
[8] Volumina Legum, t. 2, s. 344.
[9] *Wójcik Z.* Dzikie Pola w ogniu. O kozaczyźnie w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1960, s. 83—84.
[10] *Wereszczyński J.* Publika... ze strony fundowania szkoły rycerskiej synom koronnym na Ukrainie. Kraków, 1594; *Grabowski P.* Polska niżna albo osada polska, 1506; *Starowolski Sz.* Pobudka albo rada na zniesienie Tatarów Perekopskich. Kraków, 1618.
[11] *Palczewski K.* O kozakach jeśli ich znieść czy nie... Kraków, 1618.
[12] Ср.: *Баранович А. И.* Украина накануне освободительной войны XVII в. Социально-экономические предпосылки войны. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 162.
[13] Volumina Legum, t. 2, s. 401.
[14] *Грушевський М.* Історіа Украïни — Руси. Киïв; Львiв, 1909, т. 7, с. 319—320.
[15] АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 152—153, док. 45. Универсал казацкого гетмана Изаповича, датирован в г. Владимирском 20 января 1606 г.
[16] Історія Украïнськоï РСР, т. I, с. 183.
[17] Volumina Legum, t. 2, s. 465.
[18] Говорилось, что их было около 8000. *Dyamentowski W.* Diariusz (1605—1609).— In: Polska a Moskwa w perwszej połowe wieku XVII. Zbiór materiałów do stosunków polsko-rosyjskich za Zygmunta III. Lwów, 1901, s. 14.
[19] *Грушевський М.* Історіа Украïни — Руси, т. 7, с. 333—334, 337.
[20] АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 191—192, док. 55. Универсал Сигизмунда III казакам, датирован в Варшаве 21 декабря 1613 г.
[21] Там же, с. 197, док. 57. Универсал гетмана Жулкевского регулярному наемному войску, датирован в Жулкве 20 ноября 1614 г.
[22] *Horn M.* Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej polskiej w latach 1600—1647.— Studia i materialy do historii wojskowości (Warszawa), 1962, t. VIII.
[23] АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 199, док. 58. Ответ Сигизмунда III на просьбу казаков, датирован апрелем 1615 г.; «чтобы все запорожское войско в порядке, комиссарами нашими записанном, на обычных местах спокойно вело себя, гетману нашему послушно было, власть пристойную и суды сохранило, на иноземные государства не нападало, на коронные земли и Великое княжество Литовское своевольно и под знаменами не ходило, никакой несправедливости и вреда никому не делало...».

[24] Там же, с. 201—202, док. 59. Универсал Сигизмунда III украинской шляхте, датирован в Варшаве 29 декабря 1616 г.
[25] Історія Української РСР, т. I, с. 184.
[26] *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. 7, с. 359.
[27] Текст польской декларации Ольшанского соглашения опубликован в: АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 206—209, док. 61.
[28] АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 258, док. 70. Универсал Сигизмунда III киевской шляхте, датирован в Варшаве 22 мая 1618 г.
[29] Ср., например: *Tomkiewicz W.* Kozaczyzna ukrainna, s. 35; *Wójcik Z.* Dzikie Pola..., s. 108. Это следует также из формулировок, содержащихся в кн.: История СССР. Варшава, 1954, т. I, с. 324; История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1966, т. 3, с. 297.
[30] Текст польской и казацкой деклараций по: Pisma S. Żółkiewskiego. Lwów, 1861, 330—334.
[31] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. М.: Изд-во АН СССР, 1955, т. I, с. 3; Історія Української РСР, т. I, с. 185.
[32] *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. 7, с. 443.
[33] *Wójcik Z.* Dzikie Pola..., s. 113.
[34] *Potocki W.* Wojna Chocimska i wybór poezji. Kraków, 1949, s. 28.
[35] «Мы им слово дали, а если нарушим его, то как же турки будут нам верить?» *Tomkiewicz W.* Kozaczyzna ukrainna.., s. 38.
[36] Історія Української РСР, т. I, с. 186.
[37] *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. 7, с. 481—482.
[38] Skriptores Rerum Polonicarum, t. 5, s. 77—78.
[39] Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 15—16.
[40] Текст соглашения дан по: АЮЗР, ч. III, т. 1, с. 284—292, док. 78. Условия соглашения между казаками и гетманом Конецпольским датирован в Медвежьих Лозах 6 ноября 1625 г.
[41] *Wójcik Z.* Międzynarodowe położenie Rzeczypospolitej.— In: Polska XVII wieku. Państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa, 1969, s. 28.

АРМЯНО-ПОЛЬСКИЕ СВЯЗИ В XVI—XVII ВВ.

Дж. О. Галустян

В XVI — XVII вв. на территории феодального Польского государства имелось большое число армянских поселений, образовавшихся в результате переселения значительной части армянского населения из порабощенной иноземными завоевателями исторической Армении. Возникновение первых армянских поселений в Польше относится к XIV в.— времени правления польского короля Казимира Великого, декреты которого положили начало собственному суду и самоуправлению армянских общин.

Армянские переселенцы поселялись в городах на юго-восточных землях феодальной Польши, находившихся на перекрестке важных торговых путей, соединявших восток с западом, север с югом и являвшихся удобным местом для развития торговли и ремесла. В этом направлении и развернули свою деятельность армяне. Этому способствовали также привилегии, предоставленные им польскими королями. Достаточно сказать, что единственное ограничение, заключавшееся в том, что армянам было разрешено вести торговлю только в юго-восточных городах древней Польши, было снято Владиславом Ягайло в 1402 г.[1] В дальнейшем их права были еще более расширены.

Однако образование наибольшего числа армянских поселений в феодальной Польше приходится на XVI—XVII вв. В отличие от предшествовавших веков армянские поселения в этот период стали возникать и в частновладельческих городах. Крупные польские магнаты, заинтересованные в развитии торговли и ремесел, приглашали уже зарекомендовавших себя армянских переселенцев в свои владения, даруя им привилегии и освобождение от многих повинностей. Подсчитать количество армянского населения в поселениях Польско-литовского феодального государства очень сложно. Сведения о числе армян в Польше фрагментарны, неполны. Вот некоторые из них. По сведениям венецианского посла в Польше Иеронима Липпомана, в 1575 г. во Львове проживало 60 армянских

семей, а в Каменце — 300[2]. В Замостье в 1591 г. насчитывалось 1302 армянина, а в самом конце XVII в.— 2046 человек[3].

Покровительственная политика польских королей в отношении армянских купцов и ремесленников способствовала экономическому развитию Польского государства и одновременно наращиванию экономического потенциала армянских общин в городах у юго-восточных границ Польши. Экономический расцвет армянских колоний в XVI в., имевший место в обстановке бурного развития товарно-денежных отношений в Польском государстве, быстрого роста городов, оживления политической жизни и подъема культуры польского народа, вызвал значительный подъем культуры и горстки армянского народа, осевшей в Польше.

Известно, что XVI—XVII вв. являлись для Армении мрачным периодом ее истории, поскольку страна оказалась поделенной между двумя восточными деспотиями — Сефевидским Ираном и султанской Турцией. Армения находилась в состоянии полного экономического упадка, ее народу постоянно грозила опасность физического истребления, разрушались ценности, созданные на протяжении многовековой истории народа.

Одной из сфер культуры, наглядно демонстрирующей, как развивалась армянская культура в европейских условиях, какие она претерпела изменения в Польше, является архитектура армянских поселений. Наиболее интересным памятником зодчества польских армян представляется армянский кафедральный собор во Львове, основанный в XIV в., но достраивавшийся и подвергавшийся реконструкции в течение XVI—XVII вв.

Анализ этого и других памятников армянской церковной и гражданской архитектуры в Польше убеждает в том, что художественная традиция, созданная армянским народом в период расцвета его культуры, несмотря на превратности истории, не исчезла. Армянский народ в далеких от родины поселениях сохранил и продолжал традиции национального строительного искусства. Однако с течением времени (к XVII в.) армянские архитектурные традиции в польской среде предавались забвению, строительное искусство все более приспосабливалось к местным формам, к европейскому стилю. Таким образом, конец XVI — начало XVII в. явились переходным периодом в

истории армянского зодчества в Польше в том смысле, что в указанное время происходил постепенный процесс нивеляции армянского архитектурного стиля и его трансформации в направлении, характерном для Западной Европы эпохи Возрождения.

Этот процесс был обусловлен, с одной стороны, отсутствием какого-либо значительного нового притока армян в Речь Посполитую, а с другой стороны, крайне неблагоприятной ситуацией, сложившейся в собственно Армении. Поделенная между двумя мощными державами Востока Армения оказалась в состоянии культурного застоя, ее население было лишено возможности творчества в сфере национальной культуры. Колонисты, которые переселялись в Речь Посполитую непосредственно из Армении, были оторваны от национальной почвы и были не в состоянии создавать памятники национальной архитектуры.

Не были способны на это и переселявшиеся в Речь Посполитую армянские колонисты из Крыма, Валахии, Молдавии, где армянская архитектура также испытывала на себе определенные влияния. Поэтому национальная архитектура в армянских колониях Речи Посполитой, подвергаясь влиянию польской культурной среды и будучи оторванной от родной почвы, с течением времени стала впитывать в себя формы, свойственные европейской архитектуре.

В армянских поселениях Польши широкое распространение получили художественные ремесла (главным образом ювелирное искусство, ковроделие), рассчитанные в основном на удовлетворение спроса патрициата и шляхты на предметы роскоши. Они стали популярными в Польше благодаря восточной торговле, монополия которой в XVI — начале XVII в. принадлежала армянским купцам. Оживленная торговля со странами Востока в XVI в. и военные столкновения, участившиеся в XVII в. между Турцией и Польшей, содействовали распространению там изделий из серебра и золота, восточных ковров, восточной моды на предметы воинского снаряжения.

Пристрастие шляхты к коврам, восточному оружию и восточной экипировке лошадей вызвало к жизни в Польше ремесленное производство, удовлетворявшее потребности польской знати. Это местное производство находилось в основном в руках армянских ремесленников, владевших высоким художественным мастерством. Достаточно

лишь сказать, что в 1585 г. Стефан Баторий предоставил армянину в Замостье Мурату Якубовичу привилегию на монопольное производство в течение 20 лет восточных ковров [4].

Анализ сохранившихся в различных музеях Польши и Украины ювелирных изделий и ковров, сделанных руками армянских мастеров, убеждает в том, что черты армянского и вообще восточного искусства в них тонко сочетаются с европейскими, что творчество армянских ремесленников, живших в городах юго-восточной Польши, представляло собой своеобразный сплав разных стилей. Вторжение элементов западного искусства в восточное — это проявление не только субъективного фактора: воздействия среды на художественное мышление и творческое мироощущение армянских поселенцев, но вместе с тем оно включало в себя объективное начало творческого процесса: стремление пойти навстречу традиционным вкусам своих основных заказчиков. С течением времени (в особенности после принятия армянами унии с католической церковью в 1630 г.) этот процесс сращивания армянского искусства с культурой польской шляхты и патрициата еще более усилился, пока армянское искусство полностью не растворилось в ней.

В польской специальной литературе существует мнение, что армянские ремесленники, работавшие для нужд польского общества, являлись распространителями и проводниками мусульманского — персидского и турецкого — искусств. Эта точка зрения нам кажется совершенно неприемлемой. Армянский народ в XVII в., будучи подвластным и расчлененным между Турцией и Персией, играл значительную роль в общественном производстве этих стран. Роль же армян в развитии ремесел Ближнего Востока общеизвестна. Поэтому правящие круги Турции и Персии, заинтересованные в развитии ремесел, вынуждены были зачастую оказывать покровительство армянским ремесленникам.

Армянский народ, имевший древнейшую культуру обработки металла и ковроткачества, попав под власть турок и персов, не утратил складывавшиеся веками и передававшиеся из поколения в поколение характерные для него понимание и восприятие художественных форм.

Армянские ремесленники Турции и Персии, работавшие на своих господ, в художественные изделия, выво-

зившиеся из этих стран за границу, в частности в Польшу, под названием турецких и персидских, вносили элементы своей культуры, частицу своего народного творчества. Армянские же купцы Польши, ведущие широкую торговлю с Турцией и Персией и имевшие там родственников, скорее всего, вели торговый обмен предметами ремесленного производства своих сородичей.

Таким образом, армянские мастера Польши, производившие оригинальные восточные изделия с учетом местных вкусов и искусства, были не столько распространителями искусства ислама, а в значительной степени вносили частицу своей культуры, своего национального творчества в культуру польского народа.

Взаимосвязь и взаимодействие культурно-идеологической жизни армянского и польского народов особенно проявились в области литературы и историографии.

Как известно, XVI в. ознаменовался расцветом польской науки и литературы. Армянские поселенцы Польши в условиях подъема и расцвета польской культуры испытали на себе благотворное влияние проникновения передовых европейских идей эпохи Возрождения в польское общество.

Отмечая влияние передовых идей современности на развитие армянской культуры в Польше, нельзя сбрасывать со счета и культурный потенциал самого армянского народа в XVI в.

Необходимо сказать, что в Армении уже были налицо некоторые предпосылки для развития процесса, получившего в XV—XVI вв. в истории народов Западной Европы название Возрождения. Однако нашествия сельджуков, а затем татаро-монгольских орд, затянувшие естественный ход исторического развития армянского народа, не дали возможности для завершения этого прогресса. Тем не менее элементы передовых идей эпохи Возрождения наблюдались и в армянском обществе.

Передовые силы армянского народа, воспитанные на прогрессивных традициях национальной культуры, обретя на своей новой родине — Польше, переживавшей в XVI в. культурный подъем,— благодатную почву, под влиянием польской культуры подняли на новую ступень развитие своей науки и культуры.

Для армянских поселенцев Польши историческое прошлое своего народа не было чем-то отдаленным, оно не

было предано забвению. Та часть духовных ценностей армянского народа, которая уцелела от уничтожения, бережно сохранялась, собиралась, изучалась и переосмысливалась в духе требований нового времени.

Переписывание произведений армянских историков, ориентированных на апологетику истории независимой Армении, служило одним из средств сохранения традиций национальной культуры и преследовало цель не только пропаганды истории своего народа, но и привитие народу, утратившему государственность, чувства высокого патриотизма и национального самосознания.

В то же время образованнейшие люди того времени, главным образом духовные лица, создавали новые произведения, записывая события, очевидцами которых они были. Но летописцы не ограничивались изложением фактов. Их сочинение полны метких характеристик и выражений своего отношения к описываемым явлениям, стремлением понять причины и последствия исторических событий.

Таким важным по своей значимости историческим произведением, созданным в армянских поселениях Польши, является «Каменецкая летопись», представляющая собой коллективный труд нескольких авторов рода Каменецких, охватывающая довольно длительный отрезок времени — с 1430 по 1652 г.[5]

Летопись содержит огромный разнообразный фактический материал, касающийся политического положения соседних с Польшей стран, внутренней жизни Польского государства и армянских колоний, польско-турецких войн.

В «Каменецкой летописи» прослеживаются основные вехи политической истории Польши XVI — первой половины XVII в. Значительное место отведено борьбе Польского государства с постоянно угрожавшей в XVII в. турецко-татарской агрессией. Автор с нескрываемой радостью сообщает о победах польского оружия над татарами и в самых мрачных красках рисует картину разорения и опустошения края.

Летописцев характеризуют исключительный патриотизм и честное служение интересам страны, в которой они жили. Они осуждают польских магнатов и шляхту, которые в минуты опасности для отечества вместо того, чтобы сплотить силы и отразить натиск врагов, бездействовали. Осуждая центробежные силы, действовавшие в

стране, политику магнатов, мешавших единству и сплочению сил в борьбе с турецко-татарской агрессией, армянские хронисты выступали на стороне сильной королевской власти, способной отразить натиск внешних врагов и защитить интересы представителей правящей верхушки армянской колонии [6], заинтересованной для успешного развития торгово-экономической деятельности в установлении мирных отношений с соседними странами.

Объективно «Каменецкая летопись» (значительная часть написана Тер-Ованнесом) направлена против засилья крупных феодалов и является свидетельством того, что один из ее авторов был носителем прогрессивных современных идей, несмотря на то что не поднялся до понимания и осуждения социальной несправедливости.

Составители «Каменецкой летописи» были современниками и очевидцами событий, и в этом отношении ценность их хроники бесспорна. Однако ее составители из-за ограниченности мировоззрения не могли глубоко вникнуть в суть исторических событий, не были в состоянии понять закономерностей их развития. Отсюда примитивизм и идеалистичность в толковании исторических явлений.

В армянских поселениях было создано интересное сочинение, посвященное важному событию в истории Польши — истории польско-турецкой войны 1620—1621 гг. Написано оно очевидцем событий Иоаннесом Каменецким. Копию рукописи этого произведения, написанной на древнеармянском языке, в 1954 г. в Матенадаране обнаружил А. С. Анасян, а в 1958 г. он издал ее на русском языке в переводе К. Юзбашяна [7].

Как показали исследования А. С. Анасяна, Ованнес Каменецкий явился продолжателем историографических традиций рода Каменецких, унаследовавшим во многом мировоззрение своих предков.

Сведения автора «Истории Хотинской войны» вполне достоверны. Порой они уточняют данные польских источников. В этом смысле сочинение Ованнеса является ценным первоисточником для изучения польско-турецких войн.

Армянские общины Польши дали и других видных ученых, которые получили известность как польские историки.

Прекрасный знаток истории армянских поселений в Польше С. Баронч сообщает, что известный польский ис-

торик, прославившийся как историк г. Львова, Юзеф-Бартоломей Зиморович (1596—1673) был армянином по происхождению.

Работая долгие годы в городском магистрате, Зиморович имел возможность пользоваться материалами городского архива, которые легли в основу его произведений: «Знаменитые люди города Львова», представляющего собой справочник о львовских ученых [8], «Львов, столица Руси, осажденная в 1672 г. турками, татарами, казаками, молдаванами», посвященного осаде Львова турками в 1672 г. Последнее было написано очевидцем и участником событий, проявившим большой героизм и патриотизм, сумевшим, будучи консулом города, мобилизовать силы для оказания отпора врагу.

Наиболее значительным произведением, до сих пор сохраняющим силу исторического источника, является работа Зиморовича «Тройственный Львов» [9], в которой прослеживается история Львова со времен его основания до 30-х годов XVII в. Будучи представителем богатого патрициата, Зиморович в своих произведениях был выразителем его классовых интересов.

Помимо истории, Зиморовича влекла и область поэзии: им написаны несколько од и панегириков, получивших высокую оценку современников [10].

Приведенные примеры свидетельствуют о том вкладе, который внесли образованные представители армянских колоний в развитие польской историографии, и о том, как своеобразно проявилось взаимодействие польской и армянской культур.

Армянская философская мысль в Польше также испытала влияние новых европейских идей. Ярким примером этому служит деятельность видного представителя армянской философской мысли XVII в.— Степаноса Леаци.

Степанос Леаци родился в армянской общине Львова, где получил блестящее для того времени философское образование. На формирование его взглядов в определенной степени повлияло развитие философской мысли окружавшей его среды [11].

Остро чувствуя необходимость знания армянского языка и истории Армении, родители Степаноса отправили его в Эчмиадзин, где он изучил «язык и грамоту армянскую... псалмы, шараканы и другие церковные премудрости» [12]. В Эчмиадзине Степанос перевел с латинского

языка на армянский ряд книг богословского и светского содержания. Среди них: книга европейского историка и военачальника I в. Иосифа Флавия «Иудейская война», сочинение Аристотеля «Книга причин», произведение, известное в русской литературе под названием «Великое зерцало», которое в переводе на армянский язык сохранило свое латинское название [13], и др.

Переводческая деятельность Степаноса Леаци имела прогрессивное значение. В условиях разрушительных войн между Турцией и Ираном, застоя и упадка армянской культуры она объективно способствовала приобщению армянских читателей к произведениям известных в Европе философов, делала доступным проникновение передовых философских идей и воззрений в армянскую среду.

Помимо переводов, Степаносом Леаци были созданы оригинальные произведения. Ему приписывается составление армяно-латинского словаря [14]. Им составлен словарь философских и богословских терминов, в котором нашли отражение весьма прогрессивные для того времени основы его мировоззрения [15].

Философия была тесно связана с богословием. Богословие, несмотря на распространение в средневековой Польше новых прогрессивных идей, все еще составляло часть идеологической надстройки феодального общества.

Армянские общины Польши дали многих видных ученых богословов. Так, в XVII в. были известны имена докторов богословия Бернатовича Захариаша, Богдановича Франтишка (у доминиканцев), Людвига Серебковича, сына знаменитого дипломата Криштофа Серебковича (в Кракове у доминиканцев). Степень доктора богословия и права имел известный юрист Ивашкевич Ян. Одним из прославившихся богословов конца XVII в. был воспитанник армянской папской семинарии, драматург, педагог в Язловецкой приходской школе, трайнопольский епископ, в 1698—1709 гг. предводитель епархии Деодат Нерсесович (в армянской транскрипции — Аствацатур Нерсесович, 1630—1709 гг.). Он — автор нескольких богословских трудов, панегирика в честь победы польского оружия под Веной в 1683 г. Наибольшую известность принес ему латино-армянский словарь, изданный в Риме в 1695 г.[16]

В XVI — начале XVII в. в результате огромных историко-культурных сдвигов, имевших место в Польше, бурное развитие получила литература — религиозная и светская. Интерес к светской тематике, светским знаниям является показателем того культурного движения, которое охватило все польское общество. Если религиозная литература была носителем старой средневековой идеологии, то светская — возникла под воздействием передовых идей эпохи Возрождения. Эта часть литературы и представляет историко-культурную ценность. К ней прежде всего относятся бытовая проза, дневники путешествий, предназначавшиеся скорее для самих авторов, нежели для читателей. Почетное место среди них принадлежит прогрессивному деятелю армянской культуры Симеону дпиру Леаци, автору «Путевых заметок» и некоторых антикатолических памфлетов [17].

В основу «Путевых заметок» легли впечатления двенадцатилетнего путешествия по странам Юго-Восточной и Южной Европы, Османской империи. Красочно и подробно описываются те страны, города и селения, через которые пролегал путь Симеона. Внимание автора привлекали архитектурные памятники, обычаи, нравы, обряды народов, состояние ремесла, торговли и земледелия. Кроме того, в «Путевых заметках» содержатся хроникальные сведения о важнейших событиях 20—30-х годов, очевидцем которых он был. Произведение Симеона Леаци проникнуто глубоким патриотизмом. Будучи человеком передовых идей, он пытался вникнуть и объяснить причину сложившегося политического положения, хотя порой это объяснение носило поверхностный, наивный характер. Его патриотизм особенно проявился в 30-е годы XVII в., когда он выступил в числе активных противников принятия унии армяно-григорианской церкви с римско-католической. Написанная им поэма-памфлет «Випасанутюн Николакан» и памятная запись на рукописи «Толкование «Книги Бытия» Варданом» гневно разоблачают предательскую деятельность армянского епископа Николы Торосовича, с помощью которого во Львове была осуществлена уния армянской церкви с римской.

Принятие унии Симеон считал огромным «злом», «несчастьем» для армянского народа. Таким образом, Симеон Леаци в стране, бывшей оплотом католической реак-

ции, активно выступал против политики насильственного насаждения католицизма, против контрреформации.

Другим ярким образцом светской литературы является сочинение крупного армянского купца из Варшавы Сефера Муратовича, который в 1602 г. был послан по поручению польского короля Сигизмунда III в Персию для закупки партии ковров и других восточных товаров [13]. Анализ содержания «Отчета» Муратовича, который является уникальным памятником литературы армянских колоний, свидетельствует о том, что он имел и политическое задание — установить дипломатические отношения между Польшей и Ираном.

Установление дипломатических отношений Польши с Ираном в начале XVII в. было делом нелегким и имело для Польского государства важное значение в связи с назревшей с помощью папской дипломатии мысли организации антитурецкой коалиции. Предшествовавшие миссии Муратовича попытки римского папы направить в Персию своего посла через Польшу не увенчались успехом, так как столкнулись с интересами русского правительства, договаривавшегося с Турцией против Польши. Он был задержан в России. С другой стороны, посольство персидского шаха Аббаса I, также искавшего союзников против Турции в Европе, в Польшу и к римскому папе Клементу VIII в 1600 г. не достигло цели, опять-таки встретив сопротивление русского двора. По-видимому, поэтому польский король Сигизмунд III, надеясь получить союзника в лице Аббаса I, прибег к маскировке, отправив к персидскому шаху своего посла под видом армянского купца. К этому необходимо добавить, что Польша к XVII в. неоднократно прибегала к услугам армянских купцов в дипломатических целях. Польский двор, зная, что армяне хорошо знакомы с нравами, обычаями и экономикой сопредельных с Арменией государств и имеют на Востоке широкие деловые связи, прекрасно владеют восточными языками, стал доверять им в дипломатических миссиях на Восток должности официальных переводчиков.

Особенно яркую страницу вписали армяне в историю польской дипломатической службы на Востоке в XVII в., когда они активно включались в борьбу против турецкой агрессии и когда Польское государство стремилось организовать антитурецкую коалицию. В тяжелой борьбе

против турецко-татарских завоевателей армяне оказывали Польше посильную помощь.

Армянская общественность Речи Посполитой оставила богатое поэтическое наследие. Поэтические традиции в армянских поселениях Польши формировались под влиянием передовых воззрений армянских поэтов периода расцвета армянской поэзии, проповедовавших высокую нравственность, осуждавших пороки феодально-клерикального общества, внушавших людям чувство патриотизма и человеческого достоинства. К числу поэтов, писавших на армянском языке, в традиционном стиле армянской средневековой поэзии относятся Минас Токатеци (1510—1622), Акоп Токатеци (1573—1680), Лазарь Токатеци (1550—1610), создавшие ряд поэтических произведений на исторические темы, а также юмористические произведения.

Представляя «кусочек Азии» на польской земле, армянские общины, как уже было прослежено, не были изолированы от общих процессов, происходивших в польском обществе. Эти процессы, попадая на благодатную почву, подготовленную всем ходом развития армянской культуры, влияли и на развитие армянской литературы и поэзии, в которой уже с начала XVII в. прослеживается постепенный процесс сращивания армяно-григорианской и польско-католической концепций.

Так, в поэзии возникло направление, выраженное творчеством тех авторов, которые, оторвавшись от национальных общин, прочно слились с польской средой и создавали свои произведения на польском и латинском языках для нужд господствовавшего общества. К числу таких поэтов следует причислить Каспера Бутаховича (из Каменца), Шимона Зиморовича, брата историка Зиморовича, Гжегожа Криштофовича (Замостье), Криштофа Хадзевича (Перемышль), Криштофа Аксента Ованишевича (Замостье) и, наконец, надо сказать, что выдающийся польский поэт эпохи Возрождения Шимон Шимонович был выходцем из армянской общины г. Львова.

В целом литературу, созданную деятелями армянской культуры в Польше, отличает неоднородность жанров и содержания, что отражало естественный процесс социального расслоения городского населения. Творчество отдельных представителей армянской культуры следует относить к официальной придворной литературе, восслав-

ляющей сильную королевскую власть и магнатов. Носителями прогрессивных тенденций в армянской литературе XVI — начала XVII в. в основном выступали представители городского патрициата, а также патриотически настроенная часть духовенства, осуждавшие пороки современного ему общества и католическую церковь, не сумевшие, однако, подняться до отрицания феодальной эксплуатации.

Демократическую линию в процессе развития армянской литературы переселенческих очагов представляли шуточные юмористические произведения, острие которых было направлено против засилья католицизма и представителей власти.

Подытоживая сказанное, в истории армянской культуры в Польше следует выделить два этапа. Если в XVI в. в армянских поселениях Польши еще сохранялась культурная и национальная автономия, то в XVII в. эта культурная обособленность армянских колоний постепенно пропадала, происходил процесс окатоличивания и шляхетизации верхов армянской общины, а затем и полной ее денационализации и «нивелирования» с польским феодальным обществом.

Если до XVII в. в армянских колониях Польши создавались еще памятники самобытной культуры армянского народа, то к XVII в. в результате общения с местной средой культура древнего народа постепенно стала приобретать новое качество.

Армянские переселенцы Польши, чувствуя себя частицей армянского народа, оставили заметный след в истории культуры своей второй родины.

---

1 *Charewiczowa L.* Handel średniowiecznego Lwowa. Lwów, 1925, s. 36—37.

2 Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce od r. 1548 do 1690. Berlin; Poznán, 1864, t. I, s. 249.

3 *Zakrzewska-Dubasowa M.* Ormianie Zamojscy i ich rola w wymianie handlowej i kulturalnej między Polska a Wschodem. Lublin, 1965, s. 57.

4 *Mańkowski T.* Polskie tkaniny i hafty XVI—XVII wieku. Wrocław, 1954, s. 69.

5 *Алишан Г.* Летопись армян Польши и Румынии с приложением первоисточников. Венеция, 1896 (на древнеармян. яз.).

6 Там же, с. 32—32, 30, 46—47, 50, 54.

7 История Хотинской войны Иоаннеса Каменецкого.— Историко-филологический журнал (Ереван), 1958, № 2.

[8] *Barącz S.* Żywoty sławnych Ormian w Polsce. Lwów, 1856, s. 404.
[9] *Zimorowicz J. B.* Historya miasta Lwowa, Królestw Galicyi i Lodomeryi stolicy. 1835, s. 375—382; *Idem.* Pisma do dziejów Lwowa odnoszące się. Lwów, 1899.
[10] *Badecki K.* Literatura mieszczańska w Polsce w XVII wieku. Lwów; Warszawa; Kraków, 1925, s. 403, 461.
[11] *Чалоян В. К.* Степанос Львовский (из Львова) в Армении.— Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Киев, 1965, с. 105.
[12] *Давриженци А.* Книга историй. Пер. с древнеарм. М., 1973, с. 319—320.
[13] Там же.
[14] Львовская государственная научная библиотека. Отдел рукописей ф. Оссолиньских, № 3587/1, с. 73; *Barącz S.* Rys dziejów ormiańskich. Tarnopol, 1869, s. 193.
[15] *Чалоян В. К.* Степанос Львовский..., с. 105, 112.
[16] *Barącz S.* Żywoty sławnych Ormian w Polsce, s. 289.
[17] *Симеон дпир Леаци.* Путевые заметки. Пер. с древнеарм. М.: Изд-во восточной лит., 1965.
[18] *Muratowicz S.* Relacja obywatela warszawskiego dla sprawowania rzeczy wysłannego do Persyi w r. 1602. Warszawa, 1777.

СОБОР 1642 Г. ПО ВОПРОСУ ОБ АЗОВЕ

Л. В. Черепнин

В истории сословного представительства особое значение имеет земский собор 1642 г. Он был созван в связи с обращением к правительству донских казаков с просьбой принять под свою защиту Азов. Собор должен был обсудить вопрос: согласиться ли на это предложение и в случае согласия, какими силами и на какие средства вести войну с Турцией [1].

Дело о земском соборе 1642 г. сохранилось в Государственном архиве древних актов среди дел о сношениях России с Турцией [2]. Как установил С. В. Рождественский, при публикации было опущено его начало, представляющее собой доклад государю об обстоятельствах созыва собора [3]. Его содержание следующее.

28 октября 1641 г. в Москву из Азова прибыл донской атаман Наум Васильев и привез грамоту от казаков, в которой говорилось, что в результате осады Азова турецко-крымскими войсками они «разорены до основания», у них нет боеприпасов, они не могут сами удержать город и просят прислать царского воеводу с войском. Атаману Науму Васильеву и его товарищам было велено оставаться в Москве, и они «беспрестанно» били челом царю с просьбой о принятии Азова в подданство и о его защите.

2 декабря по царскому указу на Дон были отправлены с государевой грамотой и жалованьем казакам дворянин Афанасий Желябужский и подьячий Орефа Башмаков. Они должны были осмотреть город Азов и прислать его «чертеж». В то же время царем было приказано «о том Азовском деле говорити боярам». При обсуждении вопроса в боярской думе было установлено, что в случае принятия Азова посылка войска туда обойдется в 221 тыс. руб. («что дати государева жалованья ратным людем, и что положено за запас хлебной, и за порох, и за свинец, и за ручные самопалы») [4].

Бояре ограничились составлением сметы и не выска-

зались по вопросу о том, как реагировать на челобитья казаков об Азове, предложив передать этот вопрос на рассмотрение земского собора: «...выбрать изо властей духовного чину и изо всяких чинов людей лутчих и с ними поговорить о том же деле, что их мысль о Азове,— держать ли Азов и кем держать, охочих ли людей называть или послать ково государь укажет и неохочих, и на тот на весь подъем деньги как збирать со властей и со всяких чинов людей, а деньги надобны не малые» [5]. Таким образом, была намечена программа собора. Надо было решить: 1) следует ли стремиться удержать в составе России Азов; 2) где взять для этого людей и 3) где взять деньги. Таково содержание доклада государю.

Далее в деле помещен царский указ от 3 января 1642 г. о созыве земского собора, на котором должны быть «люди всех чинов». Им следует сообщить «вести» о том, что идет «турской посол говорити об Азове», что нависла угроза турецкого похода на Русь, и предложить выбрать «изо всяких чинов из лучших, и из середних, и из молодчих людей,— добрых и умных людей, с кем о том деле говорить». Бросается в глаза, что согласно указу выборы должны быть не до собора, а на соборе. Собор состоялся в Столовой избе. Обычно он датируется 3 января, хотя текст можно понять и так, что это дата указа о соборе, а не собора. Присутствовали «всяких чинов люди», предусмотренные указом. Заседание проводилось при государе Михаиле Федоровиче. От имени правительства выступил печатник и думный дьяк Ф. Ф. Лихачев. Сначала он сообщил «вести» о замысле турецкого султана «послать войною на Московское государство, осадя Азов». Затем Лихачев изложил царский указ о производстве выборов (по нормам: «из больших статей от 20 до 7 человек», а «не изо многих людей» — от 5 до 2 человек»): «а кого выберут и тем людям припести имена...» [6].

Имена «выборных людей» были присланы из Разряда в Посольский приказ, и им в Столовой избе, где по государеву указу собрались также бояре, окольничие и думные люди, было прочитано письмо «об Азовском деле и о войне», в котором были собраны «вести» о предполагаемом турецком походе на Россию. Текст письма был роздан «разных всяких чинов выборным людям», а также послан крутицкому митрополиту с предписанием собрать

освященный собор «и о том деле, говоря и написав мысль свою на письме», объявить государю.

Надо сказать, что разобраться в этом тексте нелегко. С. В. Рождественский так представляет себе историю формирования собора. Имели место два заседания. На первом, происходившем в присутствии царя, было объявлено, какие вопросы будут обсуждаться и предложено произвести выборы депутатов. На втором соборе, состоявшемся после выборов, царя и освященного собора не было: собрались члены боярской думы и выборные люди. На этом соборе было прочитано письмо, ставшее предметом обсуждения [7].

Против толкования С. В. Рождественского выдвинул обоснованные соображения А. И. Заозерский. «Если выборы депутатов произведены после открытия собора,— пишет он,— то как определить юридическое положение всех тех людей, которые присутствовали на первом заседании? Признавая заседание 3 января соборным, нужно признать и всех его участников членами собора. Но в таком случае для членов собора создается в высшей степени странное положение: одни из них получают свои депутатские полномочия, остальные как бы теряют их — и те другие уже после того, как присутствовали на соборном заседании» [8]. А. И. Заозерский излагает свое понимание текста соборного акта. По его мнению, на собор 1642 г. были приглашены разных чинов люди по их служебному положению. На соборном же заседании «выбирались не депутаты... из общества, а члены комиссии из наличного состава собора» [9].

Для правильного понимания процедуры открытия и проведения собора очень важно учитывать то обстоятельство, что список «выборных людей», имена которых должны были сообщить из Разряда в Посольский приказ, в Разряде был приготовлен уже к 3 января 1642 г., когда состоялся указ царя Михаила Федоровича о соборе. Список сохранился в архиве ЦГАДА и начинается словами: «150-го генваря в 3 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии указал с собору быти выборным людем, а тем выборным людем говорити и мыслити о государеве и о земском деле ото всей земли. А о каком о государеве и о земском деле выборным людем говорити и мыслити, и тому... по государеву указу велено... выборным людем дати писмо Посолсково

приказу диаком. ...А по государеву указу быти выборным людем...». И далее следует перечень стольников, дворян московских, голов стрелецких, жильцов, дворян и детей боярских из городов [10]. В целом этот, очевидно, черновой перечень соответствует тому, который был принят на соборе и помещен в соборном акте. Некоторые расхождения объясняются, видимо, тем, что список уточнялся. О торговых людях и жителях «черных сотен» и слобод в документе из Разрядного архива сведений нет.

Таким образом, по крайней мере основной костяк «выборных» (представители класса феодалов) определился к открытию собора и «люди всех чинов», на него приглашенные, присутствовали на нем как члены, а не как избиратели будущего его состава. И речь дьяка Ф. Ф. Лихачева преследовала цель не организовать избрание «умных людей» из числа присутствовавших, а санкционировать в присутствии государя состав, уже принятый «именным» списком.

После выступления дьяка собравшимся было прочитано «письмо» об Азове и турецкой опасности. На этой второй части заседания (или на втором заседании) уже не присутствовали ни царь, ни митрополит; были одни члены боярской думы. Во всяком случае, нет, по-моему, оснований говорить о двух разных по составу заседаниях: одного — для избирателей, другого — для «выборных».

Численный состав собора 1642 г. указан такой: 10 стольников, 22 дворянина московских, 4 стрелецких головы, 12 жильцов, 115 дворян и детей боярских из 42 городов, 3 гостя, 5 торговых людей гостиной сотни, 4 торговых человека суконной сотни, 20 посадских людей московских сотен и слобод [11].

У нас нет данных о том, как происходили выборы. Видно, что они не коснулись провинциального посадского населения. Некоторые ученые полагают, что и выборы на собор городовых дворян и детей боярских производились из тех, кто в то время находился в Москве [12] (а в Москве с середины 1641 г. собралось много служилых людей из разных городов) [13]. В акте земского собора 1642 г. упоминаются в качестве его членов служилые люди, бывшие в момент созыва собора в столице: «...и володимирцы дворяне и дети боярские, которые на Москве, мысль свою написали...», «...сказали дворяне и дети боярские Нижняго Новагорода, и муромцы, и лушане,

которые здесь на Москве...»[14]. Что касается дворян и детей боярских других городов, то оговорки об их пребывании в Москве нет.

Наибольший интерес в деле о соборе 1642 г. представляют ответы его членов на вопросы, поставленные перед ними правительством. Ответы были групповые. Они поступили от церковных властей, стольников, московских дворян, стрелецких голов и сотников, дворян и детей боярских отдельных групп городов, гостей, людей гостиной и суконной сотен, московских «черных сотен» и слобод. Были получены и персональные мнения двух московских дворян: Никиты Беклемишева и Тимофея Желябужского.

В именном перечне участников собора имеются такие заметки: «А стольниками у того дела быти диаку Пятому Спиридонову»; «а у дворян московских, и у голов стрелецких, и у жильцов быти диаку Игнатью Лукину»; «дворяне и дети боярские из городов, быти у них диаку Василью Атарскому»[15]. Очевидно, в их задачу входили опрос и получение «сказок» («мыслей на письме») от тех «чинов», которые были поручены их ведению. «Сказки» были собраны не в один день. Они поступали постепенно, с 3 по 17 января, если исходить из точно датированных документов (но на одних документах стоит только год, на других указан месяц январь, но без числа)[16]. Из «сказок», поданных различными группами населения, присутствовавшими на соборе, была составлена выписка, доложенная царю и боярской думе[17].

Участники соборного совещания в своих «речах» не ограничились обсуждением выдвинутого правительством вопроса. Они, со своей стороны, предъявили правительству ряд претензий, рассказали о своих нуждах и требованиях, затронули серьезные проблемы социальной жизни и внутренней политики. Акт заседаний земского собора 1642 г. с изложением «речей» присутствовавших на нем представителей разных сословных групп рисует яркую картину состояния русского общества в середине XVII в., обнажая присущие этому обществу социальные противоречия.

По поводу основного вопроса — о принятии Азова и войне с Турцией — ряд представителей отвечал уклончиво: «в том волен государь, как изволит», «в том волен государь и его государевы бояре». Но во многих «сказ-

ках» находим аргументы в пользу Азова. Никита Беклемишев и Тимофей Желябужский замечают, что «с тех мест, как Азов взят, татарской войны не бывало, а государевы городы от них безмятежно в покое и тишине немалое время». Дворяне и дети боярские разных городов предлагают «Азов у донских атаманов и казаков принять и с турским и с крымским царем велеть разрывать...» [18] Другая группа дворян и детей боярских указывает, что Азов защитит Русское государство от Ногайской орды: «...а Нагаи, государь, кочуют ныне на твоей, государеве, земле, от Азова недалече; а за кем будет Азов, тому они и будут служить». То же самое говорили гости и торговые люди; когда Азов принадлежал Турции, «турские, крымские и нагайские татарове ходили войною по вся годы безпрестани, и кровь крестьянскую проливали многую и в полон сводили крестьянского народа много же, а в том Азове тех полоненых людей продавали в свою и в иные во многия земли...» [19]

Много внимания на соборе уделялось вопросу об обеспечении Азова военной силой. Большинство предложений сводилось к тому, чтобы «государь велел быть в Азове тем же донским атаманам и казакам, а к ним бы в прибавку указал государь послать ратных людей из охочих вольных людей.» Говорили, что искать «охочих людей» надо в «украинных городах», потому что «тех городов многие люди преж сего на Дону бывали и им та служба за обычай» [20]. В подобных высказываниях служилых людей и их умолчании о себе П. П. Смирнов усматривает опасения членов собора, что появление на Дону поместной армии повлекло бы за собой «здесь, в сердце вольного Донского войска, борьбу против беглых крестьян» и в результате воевать бы пришлось «не только с турками и татарами, но и с казаками, причем крестьянская война могла превзойти по своему размаху и недавнее «смутное время», и будущие восстания С. Разина и Булавинское движение» [21].

Отводя от себя возможность быть посланными в поход к Азову, группа дворян и детей боярских предложила отправить «для скорого Азовского укрепления» стрельцов и «старого сбора солдат» [22].

В ряде «сказок» проявилось стремление дворянства обезопасить свои крепостнические позиции [23]. Н. Беклемишев и Т. Желябужский специально упомянули, что

среди вербуемых в Азов «охочих людей» не должно быть крепостных и кабальных. Нижегородские и муромские дворяне и дети боярские просят при наборе ратных людей — стрельцов и солдат — не трогать их «крепостных и старинных людишек и крестьянишек» [24].

В предложениях, представленных на соборе, отразились серьезные противоречия между различными группами господствующего класса феодалов. Так, Н. Беклемишев и Т. Желябужский, предлагая поручить сбор «даточных людей» двум-трем выборным из «всяких чинов людей», настаивали, чтобы они производили этот сбор «с больших мест, с монастырей и с пожалованных людей, за которыми поместий и вотчин много...». И тут же в этой «сказке» рисуется картина неравенства в распределении богатств между земельными собственниками и теми, у кого «за окладами много лишния земли», «бедным людям... не стянути» [25].

Особенно острым является выступление нижегородских и муромских дворян и детей боярских. Ведя речь о том, с кого можно было бы требовать ратных людей и денег на военное дело, они прежде всего называют бояр и ближних людей, «пожалованных ...государским жалованьем против их чести» и государевой службы. Затем называются дьяки и подьячие, которые, помимо государева жалованья, разбогатели «многим богатеством и неправедным своим мздоимством», накупили вотчины и построили палаты каменные, «такие, что неудобь сказаемыя». Далее говорится о церковных землевладельцах, о городовых дворянах, которые «писались по московскому списку» и, «будучи в государевых городех у... государевых дел, отяжелели и обогатели большим богатством», о дворцовых людях, которые нажили «великие пожитки», а таковой службы не служат.

Нижегородские и муромские дворяне и дети боярские выдвинули проект: взять со всех категорий землевладельцев росписи, сколько у кого крестьян, и если кто-либо своих крестьян утаит, то «тех утаенных крестьян отписывать на... государя безденежно». Было также предложено: издать государево уложение с указанием, «с скольких крестьянинов служить... государева служба без... денежного жалованья» и, если у кого-либо окажется крестьян «лишних», брать с него деньги в царскую казну [26].

Улучшению государственных финансов, по мысли авторов рассматриваемой «сказки», должны были служить такие мероприятия, как обращение к «казне» церковных иерархов, обложение гостей и торговых людей, призыв на службу тех, кто укрылся от нее по воеводствам и приказам, и т. д.

Это — очень яркое выступление рядового провинциального дворянства против сильных людей, светских и духовных магнатов. Оно написано с подъемом и литературным талантом. «Мысль на письме» служила для беспоместных и мелкопоместных служилых людей орудием борьбы за свое положение, а земский собор являлся ареной социальных столкновений. До 1642 г., пожалуй, ни один земский собор не выступал столь рельефно в такой роли.

Очень близка и по идеям, и по настроению к только что разобранному «письму» «сказка» дворян и детей боярских 23 других городов (мещерян, коломничей, рязанцев и др.). Они предлагают взимать деньги и «всякие запасы» «со всяких чинов людей» не по писцовым книгам, а в зависимости от того, сколько у кого крестьянских дворов. Кто утаит крестьян, у тех крестьян следует отнимать «и отдавать в раздачу безповоротно». Кто владеет более, чем 50 крестьянами, подлежат денежному и натуральному обложению; у кого 50 крестьян «и тот будь готов на твою, государеву, службу без твоего, государева, жалованья». Заканчивается «письмо» жалобным воззванием: «А разорены мы, холопи твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправди от неправедных судов» [27].

Гости и люди гостиной и суконной сотен жаловались, что они «оскудели и обнищали до конца» от «государевых безпрестанных служеб и от пятинныя деньги». Особенно подчеркивали они притеснения воевод, которые мешали проезду торговых людей по городам, задерживая их и чиня им «насильства». Торговые люди вспоминали, что при прежних государях городами ведали губные старосты, воевод в городах не было и посадские люди «судилися сами промеж себя» [28]. Особый предмет жалоб торговых людей — конкуренция иноземных купцов.

Сотские, старосты и все тяглые люди «черных сотен» и слобод также рассказывали о своем «оскудении» и «обнищании» «от великих пожаров, и от пятинных денег,

и от даточных людей, от подвод... и от поворотных денег, и от городового земляного дела, и от... государевых великих податей, и от многих целовальничь служеб...». В «сказке» говорится, что «от тое великия бедности» многие тяглые люди «из сотен и из слобод розбрелися розно и дворишка свои мечут» [29].

Источниковедческий анализ «речей» людей «разных чинов» может уяснить многое и в социальных отношениях, и в социальной психологии. Принципы и методика этого анализа еще недостаточно разработаны. Не всегда можно сказать, в какой мере слезные жалобы порождены реальной действительностью, а скорбный тон является выражением подлинного отчаяния. Кое-что здесь следует отнести к литературному шаблону и установившемуся этикету. Но если устранить все эти искусственные напластования, то за ними раскроется подлинная жизнь с столкновением противоречивых интересов и требований. Такие земские соборы, как собор 1642 г., которые собирали представителей разных сословий и сословных групп, как в фокусе, отражают эти столкновения, и в этом, в частности, значение документов о них как исторического источника.

На земском соборе не было основного производящего класса при феодализме — крестьянства. Поэтому картина расстановки классовых сил по «сказкам» соборных представителей является неполной. Но крепостной крестьянин как главная фигура феодального общества все время незримо присутствует при том обмене «мнениями», который шел на соборе 1642 г., ибо все они исходили из факта признания крепостных отношений в Русском государстве.

В. И. Сергеевич попробовал обработать «мнения», высказанные на соборе 1642 г., статистически. Он прежде всего выделил четыре обсуждавшихся там вопроса: 1) о принятии Азова и войне с турками; 2) о средствах удержания Азова; 3) о способах ведения войны с турками; 4) о денежных средствах для войны. Затем он наметил несколько вариантов ответа на эти вопросы, разбил эти варианты по группам дававших их представителей и, исходя из числа членов собора в каждой группе, получил числовые показатели распределения голосов [30]. Методика Сергеевича, бесспорно, интересна, но приведенная им таблица все же грешит известной искусственностью.

«Мнение» «чина» нельзя считать простым слагаемым мнений его реальных представителей. Кроме того, высказывания «чинов» сложны и по содержанию, и по структуре. Делить их механически по принципу «за» и «против, ни «за», ни «против» вряд ли оправданно. Надо учитывать и наличие «подтекста». Когда владимирские дворяне и дети боярские заявляют: «и мы готовы на его государеву службу, где государь укажет, кому в мочь», и при этом добавляют: «...и бедность нашего города ведома ему, государю, и его государеми боярам»; формально — это отказ от своего суждения, а по существу — отрицательное отношение к предложению о войне [31].

В исторической литературе высказаны разные суждения по поводу значения земского собора 1642 г., его места среди других соборов феодального Русского государства. Уничтожающую критику собора 1642 г. дал Б. Н. Чичерин. «В Азовском соборе,— говорит он,— последнем в царствование Михаила Федоровича, нельзя не видеть упадка соборного устройства. По своей чисто совещательной форме, по разрозненности поданных мнений, он напоминает времена, предшествовавшие междуцарствию; по отсутствии всякой политической мысли, по наивно высказывающимся эгоистическим стремлениям сословий он не делает чести тогдашнему обществу. Грустно смотреть на этот последний памятник нашего древнего земства!» [32]. Если откинуть эмоции и посмотреть на вещи трезво, то согласиться с Чичериным трудно. Это еще не последний памятник сословного представительства, и он не говорит об упадке сословно-представительных учреждений. Конечно, это не собрание времен гражданской войны начала XVII в., не демократическое учреждение, но в век расширяющегося крепостничества прогрессивное значение имела внутриклассовая борьба в лагере феодалов, прогрессивны были выступления плебса, да и в критике дворянами и торговыми людьми правительственного аппарата содержалось много здравого. Нельзя отказывать сословиям в наличии политической мысли, и вряд ли следует противопоставлять ей эгоистические стремления хотя и присущие общественным классам, но не лишающие политического смысла их борьбу. Требования сословий были скорее концентрированы, чем разбросанны, и объединяли определенные сословные группировки.

В. Н. Латкин детально разобрал все соображения Чичерина и доказал их несостоятельность. Но никак нельзя согласиться и с его собственным выводом: «Михаил Федорович был народным царем, управлявшим государством в интересах всех земских чинов, и идти в разрез с народными желаниями было не в его духе» [33]. Собор 1642 г. был сословно-представительным органом, отражавшим классовую структуру Русского государства. Выражая в целом интересы господствующих сословий, собор послужил для дворянства и посадского населения местом и орудием оппозиции правительству по ряду вопросов.

П. П. Смирнов подчеркивает, что в деятельности собора 1642 г. приняли участие городовые дворяне и дети боярские, которые еще летом 1641 г. были созваны правительством на военный смотр в Москве и, воспользовавшись этим событием, тогда же стали добиваться от царской власти удовлетворения своих требований (об отмене урочных лет для сыска беглых крестьян, о защите от «сильных людей» — бояр, о реформе суда и т. д.). Дело дошло в то время до прямого военного мятежа, в Москве «смешение стало великое», служилые люди «с большим шумом» ворвались во дворец и подали там челобитье «о всяких своих нуждах и обидах». При этом «шла мирская молва» о том, что «боярам от земли быть побитым». На собор 1642 г. «была перенесена вся атмосфера» летнего движения 1641 г., и правительство должно было выслушать на нем «суровый приговор над своей политикой и со стороны дворян и детей боярских, и со стороны посадских людей» [34].

От акта 1642 г. не сохранилось конца. Поэтому трудно сказать, чем он завершился, был ли соборный приговор. Может быть, дело обстояло так же, как в 1539 г.: правительство ознакомилось с мнениями сословий и само приняло решение. Но собор 1642 г. сыграл свою роль и в дальнейших мероприятиях по защите границ Русского государства от турецкой агрессии, и в развитии сословного строя России.

---

[1] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 310.

[2] ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 1, 1642 г. Опубликовано в: СГГД, М., 1822, т. III, с. 378—400, № 113; *Готье Ю. В.* Акты, относящиеся к исто-

рии земских соборов. М., 1909, с. 37—60, № 12; ПРП. М.: Госюриздат, 1959, вып. V, с. 568—591.

[3] *Рождественский С. В.* О земском соборе 1642 г.— В кн.: Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому. СПб., 1907, ч. 1, с. 94—103.

[4] ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, д. 1, 1642 г., л. 1—15; *Рождественский С. В.* О земском соборе..., с. 95—96.

[5] *Готье Ю. В.* Акты.., с. 37, № XII. Вводя указанные нормы, правительство, возможно, хотело, опираясь на боярство и столичное дворянство, оградить себя от слишком активного наступления со стороны провинциальных служилых людей.

[6] Там же.

[7] *Рождественский С. В.* О земском соборе..., с. 96—99.

[8] *Заозерский А. И.* К вопросу о составе и значении земских соборов.— ЖМНП, 1909, № 6, с. 332.

[9] Там же, с. 334.

[10] ЦГАДА, ф. 210, Московский стол, д. 173, л. 1—22.

[11] *Готье Ю. В.* Акты.., с. 39—45, № XII.

[12] *Рождественский С. В.* О земском соборе..., с. 101—102.

[13] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947, т. 1, с. 476.

[14] *Готье Ю. В.* Акты..., с. 49.

[15] Там же, с. 39—40.

[16] Там же, с. 46, 47, 49, 50, 53, 56.

[17] Там же, с. 57.

[18] Там же, с. 49, 47, 50.

[19] Там же, с. 55.

[20] Там же, с. 46, 47.

[21] *Смирнов П. П.* Посадские люди, т. 1, с. 480.

[22] *Готье Ю. В.* Акты..., с. 50, 52.

[23] Там же.

[24] Там же, с. 48, 52.

[25] Там же, с. 48.

[26] Там же, с. 52—53.

[27] Там же, с. 54.

[28] Там же, с. 55.

[29] Там же, с. 56—57.

[30] *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910, с. 234—235.

[31] *Готье Ю. В.* Акты..., с. 49.

[32] *Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М., 1866, с. 378.

[33] *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси. СПб., 1885, с. 201.

[34] *Смирнов П. П.* Посадские люди, т. I, с. 476; *Новосельский А. А.* Побеги крестьян и холопов и их сыск.— Труды Ин-та истории (М.), 1926, вып. 1, с. 328; Сношения России с Турцией.— ЧОИДР, 1894, кн. II. Смесь, с. 20.

РОЛЬ ПРОТЕСТАНТОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ПОЛЬШИ С ТРАНСИЛЬВАНИЕЙ В XVII В.

Я. Тазбир

Содержащийся в работе проф. Людвига Базылева «Трансильвания и Польша, 1573—1613» (Варшава, 1967) постулат изучения истории политических отношений между этими государствами в последующий период будет осуществлен, по-видимому, не так уже скоро. Гораздо лучше изучены благодаря последним работам польских венгроведов литературные связи между Польшей и Трансильванией [1], а лучше всего — религиозные отношения, особенно связи между нашими арианами и их венгерскими единоверцами, которые там назывались унитарианами [2]. Эту проблему невозможно изучать в отрыве от политических связей католической Речи Посполитой с преимущественно протестантской Трансильванией, ибо как в дипломатических переговорах, так и в ходе военных столкновений мы то и дело наталкиваемся на польских протестантов. Поэтому можно смело сказать, что как наши кальвинисты, так и ариане сыграли более или менее важную роль в каждом очередном этапе польско-трансильванских отношений XVII в.

Безусловно, принципиальное значение имело здесь религиозное родство; в связи с растущим влиянием контрреформации польские иноверцы все чаще не только искали поддержку в соседних протестантских государствах, но и стремились посадить на трон Речи Посполитой шведского короля или князя Трансильвании. Впрочем, уже в 1627 г. их обвиняли в том, что они благоприятствуют Габору Белтену и Густаву Адольфу и возносят в своих храмах молитвы за благополучие этих правителей [3]. Роль иноверцев в польско-трансильванских контактах могла быть особенно важной еще и потому, что у них издавна имелись в этом княжестве многочисленные и испытанные друзья. Достаточно напомнить о том, что из числа польских ариан уже в конце XVI в. венгерские унитариане выбирали своих министров (духовных) и учителей, а польские кальвинисты бывали частыми гостями в принадле-

жавшей Трансильвании Словакии[4]. Наконец (особенно это относится к Польским братьям), хорошее знание языка, широкие связи и умственные горизонты облегчали им исполнение роли корреспондентов, информаторов и дипломатических агентов.

Вот почему в попытках трансильванских князей занять польский трон еще в начале 40-х годов XVII в. принимали участие польские протестанты. Они выступали в то время и в качестве магнатов, поддерживающих эти попытки, и в качестве дипломатических посредников, участвовавших в проводимых в то время переговорах. Таким образом, уже в 1643 г. посол князя Януша Радзивилла появился при дворе Дьердя I Ракоци[5]. В состоявшихся в то время переговорах посланник главы литовских кальвинистов убеждал князя Трансильвании, чтобы тот после смерти Владислава IV выдвинул собственную кандидатуру (либо одного из своих сыновей) на трон Речи Посполитой. Впрочем, для обеих сторон было очевидным, что трансильванскому кандидату пришлось бы с этой целью принять католичество. Три года спустя Радзивилл лично встретился в Мукаче с Дьердем I Ракоци, пытаясь привлечь его на свою сторону в проектируемой войне с Турцией. Пользуясь случаем: они вновь рассмотрели возможность избрания Жигмонда Ракоци, сына Дьердя I, на польский трон.

В последующие два года шел обмен посольствами, велись переговоры, производились поиски сторонников. Однако, несмотря на то что и в то время и позже трансильванская кандидатура пользовалась поддержкой некоторых католических магнатов и даже епископов (мы вернемся к этому вопросу), все же кажется несомненным, что представители династии Ракоци рассчитывали главным образом на помощь протестантских кругов. Благодаря им же трансильванский двор получал важную информацию, помогавшую ориентироваться во внутренних делах Речи Посполитой. Его политическим информатором был — по крайней мере с 1648 г.— арианский шляхтич Владислав Любенецкий, близкий родственник известного позднее историка и астронома Станислава Любенецкого. Проживая постоянно в Словакии, в имении, принадлежавшем князьям Ракоци и управляемом его старостами, Владислав Любенецкий в то же время арендовал имение по другую сторону границы (в Горлицком повете). Благодаря ши-

роким знакомствам в кругах польской шляхты он мог в 1648—1656 гг. поставлять на трансильванский двор самую актуальную информацию о том, что происходит в Речи Посполитой. Адресатом писем Любенецкого, впрочем неплохо оплачиваемых, был вначале Францишек Бетлен, придворный маршал Дьердя I Ракоци, а затем сам князь (Дьердь Ракоци). Бетлен поддерживал постоянную переписку также с другими единоверцами Любенецкого, а именно: Марцином Рюаром, Янгом Людвиком Волцогеном и Станиславом Любенецким [6]. Все они были видными предводителями польских ариан, довольно хорошо ориентирующимися в вопросах текущей политики.

Несомненно также, что их живо интересовала дипломатическая миссия Бетлена, который в 1648 г. отправился во главе очередного посольства в Польшу. После смерти Владислава IV он намеревался, не щадя денег, привлекать сторонников к проекту возведения Жигмонда Ракоци на польский трон. Трансильванская сторона не только брала на себя обязательство, что новый король перейдет в католичество (и возьмет в жены Людвику Марию, вдову скончавшегося короля), но и обещала приступить к совместным действиям против украинских казаков, восставших под предводительством Богдана Хмельницкого. Несмотря на энергичные попытки Януша Радзивилла и поддержку казацких послов, Бетлену пришлось возвратиться в Трансильванию, не добившись каких-либо результатов.

Тогда Дьердь I Ракоци (в конце августа — начале сентября 1648 г.) отправил в Польшу в качестве своего тайного посла Павла Геча. Ему было поручено, с одной стороны, установить контакты с киевским воеводой Адамом Киселем, а с другой — войти в соглашение с протестантскими кругами. Представители арианской шляхты во главе с влиятельным украинским магнатом Юрием Немиричем [7], который, впрочем, в июне 1649 г. просил Ракоци дать ему убежище в Трансильвании, оказали значительную помощь также и этому послу. Такие ариане, как Самуил Пшипковский, Ян Меженьский и Владислав Любенецкий, имевшие постоянные контакты с Дьердем I Ракоци и Янушем Радзивиллом, тоже играли большую роль в переговорах, которые предводитель литовских кальвинистов вел с трансильванским двором [8]. Именно с помощью Радзивилла официальное посольство князя Ракоци, прибывшее летом 1648 г. на выборный сейм, наме-

ревалось провести кандидатуру Жигмонда Ракоци на польский трон.

Все эти переговоры велись в атмосфере сложной политической игры, в которой каждая сторона стремилась перехитрить противника. Януш Радзивилл и Ракоци оба вели переговоры с Богданом Хмельницким, пытаясь получить его поддержку для кандидатуры трансильванского князя. Этот проект поддерживали также и некоторые католические магнаты, например бельский кастелян Ян Велепольский, находившийся, впрочем, в дружеских отношениях с подгорской арианской шляхтой, и известные своей терпимостью Станислав Любомирский и Иеремия Вишневецкий [9]. Оба они пользовались дипломатическими услугами арианской шляхты. Однако в конечном счете польская корона увенчала голову Яна Казимира, в результате чего Дьердь I Ракоци, обещавший прежде военную помощь против казаков, предложил теперь Хмельницкому совместно выступить против Польши. Впрочем, ни одна из сторон не относилась к этому предложению всерьез, ибо, с одной стороны, Дьердь II Ракоци, вступивший на трон после смерти 11 октября 1648 г. Дьердя I, еще не намеревался в то время начинать войну против Речи Посполитой, а с другой — Хмельницкий заверил Яна Казимира в своей верности и готовности взаимодействовать с ним в борьбе против трансильванского князя.

Эта сложная политическая игра продолжалась и в последующие годы, причем довольно часто в то время выдвигался проект одновременного нападения на Польшу. Предполагалось, что наряду с Хмельницким и Ракоци в нем примет участие Януш Радзивилл, который все более открыто проявлял недовольство властью Яна Казимира. Считая себя главой всех протестантов, он видел возможных союзников как в Швеции, так и в Трансильвании. В свою очередь Дьердь II Ракоци живо интересовался настроениями магнатской оппозиции в Польше, а также в кругах иноверцев; в апреле 1649 г. он писал Хмельницкому, что пытается искать сторонников в обоих этих кругах. Поляки, с которыми он переписывался, во главе с названными уже Любенецкими, поставляли ему ценную информацию по этому вопросу, сообщая князю, что Ян Казимир всеми подозреваем, протестанты прямо ненавидят его. Посредством Габриэля Домарадского, одного из предводителей волынских ариан, Ракоци возобновил связи с

Иеремией Вишневецким, который в то время уже становился главным противником двора. А когда в ноябре 1649 г. в Варшаву в составе посольства прибыл трансильванский магнат Андрей Клобучицкий, он провел переговоры не только с князем Иеремией, но также с Янушем Радзивиллом и другими предводителями польских протестантов. Они сообщили ему о нараставшем в то время в стране недовольстве политикой двора и дали понять, что с удовольствием восприняли бы вмешательство Трансильвании во внутренние дела Речи Посполитой [10].

Однако в дальнейшем Дьердь II Ракоци утратил доверие к шляхетско-магнатской оппозиции, которую оттолкнули его переговоры с Хмельницким и которая начала замечать в трансильванском князе прежде всего потенциального агрессора. В этих обстоятельствах даже Януш Радзивилл взял обратно свое обещание поддержать князя в его попытках получить польский трон для сына Жигмонда. Он обещал стать на их сторону лишь в случае победы объединенных украинско-трансильванских сил. Дьердь II Ракоци начал теперь рассчитывать главным образом на прямое военное нападение, в котором трансильванский удар по Кракову был бы произведен одновременно с нападением войск Хмельницкого с востока. В этих намерениях утвердили его польские протестанты, сообщавшие князю о слабости военных сил и полной дезорганизации страны. Они писали, что будет достаточно даже подростков, а не хорошей армии, чтобы победить мнимую силу, какой была в то время Польша [11]. К нападению на Польшу поощрял также выдающийся педагог и предводитель Чешских братьев Ян Амос Коменский, прибывший в октябре 1650 г. в Шарош Патак. Он стремился привлечь к этой концепции прежде всего Жигмонда Ракоци, обещая ему помощь бога в решительной расправе с антихристом, к которым он причислял папство и Габсбургов. Расправу предполагалось начать с удара по Польше сообща с украинскими казаками с востока и Швецией с севера [12].

Планируя военное нападение извне, Дьердь II Ракоци рассчитывал также на поддержку изнутри; с этой целью он продолжал поддерживать постоянную связь с представителями магнатской оппозиции (Вишневецкий, Радзивилл, Любомирский), а также с арианско-кальвинистскими центрами. Предполагалось, что запроектированный на лето 1650 г. удар даст Жигмонду Ракоци польскую коро-

ну, а Украине — полную независимость. Можно полагать, что в рамках этой совместной украинско-трансильванской акции Александр Костка-Наперский занял также в июне того же года расположенный на границе между Польшей и Трансильванией Чорштын [13]; однако ожидаемая помощь не пришла ни с юга, ни с востока, слабо укрепленный маленький замок был отбит, ибо князь Трансильвании не отважился пойти на Краков, а после разгрома казацких войск под Берестечком он окончательно отказался от этой мысли.

Кстати, Дьердь II Ракоци поспешил поздравить Яна Казимира с одержанной победой... [14] А год спустя, как известно, заключил с ним военный союз против казаков (трансильванские подкрепления приняли участие в неудачной битве под Жванцем). Но в то же время он вовсе не отказался от намерения захватить польский трон, в чем его утверждали постоянные уговоры польских протестантов во главе с князем Янушем Радзивиллом. В марте 1654 г. предводитель литовских кальвинистов выслал через упомянутого уже арианина Владислава Любенецкого специальное письмо, призывавшее Ракоци свергнуть Яна Казимира. В нем говорилось, что многие светские лица (и даже церковные сановники) желают его отречения. Также и разноверцы могут отказать королю в послушании, считая, что присяга их не обязывает. Подговаривая трансильванского князя занять Краков (например, с помощью татарского хана), а также прислать 100 000 дукатов на вербовку войска, он с нажимом ссылался на общее дело всех протестантов [15]. Сообщение об этих предложениях дошло также до Чешских братьев; в середине 1654 г. Коменский, который в то время уже возвратился в Лешно, распространял там информацию, что хан договорился с Ракоци по вопросу совместного нападения на Речь Посполитую, что в тесной договоренности с ним действует много магнатов, особенно разноверцев, стремящихся искоренить католичество на польских землях. Впрочем, из переписки Яна Амоса Коменского следует ясно, что трансильванского князя толкали на решительные действия прежде всего Чешские братья, поддерживавшие постоянные связи, с одной стороны, с ближайшим окружением Ракоци, а с другой — со шведами. Большая часть шведско-трансильванской переписки шла именно через Лешно и Коменского [16].

Однако Дьердь II Ракоци не спешил принимать окончательное решение: как раньше, между Польшей и Хмельницким, так и теперь он лавировал между Речью Посполитой и Швецией, войска которой совершили летом 1655 г. нашествие на Польшу. В условиях тяжелых военных поражений в Польше вновь ожили планы избрать трансильванского князя на польский трон, что, как предполагалось, должно было удержать его от попыток вооруженного нападения на северного соседа. Правда, посол Ракоци Константин Шаум, появившийся в Лешно в сентябре 1655 г., успокаивал Коменского, который не мог дождаться подтверждения тому, что Трансильвания заключила союз с украинскими казаками, а «последствия этого вскоре станут явными» [17]: одновременно князь вел оживленные переговоры с поддерживавшими его католическими магнатами. Находившиеся в расположенном по соседству с Трансильванией Спиже польские сенаторы выдвинули даже проект обращения за помощью к Ракоци, предлагая ему за это признание его сына Франциშека наследником польского престола. Некоторое время этим планам благоприятствовал архиепископ Анджей Лещинский, который даже не требовал от будущего короля перехода в католичество. Кроме Ежи Любомирского, одним из главных столпов протрансильванской группировки был Ян Велепольский, который в определенный момент прямо призывал князя двинуться с войском на Польшу, чтобы в корне пресечь всяческие сомнения и колебания [18]. А информатором (и, по-видимому, политическим советником) Велепольского был многократно уже упоминаемый нами Владислав Любенецкий.

Как следует из дневника, написанного в критические дни октября 1655 г. его родственником Станиславом, именно у Владислава Любенецкого останавливались послы, курсировавшие между польским и трансильванским двором, а также между Карлом Густавом, князем Ракоци и Богданом Хмельницким. Любенецкий давал им нужную информацию, снабжал проводниками (главным образом представителями арианской шляхты), а также рекомендательными письмами, адресованными его единоверцам, рассеянным по всему Подгорью. К нему поступали заявления польской шляхты о присоединении к Карлу Густаву, которые он затем отсылал трансильванскому князю [19]. Однако тот еще некоторое время занимал выжидательную

позицию, обольщая польский двор через своих послов (среди которых мы видим даже некоего Яна Косаковского, по-видимому, протестанта [20]) возможностью оказания Речи Посполитой вооруженной помощи в борьбе против шведов и украинских казаков.

Лишь в ноябре 1656 г. Любенецкий сделал решительный шаг, а именно: подписал со шведами в Рандоте трактат о разделе Речи Посполитой, в котором отдавал Карлу Густаву все ее прибалтийские провинции, бранденбургскому курфюрсту — Великопольшу и королевскую Пруссию, казакам — Украину, а Дьердю II Ракоци — всю остальную часть Речи Посполитой (в том числе Малопольшу с Краковым в качестве столицы будущего королевства), за исключением района в Литве, который должен был прийтись на долю кальвиниста Богуслава Радзивилла [21]. Шведский посол Конрад Якуб Хильтебранд, заключавший этот договор, отмечает в своих воспоминаниях, что переговоры были исключительно трудными, поскольку присутствовавшие при них тайный княжеский советник Любенецкий и некто Грондский проверяли каждое слово, стремясь угодить своему правителю [22]. Первым из вышеназванных был, несомненно, Владислав Любенецкий, дипломатический агент и информатор. Второй — тоже арианин, Самуэль Грондский (написавший впоследствии работу Historia belli cosacco-polonici). Вначале он был сторонником Яна Казимира, а затем — Карла Густава; уже в мае 1656 г. он прибыл в Алба-Юлия (Вайссенбург-Семиград), где без оговорок предложил свои услуги Ракоци [23]. Он принадлежал к тому кругу Польских братьев, которые, как говорится в трансильванской хронике Краузе, подговаривали князя Трансильвании напасть на Польшу, а затем находились постоянно рядом с ним и помогали ему готовиться к этому нападению [24]. Эта их роль была хорошо известна уже современникам, ибо как в католической пропаганде, так и в мимолетной венгерской поэзии отмечалось, что Ракоци ударил по Речи Посполитой, поддавшись (как говорится в манифесте Ежи Любомирского, изданном в мае 1657 г. в Мукаче) уговорам «призывавших его к себе на престол ариан» [25].

Одним из главных глашатаев нападения был Янош Кемень, который во главе нескольких тысяч конников двинулся в начале января 1657 г. в авангарде войск Ракоци. Кеменя сопровождали упомянутый нами Грондзкий

и Косаковский, а также галицкий хорунжий Михаил Станиславский, который прибыл в Трансильванию в качестве посла Любомирского и перешел на сторону врага. Он тоже был протестантом (кальвинистом) и вскоре возглавил специальный полк, образованный из польских диссидентов [26]. Грондзкий же вел переговоры о сдаче Трансильвании Львова (а затем Перемышля), закончившиеся, впрочем, в обоих случаях неудачей. Затем он принимал участие в дальнейшем походе Ракоци через Малопольшу к Бресту и на Мазовше. Свою дипломатическую деятельность он закончил посредничеством в польско-трансильванских переговорах, скрепивших 22 июля 1657 г. фактическую капитуляцию Ракоци [27]. Большие услуги оказал последнему упомянутый уже нами арианский магнат Юрий Немирич. В июне 1657 г. он в письменной форме обратился к командующим обороной Варшавы с призывом сдаться трансильванцам. Письма Немирича в некоторой степени способствовали распространению среди защитников Варшавы капитулянтских настроений; он же подписал 17 июня 1657 г. от имени Ракоци (вторым рядом с Яношем Кеменем) акт принятия капитуляции Варшавы [28].

Немирич играл в некоторой степени роль связного между шведами и трансильванскими войсками; в подобной роли выступали также ариане Стефан и Станислав Пилецкие, отвозившие письма генералу Бюртцу, а также Польские братья, пребывавшие в Кракове под защитой шведов. Въезд в марте 1657 г. на Вавель князя Трансильвании был встречен торжественной речью, в которой Ракоци сравнивали, например, со светом, рассеивающим мрак. Их представители — Станислав Любенецкий и некто Ожеховский — тоже приняли участие в банкете в честь нового правителя Кракова, которого, к слову, сопровождал в качестве секретаря многократно упомянутый нами Владислав Любенецкий.

Таким образом, приход трансильванских войск не ухудшил положения ариан, которые, впрочем (как, например, сделал это Иероним Гратус Москожовский), отправлялись к Ракоци с рекомендательными письмами от шведов. Польские братья встретили в венгерском лагере много единоверцев — унитариан, для которых арианские духовные отправляли специальные богослужения. Все эти связи преувеличивала позже католическая пропаганда,

обвиняя ариан в том, что именно они указали трансильванцам путь на Краков, за что будто бы позже получили от Ракоци высокие должности и имущество, конфискованное у сторонников Яна Казимира [29]. Однако следует подчеркнуть, что полк, набранный из польских диссидентов и жаждущих добычи авантюристов, был первым, который бросил трансильванского князя в тот момент, когда судьба его кампании обернулась для него неудачей [30].

Хорошо помня о пребывании своих соотечественников в рядах противника, поляки добились в переговорах о капитуляции обещания выдать им всех изменников [31]. Некоторым из них удалось получить потом амнистию, что, впрочем, не всегда гарантировало им безопасность в будущем. Это испытал на себе упомянутый выше Михал Станиславский, который после возвращения на родину был убит шляхтичами как изменник [32]. Остальные предпочитали не рисковать: Станислав Любенецкий эмигрировал на север, его родственник Владислав и Грондзкий вернулись в Трансильванию и осели там, а Самуэль получил там должность секретаря князя Михала Апафи (в 1684 г. Грондзкий числился еще в реестрах польской арианской общины в Бетлене, в Семиграде [33]).

Оказанные во время трансильванского нашествия услуги — безусловно, в ущерб Речи Посполитой — уже в скором времени с избытком оплатились общине Польских братьев. Факт, что через своих единоверцев они получили доступ к таким сановникам, как упоминаемый выше Кемень, Бетлены и Апафи, облегчил Польским братьям поселение в этом княжестве. Они были изгнаны из своей страны решением сейма от июня 1658 г. и нашли убежище, в частности, среди венгерских единоверцев, где их церковная община продержалась до 1784 г. Тем не менее с нашествием Ракоци заканчивается, собственно говоря, роль протестантов как посредников в польско-трансильванских политических отношениях, ибо хотя они и несколько оживились во время царствования Яна III Собесского, но все же в качестве послов Трансильвании выступали в то время исключительно венгерские дипломаты, а польская сторона присылала только католиков [34]. Несомненно, это было связано, с одной стороны, с изгнанием ариан, а также со значительным уменьшением численности (и значения) оставшихся в стране протестантов, а с другой, по-видимому, с тем фактом, что бу-

дучи скомпрометированными в политическом отношении в период нашествия Ракоци, они уже не могли играть роль посредников между Речью Посполитой и Трансильванией.

Политическая роль польских протестантов в XVII в., в том числе их отношения с трансильванским государством, вызывает в последнее время среди польских историков горячие споры. В их работах наметились две явно противоположные позиции. Первая из них выражается в суждении, что это была явная акция мирового протестантизма, направленная против Польши. Ее проявлением был как упомянутый выше трактат о разделе Польши, подписанный в Радноте протестантскими правителями, так и деятельность разноверцев в период шведского и трансильванского нашествия, угрожающая кровным интересам Польского государства, даже самому его существованию. По мнению этих исследователей, тот факт, что Польские братья способствовали в значительной степени нашествию Ракоци, который огнем и мечом опустошил и так уже разрушенную войной страну, оправдывает в определенной степени позднейшие преследования этого вероисповедания [35].

По мнению другой группы исследователей (к которым относит себя и автор), тезис о протестантском заговоре нельзя доказать на основании источников. Впрочем, они находились как бы в принудительном положении, ибо контрреформация заставляла их искать помощи извне. Таким образом, образовался как бы порочный круг: поскольку католический лагерь преследовал протестантов, это побуждало их искать соглашения с врагами, что в свою очередь влекло за собой дальнейшие репрессии. В период шведского нашествия также и большинство шляхты вначале выступило на стороне врага, однако лишь по отношению к арианам был применен принцип коллективной ответственности [36]. Спор на эту тему продолжается.

---

[1] Studia z dziejów polsko-węgierskich stosunków literackich i kulturalnych. Wrocław, 1969.

[2] *Tazbir J.* Bracia Polscy w Siedmiogrodzie. 1660—1784. Warszawa, 1964.

[3] *Kossowski A.* Protestantyzm w Lublinie i w Lubelskiem w XVI—XVII w. Lublin, 1933, s. 136, 144.

[4] *Urban W.* Studia z dziejów antytrynitaryzmu na ziemiach czeskich i słowackich w XVI—XVII wieku. Kraków, 1966, s. 84.

[5] *Kersten A.* Na tropach Napierskiego. W kręgu mitów i faktów. Warszawa, 1970, s. 95.
[6] *Tazbir J.* Bracia..., s. 20—21.
[7] *Kersten A.* Na tropach..., s. 97—98; *Kot S.* Ierzy Niemirycz. W 300-lecie ugody hadziackiej. Paryż, 1960, s. 31.
[8] *Chmaj L.* Samuel Przypkowski na tle prądów religijnych XVII wieku. Kraków, 1927, s. 49.
[9] *Zarzycki S.* Stosunek księcia siedmiogrodzkiego Jerzego Rakoczego II do Rzeczypospolitej Polskiej. Od początku wojny szwedzkiej do wyprawy tegoż na Polskę w r. 1657.— Sprawozdanie dyrekcji c. k. wyższego gimnaczjum w Kołomyi za rok szkolny 1889 (Kolomyja), 1889, s. 29, 37.
[10] *Kersten A.* Na tropach..., s. 108.
[11] Ibid., s. 114.
[12] *Kurdybacha L.* Działalność Jana Amosa Komeńskiego w Polsce. Warszawa, 1957, s. 244—245.
[13] Эту же гипотезу выдвигает А. Керстен. Подробнее см.: *Kersten A.* Na tropach..., s. 119, 168—169.
[14] *Zarzycki S.* Stosunek..., s. 12.
[15] *Wasilewski T.* Zdrada Janusza Radziwiłła w 1655 r. i jej wyznaniowe motywy.— Odrodzenie i Reformacja w Polsce, 1973, t. XVIII, s. 129—130.
[16] *Kurdybach L.* Działność..., s. 250—251.
[17] Ibid., s. 263.
[18] *Zarzycki S.* Stosunek..., s. 41; *Czapliński W.* Rola magnaterii i szlachty w pierwszych latach wojny szwedzkiej.— In: Polska w okresie drugiej wojny północnej. 1655—1660. Warszawa, 1957, t. I, s. 171, 191.
[19] Diariusz Stanisława Lubienieckiego (młodszego).— In: Odrodzenie i Reformacja w Polsce. Warszawa, 1960, t. V, s. 203—205.
[20] *Zarzycki S.* Stosunek..., s. 28; *Przybos A.* Samuel Grądzki, ariański dziejopis wojny polsko-siedmiogrodzkiej 1657 r.— Małopolskie Studia Historyczne, 1959, r. 2, z. 2, s. 10, *Boniecki A.* Herbarz polski. Warszawa, 1908, cz. I, t. XII, s. 42—44.
[21] *Zarzycki S.* Stocunek..., s. 53—54.
[22] *Babinger F.* Conrad Jacob Hiltebrandt's Dreifache Schwedische Gesandtschaftreise nach siebenbürgen, der Ukraine und Constantinopel (1656—1658). Leiden, 1937, s. 38, 48.
[23] *Przyboś A.* Samuel Grądzki..., s. 8—9.
[24] *Kraus G.* Siebenbürgische Chronik (1608—1665).— In: Fontes Rerum Austriacarum. Wien, 1862, I Abt., Bd III, S. 241.
[25] *Tazbir J.* Bracia..., s. 23; *Varga I.* Kampania polska Jerzego II Rakoczego w węgierskich zabytkach poetyckich.— Studia z dziejów polsko-węgierskich stosunków, s. 212—219. Влияние на двор семиградского князя фиксировали сами ариане: *Kot S.* Oddziaływanie Braci Polskich w Anglii.— Reformacja w Polsce, 1935—1936, r. VII—VIII, s. 234.
[26] *Zarzycki S.* Stosunek...,— Sprawozdanie dyrekcji... za rok szkolny 1890. Kołomyja, 1890, s. 15.
[27] *Przybós A.* Samuel Grądzki..., s. 10.
[28] *Wegner J.* Warszawa w latach «potopu» szwedzkiego, 1655—1657. Wrocław, 1957, s. 137.
[29] *Tazbir J.* Stanisław Lubieniecki, przywódca ariańskiej emigracji. Warszawa, 1961, s. 121—123.

[30] *Zarzycki S.* Stosunek..., cz. III, s. 63, przyp. 62.
[31] Ibid., s. 48—49.
[32] *Przybós A.* Samuel Grądzki..., s. 11.
[33] *Tazbir J.* Bracia..., s. 25, 47.
[34] Polska służba dyplomatyczna. Warszawa, 1966, s. 300.
[35] Такую точку зрения первым выдвинул В. Чаплиньский: *Czapliński W.* Parę uwag o tolerancji w Polsce w okresie kontrreformacji.— In: O Polsce siedemnastowiecznej. Warszawa, 1966. s. 101; *Wasilewski T.* Zdrada...; *Wójcik Z.* Międzynarodowe położenie Rzeczypospolitej.— In: Polska XVII wieku. Państwo, społeczeństwo, kultura. Warszawa, 1974, s. 54—56. Этот взгляд Войчика шире раскрыт в статье: *Wojcik Z.* W sprawie sytuacji międzynarodowej Rzeczypospolitej w XVII wieku.— Kwartalnik Historyczny, 1972, N 3, s. 633.
[36] *Wisner H.* Dysydenci litewscy wobec wybuchu wojny polsko-szwedzkiej (1655—1660).— Odrodzenie i Reformacja w Polsce, 1970, t. XV; *Tazbir J.* Problemy wyznaniowe.— In: Polska XVII wieku, s. 241—242; *Bardach J.* O roli protestantów polskiech w drugiej połowie XVII i pierwszej XVIII w.— Kwartalnik Historyczny, 1973, N 1, s. 254—255, а также в сообщении С. Творки на съезде польских историков в Люблине: Pamiętnik X Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie, 9—13 września 1969 r. Referaty i dyskusja. Warzsawa, 1971, t. III, s. 418.

ГРУЗИЯ, СТРАНЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

М. Х. Сванидзе

Для изучения взаимоотношений Грузии со странами Причерноморья и Восточной Европы в первой половине XVII в. имеются источники различного характера на европейских и восточных языках.

На основе анализа этих источников и научной литературы в настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы взаимоотношений Грузии с Турцией, украинскими и донскими казаками, Польшей, торговли на Черном море и др.

После завоевания Турцией Крымского ханства (1475 г.) и Трапезундского царства (1461 г.) Черное море фактически превратилось в «турецкое озеро». Однако для утверждения полного господства Турции в этом регионе было необходимо завоевание его восточного побережья. С этой целью турки во времена Баязида II (1481—1512) высадили войска на Таманском полуострове, тем самым создав плацдарм для наступления на Кавказское побережье Черного моря, Северный Кавказ и устье Дона. Они развернули наступление и со стороны Трапезунда, завоевав весь Лазистан, их граница подошла к левому берегу р. Чорохи, близ г. Батуми.

В 1510 г. наследный принц Селим, будучи правителем Трапезундского пашалыка, предпринял поход в Западную Грузию и, разграбив столицу Имерети Кутаиси, вернулся назад. В 50-х годах XVI в. турецкие войска несколько раз вели военные действия на грузинском побережье Черного моря, но безуспешно. По турецко-иранскому мирному договору 1555 г., Западная Грузия отошла к Турции. Во время ирано-турецкой войны 1578—1590 гг. турки захватили причерноморские города Батуми, Поти и Сухуми, однако в результате упорного сопротивления грузинского народа турецкие войска были вытеснены из Западной Грузии.

В первой половине XVII в. царства и княжества Западной Грузии — Имеретия, Одиши (Мегрелия), Гурия и

Абхазия — считались вассальными странами Турции и платили ей дань. Вследствие того, что в источниках имеются разные сведения о количестве взимаемой Турцией дани, не представляется возможным установить ее точную величину. Исходя из сложившейся политической ситуации, турецкое правительство то увеличивало, то сокращало количество податей. Порой дань взималась в два-три года один раз.

Для изучения взаимоотношений Турции с Западной Грузией, в частности с княжеством Мегрелия, ценные сведения сообщает нам итальянский миссионер первой половины XVII в. Арканджело Ламберти, проживший около 30 лет в Мегрелии. По его сведениям, «Дадиани, чтобы сохранить свое княжество, старается поддерживать дружбу с Турцией, не умаляя при этом своего княжеского достоинства. Для поддержки этой дружбы он ежегодно посылает визирям Оттоманской Порты подарки и в каждые два года раз платит султану подать. Таким образом Дадиани добровольно сделался данником султана. Но он держит себя с таким большим авторитетом и достоинством, что никогда не соглашается исполнить приказания, получаемые от султана» [1].

В доказательство А. Ламберти приводит следующий пример: «Прошло несколько лет после того, как султан Мурад, нынешний государь Турции, объявил войну персидскому Шаху — Сефи, подошел к городу Эревани, чтобы им завладеть (1635.— *М. С.*), и прислал сказать Дадиану, что он его данник, а так как Эревань находится вблизи его царства, то Дадиану надлежит прийти со своим войском» [2]. Леван Дадиани на это требование султана ответил, «что никто из его предков не был обязан служить на войне бывшим турецким султанам, и поэтому и на этот раз он не намерен это сделать, и просил его вспомнить, что подати он давал не потому, чтобы этим признавать его настоящее господство, а потому, чтобы султан с войском не входил в его пределы. Но если султан это сделает, то он сейчас же прекратит отдачу подати и легко может защищать княжество своим войском» [3].

А. Ламберти объясняет это тем, что «княжество Дадиана было так сильно укреплено самой природой, что невозможно было бы его покорить. Во всяком случае, султан был убежден, что если даже он решится теперь покорить Мегрелию, то он должен будет употребить столько

войска и понести столько расходов, что завоеванная страна их не окупит. Он также отлично знал положение мегрельцев, которые, конечно, всегда дают понять, что если бы турецкие войска или морем, или сушею подступили к их стране, то они сами сожгли бы свои дома и ушли бы со своим скотом и домашним скарбом в горы, где издевались бы над турками; потом оттуда часто спускались бы и, хорошо знакомые со своей страной, вовлекли бы турок в такую засаду, что это войско их было бы быстро разбито» [4].

Сведения аналогичного характера содержат и другие источники. Пьетро дела Валле в своей «Информации о Грузии папе Урбану VIII» сообщал, что, хотя царь Имеретия, князь Дадиани и князь Гуриели платили дань Турции, они все же не давали разрешения туркам войти в их страну не только для владычества там, но и для прохода войск [5].

По сведениям Российского посланника в Имеретии (1650—1652) Алексея Иевлева, царь Имеретии «турским послам сказал, что он, Александр царь, собранием своим на него турского солтана и на его людей войною не пойдет, и ни к которому бусурманскому царю не приложица, а воли и повеление турского солтана творить и слушать не хочет» [6].

Все это доказывает, что цари и князья Западной Грузии пользовались полной независимостью во внутренних делах страны и в этом вопросе посягательств турок не терпели, а также не участвовали в походах турецких войск и сохраняли определенную независимость во внешнеполитических делах.

О влиянии посла Левана II Дадиани при дворе султана свидетельствуют слова французского путешественника Ж. Таверние, который встречался с ним: «Всякий раз, когда он (посол Дадиани.— *М. С.*) в белой папахе отправлялся с визитом к великому везирю, то вызывал немалое удивление христиан, ибо если бы это себе позволил кто-нибудь другой из христиан, то не избегнул бы принятия ислама или же казни. Этот факт доказывает, как дорожил дружбой с Мегрелией великий сеньер, пытаясь ничем не обидеть его представителя. Ему хорошо известно, что мегрельцы ничего не уступят и по всякому поводу хватаются за меч и кто их оскорбит, тому не сдобровать» [7].

В начале XVII в. украинские и донские казаки настолько укрепились на Черном море, что представляли собой грозную силу, направленную против Турции. Свободно маневрируя по морю, казаки наносили сокрушительные удары по черноморскому побережью Турции и создали угрозу даже столице государства — Константинополю.

Борьба украинских и донских казаков с турецкими завоевателями облегчала положение грузин и помогала им в борьбе за независимость. Все это, а также общность религии (христианство) обусловили сближение этих народов [8]. В источниках сохранились сведения, повествующие о содружестве грузин с украинцами и донскими казаками в борьбе против турок.

Взаимоотношения грузин и запорожских казаков нашли отражение в «Информации» Пьетро дела Валле. По его сведениям, «грузины имеют тесные сношения с запорожскими казаками и что грузины обрели свободу в той степени, что охотно принимают в своей стране польских казаков (так их называет Дела Валле.— *М. С.*), живущих в устье Днепра, ибо они христиане» [9].

Далее Валле повествует, что «один из грузинских правителей (Дадиани или Гуреили.— *М. С.*) отправил посла к казакам, который передал им золотые кресты в подарок и предложил им в военных целях территорию своей страны и союз против Турции. Казаки с удовольствием приняли этот дар и не раз корабли украинских казаков посещали Колхидское побережье и встречали там радушный прием» [10].

Английский посол в Константинополе в 1620—1626 гг. Томас Рой писал: «Еще в начале XVII столетия князья Грузии сносились постоянно с казаками запорожскими, дарили и жаловали их, а те в свою очередь защищали и буксировали торговые суда грузинские, плававшие в Черном море» [11].

И действительно, Черноморское побережье Грузии представляло собой наиболее удобное пристанище для казаков. Кроме того, эти места являлись наилучшей базой для нападения на турецкий флот. Часто казаки здесь получали достоверные сведения о передвижении турецких кораблей.

Но этим не исчерпывалось значение Черноморского побережья Грузии. Здесь казаки хранили трофеи, добытые у турок во время военных схваток.

В заключение Дела Валле сообщал, что действия запорожских казаков направлены против турок и поэтому «правители Гурии и Мегрелии, где они укрываются, не только не преследуют их, но сами помогают им и снабжают продовольствием и деньгами» [12].

О военном содружестве грузин и казаков в источниках сообщается много фактов, заслуживающих внимания. Так, например, в 1647 г. на Черноморском побережье казаки захватили г. Гонио и уничтожили находившийся там турецкий гарнизон. Многочисленное турецкое войско выступило против казаков. Началось сражение. По сведениям Эвлия Челеби, на помощь казакам пришли грузины (из Мегрелии). Именно это событие повлекло за собой поход турецкого войска против Мегрелии [13].

Католический миссионер Лука, который жил в Западной Грузии, сообщает, что в 1629 г. казаки в количестве четырехсот человек вырвались из турецкого плена и нашли приют во владении Левана II Дадиани. Узнав об этом, султан потребовал от Дадиани выдачи казаков. Дадиани ответил отказом, но в конце концов был вынужден частично удовлетворить требование султана и передал туркам 48 казаков [14].

Отлично ориентирующийся в политико-торговых делах этого региона, Пьетро дела Валле справедливо указывал на возможность такого союза и подчеркивал его огромное значение: «Я убедился, что князья грузинские, жившие на земле, отделяющей персианина от Черного моря, все христиане, что поэтому самому дружба казаков с ними не может не быть для них невыгодною, так как с помощью казаков они легче могут противиться туркам, своим соседям... Точно так же уверился я, что по склонности или боязни владетели эти не откажутся соединиться с персиянами, которых не трудно будет заставить силою или добровольно убедить даровать им и казакам свободу путей и торговли, доставить им безопасное убежище, откуда бы казаки легко могли тревожить соседние турецкие земли» [15].

Пьетро дела Валле также был сторонником военного союза между казаками и персиянами, направленного против Турции. В связи с этим он писал: «Я убедился наконец, что самое лучшее средство — взаимный союз шаха персидского с некоторым народом христианским, называемым казаками, которые живут у Черного моря, при

устьях реки Днепра... Потому-то постоянно моею мыслью был союз казаков польских с персиянами...» [16].

Пьетро дела Валле сообщает сведения о том, что запорожские казаки намеревались установить союз с иранским шахом, направленный против Турции. Это сообщили царям-правителям Грузии и с их помощью и поддержкой в Иран отправили казака по имени Стефан, по происхождению поляка, знавшего русский язык. В Иране Стефан встретился с Пьетро дела Валле и поведал ему о цели своей поездки. Шах-Аббас принял посланника казаков с должными почестями [17], однако в этот период шах был заинтересован сохранить мир с Турцией, и поэтому миссия не увенчалась успехом.

После падения Константинополя и покорения Крыма были ликвидированы итальянские торговые фактории (колонии) на Черноморском побережье. Турецкое правительство создало множество преград иностранным торговым судам для плавания в Черном море. При входе в Черное море они должны были поднимать турецкий флаг, вести торговлю с Причерноморскими странами, лишь получив разрешение турецких властей. Итак, в этом регионе была установлена монополия Турции, что вызвало значительное ограничение и спад торговли.

Но торговля на Черном море не прекращалась [18]. Страны Западной Грузии торговали с Турцией, Ираном, Польшей, Украиной и донскими казаками.

Пьетро дела Валле писал, что княжества Дадиани и Гуриели ведут оживленную торговлю шелком и другими товарами с Константинополем и Грецией. По его же сведениям, король Польши состоит в переписке и дружбе с их правителями и часто из одной страны в другую идут торговые суда [19].

По словам Эвлии Челеби, трапезундские купцы торгуют с Азовом, Мегрелией, Абхазией, Черкезией и Крымом [20].

Весьма ценные сведения в этой связи сообщает посланник России в Имеретии (1650—1652) Алексей Иевлев: «А приезжают в Кутаис город торговые люди из турок, из кызылбаш, из Азова, из Тифлиса, из Гуриелей, из Дидьян со всякими товары разные люди, турки, жидовя, кызылбашеня, арменя, азовцы, и привозят бархаты

кызылбашские, и отласы, и камки всякие, и дороги и киндяки, и всякую крашеную и белую парчу. Только в цене русского не дешевле. А продают на тамошние деньги, на золотые, на ефимки, на обасы, на бисти...

Да в Меретии ж и в Дидьянах шелк сырею родитца во всех городах. И промышляют им всякой человек свои собины, сколько кто может. И бывает дешев: купят пуд золотых в шестнадцать или семьнадцать. Из Меретии его пронести через горы пешем людем мошно.

А мед пресной бесчисленно дешев: можно укупить руской пуд в обасу и меньше, а обаса по две гривны. Да у них же много бобра порешные, лисицы жолтой и бурой рыси, оленей, лося, козы, свиней, буйволов.

А дворовой скотины, лошадей, коров, овец, свиней и того скоту у них много ж...

А привозят рыбу с моря: осетр, шип, севрюгу и иную белую рыбу» [21].

В 1634 г. находившийся в Крыму итальянский консул Д'Асколи писал, что на Черноморское побережье Грузии приезжают торговцы из Константинополя, Татарии и других мест Черного моря и привозят разные товары. Купцы же вывозят оттуда отличный мед, прекрасные нитки для выделки полотна, рабов, воск и получают такую прибыль, что затративший 100 реалов выручает 300 [22].

Сведения аналогичного характера имеются у Шардена: в Мегрелию каждый год приплывают до двенадцати парусных судов из Константинополя и Кафы и свыше шестидесяти из Гонио и Трапезунта. Из Мегрелии, помимо рабов, вывозят шелк, льняные нитки, полотно, кожу, дорогие меха и мед. Турки выручают огромные суммы за товар, вывезенный из Мегрелии, продают за четыре экю то, что было куплено за одно [23].

Владетельный князь Мегрелии Леван II Дадиани, будучи одним из наиболее влиятельных и сильных правителей, решил еще более расширить торговлю с европейскими странами. Из записок итальянского миссионера Джузеппе Джудиче Миланского мы узнаем: «Дадиани имел большое желание поселить в своем княжестве купцов, привлечь из дальних стран торговцев и товары... Он поселил в Мегрелии около ста купцов — армян и евреев; посулами и обманом заманил немало турецких купцов на тех же условиях. В прошлом году в разговоре с нашими падрэ Дадиани проявил живой интерес, дабы,

в случае возможности, привести из Константинополя некоторых богатых венецианских купцов, тогда он велел бы продавать им весь мегрельский шелк, а также частично и персидский. Поэтому тем, которые перевозили бы торговый шелк по Черному морю, продавали бы шелк, привезенный в Мегрелию из Ирана и Армении, вдвое дешевле по сравнению со стоимостью шелка, вывезенного из Алеппо.

Итак настоящую выгоду будут иметь те купцы, которые вывезут товар из таможни князя, и франки, которые дешево приобретут товар и по морю доставят его во Францию» [24].

Таким образом, по проекту Левана II Дадиани [25] иранский шелк должны были ввозить в Европу через Грузию и по Черному морю. Иранский шелк, доставляемый этим путем, обошелся бы европейцам гораздо дешевле, чем доставленный из Алеппо. Вместе с тем Дадиани предлагал содействие в покупке и вывозе грузинского шелка в Европу.

С целью реализации этого проекта Дадиани отправил в Константинополь Пьетро Авитабилле, который встретился там с венецианским байло, обещавшим послать в Мегрелию венецианского купца Джеронимо де Томази. Однако из-за конфликта между Венецией и Турцией эти переговоры сорвались [26].

Дадиани вновь направил в Константинополь своего представителя, на этот раз дона Клементе Галано, но и его миссия не имела успеха [27].

В 1643 г. Леван II Дадиани послал в Рим с письмом к папе Джузеппе Джудиче с просьбой прислать в Мегрелию мастеров-ткачей, более подробно же ознакомить папу с планом Дадиани Джудиче должен был устно [28].

На обратном пути Джудиче и сопровождающие его лица остановились в Константинополе. Можно предположить, что здесь они вели переговоры в связи с проектом Дадиани с представителями некоторых европейских государств. По существу, проект Дадиани ущемлял торгово-экономические интересы Турции, так как в случае его реализации иранский шелк, минуя Турцию, ввозился бы в Европу через Грузию и Черное море, что значительно бы сократило таможенный доход Турции, получаемый ею благодаря транзиту иранского шелка. Поэтому турецкое правительство решило сорвать это начинание Дадиани.

Джудиче и его друзей обвинили в шпионаже и арестовали. Джузеппе Джудиче скончался в тюрьме.

Привлекает внимание тот факт, что в Константинополе вместе с Джудиче был арестован и польский доминиканский священник, о чем стало известно польскому послу в Константинополе, сообщившему об этом своему правительству. Вскоре в Константинополь прибыл чрезвычайный посол из Польши. Благодаря его стараниям и вмешательству французского посла, польский священник и другие лица были освобождены [29].

Таким образом, в это дело оказались вовлечены польское правительство и посол Франции, что, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что Польша и Франция поддерживали план Дадиани.

В этот период торговля шелком с Ираном через турецкие владения наталкивалась на трудности, основной из которых была непрекращающаяся война между Турцией и Ираном. Вместе с тем персы стали чинить препятствия европейцам в торговле через турецкие владения. В докладной записке Курменена, поданной канцлеру Дании от 9 июля 1629 г., сказано: «Ныне шах Персии чинит помеху в дозволении на пропуск караванам, направляющимся в Турцию, по той причине, что эта торговля обогащает турок, его врагов» [30].

Аналогичную мысль высказал и другой современник — Кильбургер: «Шах очень неохотно видит, что ежегодно идут карваны в Алеппо через Турцию, еще значительное количество [шелка], которое потом продается из Смирны, Триполя, Александретты и других мест в Италию и Францию ввиду того, что наибольшой его враг — турок — извлекает из этого такую большую пользу и этим увеличивает свою казну, он поэтому тем более и старается отвлечь эту торговлю и всецело направить ее в Россию...» [31]

В этих условиях европейские государства обращались с просьбой к московскому правительству дать права торговле с Персией, но почти всегда безуспешно вследствие того, что русское купечество само желало быть посредником в торговле Востока с Западом.

Пьетро дела Валле, хорошо осведомленный в вопросах торговли между Европой и Востоком, убедительно доказывал, что торговля с Ираном принесет огромную прибыль европейцам, если они будут провозить товар новым тор-

говым путем, минуя Турцию, через Грузию и Черное море. По его словам, с помощью казаков Персия может ввозить в Европу свой товар, минуя территорию Турции. Все шелководческие районы Ирана находятся в относительной близости от Черного моря, поэтому персидский шелк можно кратчайшим путем ввозить в Европу, который гораздо менее опасен, чем путь, пролегающий через Алеппо и Ормуз. По Черному морю шелк можно доставить за 10—20 дней, в то время как по океану нужно затратить 8—10 месяцев, если не больше, по Средиземному морю же — самое меньшее 2—3 месяца (хотя бы до Марселя, относительно ближнего порта), к тому же на этих дальних путях часты бури, разбойничают пираты, а на новом пути (по Черному морю в Польшу) их мало [32].

В этот период между Грузией и Польшей существовали политические и торговые контакты. По сведениям Пьетро дела Валле, «Польский король имеет дружбу и переписку с правителями Западной Грузии, и часто из одной страны в другую отправляются торговые суда» [33].

Анализ источников дает возможность сделать вывод, что Польша была заинтересована в проекте Левана II Дадиани, так как наиболее благоприятный и кратчайший путь для ввоза шелка из Ирана в Польшу пролегал через Грузию и Черное море. В ту эпоху в Европе Польша была одним из самых больших потребителей шелка. По нашему предположению, в 1643 г. в Константинополе велись переговоры по этому вопросу между представителями Левана II Дадиани и Польши, и, как было отмечено выше, это послужило причиной их ареста турецким правительством.

Можно предположить также, что Леван II для урегулирования этого вопроса отправил в Польшу опытного грузинского дипломата Николоза Ирубакидзе-Чолокашвили (известного в Европе как Никифор Ирбах), находившегося при дворе Левана Дадиани в качестве советника и фактически ведавшего иностранными делами. О деятельности Ирубакидзе-Чолокашвили имеются сведения, заслуживающие внимания, у Ж. Дзампи, который в 50—60-х годах XVII в. жил в Мегрелии, был префектом ордена театинов и лично знал Ирубакидзе. По его словам, «он пользуется большим уважением, мегрельские князья часто назначают его то своим министром, то послом, так как он хорошо разбирается в политике и несколько раз

побывал в Иерусалиме, объездил всю Европу, посетил Францию, Англию, Испанию, Польшу, Италию... владеет многими языками» [34].

Не исключено и то, что Николоз Ирубакидзе-Чолокашвили был в Польше по заданию Левана Дадиани и что из Польши он отправился во Францию.

Естественно, что для вывоза из Ирана шелка и другого товара и доставки их в Польшу по новому пути (Грузия — Черное море) требовалось согласие иранского шаха. В связи с этим привлекает внимание факт, что именно в это время короли Польши и Швеции послали к герцогу Гольштейнскому грамоты с предложением «ходить в Персию через Черное море и Грузию» [35]. Польский король также отправил в Персию своего посланника Шенберга с той же целью [36].

В принципе, как было отмечено выше, шах не был против того, чтобы иранский шелк и другие товары ввозили в Европу через Грузию по Черному морю. Это было даже выгодно Ирану, ибо, уменьшая таможенный доход, ущемляло торговые интересы Турции — основного политического соперника Ирана. Следовательно, все стороны были заинтересованы в реализации этого торгового проекта. Однако ему не суждено было претвориться в жизнь в результате решительного вмешательства Турции.

Проект Левана II Дадиани по существу был направлен против торгово-экономических интересов Турции, так как предложенный им путь транзита иранского шелка через Грузию и Черное море лишал Турцию возможности взимать пошлину и самое главное — угрожал безраздельному владычеству турок на Черном море, которое они считали своим «озером».

---

[1] *Lamberti A.* Relatione della Colchide Hoggi della Mingrelia. Naples, 1654; *Ламберти А.* Описание Колхиды. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис), 1913, вып. 43, с. 27.

[2] *Ламберти А.* Описание Колхиды..., с. 28.

[3] Там же. Описывая Мегрелию, Эвлия Челеби отмечает, что мегрельские деревни непокорны, проникнуть в их горы очень трудно. Население около сорока — пятидесяти тысяч — все вооружены. *Evliya Gelebi.* Evliya Gelebi seyahatnamisi. Istanbul, 1314 г. Хиджры) v. 2, p. 97, 98.

[4] *Ламберти А.* с. 28.

[5] *Pietro della Valle.* Informazione della Giorgia data alla Papa Urbano VIII. Roma, 1627; перевод см.: Иверия, 1879, № 3.

[6] Статейный список посольства в Имеретию 1650—1652 гг., составленный Алексеем Иевлевым. Тбилиси, 1969, с. 69.
[7] *Tavernier J.* Nouvel relation de l'interieur du Serial du grand Seigneur. Rouen, 1710, p. 221.
[8] См.: *Цинцадзе Я. З.* Материалы к истории польско-грузинских взаимоотношений XV—XVII вв. Тбилиси, 1966. На груз. яз.; *Он же.* Из истории грузино-украинских взаимоотношений. Тбилиси, 1954; *Родоная С. Э.* Из истории русско-грузинских взаимоотношений в первой половине XVII в. 1961 г. (на груз. яз.); *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой истории Абхазии. Тбилиси, 1953.
[9] *Pietro della Valle.* Information..., p. 8.
[10] Ibidem.
[11] Цит. по: *Алекберли М.* Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI в.— первой половине XVII в. Саратов, 1961.
[12] *Pietro della Valle.* Voyages. Rouen, 1745, v. II, p. 363.
[13] *Evliya G.* Evliya Gelebi..., v. 2, p. 359—362.
[14] *Тамарашвили И. М.* История католичества среди грузин. Тифлис, 1902, с. 125 (на груз. яз.).
[15] *Pietro della Valle.* Voyages, v. II, p. 364.
[16] Ibidem.
[17] Ibid., p. 364—367.
[18] *Kortepeter C. M.* Ottoman imperial Policy and the Economy of the Black Sea Region in the Sixteenth Century.— Journal of the American oriental Society, 1966, v. 86, N 3, p. 86—113; *Inalcik H.* The Ottoman Empire 1300—1600. London, 1973, pp. 129—133.
[19] *Pietro della Valle.* Information..., p. 8.
[20] *Evliya G.* Evliya Gelebi..., v. II, p. 91, 93.
[21] Статейный список посольства в Имеретию 1650—1652 гг., с. 88—89.
[22] Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмадую Дортелли Д'Асколи, префектом Каффы, Татарии и пр. 1634.— Зап. Одесск. о-ва истории и древностей 1902, т. 24, с. 100.
[23] *Chardin J.* Voyages en Perse et autre lieux, v. I, p. 36.
[24] *Дон Джузеппе Джудиче* из Милана. Письма о Грузии. Тбилиси, 1963, с. 55 (на груз. яз.).
[25] Подробно см.: *Антелава И. П.* Из истории внешнеполитических связей одишского княжества в первой половине XVII века.— Сообщения АН ГССР, 1973, т. 69, № 2, с. 500—502.
[26] *Дон Джузеппе Джудиче.* Письма о Грузии, с. 56.
[27] Там же.
[28] *Тамарашвили М.* История католичества..., с. 194.
[29] Там же.
[30] Цит. по кн.: *Жордания Г.* Очерки из истории франко-русских отношений. Тбилиси, 1959, с. 105; *Tongas L.* L'Ambassadeur Louis Deskayes de Cormenin. Paris, 1937, p. 76.
[31] Цит. по кн.: *Зевакин Е. С., Полиевктов М. А.* К истории прикаспийского вопроса. Тбилиси, 1934, с. 6.
[32] *Pietro della Valle.* Voyages, v. II, p. 265.
[33] *Pietro della Valle.* Informatione, p. 8.
[34] *Chardin J.* Voyages en Perse..., p. 26.
[35] *Зевакин Е. С., Полиевктов М. А.* К истории прикаспийского вопроса, с. 2.
[36] Там же.

КАВКАЗ И ПОЛЬША В XVII В.

Б. Барановский

Во внешней политике, а также во внутренней жизни Польши XVII в. весьма важную роль играла турецкая проблема.

В XVII в. границы Речи Посполитой продвинулись далеко на восток. Под контролем Польши находилась почти вся Украина. На юго-востоке тогдашнее Польское государство граничило с Османской империей и зависимым от нее Крымским ханством. Восемь раз вспыхивали польско-турецкие войны, более сорока раз татары нападали на земли, входившие в состав тогдашней Речи Посполитой. В этих условиях Польское государство, которому угрожала Турция, пыталось приобрести для борьбы с ней союзников как среди покоренных народов Балканского полуострова, в Персии, так и на Кавказе. Этим в значительной степени объясняется интерес Польши к Кавказу и его жителям, которые могли стать союзниками в борьбе с Османским государством или Крымским ханством.

Разумеется, говоря о Кавказе XVII в., следует помнить о сложных политических проблемах того района, о турецко-персидском соперничестве, о существовавших там независимых или полунезависимых государственных организмах, а также о не признававших над собой почти никакой власти свободолюбивых горцах. Польская дипломатия не всегда разбиралась в сложных кавказских делах, и этим объясняются ее многочисленные ошибки и неудачи.

Польско-кавказские дипломатические отношения изучались многими советскими учеными (например, Я. З. Цинцадзе[1], Г. З. Зедгинидзе[2] и др.), а также польскими (в прошлое время — А. Мухлиньский[3], С. Залэнский[4], С. Бжезиньский[5], Ц. Хованец[6]. С. Косьдялковский[7], и более современных — Я. Рейхман[8], М. Закшевская-Дубасова[9], Б. Барановский[10] и др.). Однако нет посвященных тому периоду подробных аналитических исследований.

На протяжении XVII в. польская дипломатия проявляла к Кавказу усиленный интерес. В первый раз это имело место в первые годы XVII в. и было связано с усиленной активностью Персии, предприимчивые дипломаты которой обещали, между прочим, помощь разных кавказских народов в будущей антитурецкой коалиции, в которую должна была войти и Польша [11].

Польские власти снова заинтересовались кавказскими делами в двадцатые годы XVII в. В 1620 г. польские войска потерпели поражение в сражении под Цецорой. В Польше ожидался военный поход султана Османа II. В связи с этим начались лихорадочные поиски союзников для предстоящей схватки. Осенью 1620 г. на Кавказ были посланы под видом купцов польские дипломатические агенты Абгарович и Серебкович. Первый из них привез от «черкесских ханов» весьма расплывчатые обещания военной помощи, диверсий на территориях, подчиненных вассалу Турции — Крымскому ханству. Второй будто бы был на территории Грузии, однако возвратился в Варшаву с донесением, что нет никакой надежды на реальную помощь с этой стороны.

Несколько лет спустя, в 1624 г., польские власти снова заинтересовались Кавказом. В то время в Крыму вспыхнула открытая война хана Махмеда III и его политического единомышленника брата Шахин-Гирея с турецкими властями, которые хотели их свергнуть и посадить на крымский престол Джапибега-Гирея. Махмеда и Шахин-Гирея неофициально поддерживали Польша, а также Персия. Посланные в Крым отряды запорожских казаков помогли нанести поражение турецкому экспедиционному корпусу. И тогда Шахин-Гирей начал сколачивать антитурецкую коалицию, в которую должны были войти Польша, Персия и некоторые кавказские государства. Однако сейчас трудно разобраться, сколько в этой акции Шахин-Гирея было реальных расчетов и несерьезных импровизаций. Так, например, посланники польского коронного гетмана Станислава Конецпольского якобы вели в Крыму переговоры с «послом грузинского царя», обещавшего прислать подкрепления в фантастическом количестве ста тысяч человек. Не исключено, что это была организованная Шахин-Гиреем мистификация.

Польские власти, впрочем, относились скептически к такого рода проектам сотрудничества. Этот же довольно

таинственный «грузинский царь» переписывался через Шахин-Гирея с влиятельным польским магнатом князем Кшиштофом Збараским, считавшимся горячим сторонником оказания татарам далеко идущей военной помощи в борьбе против Турции. Упоминания об этой переписке, действительной или мистифицированной, неясны. Столь же неясными представляются переговоры, какие вели в Крыму польские агенты с пребывавшими там черкесскими сановниками, обещавшими огромную военную помощь против Турции. По-видимому, это были черкесские эмигранты, искавшие в Крыму убежища и не представлявшие никакой реальной силы.

В 1628 г. Махмед III и Шахин-Гирей были принуждены османскими властями уйти из Крыма. Пребывая на территории Украины, Шахин-Гирей снова начал энергичную деятельность по созданию новой коалиции с участием татар, персов, кавказцев, казаков и поляков. Но во всей этой деятельности 1628—1629 гг. было, пожалуй, больше шума, чем реальных дипломатических переговоров. Снова какой-то таинственный грузинский настоятель монастыря от имени «главного духовного сановника Грузии» обещал подкрепления в несколько десятков тысяч человек, которые вместе с польскими войсками должны были изгнать из Крыма нового хана Джанибега и поддерживавших его турок. Но и эти, выглядевшие довольно подозрительно, дипломатические переговоры не дали никаких результатов. Несмотря на помощь запорожских казаков, Махмеду III и Шахин-Гирею не удалось вновь воцариться в Крыму [12].

В конце тридцатых годов XVII в. на Кавказе и в Персии пребывал польский агент Шемберг. На обратном пути он был убит на Северном Кавказе горцами [13]. Неизвестно, какими результатами завершилась его миссия.

Следующим периодом повышенного интереса польских властей к Кавказу были 1644—1648 гг. В связи с планами антитурецкой военной акции польского короля Владислава IV велись поиски сторонников как в Персии, так и в Грузии, а также среди горцев Северо-Западного Кавказа. Однако неумело проводимая дипломатическая акция польских властей, плохо разбиравшихся в местных делах, не дала результатов. На основании не всегда комплектных источников трудно разобраться, как именно она проводилась. Вот, например, около 1646 г. был послан, между про-

чим, и на Кавказ в качестве неофициального агента некто Шиманьский, армянин на польской дипломатической службе. Его посольство было связано с планами антитурецкой коалиции. Под видом купца он отправился из Каффы в Крыму на турецком корабле. Однако капитан судна не позволил ему высадиться на кавказском берегу. Таким образом вместо Грузии он попал в Константинополь. Больше посчастливилось польскому военному инженеру Сабастьяну Адерсу, который в то же время, тоже под видом купца ездил по Западному Кавказу, чтобы изучить возможности использования его жителей в войне с Турцией. Нам неизвестно, были ли у него дипломатические задания. Трудно также сказать, вел ли какую-либо деятельность на Кавказе посланный в 1646 г. в Персию польский посол Ежи Илич (или Илинич). Но эта дипломатическая акция не дала почти никаких результатов. Польские власти поняли тогда, что в случае военного конфликта с Турцией они не могут рассчитывать на реальную помощь с этой стороны [14].

Снова интересоваться Кавказом польская дипломатия начала с конца 60-х годов XVII в. Предполагалось, что там можно будет найти союзников против Турции и Крыма. Значительную роль сыграл Богдан Гурджи, или Гурдзицкий, грузин, служивший в польской армии. Его также несколько раз посылали на Кавказ и в Персию в качестве представителя польской дипломатии. В 1668 г. Гурдзицкий был направлен польским послом в Персию и Грузию. Он взял с собой и письма к Вахтангу VI. Вероятно, он успешно справился со своей миссией, ибо его еще несколько раз отправляли в дипломатические миссии подобного рода и длительное время он был польским дипломатическим резидентом в Персии. Этот человек на протяжении почти тридцати лет исполнял неофициальную функцию эксперта польской дипломатии по делам Персии и Кавказа. Этот период польской дипломатической деятельности в Иране и на Кавказе хорошо изучен благодаря ценной работе советского ученого Г. Е. Зедгинидзе [15].

Отдельно следует сказать о неофициальной деятельности католических монахов в качестве польских агентов на Кавказе. Особенно оживленную деятельность они вели в Армении и Северном Азербайджане. На неофициальной польской службе находились не только монахи польского происхождения, но также и итальянские монахи [16].

Наконец, неофициальными польскими агентами часто бывали армянские купцы из Польши, ездившие по торговым делам на Кавказ [17]. К черкесам иногда отправляли в качестве польских агентов и литовских татар. В период национально-освободительного украинского восстания в середине XVII в., когда Хмельницкий пытался использовать военную помощь черкесов, на Северный Кавказ несколько раз посылали польских агентов, литовских татар Минбулатовича и Шухманцева с целью парализовать дипломатическую акцию Киева.

Материалы по дипломатическим отношениям Польши с Кавказом рассеяны по разным архивам. В связи с этим данные вопросы еще недостаточно изучены и требуют специального розыска и отдельных монографических работ.

Довольно многочисленные в XVII в. попытки добиться военного взаимодействия Польши с народами Кавказа не могли дать конкретных результатов. Слишком велико было расстояние между этими странами, довольно долго длились поездки дипломатических послов. А отношения Польши и Турции с кавказскими странами тогда часто претерпевали изменения, и поэтому трудно было осуществить какой-либо совместный план действий. Вот почему многократно возобновляемая дипломатическая деятельность не привела к каким-либо конкретным результатам.

Намного реальнее представлялись торговые отношения между Польшей и кавказскими странами в XVII в. Впрочем, эти вопросы в слишком малой степени учитывались в проводимых до сих пор научных исследованиях. Источники, относящиеся к этим вопросам, рассеяны по разным архивам и дают неполную картину этого довольно сложного вопроса.

Торговый обмен между Кавказом и Польшей захватили в свои руки армяне [18], проживавшие в польских и украинских городах и не допускавшие к этому других купцов. Торговля велась по трем трактам. Важнейший, так называемый молдавский, вел из Львова через Молдавию к черноморским портам. Оттуда турецкими кораблями товары перевозили в порты восточного побережья Черного моря. Второй путь, так называемый крымский, вел из Киева и через земли, населенные черкесами. Третий тракт, самый длинный, использовался редко, только в

периоды польско-турецко-татарских войн. Он вел через Москву, Астрахань и Каспийское море к портам Восточного Кавказа. Все эти пути были очень длинными. Купеческие караваны подвергались угрозе нападения со стороны татар и горцев Северного Кавказа. Но армянские купцы умели обеспечить себе относительную безопасность дарами татарским и турецким сановникам. Из-за огромной стоимости транспорта на этих торговых путях было выгодно перевозить только дорогие и легкие товары. По польским источникам гораздо легче можно выяснить, что привозили из кавказских стран в Польшу, чем то, что вывозили из нее на Кавказ.

В XVII в. польско-кавказские торговые отношения были довольно оживленными. Частично это было связано с распространением в Польше интереса к восточному искусству. В период частых войн с Турцией и татарами в Польше распространилась мода на «трофейные» ковры, оружие, конную упряжь и различные «ориентальные» мелочи, иногда очень дорогие. Разумеется, в ходе военных действий лишь небольшое количество предметов этого рода попадало в руки простых польских воинов. На деле только один раз, после битвы под Веной в 1683 г., значительное количество «трофеев» этого рода попало в руки польской армии и сразу же большая часть их была продана австрийским купцам. Огромное большинство «восточных трофеев» попадало в магнатские дворцы, шляхетские имения и даже в дома богатых польских мещан путем обычного торгового обмена.

Восточные ковры, подушки, оружие, конная упряжь и т. п. привозили главным образом с территории тогдашней Турции, но в то же время значительное количество этих товаров импортировалось с более отдаленных территорий, из Персии и с Кавказа. Для того чтобы определить, какая часть из встречавшихся на территории прежней Польши восточных изделий была импортом с Кавказа, потребовались бы специальные, весьма сложные монографические исследования. Но поверхностные зондажи дают основания предположить, что они составляли около 15—25% всех восточных предметов. На первый взгляд это кажется странным. Почему в Польшу привозили кавказские изделия, если гораздо легче было покупать турецкие? Однако следует помнить о том, что почти весь торговый обмен между давней Польшей и Востоком

находился в XVII в. в руках армян. По разным, иногда трудно объяснимым причинам они предпочитали кавказские изделия, которые, кстати говоря, изготовлялись армянскими ремесленниками, а иногда грузинскими и азербайджанскими.

Изучение импорта восточных изделий в Польшу в XVII в. представляется, несмотря на проведенные уже монографические исследования (например, Тадеуша Маньковского), все еще неудовлетворительным. Однако в общем можно принять, что в импорте кавказских изделий в Польшу первое место занимали ковры, второе — седла и даже полная конная упряжь, третье — холодное оружие, четвертое — дорогая кавказская одежда.

Наконец, следует упомянуть о значительном импорте в Польшу кавказских лошадей. Во второй половине XVII в. распространилась мода на теплокровных восточных лошадей, привозимых с Кавказа. В магнатских табунах можно было в то время увидеть много кавказских лошадей — черкесских, «георгийских» и др. За них уплачивали огромные деньги. Цены на них были гораздо выше цен на турецких и персидских лошадей. Это были в то время самые дорогие лошади, покупаемые польскими магнатами.

Как любопытную деталь можно отметить то, что во второй половине XVII в. в Польшу было привезено с Кавказа некоторое количество буйволов. Эти животные, гораздо более выносливы, чем обыкновенные волы, отлично прижились в польском климате. Их использовали в качестве тягловой силы в сельском хозяйстве, торговом и военном транспорте. Между прочим, делались попытки использовать их как тягловую силу в артиллерии. Некоторые магнаты не только использовали буйволов в своих фольварках, но и пытались приучить к их разведению своих крепостных крестьян. Однако эта идея не имела успеха, крестьяне не хотели изменять своей привычке к волам. Приблизительно можно определить, что во второй половине XVII в. на территорию тогдашнего польского государства было привезено более десяти тысяч буйволов.

Главным предметом польского экспорта на Кавказ был в XVII в. янтарь, вывозимый в необработанном виде, и различные янтарные изделия. Из сохранившихся весьма немногочисленных купеческих счетов следует, что стоимость вывозимого янтаря и янтарных изделий доходила иногда до очень высоких сумм и что этого рода

вывоз приносил армянским купцам, посредничавшим в таких сделках, высокую прибыль. Иногда также через польские земли транзитом на Кавказ вывозили дорогие западноевропейские сукна, тонкие полотна, огнестрельное оружие, металлические изделия и т. д.

По всей вероятности, импорт в Польшу значительно превосходил экспорт. В связи с этим польские армяне вывозили на Кавказ значительное количество польских серебряных монет. Характерны упоминания поляков, которые находились на Кавказе в XIX в., о том, что они часто видели у местного населения польские монеты XVII в., больше всего с изображением Сигизмунта III. Так, например, находившийся на военной службе на Кавказе в середине XIX в., Матеуш Гралевский[19] видел у местных золотильщиков полные посудины польских монет XVII в.; это указывает на то, что польские монеты поступали на Кавказ в большом количестве.

Как отдельную проблему можно рассматривать влияние кавказской моды на польскую моду в XVII в. Это был период, когда у нас имело место специфическое явление, которое искусствоведы называют «ориентализацией» художественного вкуса. Вначале польские историки видели здесь только влияние турецко-татарских народов, с которыми Польша сталкивалась непосредственно. Позже многие авторы стремились показать, что на польское искусство, а особенно на одежду польской шляхты, сильнее всего влияли персидское искусство и мода, которые были гораздо интереснее и глубже и с которыми Польша знакомилась через территорию Армении, а частично также и Грузии. В последнее время наблюдается тенденция обращать большее внимание на влияние в этой области кавказских народов. Специфический ориентализм кавказского искусства, сочетание элементов мусульманского мира и искусства христианского Востока сильно воздействовали на польский художественный вкус в XVII в. Таким образом, столь многочисленные восточные элементы в польском искусстве того периода были, по всей вероятности, частично заимствованы из кавказского искусства. Эти вопросы по сей день еще не выяснены как следует.

Художественное влияние Кавказа более всего заметно в производстве польских декоративных ковров. Распрост-

ранено мнение, что это было армянское влияние. Однако вполне возможно, что на польское художественное производство влияло также и грузинское прикладное искусство. Затем кавказское влияние наблюдается в художественном производстве дорогих польских поясов, которые в XVII и XVIII вв. были важной декоративной частью одежды крупных феодалов. Художественное влияние Армении и Грузии имело место также в польском художественно-ювелирном искусстве, где часто наблюдается сочетание типично восточных элементов с христианской символикой. Влияние такого же рода наблюдается и в художественно-переплетном производстве Польши XVII в.

Сильно было также в XVII в. влияние кавказской моды на польскую. Это бросалось в глаза иностранцам. Западноевропейские путешественники, которые в XVII в., а особенно во второй его половине, бывали в Стамбуле, отмечали в своих описаниях, что одежда польских послов почти ничем не отличалась от грузинской или черкесской. Польский король Ян Собесский одевался обычно в кавказскую одежду. О том, какой была мода в краю черкесов или в Грузии, он узнавал от специальных посланцев. Седла и конная упряжь тоже изготовлялись по черкесской или грузинской моде. И это вопросы по сей день не разработаны в польской науке надлежащим образом[20].

В XVII в. сведения поляков о Кавказе были весьма скудными. Слишком большое расстояние отделяло Польшу от Кавказа, мало было людей, которые добирались до Кавказа по опасным дорогам и собственными глазами могли увидеть те края. Но они входили, несомненно, в круг интересов польского общества. Если бы мы попытались сделать сравнение, какой страной больше интересовались поляки в XVII в.— Грузией или же ближе расположенной Норвегией, Ирландией, то оказалось бы, что интерес к Грузии был гораздо сильнее.

Интересу Польши XVII в. к Кавказу, а особенно к Грузии, в значительной степени способствовала христианская средневековая легенда о далекой христианской стране «первосвященника Яна» (Иоанна). Несомненно, у этой легенды было два источника: сведения о несторианском влиянии в монгольских государствах, а также о христианском государстве в Восточной Африке (Эфиопия). Однако в XVII в. особенно не задумывались над тем, где же расположено это мифическое государство первосвященника

Яна. Ученые географы помещали его в Восточной Африке, но у обыкновенного поляка оно ассоциировалось скорее с Кавказом, где в то время действительно существовали грузинские христианские государства. Среди широких масс населения распространялись хаотические информации о Георгии как стране первосвященника Яна, иногда они приобретали форму путаных сведений о Георгии — стране смелого первосвященника Георгия, который в надлежащее время окажет помощь христианским странам, ведущим войну с мусульманами. Разумеется, изучение этих легенд и отдельных информаций, касающихся реликтов средневековых легенд о стране первосвященника Иоанна в Грузии, требует особых исследований в области исторической этнографии.

В различных учебниках и компендиях по географии, издаваемых в XVII в. на польском языке, приводились сведения о Кавказе, почерпнутые преимущественно из более компетентной итальянской[21] и французской[22] литературы. Немного побочных информаций о Кавказе давал английский дипломат Рико[23] много лет пребывавший в Турции; книга его об Османской империи в переводе на польский язык пользовалась в Польше популярностью.

Польские авторы описаний Турции и дневники дипломатических посольств, посылаемых туда, дают сведения о Кавказе, услышанные преимущественно от армян, выполнявших обязанности переводчиков в польских посольствах. Однако эти сведения, иногда, безусловно, интересные, относились к вопросам второстепенной важности.

Значительно больше сведений о Кавказе, особенно о Грузии, приводит выдающийся польский ориенталист XVII в., заслуженный переводчик польской дипломатической службы второй четверти XVII в. Самуэль Отвиновский. Во время пребывания в Константинополе он встречался там с грузинскими послами, политическими эмигрантами, заложниками. Поэтому, сообщая о Турции, он дает много интересной информации, касавшейся истории и этнографии кавказских стран, а особенно Грузии.

В свою очередь, много сведений, касающихся главным образом городов и замков, расположенных на берегу Черного моря, приводит польский военный инженер Себастьян Адерс, который под видом купца проводил по поручению польских властей в 40-х годах военное распознание на этой территории в связи с планами войны с Турцией,

К несчастью, весьма интересная, неопубликованная рукопись его сообщения погибла в 1944 г. вместе с другими рукописями, сожженными гитлеровскими оккупантами в Варшаве [24].

Можно назвать своего рода парадоксом тот факт, что информации о Кавказе в польской научной, политической и даже религиозной литературе в XVII в., когда политические и торговые отношения были довольно оживленными, имеют меньшую ценность, чем информации от XVI или позднейшего, XVIII в. Впрочем, столь обширная в позднейший период польская литература, касающаяся Кавказа, а особенно превосходные произведения поляков, пребывавших некоторое время на территории Кавказа, например Тадеуша Крусиньского [25] и Михала Вечорковского [26], относятся хронологически уже к XVIII в.

Особым вопросом, который нельзя обойти, говоря о кавказско-польских отношениях в XVII в., является вопрос о кавказских эмигрантах, пребывавших в тот период на землях, входивших в состав тогдашнего Польского государства. Благодаря работам советских и польских историков (например, М. Закшевской-Дубасовой), довольно хорошо известна история армянских колоний в городах, расположенных на украинских и польских землях (например, в Замостье). Но, пожалуй, стоит добавить, что поиски следов армян в польских городах, расположенных дальше на север и на запад, например в Петркув-Трибунальском, показали, что они проникали в торговых целях дальше, чем считалось до сих пор. Однако в исследованиях, посвященных армянским колониям в украинских и польских городах, слишком односторонне уделяется внимание их торговой деятельности, а также довольно сложному самоуправлению армянских общин. Все еще мало исследованы роль армян в польской дипломатической службе XVII в., их культурная роль в жизни польского и украинского общества, влияние на ориентализацию художественного вкуса, пропагандирование кавказской моды и т. д.

Стоит также обратить внимание на довольно широкую в XVII в. военную эмиграцию из кавказских стран. Многочисленные войны, какие вела Речь Посполитая в этом столетии, вызывали постоянную потребность в профессиональных солдатах, а еще более — в офицерских кадрах. В XVII в. на польской военной службе находилось много черкесов и других горцев с Северного Кавказа, которых

обычно тоже называли черкесами, пятигорцами, людьми с Бештау и т. д. Иногда даже целые черкесские отряды нанимались на польскую службу. Их заслуги были велики в борьбе с турками и татарами, и особенно со шведами. О влиянии черкесского военного искусства на польское может говорить то, например, что в литовском войске XVII в. были многочисленны так называемые части пятигорской кавалерии. Имелись также вооруженные, а частично и одетые на черкесский манер отряды, в которых служили главным образом поляки, белорусы, украинцы и литвины.

В XVII в. в польском войске можно было также встретить и грузин. Одни из них служили исключительно в армии, другие использовались и на дипломатической службе. Во второй четверти XVII в. на службе у крупного феодала Станислава Конецпольского находился отряд так называемых георгийцев. Это была личная охрана феодала. Грузины проявили особенно большое мужество в борьбе со шведами в 1626—1629 гг. Они принимали участие и в борьбе с татарами в 1644 г.

Среди грузин, пребывавших на территории Польши в XVII в., особенно выделялся талантливый офицер и дипломат, о котором уже говорилось, но подлинная фамилия которого неизвестна. В Польше он был известен под фамилией Гурджи или Гурдзицкий[27]. Это весьма интересная личность.

Очень злую и, пожалуй, неправдивую характеристику дает этому военному и дипломату голландский путешественник Стрейс[28], встретившийся с ним в столице Персии. Гурдзицкий выкупил Стрейса из персидской неволи, но голландец не проявил по отношению к нему никакой благодарности, а, напротив, приписывал ему всяческие недостатки. В свете польских источников Гурдзицкий выглядит иначе. Вполне возможно, что он был в некоторой степени и авантюристом. Но в то же время это был исключительно одаренный и отважный человек, искусный дипломат, весьма привлекательный в обществе. Надо сказать, что благодаря работе советского ученого Г. Е. Зедгинидзе о нем стало известно довольно много[29].

Богдан Гурдзицкий привлек в Польшу и своего брата, называемого иногда Иваном, а иногда Персидоном, который тоже сыграл определенную роль в польской военной службе, а затем в дипломатической. Он сражался с тур-

ками в ранге полковника под командованием короля Яна Собесского. Сын Богдана Гурдзицкого погиб как польский офицер в борьбе с татарами.

Другим грузином, отличившимся на польской военной службе, был полковник Захариашевич. Особенно он прославился во время шведского нашествия на Польшу в 50-х годах XVII в. За свои заслуги он был наделен большими земельными владениями. Погиб во время борьбы с татарами. Г. Грузинский, грузин по происхождению, был в Польше переводчиком с турецкого языка, которым он овладел в совершенстве во время двенадцатилетнего пребывания в неволе в Константинополе, а затем — будучи офицером кавалерии.

Наконец, особого внимания заслуживает превосходный кавалерийский офицер, проявлявший особенно большую активность в конце 50-х, в 60-е и в начале 80-х годов XVII в., Даниэль Тадеуш Баубонаубег. Определить его национальность довольно трудно, он называл себя то «георгийцем», то армянином, а иногда персом, что, пожалуй, указывало не на национальность, а на территорию, с которой он прибыл в Польшу. Можно предполагать, что в XVII в. на польской службе находилось несколько сот, а может, и более тысячи кавказцев.

Наконец, можно упомянуть о пребывании на территории Польши грузинских духовных лиц. Трудно сказать, действительно ли это были посланцы грузинского духовенства или же авантюристы, бежавшие из грузинских монастырей. В тридцатые годы XVII в. в Польшу прибыли два монаха, говорившие о себе, что они являются посланниками всего грузинского духовенства и просившие денежной помощи, обещая взамен подчинение грузинской церкви власти римского папы. Позже, в семидесятые годы, по польским монастырям разъезжал человек, называвший себя грузинским епископом. Он рассказывал о себе, что ему пришлось бежать из Грузии из-за своей симпатии к католичеству. По всей вероятности, это был все же обыкновенный авантюрист, бежавший из Грузии, где ему, возможно, грозила виселица за разные преступления.

Гораздо реже на Кавказе поселялись поляки. Преимущественно это были католические монахи, ведущие там свою деятельность. Иногда появлялся какой-нибудь авантюрист или беглец из турецкой неволи.

Несмотря на большое расстояние, отделявшее Кавказ от Польши и весьма трудные условия сообщения между этими территориями в XVII в., имели место довольно частые политические, военные, экономические и культурные контакты. Ни для Польши, ни для кавказских государств они не имели решающего значения. Однако они заслуживают внимания.

---

[1] *Цинцадзе Я. З.* Материалы к истории польско-грузинских взаимоотношений XV—XVII вв. Тбилиси, 1966, с. 99.

[2] *Зедгинидзе Г. Э.* Из истории польско-русских дипломатических отношений с Ираном: (Деятельность Богдана Гурджицкого), Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, с. 3—22.

[3] *Muchliński A.* Materiały do dziejów kościoła polskiego z języków wschodnich.— Pamiętnik religijno-moralny, 1861, t. 7, s. 531—553.

[4] *Załęski S.* Jezuici w Polsce. Lwów, 1901—1905, t. 2—4; Misje w Persji w XVII i XVIII wieku pod protektoratem Polski. Kraków, 1882, s. 119.

[5] *Brzeziński S.* Misjonarze i dyplomaci polscy w Persji w XVII i XVIII w. Potulice, 1935.

[6] *Chowaniec C.* Z dziejów polityki Jana III na Bliskim Wschodzie.— Kwartalnik Historyczny, 1926, t. 40, s. 151—160.

[7] *Kościałkowski S.* L'Iran et la Pologne a travers les siècles. Teheran, 1943; Iranoznawstwo i iranologia.— Studia Irańskie, 1944, t. 2, s. 91—139.

[8] *Reychman J.* Kaukaz.— In: Polska i Polacy w cywilizacjach świata. Warszawa, 1939, t. 1; Polacy w górach Kaukazu do końca XIX w.— Wierchy, 1954, t. 23, s. 19—58.

[9] *Zakrzewska-Dubasowa M.* Ormianie zamojscy i ich rola w wymianie handlowej i kulturalnej między Polską a Wschodem. Lublin, 1965, s. 91—140.

[10] *Baranowski B.* Znajomość Wschodu w dawnej Polsce do XVIII wieku. Łódz, 1950, s. 212—214.

[11] *Paszkowski M.* Rozmowa kozaka Zaporoskiego z Perskim Gońcem o sprawach wojennych Pogan z Chrześciany. Kraków, 1617; Relacja Sefera Muratowicza obywatela warszawskiego do Zygmunta III króla polskiego dla sprawowania rzeczy wysłanego do Persji w r. 1602. Warszawa, 1777; *Kraushar A.* Podróż obywatela warszawskiego do Persji w r. 1602.— In: Drobiazgi historyczne. Warszawa, 1891, t. 1; *Szapszał S.* Wyobrażenia świętych muzułmanskich a wpływy ikonograficzne katolickie w Persji i stosunki polsko-perskie za Zygmunta III. Wilno, 1931.

[12] *Baranowski B.* Polska a Tatarszczyzna w latach 1624—1629. Łódz, 1948, s. 23—115; материалы по этим вопросам находились в рукописях Народной библиотеки, сожженых в Варшаве в 1944 г.

[13] *Baranowski B.* Znajomość Wschodu..., s. 209—210.

[14] *Czermak W.* Plany wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895; *Szajnocha K.* Dwa lata dziejów naszych. 1646, 1648. Warszawa, 1900; *Kubala L.* Jerzy Ossoliński. Lwów, 1924; *Baranowski B.* Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632—1648. Łódz, 1949, s. 160—205.

[15] *Зедгинидзе Г. Э.* Из истории..., с. 6—22.
[16] *Reychman J.* Kaukaz, s. 266.
[17] *Baranowski B.* Ormianie w służbie dyplomatycznej Rzeczypospolitej.— Myśl Karaimska, 1946, s. 124—134.
[18] *Barącz S.* Żywoty sławnych Ormian w Polsce. Lwów, 1856; Zarys dziejów ormiańskich. Tiraspol, 1869; *Gromnicki T.* Ormianie w Polsce, ich historia, prawa i przywileje. Warszawa, 1889; *Chowaniec C.* Ormianie w Stanisławowie w XVII i XVIII wieku. Stanisławów, 1928; *Zakrzewska-Dubasowa M.* Ormianie zamojscy..., s. 91—140; *Галустян Д. О.* Культурная жизнь в армянских поселениях Речи Посполитой в XVI—XVII веках. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974, с. 4—23; *Григорян В. Р.* История армянских поселений Подолии, с. 3—92.
[19] *Gralewski M.* Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Opisanie kraju. Ludność. Zwyczaje i obyczaje. Lwów, 1877, s. 319.
[20] *Mańkowski T.* Archiwum lwowskieji katedry ormiańskiej.— Archeion, 1932, t. 10, s. 1—11; Zachód i Wschód w tkactwie polskim XVII w.— Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności, 1932, t. 37, s. 19—21; Sztuka Ormian lwowskich. Kraków, 1934, s. 53—104; Sztuka islamu w Polsce w XVII i XVIII wieku. Kraków, 1935, s. 8—116; Kobierce perskie typu tzw. polskiego.— Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności, 1936, t. 41, s. 160—163; A Review of Polich Publications of Islamic Art.— Ars Islamika, 1936, t. 3; Studia nad pasami polskimi.— Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności, 1937, t. 42, s. 55—56; Wyprawa po koberce do Persji w roku 1601.— Rocznik Orientalistyczny, 1951—1952, t. 17, s. 184—211; Polskie tkaniny i hafty XVI—XVIII wieku. Wrocław, 1954, s. 57—132; Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław, 1959, s. 75—220; *Baranowski B.* Źródła wschodnie do dziejów orientalizacji smaku artystycznego w Polsce XVI—XVII w. Warszawa, 1946, s. 2—6.
[21] *Botero Benesius J.* Relatiae powszechne abo nowiny pospolite. Kraków, 1609; Theatrum świata wszystkiego. Kraków, 1659.
[22] *Febure M.* Zweirchciadło albo opisanie Tureckiej Ziemi. Warszawa, 1688.
[23] Monarchia Turecka opisana przez Ricota sekretarza posła angielskiego u Porty Ottomańskiej. Sluck, 1678.
[24] *Baranowski B.* Znajomość Wschodu..., s. 214.
[25] *Natowski B.* Krusiński Tadeusz.— Polski słownik biograficzny (Wrocław), 1970, t. 15, s. 426—428.
[26] *Sygański J.* Z notatek podróżnych o. Michała Wieczorkowskiego T. J. misjonarza apostolskiego w Persji 1715—1720. Kraków, 1912; *Kowalski T.* O ks. Michała Wieczorkowskiego T. J. misjonarza pierskiego pracach tureckich.— Rocznik Orientalistyczny, 1936, t. 12, s. 1—27.
[27] Reychman J. Grudziecki (Gurdziecki) Bohdan.— Polski słownik biograficzny, 1960 (Wrocław), t. 9, s. 40—41.
[28] *Struys J.* Voyages de... en Moscovie, en Tatarie et en Perse. Amsterdam, 1687, s. 236—258.
[29] *Зедгинидзе Г. Э.* К вопросу о личности Богдана Гурджицкого.— Мацне, 1972, № 1, с. 138—147.

КРЫМСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 40-х — СЕРЕДИНЕ 50-х ГОДОВ XVII В.

Л. В. Заборовский

Политические взаимоотношения Польши и России с Крымом в первой половине XVII в. довольно основательно изучены в историографии[1]. Хуже дело обстоит с исследованием последующих десятилетий этих контактов, в том числе интересующих нас сейчас лет: по данной теме не только отсутствуют специальные монографии, но и в более общих работах ей уделялось недостаточно внимания. В свое время этой проблематикой более других занимался украинский буржуазный историк М. С. Грушевский[2], но хорошо известная тенденциозность его трудов заставляет с осторожностью пользоваться даже приводимым им бесспорно ценным фактическим материалом, к тому же больше посвященным крымско-украинским связям. Из старых польских исследователей надо выделить Л. Кубалю[3], чьи работы и сейчас сохраняют определенное значение. В советской литературе данной проблеме посвящено несколько статей и отдельные части в трудах иной тематики[4]. Историки Польши занимались главным образом анализом польско-крымских взаимоотношений и основывались преимущественно на польском материале[5]. В целом историографические итоги надо признать недостаточными, а новое обращение к теме — назревшим, особенно с использованием богатой источниковедческой базы, отложившейся в ЦГАДА. Последняя дает возможность нарисовать во многих случаях гораздо более полную картину русско-крымских контактов и политики ханства, чем приводимая до сих пор в литературе.

Занимающий нас период в истории «восточного вопроса» не лишен своеобразия. Оно определялось положением Турции: острая внутренняя борьба различных группировок правящей элиты, непрерывные восстания угнетенных народов во всех уголках огромной империи и главное — тяжелая Кандийская война с Венецией заставляли Порту сосредоточиться почти исключительно на средиземномор-

ском театре своей внешней и военной политики. В результате заметно уменьшились и свелись преимущественно к мерам дипломатического порядка возможности ее активного вмешательства в дела Восточной Европы (примерно до 1657—1658 гг.). Поэтому для России и Польши «восточный вопрос» временно сузился, перестал быть проблемой отношений с Османским государством, а лишь, прежде всего, с Крымом [6].

С середины 40-х годов XVII в. важным обстоятельством, характеризующим общность интересов Речи Посполитой и России в связи с крымской угрозой и направление их политики на данном участке, стали польско-русские переговоры об антикрымском союзе. Они входили составной частью в общий план войны с Турцией [7] Владислава IV, предусматривавший создание широкой лиги (Польша, Венеция, Трансильванское и Дунайские княжества) с использованием запорожских казаков и одновременным восстанием на Балканах [8]. Царское правительство желало сохранить нормальные отношения с Портой [9], но не исключало выступления против Крыма. Первоначально речь шла о наступательном альянсе, что позволило бы парализовать татарские силы при ударе по турецким владениям, но в связи с неудачей всей идеи антитурецкой войны дело ограничилось подписанием в конце 1647 г. оборонительного соглашения [10].

Это сближение не ликвидировало основного противоречия двух держав — стремления России вернуть потерянные в «смуту» земли и оказалось кратковременным: с началом восстания на Украине все попытки поляков привлечь русских к совместным действиям против татар и казаков остались безуспешными [11]. Украинское восстание стало одним из важнейших факторов политической жизни Восточной Европы, в том числе и в интересующем нас секторе. В начале 1648 г. было заключено нечто вроде пакта о взаимопомощи между Войском Запорожским и Крымом, сохранявшего силу почти 6 лет [12]. Но союз этот был внутренне противоречив и потому недостаточно прочен. Для Б. Хмельницкого главным было получить татарскую помощь в то время, когда по разным причинам безрезультатными оставались и переговоры с Россией о воссоединении, и попытки побудить к активной антипольской акции другие силы (прежде всего Трансильванское княжество) [13].

Для Крыма альянс с Украиной был важен в экономическом и внутриполитическом смыслах, ибо возможность успешных грабительских походов[14] на соседние земли была одним из главных моментов, позволивших хану Ислам-Гирею обеспечить относительную стабилизацию в стране и единение с верхушкой татарских феодалов, укрепить свой трон и добиться большей независимости от Турции[15]. Внешнеполитический курс ханства определялся двумя факторами: постоянным стремлением бахчисарайских дипломатов сохранить определенное равновесие сил между Польшей и Россией, за счет которого и паразитировало столь архаическое военно-феодальное образование, как Крым, а также их желанием организовать широкую коалицию (в том числе с привлечением Польши), направленную против Московского государства[16]. Эти попытки стали особенно активными после Зборовского договора, в 1649—1651 гг., но не привели к успеху по ряду причин: из-за искусного дипломатического противодействия Б. Хмельницкого; вследствие нежелания польских руководителей войти в такую лигу, ибо они пытались тогда решить украинскую проблему в рамках плана антитурецкой войны, надеялись еще привлечь и русских к совместным операциям против татар и казаков, а переговоры с Бахчисараем использовали в 1650 г. только для срыва московских требований, выдвинутых посольством Г. Г. Пушкина[17].

Русское правительство серьезно считалось с возможностью такого нападения на свои земли, что повлияло на развитие взаимоотношений с Крымом: если с 1646 г. в Москве держались довольно твердой линии, отвергая все татарские претензии (об увеличении размеров посылаемой в Бахчисарай «казны» и др.), то в 1649—1652 гг. пошли на ряд уступок крымским феодалам в интересующих их вопросах[18]. С 1651 г. эти меры стали одним из элементов подготовки к возможной войне с Польшей: на такой случай русские желали обезопасить свой тыл, отвлечь крымцев от враждебных замыслов и добиться их нейтралитета.

Варшавские политики, ориентируясь на военное решение украинского вопроса, не стремились к договоренности с ханством: даже в 1653 г., когда поляки начали считать скорое включение России в конфликт почти неизбеж-

ным[19], они намечали в отношении Крыма лишь дипломатическое (через турок) и военное (калмыки и Персия) давление[20] и не откликнулись на молдавские предложения посредничества (с лета 1653 г.) для достижения соглашения с Ислам-Гиреем[21].

Последнее было вполне реально уже тогда, так как под влиянием известий об интенсификации московско-чигиринских контактов о переходе Украины в русское подданство хан летом — в начале осени 1653 г. не прочь был сменить ориентацию. Но при неурегулированности отношений с Польшей бахчисарайским властям приходилось маневрировать: они оказывали давление на Б. Хмельницкого с целью помешать воссоединению[22], но, с другой стороны, около 7.IX 1653 г. сделали русскому посольству Д. Хомякова и Е. Клочкова предложение о поддержке татарскими силами русского нападения на Польшу[23]; крымцы участвовали в боевых действиях на Украине и примерно в середине ноября 1653 г. старались лишить поляков помощи от Дьердя Ракоци II и Георгия Штефана[24]. Но поведение татар во время Жванецкой операции ясно показало, каковы были их настроения к концу 1653 г.[25]

Накануне и сразу после воссоединения Украины южный сектор политики и особенно ее крымский участок временно приобрели важнейшее значение: именно отсюда можно было ожидать реальной поддержки одной из сторон при польско-русском конфликте. Программа действий русско-украинской дипломатии, действовавшей в тесной кооперации, вырабатывалась на ряде двусторонних обсуждений в сентябре 1653 г.— апреле 1654 г. и сепаратно в соответствующих столицах. В Чигирине первоначально считали маловероятным польско-татарский союз, но даже в случае его осуществления — не слишком опасным при единении царских и украинских войск и мобилизации антикрымских факторов (донские казаки, ногайские татары, калмыки)[26]. Намечалось направить посольства в Крым с предложением общей акции против поляков и в Турцию для воздействия через султана на хана — все это было осуществлено[27]. Одновременно надлежало держать наготове указанные рычаги давления на Крым[28].

В Москве находили польско-крымский альянс реальным, а Жванецкий договор оценили как шаг в этом направлении[29]. Судя по материалам посольства в Крым С. Лодыженского и А. Огаркова (наказ от 19.IX 1653 г.),

на первых порах русские добивались только сохранения мира на южной границе, невмешательства ханства, его нейтрализации в предстоящей войне с Польшей и не планировали никаких политических шагов, направленных на сближение с Ислам-Гиреем [30]. Объяснялось это тем, что тогда еще функционировал крымско-украинский союз, обеспечивая главное, а именно: безопасность с юга, возможность не опасаться удара со стороны Крыма.

Но в феврале 1654 г. курс изменился: чрезвычайное посольство Т. Г. Хотунского и И. Фомина повезло согласие принять помощь татар против поляков (см. выше) и организовать общую боевую акцию. Сравнение предварительного доклада о задачах посольства (24.II) [31] и окончательного наказа ему (от 3.III) [32] показывает, однако, что на деле московские дипломаты не слишком рассчитывали на осуществление этой идеи, считая возможность прочной договоренности с Крымом в условиях воссоединения Украины маловероятной, а хотели лишь помешать возникновению польско-крымского союза или хотя бы задержать его оформление и таким образом выиграть время для мобилизации всех своих армий.

В январе — начале марта 1654 г. сформировалось направление польской политики в южном секторе, в том числе и в крымском вопросе (посольства Н. Бегановского, М. Яскульского, Я. Шумовского, Беневского соответственно в Порту, Крым, Трансильванское и Дунайские княжества): шла речь о получении татарской поддержки против русских и казаков, организации блока названных государств (кроме Турции) и дипломатической поддержке султанским правительством крымско-польской лиги [33].

В апреле — мае 1654 г. в Константинополе прошли переговоры с польской и украинской миссиями. Источники о ходе и результатах обсуждений довольно разноречивы, как и рисуемая в историографии их картина, но комплексное изучение всех материалов показывает, что османские власти, сосредоточившие внимание на подготовке к новой пробе сил в войне с Венецией, фактически не взяли на себя реальных обязательств ни перед одной из сторон и передали решение на усмотрение крымского хана, требуя от него только помешать опустошительным набегам донских казаков на черноморское побережье Турции [34].

В начале февраля 1654 г. в Бахчисарае узнали о Переяславских решениях [35]. Видимо, их оценили там как

вызванный обстоятельствами временный (для украинцев) политический факт. Неурегулированными оставались и польско-крымские отношения. Поэтому в феврале — марте, как показывает ответ первому украинскому посольству, татарские политики придерживались выжидательной линии [36]. Решающие обсуждения начались с апреля, после приезда в Бахчисарай М. Яскульского и вторых русской и казацкой миссий. Судя по заявлениям, сделанным в этом месяце польскому и московским послам [37], крымские руководители не определили еще свой дальнейший курс, а держались скорее выжидающе, ориентируясь пока на своего рода нейтралитет. Одновременно ситуацию обсудили на длительном (10—30.IV), весьма представительном по составу диване, где выявились и разногласия: многие влиятельные деятели убеждали хана сохранить союз с казаками, позволявший почти безнаказанно грабить и Польшу, и Украину, и поддержать Б. Хмельницкого, если от него поступит соответствующая просьба [38]. Но усиление России в связи с воссоединением, нарушая выгодное для Крыма равновесие сил в Восточной Европе, толкало его к сближению с Речью Посполитой.

Решения дивана и направление крымской политики выясняются при анализе практических шагов, предпринятых татарами в конце апреля — мае 1654 г.[39] Их усилия сосредоточились в первую очередь на поисках путей воздействия на Чигирин. М. Яскульскому заявили о согласии заключить договор с Речью Посполитой, но с важными оговорками: имелось в виду предварительно направить к Б. Хмельницкому посла с ультиматумом [40] — либо казаки пойдут на соглашение с королем на базе зборовских условий при гарантии их ханом и разорвут с Москвой, либо польско-татарские армии обрушатся на Украину. Более того, крымский представитель во время переговоров в Чигирине зондировал почву и относительно иного политического решения: казаки остаются нейтральными, не вмешиваются в войну, которая последует против России, а лишь обороняются от поляков [41]. При отклонении этих предложений гетманом становился реальным крымско-польский альянс.

Но и он не был безусловен: в Бахчисарае отвергли выдвинутый М. Яскульским наиболее благоприятный для поляков план операций (вторжение основных татарских сил во главе с ханом в московские пределы и помощь

остальными в отражении русского наступления на Смоленск и в Белоруссии. Этот вариант максимально затруднял действия царских войск, разделяя их) и предложили сосредоточить все усилия на разгроме казаков. Кроме того, поддержка ограничивалась пока посылкой только близко кочевавших от Украины орд [42].

В целом политика Крыма была в мае 1654 г. осторожной, даже выжидательной, так как татары избегали широкого вмешательства в войну одновременно против России и Украины. Общий враждебный им курс крымской политики был ясен уже и тогда [43], но он вовсе не исключал маневрирования тактического свойства.

Это сказалось даже после отклонения Б. Хмельницким ультиматума Крыма (соответствующее сообщение получено в ханской столице между 8 и 16.VI 1654 г.) [44], когда был дан ответ московскому чрезвычайному посольству: отвергалось предложение о совместном нападении на поляков; давалось обещание не вторгаться в русские пределы, взамен чего царским властям предлагалось предупреждать экспедиции донских казаков против Турции и Крыма [45].

В июле в Варшаве шло оформление польско-крымского альянса, был выработан текст соглашения, оставалось лишь подтвердить его в Бахчисарае [46]. Договор этот был и пактом о дружбе, ненападении и взаимопомощи с обязательством поддерживать друг друга против любого неприятеля, и оборонительно-наступательным союзом против России и Украины, имевшим ближайшей целью возвращение последней под власть Речи Посполитой, а более отдаленной — прежний проект совместной войны с Московским государством для его значительного территориального ущемления. Но, хотя политический курс ханства определился, это не исключало дальнейшего маневрирования: уже накануне войны выявилось стремление крымцев избежать прямого столкновения одновременно и с русскими, и с казаками, ограничив для этого свою помощь полякам и отказавшись от разрыва с Москвой.

Смерть Ислам-Гирея (10.VII 1654 г.) задержала наметившуюся тенденцию, так как в порядке дня ненадолго появилась возможность восстановления прежней казацко-татарской лиги [47]. Но уже в октябре 1654 г. новый хан добился сохранения линии, определенной при его предшественнике (решения дивана в Перекопе 15.X, принятые в

новой обстановке, в условиях значительных русских успехов в войне с Польшей) [48]. Московским посланцам подтвердили нежелание пойти на общее выступление против Речи Посполитой и готовность поддерживать мирные отношения с Россией; потребовали от царского правительства недопущения впредь походов донцов, как условия сохранения мира и дружбы (при выполнении его и присылке «упоминков» гарантировалась безопасность для владений царя, в противном случае грозили войной) [49]. Попытка русских представителей распространить крымское обязательство ненападения и на Украину [50] и включить в текст шертной грамоты новую царскую титулатуру, что было важно и в интересах безопасности, и для признания Переяславского акта, не имела успеха [51]. 22.XI 1654 г. Махмед-Гирей подтвердил присягой крымско-польский договор и тем окончательно ввел его в жизнь; 23.XI на соединение с королевскими войсками двинулась первая татарская армия [52].

Таким образом, в данном районе кардинально изменилась расстановка политических сил: был ликвидирован казацко-татарский антипольский союз, его место заняла лига между ханством и Речью Посполитой, нацеленная против России и Украины; последние в свою очередь мобилизовали враждебные Крыму силы — донских казаков и калмыков [53]. Московско-украинской дипломатии не удалось добиться поддержки или хотя бы нейтрализации ханства в войне с Польшей: комплекс отношений, установленный Переяславским актом, и успехи царских армий во второй половине 1654 г. наносили столь мощный удар по основам агрессивной политики крымских феодалов, что достижение названной цели стало невозможным. Тенденции, заметные в политике Бахчисарая еще в конце 40-х — начале 50-х годов XVII в., возобладали, а определяющим эту политику направлением стало антирусское. Во взаимоотношениях с Крымом варшавским руководителям удалось частично решить поставленную задачу, так как бахчисарайские деятели предпочли поэтапный путь достижения своих целей, наметив сначала напасть на Войско Запорожское и лишь в будущем — на русских. Они уклонились от прямой конфронтации с русскими, ограничили масштабы помощи полякам [54] как и поле совместных операций — только Украиной, где не было значительных московских отрядов, и не затрагивали собственно русские

земли. Разрыва между ханством и Россией не последовало, дело свелось к своего рода местной войне.

Союз с Крымом явился единственным и, может быть, важнейшим успехом польской политики [55]. Он сказался (к выгоде поляков) уже летом 1654 г., когда татарская угроза парализовала основные украинские силы и таким образом не позволила осуществить русский план вторжения в Малую Польшу и Литву [56], еще более — в следующем году, особенно в период «потопа». Но с точки зрения польских интересов новый альянс имел и негативные стороны: за него приходилось расплачиваться безнаказанностью татарских грабежей на польских и украинских землях, что вело к дальнейшему всестороннему ослаблению страны. Союз был выгоден только наиболее воинственным кругам польского правящего класса, он затруднял осуществление более умеренных программ и лишал дипломатию страны необходимой гибкости. Отрицательные последствия подобного положения проявились уже в ближайшем будущем да и позже. Расчеты на решение украинской проблемы с помощью татар зимой 1654—1655 гг. привели и к замедлению польско-шведских переговоров [57], и к отклонению нескольких предложений посредничества с Россией и Войском Запорожским (молдавского и трансильванского князей, бранденбургского курфюрста, императора) [58]. Это ухудшило дипломатическую обстановку для Польши и привело к тому, что война со Швецией началась в 1655 г. в наиболее невыгодных для Речи Посполитой условиях, фактически при ее внешнеполитической изоляции.

---

[1] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948; *Baranowski B.* Polska a tatarszczyzna w latach 1624—1629. Łódź, 1948; *Idem.* Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632—1648. Łódź, 1948; *Idem.* Chłop polski w walce z tatarami. Warszawa, 1952; *Majewski R.* Z problematyki walk z tatarami w pierwszej połowie XVII w.— Sobótka. Slaski kwartalnik historyczny, 1975, N 2, s. 231—241.

[2] *Грушевський М.* Історія України — Руси. Київ, 1916, Т. 8, ч. 2; 1922, ч. 3; 1928—1931. Т. 9, 1—2-я половина.

[3] *Kubala L.* Szkice historyczne. Ser. 1, Wyd. 2. Lwów, 1880; Ser. 2. Wyd. 4. Warszawa; Kraków, 1901; *Idem.* Wojna moskiewska, R. 1654—1655.— Szkice historyczne. Ser. 3. Kraków, 1910.

[4] *Голобуцкий В.* Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962; *Лызлов Г. М.* Польско-русские отношения в начальный период освободитель-

ной войны украинского народа (до Зборовского мира).— КСИС, 1958, вып. 24, с. 58—82; *Он же.* Польско-русские отношения в период освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Канд. дис. М., 1959; *Новосельский А. А.* Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков.— Доклады и сообщения Ин-та истории, 1954, вып. 2, с. 14—25; *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв'язки України з Росиею в середині XVII ст. Київ: Наукова думка, 1959; и др.

[5] *Baranowski B.* Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655—1660.— Polska w okresie drugiej wojny polnocnej (Warszawa), 1957, t. 1, s. 453—466; *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita wobec umowy w Perejasławiu.— Kwartalnik Historyczny, 1954, N 3, s. 76—109.

[6] И другими турецкими вассалами (Трансильванское и Дунайские княжества), а также балканскими народами.

[7] В прямой форме либо при предварительном нападении на Крым. как своего рода детонаторе войны.

[8] О литературе вопроса см.: *Заборовский Л. В.* Канун и начало русско-польской войны и позиция государств Юго-Восточной Европы (50-е годы XVII в.).— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 259, прим. 7; *Czapliński W.* Władys aw IV i jego czasy. Warszawa, 1976; *Czermak W.* Plany wojny tureckiej Władysława IV. Kraków, 1895; *Kubala L.* Jerzy Ossoliński. Warszawa, 1924; *Szajnocha K.* Dwa lata dziejów naszych 1646—1648. Lwów, 1869, t. I—II.

[9] Это было важно и с учетом напряженности русско-шведских отношений до заключения Стокгольмского договора 29.X 1649 г. (здесь и далее даты по н. ст.), когда московские дипломаты надеялись использовать Тридцатилетнюю войну для получения уступок от шведов.

[10] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства..., с. 330—331, 364—367.

[11] *Лызлов Г. М.* Польско-русские отношения в период освободительной войны..., с. 77—266, 278—290.

[12] *Голобуцкий В.* Дипломатическая история..., с. 96—97, 103—106, 199—200.

[13] Документи Богдана Хмельницького 1648—1657. Київ, 1961, с. 48—49, 57—58, 64—65, 84—85, 94—95; *Голобуцкий В.* Дипломатическая история..., с. 127—324; *Kersten A.* Na tropach Napierskiego. W kręgu mitów i factów. Warszawa, 1970, s. 95—119.

[14] Экономически, в военном и иных отношениях в них была заинтересована и Порта. Об этом, как и об общих основах политики Крыма, см. замечания И. П. Петрушевского: Учен. зап. ЛГУ, 1952, № 128, вып. 3. История и филология стран Востока, с. 229—236.

[15] ЦГАДА, ф. Сношения с Крымом. Дела (далее: Крымские дела), 1653 г., № 17, л. 109—112; Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. М., 1953, т. II, с. 484—485.

[16] Оборонительные мероприятия русских на южной границе вместе с операциями донцов сделали малодейственными сепаратные нападения татар на Русь даже для одного угона «полона».

[17] *Голобуцкий В.* Дипломатическая история..., с. 216—217, 243—255, 259; *Лызлов Г. М.* Польско-русские отношения в период от Зборовского мира до Земского собора 1651 г.— КСИС, 1959, вып. 27, с. 45—67.

[18] *Лызлов Г. М.* Польско-русские отношения в период освободительной войны..., с. 196—198, 355—357.

[19] Там же, с. 339—342; ЦГАДА, ф. Сношения с Польшей. Книги, № 83, л. 63 об.— 69 об., 331; № 84, л. 39—40, 60, 69—72 об., 74 об., 520—524; Дела (далее — Польские дела), 1653 г., № 1, л. 226—227, 289, 408—410, 583; Документы об освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1965, с. 641, 668—671; *Голобуцкий В.* Дипломатическая история..., с. 327.

[20] Документы..., с. 661—663, 748; Stanisława Temberskiego roczniki 1647—1656. Kraków, 1897, p. 227; *Abrahamowicz Z.* The unrealized legation of Kasper Szymański to the Kalmuks and Persia in 1653.— Folia orientalia (Kraków), 1971, t. XII, p. 2—23. И то и другое не было осуществлено.

[21] Документы..., с. 680—682, 697—698, 717—719; Жерела до історії України — Руси. Львов, 1911, т. XII, с. 248—253, 271, 274—275; Documente privitoare la istoria Ardealului, Moldovei şi Ţării — Româneşti. Bucureşti, 1938, vol. X, p. 268—269, 272—277.

[22] ЦГАДА, ф. Сношения с Крымом. Книги, № 34, л. 180 об.— 182; Крымские дела, 1653 г., № 18, л. 5—7; Воссоединение..., т. III, с. 401.

[23] Крымские дела, 1653 г., № 18, л. 2—3, 7—15. Получено в Москве 12.XI 1653 г.

[24] Жерела..., т. XII, с. 261, 272—274; *Michałowski J.* Księga pamiętnicza.— Kraków, 1864, s. 697—698, 701—702, 713; *Kubala L.* Szkice historyczne. Ser. 2, Wyd. 4, s. 265—266, 278—284.

[25] *Kubala L.* Szkice historyczne. Ser. 2, Wyd. 4, s. 171—284.

[26] Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 131—132; АЮЗР. СПб., 1878, т. X, с. 327, 344, 443—445, 452, 561—564, 571—572, 594; Воссоединение..., т. III, с. 399—400, 470, 476—477, 488; Документи Богдана Хмельницького..., с. 320—325, 331—336.

[27] Воссоединение..., т. III, с. 400, 470, 474, 484, 488. 14.II 1654 г. в Бахчисарай отправилось первое украинское посольство, около 20.IV — второе; в Константинополе казацкие послы появились около 18.IV или 21.IV 1654 г. Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 37—39, 112—113, 126—136; 1654 г., № 3, л. 12—13; АЮЗР, т. X, с. 327, 344, 407—410, 443, 541—544, 562, 586, 588—592; Жерела..., т. XII, с. 305, 313—314; Magyar történelmi emlékek. Okmánytár. Budapest, 1874, (далее: Okmánytár...), 23 köt, 143 l.; *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. IX, 2-я половина, с. 781, 887—889.

[28] 25.III и 21.IV 1654 г. из Москвы направили соответствующие указания донцам. Примерно к апрелю-маю 1654 г. выяснилась беспочвенность расчетов Чигирина на поддержку ногайцев, а сближения с калмыками русским удалось добиться только ближе к исходу года. Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 38—39, 109, 133—136; АИ. СПб., 1842, т. IV, с. 195; АЮЗР, т. X, с. 573—574, 585—588, 591; Воссоединение..., т. III, с. 556; ДАИ. СПб., 1848, т. 3, с. 531—539; РИБ. СПб., 1913, т. XXIX, с. 790—793.

[29] Крымские дела, 1654 г., № 1, л. 1—5; АЮЗР, т. X, с. 49—50, 213—214, 443; Воссоединение..., т. III, с. 379, 385—386, 389—393, 399—401 и др.

[30] Крымские дела, 1653 г., № 16, л. 40—231, 341.

[31] Там же, 1654 г., № 2, л. 26—34.

32 Там же, л. 35—176. Копии грамот, л. 178—228. Проект шертной грамоты, л. 229—248.
33 Там же, 1653 г., № 17, л. 115—116, 127—131, 135—136; 1654 г., № 3, л. 12—13; Жерела..., т. XII, с. 277—278, 280—284; Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. Киев, 1898, т. III, с. 188—191; Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawnej Polski. Dyaryusze, relacye, pamiętniki... zebrane przez A. Grabowskiego. Kraków, 1845, t. I, s. 90—96; Okmánytár..., 133—135 l.; *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. IX, 2-я половина, с. 780—781; *Kubala L.* Wojna moskiewska..., s. 130, 135; *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita..., s. 92—98.
34 Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 137—138; 1654 г., № 3, л. 16—17 и сл.; АЮЗР. СПб., 1875, т. VIII, с. 375—382; т. X, с. 580, 595—596; Документы..., с. 767; Жерела..., т. XII, с. 312—313, 317—318, 321; Erdély és az északkeleti háború. Levelek és okiratok. Budapest, 1890, I köt. 352 l.; Ojczyste spominki..., t. I, s. 96—98; Okmánytár..., 147 l.; *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. IX, 2-я половина, с. 893—895, 921—922; *Demeny L.* Освободительная война украинского народа 1648—1654 годов и Юго-Восточная Европа.— Revue des études sud-est européennes (Bucureşti), 1974, N 4, p. 508—511; *Kubala L.* Wojna moskiewska..., s. 128—135, 377—379; *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita..., s. 95—97.
35 От кочевавших вблизи казаков ногайских мурз. Крымские дела, 1654 г., № 3, л. 16—17; АЮЗР, т. X, с. 271.
36 Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 112—113 (информация от пленных украинцев, служивших в ханском дворце); Документи Богдана Хмельницького..., с. 336—341.
37 Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 115—118; 1654 г., № 3, л. 7—11; Latopiesiec albo kroniczka Joachima Jerlicza. Warszawa, 1853, t. 1, s. 156—166.
38 АЮЗР, т. VIII, с. 377—380.
39 Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 126—138; 1654 г., № 3, л. 12—13 и сл.; АЮЗР, т. X, с. 588—592; Документы..., с. 757—759; *Грушевський М.* Історія України— Руси, т. IX, 2-я половина, с. 891, 897; *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita..., s. 100—101.
40 Отправлен 8.V 1654 г., прибыл в Чигирин, принят гетманом 17.V 1654 г. Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 138—140; 1654 г., № 1, л. 35—36; АЮЗР, т. X, с. 590, 592—597.
41 АЮЗР, т. X, с. 597.
42 Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 133—141; 1654 г., № 1, с. 35—36.
43 Документи Богдана Хмельницького..., с. 359.
44 Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 138—140; 1654 г., № 1, л. 36—38; № 3, л. 42.
45 Там же, 1654 г., № 3, л. 43—44, 47—65.
46 Документы..., с. 759—765; *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita..., s. 101—103.
47 Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 143—144, 171 и др.; 1654 г., № 1, л. 26—40; № 3, л. 82—83, 88—90, 151—153 и др.; АЮЗР, т. X, с. 150; т. XIV, с. 19—28, 31—34, 69—72 и др.; Документи..., с. 377, 381—383 и след.; Жерела..., т. XII, с. 325—330, 335; Памятники..., т. III, с. 205—206, 212—214; *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. IX, 2-я половина, с. 920—922, 938—943, 947—949 и др.; *Kubala L.* Wojna moskiewska..., s. 155—164; *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita..., s. 104—108.

[48] Польские дела, 1654 г., № 9, л. 59—61; Памятники..., т. III, с. 205—206; *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. IX, 2-я половина, с. 956—957; *Kubala L.* Wojna moskiewska..., s. 158.

[49] Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 173—182; 1654 г., № 1, л. 30—32; № 3, л. 100—114, 117, 122—132; № 11, л. 21—40.

[50] К тому времени в Москве ориентировались только на нейтрализацию крымских татар с включением и Украины. Грамота послам от 14.X 1654 г. (Получена в Крыму 3.XII). Крымские дела, 1654, № 1, л. 10—25; № 2, л. 280—287.

[51] Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 45, 156—157, 159—160, 162, 165—168, 170, 183, 188—197; 1654 г., № 1, л. 41—55; № 3, л. 115—117; *Лашков Ф.* Памятники дипломатических отношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891, с. 50—51, 139—140.

[52] Документы..., с. 768—771; *Wójcik Z.* Feudalna Rzeczpospolita..., s. 106—108.

[53] ЦГАДА, ф. Малороссийские дела, оп. 7, 1654 г., № 7, 36; Документи..., с. 392—395; Донские дела, кн. 4, с. 884—889; *Грушевський М.* Історія України — Руси, т. IX, 2-я половина, с. 960—961, 1031; см. также сноску 28.

[54] Подробнее см.: Крымские дела, 1653 г., № 17, л. 153—154.

[55] *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warzawa, 1959, s. 20—23.

[56] *Мальцев А. Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1974, с. 45—47, 56.

[57] *Nowak T.* Geneza agresji szwedzkiej.— Polska w okresie..., t. I, s. 121.

[58] Жерела..., т. XII, с. 334—339; Памятники..., т. III, с. 209—212; Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilchelm von Brandenburg. Berlin, 1872, Bd 6, S. 704; 1877, Bd 7, S. 360; *Hirsch F.* Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenburg und Russland unter dem Großen Kurfürsten. Berlin, 1885, t. 1, S. 6—9; *Kubala L.* Wojna moskiewska..., s. 421—422.

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1667—1672 ГГ. И КРЫМСКО-ТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Г. А. Санин

Промежуток времени между Андрусовским перемирием 1667 г. и вторжением турецко-крымских сил на Украину в 1672 г. открывает новый этап в развитии взаимоотношений стран Восточной Европы и Причерноморья, знаменует не только политическое сближение России и Речи Посполитой (нацеленное на более эффективное противодействие крымско-турецкому натиску), но и появление некоторых новых моментов в наступательной доктрине Порты и Крыма в данном регионе. Разумеется, в предлагаемой статье мы сможем рассмотреть лишь некоторые вопросы очерченного комплекса проблем и прежде всего такого вопроса, как взаимоотношения России и Польши с крымско-турецкой дипломатией в этот период.

Детальное исследование тогдашней политики Речи Посполитой, предпринятое в монографии З. Вуйчика [1], позволяет сосредоточить наше главное внимание на внешнеполитической деятельности России того времени, на русских дипломатических материалах этой эпохи [2].

Всеевропейская значимость начавшегося сближения между Россией и Речью Посполитой во многом определялась уже в самом исходном его моменте — в Андрусовском договоре 1667 г. Этот договор по своей политической роли стоял в одном ряду с другими международными соглашениями в Европе 60-х годов XVII в., фиксируя вместе с ними создание новой расстановки сил на Европейском континенте [3].

Андрусовский договор действительно определил место России и Речи Посполитой в сложившейся тогда системе блоков европейских государств. Он оказывал непосредственное воздействие на ход борьбы за польский престол, в котором участвовали, как известно, претенденты от Франции, Австрии, отчасти России. Договор был нацелен на сдерживание турецко-крымской агрессии в Европе силами Польши и России и тем самым создавал благопри-

ятные условия для активизации борьбы Габсбургов против Франции [4].

В связи со всем этим представляется интересным выявить главные тенденции развития взаимоотношений России и Речи Посполитой с крымско-турецкой дипломатией в рассматриваемые годы.

В литературе совершенно правильно отмечалось, что заключение Андрусовского договора должно было привести и привело к военным столкновениям с южными соседями [5]. Основное внимание в связи с этим при разборе договора уделялось его антитурецкому содержанию. Действительно, договор предусматривал, хотя и в общих чертах, совместные действия русских и польско-литовских войск против наступательной политики Порты и Крыма в Восточной Европе.

Но в Андрусовском соглашении намечался и другой путь решения спорных вопросов — путь переговоров. Нельзя сказать, что в историографии, особенно в работах З. Вуйчика, не уделялось внимания перспективе мирного преодоления споров с Портой и Крымом. Однако об этом говорилось попутно и, кроме того, без попыток сопоставить между собой два пути решения проблемы: путь мирных переговоров и путь военных действий. Между тем это приводило к недооценке стремления правительств Речи Посполитой и России разрешить противоречия мирным путем.

Для более четкого представления о соотношении двух путей развития взаимоотношений с Турцией и Крымом необходимо иметь в виду 18-ю и 19-ю статьи Андрусовского договора, посвященные этому вопросу [6].

Из текста статьи 18 явствует, что во взаимоотношениях с Крымом явное предпочтение отдавалось мирному пути, что военные действия предполагалось открыть лишь в случае неудачи переговоров. Более того, само развитие мирных отношений предполагалось либо как простое согласие на признание Андрусовского договора, для чего и направлялись послы с извещением о мире и призывами прекратить набеги, либо как более высокая ступень — привлечение хана к участию в Андрусовском договоре в качестве третьей стороны («хан крымской... хотел третьим быть...»). Как явствует из статьи 19 договора, во взаимоотношениях с Турцией мирный способ разрешения противоречий тоже выдвигался на первое ме-

сто и только лишь в этом случае, если султан начнет военные действия, надлежало противоборствовать ему и хану общими силами»[7].

Попытаемся проследить, как развивались в 1667—1672 гг. взаимоотношения с Портой и Крымом по основным трем направлениям, отчетливо намеченным Андрусовским договором: 1) поддержание мирных отношений, 2) привлечение Крыма к участию в Андрусовском договоре, 3) оборонительный союз в случае нападения Оттоманской Порты или Крымского ханства.

С целью получить признание султаном Андрусовского договора в Порту были направлены со стороны России А. И. Нестеров, со стороны Речи Посполитой И. Радзиевский. Несмотря на общие цели и общее генеральное направление, которого придерживались и Россия, и Речь Посполитая в крымско-турецкой политике после Андрусовского перемирия, уже в первых шагах, направленных на исполнение принятых решений, прослеживается заметное различие. Если в царской грамоте, посланной с Нестеровым, вопрос о признании Портой Андрусовского договора не только занимает главное место, но и излагается сразу после царского и султанского титула[8], то в королевском листе султану о договоре упомянуто вскользь, в самом конце, после изложения позиции правительства Речи Посполитой относительно борьбы с гетманом Правобережной Украины Дорошенко и протеста против помощи ему со стороны крымского хана относительно политики валашского господаря. Кроме того, перед Радзиевским стояла и другая цель — заручиться поддержкой султана в утверждении на польском троне французского претендента[9].

Проанализировав корреспонденцию французского и польского послов в Адрианополе, З. Вуйчик делает вывод, что они вместе должны были «доказать Порте, что кандидатуры австрийского или русского претендента были бы грозными для Оттоманской Порты»[10]. О том, что Радзиевский должен был добиваться помощи султана в выборе на трон принца Конде, сообщали и русские дипломаты, направленные в Вену,— Желябужский и Кузовлев. Желябужскому говорили при императорском дворе: «Верен тот посол королеве и выбрала она его в послы для того, всячески б того достигнуть, чтоб на Польшу Кендеуша королем посадить»[11].

Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что в Речи Посполитой недооценивали важности признания султаном Андрусовского договора, недопонимали опасности, угрожавшей с юга; по-видимому, в данном случае скорее можно говорить о сосуществовании двух линий во внешней политике Речи Посполитой.

Трудно судить, правда, какая политическая линия, какая задача была для польско-литовской дипломатии более важной и первоочередной: выборы нового царя (иными словами, решение вопроса об ориентации всей внутренней и внешней политики) или противодействие военно-политической активности Порты и Крыма. Скорее всего, эти две задачи внутренне были связаны между собой.

Поддержка Турцией кандидатуры французского претендента хотя и осложняла переговоры Радзиевского у султана, создавая для польского дипломата дополнительные трудности, тем не менее эти переговоры со стороной Речи Посполитой были подчинены плану мирного урегулирования конфликта. Вопрос о признании Портой Андрусовского договора таким образом занимал заметное место в тогдашних дипломатических акциях Радзиевского [12].

Эту же мысль подтверждают и русские послы в Адрианополе, наказ которым прямо предусматривал поддерживать самые тесные контакты с дипломатами Речи Посполитой: «Проведать про все подлинно, а что проведают, держать в тайне. А наипаче проведывать у польского резидента и с ним держать союз, и подарок ему учинить, что доведетца для того, что обоим государством то всякое ведомство надобно» [13]. В Москве целью посольства Радзиевского считали признание султаном Андрусовского договора. Нестеров должен был «проведывать всякими мерами... посланник Родиевский князем от польского короля послан был со объявлением нынешнего перемирия и как принят, и посольство его в какой мере почтено и с чем отпущен» [14].

В грамоте, посланной вдогонку Нестерову 12 сентября 1667 г., раскрывалась цель совместных усилий: «И даст бог, когда будешь в Царьграде, и чтоб вам с польским и литовским послы всякими промыслы ссылатца и неразорванной союз во всех краях был ведом» [15].

Русские послы прибыли в Оттоманскую Порту уже после смерти Радзиевского и выезда его посольства на родину. Они поставили своей целью как можно подробнее

узнать о результатах его деятельности. Все сведения, собранные русскими послами, касаются лишь переговоров Радзиевского по поводу признания Портой условий перемирия России и Речи Посполитой. Филиппопольский митрополит Гавриил и адрианопольский митрополит Неофит сообщали Нестерову: «И визирев де наместник каймакам Мустафа-паша по салтанову указу польского короля послу в том во всем отказал, и говорил де послу, чтоб польской король с великим государем мирной договор разорвал и войну бы начал. И польской де посол в ответ говорил, что польскому королю с великим государем мирного договору нарушить не уметь. И волею божию того польского посла Геронима Радиевского в Андрияно-поле не стало, и товарыщ его со всеми польскими людьми от салтана к польскому королю отпущен без дела» [16].

Нестерову предписывалось добиваться признания султаном Андрусовского договора довольно решительными мерами. «И чтоб вы, брат наш, великий государь, ваше салтаново величество, ведая про тот учиненный святой покой, прежнее свое братство, приятство подтвердив, хану крымскому приказал, чтоб он в соседстве с обоими великими государи спокойно пребывал и до войны никакова случая не давал... Чего противясь и наши общие, яко мирные силы, смешався, с ордою на юрты разорением не поступили, чего мы никогда не хотим и подданных наших от зачинания войны сдерживаем» [17].

Между тем, позиция Турции относительно Андрусовского договора была откровенно негативной: Радзиевскому и Нестерову не удалось тогда добиться признания этого договора Портой. Дело ограничилось лишь подтверждением прежних, формально мирных отношений, хотя существо этих отношений изменилось к худшему: русский посол не только не был выслушан султаном, но и был информирован о том, что Польша будто бы становится инструментом крымско-турецкой политики (польский король был даже назван «холопом» турецкого султана) [18].

Но, потерпев неудачу летом 1667 г., Россия не прекращала попыток добиться своей цели. В декабре 1667 г. в Москве происходили важные переговоры русского правительства с польскими послами, во время которых были сделаны важнейшие шаги в направлении углубления военно-политического сотрудничества России и Речи Посполитой.

Однако, форсируя создание польско-русского союза, направленного на сдерживание крымско-турецкого натиска, Нащокин в то же время добивался у польских панов согласия на «присоединение» хана и султана к Андрусовскому договору [19]. Но все усилия Нащокина в этой области не привели к сколько-нибудь значительным результатам. Польские дипломаты теперь решительно отказывались сотрудничать с Крымом (предпринятая летом 1667 г. гетманом Дорошенко и крымским ханом военная кампания на Правобережной Украине сыграла свою роль). Возражала против плана Нащокина и сама крымско-турецкая дипломатия. Русский посол Ладыженский даже не смог доехать до Крыма (он, как известно, был убит на пути следования в Бахчисарай), а посол Ушаков во время переговоров с крымцами столкнулся с явно негативным их отношением к проекту Нащокина [20].

После того как Нащокину не удалось превратить московские переговоры 1667 г. в трехсторонние, в Посольском приказе решено было сделать трехсторонними встречи под Черкасском, проводимые Б. Ушаковым. В марте 1668 г. была направлена грамота в Варшаву, предлагавшая принять участие в проходящих русско-крымских переговорах. Варшава в это время была занята предстоящими выборами нового короля, и правительство задержало ответ. Лишь 4 мая была составлена ответная грамота, в которой король предлагал провести трехсторонние встречи не под Черкасском, а в Киеве [21].

В отличие от Варшавы в Москве имели больше возможности уделить самое серьезное внимание тройственному соглашению. Ответ короля был получен 11 мая, и уже на другой день в Варшаву была направлена ответная грамота с согласием вести переговоры в Киеве и с уведомлением, что к месту переговоров выслан царский представитель — В. М. Тяпкин [22]. Столь быстрый ответ дает лишнее свидетельство в заинтересованности России в мирном пути разрешения противоречий с Крымом.

Через несколько дней, 28 мая была составлена соответствующая грамота Б. Ушакову о прекращении переговоров под Черкасском и о трехсторонних съездах под Киевом [23]. 14 июля эта грамота была получена Ушаковым, а 24 июля крымский мурза отправился в Бахчисарай с новым предложением русского правительства [24]. Вопрос о переговорах под Киевом рассмотрен в диссер-

тации Т. Н. Копреевой [25], но на одной особенности этих намечающихся переговоров целесообразно остановиться подробнее.

Почему предполагаемые переговоры намеревались провести в Киеве или неподалеку от него? Для Речи Посполитой это понятно — 15 апреля 1669 г. город должен был перейти к ней согласно Андрусовскому договору. Партия противников Нащокина настраивала царя против организации съезда в Киеве. Под их влиянием были отправлены Нащокину, ожидавшему в это время в Курляндии послов от Швеции и Польши, вопросные пункты:

«Может ли в Киеве съезд быть по тому:

1. Не допустить польских послов в город нельзя, а пустить — потерять город. Поляки безлюдны не пойдут, а выбивать их трудно. А за городом быть и стоять непристойно.

2. Черкассы не допустят с татары...» [26]

Против перспективы передачи Киева выступила не только основная масса населения Поднепровья, но и видные общественные деятели того времени — Гизель, Тукальский, Баранович. Твердую позицию не отдавать Киев занял на московских переговорах 1667 г. и сам Нащокин, этого же он намерен был придерживаться и на переговорах в Курляндии.

Соглашаясь на съезд в Киеве или неподалеку от него, Нащокин надеялся использовать крымских и украинских представителей для организации дипломатического нажима на послов Речи Посполитой. Как записал он в своем статейном списке, в Киеве, да еще в присутствии представителей хана, будет удобнее «вычитать» польским дипломатам [27]. Избежать же захвата города польской свитой очень просто — для этого достаточно усилить гарнизон [28].

По-видимому, необходимо пересмотреть существующее мнение, согласно которому Нащокин не стремился к усилению влияния России в Правобережной Украине. В упоминавшейся выше копии московского постановления 1667 г. одна из помет Нащокина, написанная против пункта о «прощении» украинских казаков, если они сложат оружие и прекратят борьбу с Речью Посполитой, гласит: «На сие изволение, чтобы Великой России больше было: ежели не спустя времени там удел учинить, и вечно, и через Днестр, и владеть случно» [29].

Идея заключения многостороннего соглашения получа-

ет дальнейшее развитие в ходе Андрусовских переговоров 1669—1670 гг. с Речью Посполитой и в ходе новых переговоров с Крымским ханством в Москве, проходивших в это же время. Нащокин вновь пытался объединить эти две дипломатические акции, пригласив на совместные переговоры и представителей Левобережной и Правобережной Украины [30].

Приглашение украинских представителей было вызвано сложившейся на Украине ситуацией, когда гетман Правобережной Украины П. Дорошенко, ведя двойную игру, с одной стороны, просил Россию принять Украину в свое подданство, а с другой — пытался договориться с Речью Посполитой о новых условиях перехода в ее подданство (на Острожских переговорах).

Если сопоставить просьбы П. Дорошенко о подданстве России и упорное стремление Нащокина обсудить на русско-польских переговорах в первую очередь сложившуюся на Украине ситуацию, пригласив для этого представителей Дорошенко, то можно прийти к выводу, что Нащокин надеялся таким путем укрепить влияние России на Правобережной Украине.

Что касается состава участников переговоров, то они должны были стать уже не трехсторонними, но многосторонними [31].

Однако и на этот раз идеям Нащокина не суждено было осуществиться. Крымский представитель согласен был начать переговоры с послами Речи Посполитой, но не в Андрусове, а на Дону, в районе Валуек (для ведения немедленных переговоров у него не оказалось полномочий). Послы Речи Посполитой тоже не получили соответствующих полномочий от правительства [32].

Причину неудачи русской и польской дипломатии разрешить мирным путем противоречия с Оттоманской империей и Крымом следует искать в самом характере крымско-турецкой политики в Восточной Европе, в факте полной несовместимости русско-польских предложений, сформулированных в Андрусовском договоре, с завоевательной программой Стамбула и Бахчисарая в данном регионе. Как только выяснилась невозможность сталкивания двух восточноевропейских государств друг с другом, на очередь дня стала непосредственная подготовка не только Крыма, но и самой Порты к вооруженной агрессии на Украину. Возможно, что конкретные сроки этой агрессии

оказались связанными с завершением борьбы Турции против Венеции.

Однако к такому повороту крымско-турецкой политики как в Москве, так и в Варшаве были в какой-то мере подготовлены, и подготовлены, как мы знаем, самим Андрусовским договором.

Как же в этих условиях развивалась идея антитурецкого союза России и Польши?

Уже на московских переговорах в декабре 1667 г. отчетливо наметились два подхода к решению вопроса об антитурецком и антикрымском союзе.

Проект русского правительства предусматривал активные наступательные действия: через Перекоп на Крым силами России и через Дунай на Белград силами Речи Посполитой [33]. При этом в Москве исходили из того, что намеченные Андрусовским перемирием новые границы между обоими государствами будут сохранены. Польская дипломатия также считала необходимым вести совместные боевые действия против Крыма и Порты, но настаивала на том, чтобы эти операции осуществлялись главным образом на Правобережной Украине, вышедшей тогда из-под контроля Речи Посполитой [34]. Что касалось территориальной программы польской стороны, то она сводилась, по существу, к требованию восстановить старые, «до андрусовские» границы [35].

В ходе переговоров 1671—1672 гг. польские послы продолжали выдвигать план проведения военной кампании на территории Правобережья, требуя при этом возврата в состав Речи Посполитой и Левобережной Украины [36]. Правда, в ходе переговоров Гнинского с Матвеевым 1671—1672 гг. возникали и некоторые новые моменты (как чисто военные, так и дипломатические). Если по соглашению 1667 г. Россия была обязана выставить в случае нападения турецких войск 25-тысячную армию, то теперь эта армия представлялась польской стороне «троянским конем» Москвы, как тогда писали в памфлетах, распространявшихся в Речи Посполитой [37]. Наметившиеся разногласия привели к тому, что конкретные условия союза были изменены. Теперь Россия уже не должна была посылать за Днепр 25-тысячную армию, теперь она могла ограничиться отправкой казацких и калмыцких отрядов в сторону Крыма и Турции, а также проведением военных демонстраций вблизи границ Речи Посполитой [38].

Другим моментом в русско-польских переговорах 1671—1672 гг. была попытка Матвеева найти новые, чисто дипломатические средства борьбы с крымско-турецким натиском. Так им была выдвинута идея создания международного блока государств, готовых будто бы сдерживать крымско-турецкую активность в этом регионе не военными, а политическими методами.

В письме к Гнинскому от 9 января 1672 г. необходимость создания такого блока мотивировалась тем, что его наличие вынудит султана сохранить дружественные отношения с Россией и Речью Посполитой и даже позволит последней не прибегать к военным действиям против казаков [39]. Однако Гнинский отклонил это предложение, сославшись на то, что в Западной Европе еще не созрели условия для создания такого блока держав, что там можно встретить «больше жалости, поболения, чем помощи» [40].

Но как бы ни менялось отношение польского и московского правительств в антикрымскому, антитурецкому союзу обоих государств, союз этот оставался реальным фактором международной жизни региона в рассматриваемые годы.

Все вышеизложенное дает основание считать, что на протяжении 1667—1672 гг. заключившие Андрусовское перемирие Россия и Польша пытались различными способами сдерживать наступательную политику Крыма и Турции в Восточной Европе, сначала они стремились решать эту проблему мирным путем (1667—1668 гг.), позднее были вынуждены прибегать все чаще к чисто военным методам противодействия крымско-турецкому натиску.

---

1 *Wójcik Z.* Między traktatem Andrusowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie. 1667—1672. Warszawa, 1968.

2 Основной материал почерпнут из фондов Посольского приказа, хранящихся в ЦГАДА. См.: Путеводитель ЦГАДА. М., 1946, ч. 1, ф. 79 (Польша), с. 34—36; ф. 89 (Турция), с. 76—78; ф. 123 (Крым), с. 86, и др. Анализ некоторых статейных списков 60—70-х годов. XVII в. см.: Путешествия русских послов. Тексты статейных списков. М.: Изд-во АН СССР, 1954; *Алпатов М. А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в.— В кн.: История и историки. М.: Наука, 1966.

3 *Wójcik Z.* Między traktatem..., с. 7.

4 Выгодность Андрусовского договора для Австрии подчеркивали русские послы Желябужский и Кузовлев, направленные в Вену в 1667 г. См.: ПДСДР. СПб., 1856, т. IV, с. 617.

[5] См. также: *Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1960; *Галактионов И. В., Чистякова Е. В.* Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII века. М.: Соцэкгиз, 1961; этих сюжетов касались также А. А. Савич, К. И. Стецюк, О. М. Апанович.
[6] ПСЗ. СПб., 1830, т. I, с. 665.
[7] ПСЗ, т. I, с. 665.
[8] ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, 1967, стб. 1, л. 223—224.
[9] *Wójcik Z.* Między traktatem..., s. 40—47.
[10] Ibidem.
[11] ПДСДР, т. IV, с. 663.
[12] *Wójcik Z.* Między traktatem..., s. 38—43.
[13] ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 8, л. 205.
[14] Там же, л. 134.
[15] *Санин Г. А.* О начальном этапе восстания Степана Разина (публикация документов).— Советские архивы, 1969, № 3, с. 71.
[16] ЦГАДА, ф. 89, оп. 1, 1667, стб. 1, л. 223, 224.
[17] Там же, оп. 1, кн. 10, л. 123—124.
[18] Там же, л. 151.
[19] Там же, ф. 79, оп. 1, стб. 23, л. 21 об.
[20] Там же, ф. 123, оп. 1, кн. 46, л. 286 об.— 287.
[21] Там же, ф. 79, оп. 1, 1668, стб. 13, л. 4.
[22] Там же, л. 15.
[23] Там же, ф. 123, оп. 1, кн. 46, л. 364—368.
[24] Там же, л. 307—312 об.
[25] *Копреева Т. Н.* Русско-польские отношения во 2-й половине XVII в. (От Андрусовского договора 1667 г. до Вечного мира 1686 г.). Канд. дис. Л., 1952, с. 170.
[26] ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, 1668, стб. 10, л. 427.
[27] Там же, л. 448—449.
[28] Там же, л. 569.
[29] Там же, оп. 1, 1667, стб. 26, л. 4 об.
[30] Там же, кн. 128, л. 319 об.
[31] Там же.
[32] Там же, л. 319 об., 352—361, 415 об., 417—418, 669—677.
[33] Там же, ф. 79, кн. 116, л. 18—18 об.
[34] Там же, л. 41 об.— 42.
[35] *Wójcik Z.* Między traktatem..., s. 261—264; ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 116.
[36] Ibid., s. 261—264.
[37] ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 141, л. 417, 458 и др. См. также: *Санін Г. О.* Боротьба України и Росії против турецько-татарської агресії в 1672 р.— Український історичний журнал 1971, № 12, с. 49.
[38] ПСЗ, т. I, с. 843—848.
[39] ЦГАДА, ф. 79, оп. 1, кн. 141, л. 498—499 об.
[40] Там же, л. 578—582.

ИДЕЯ СОВМЕСТНОЙ ОБОРОНЫ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ РОССИИ И ПОЛЬШИ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

Е. В. Чистякова

Идея славянской общности бытовала в исторических и литературных произведениях стран Восточной Европы с глубокой древности[1]. Общность происхождения славян, их языковая близость, сходство исторических судеб, часто возникавшие династические, а следовательно, и государственные связи — все это находило отражение в трудах польских хронистов, в русских летописях, в чешских, сербских, болгарских источниках, в славянском фольклоре.

Однако в определенные исторические периоды политические акценты в этих трудах расставлялись по-разному.

К концу XVII в. в странах, терзаемых турецкими захватчиками или находившихся под угрозой их ударов, зрела мысль о необходимости совместных действий против общего врага. А так как одной из наиболее сильных стран в тот период была Россия, то и надежды многих народов, жаждавших облегчения своей участи, обращались именно к ней. Но и в самой России в умах широко мыслящих политических деятелей, публицистов, историков — всех, кто сумел преодолеть средневековую религиозную ограниченность, встать выше территориальных или династических споров, все настойчивее вызревала идея о необходимости объединенных военных действий Речи Посполитой и России против Порты.

О том, в какой мере эта идея была органичной для русской общественной мысли, вопрос дебатировался на страницах русских журналов в последней четверти XIX в. под впечатлением результатов русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и освобождения Болгарии. Большинство авторов (Н. Костомаров, О. Миллер, Л. Лебедев и др.) оспаривали мнение Е. Карновича об иммиграции этой идеи извне, с Запада. В то время дискуссия так и не завершилась[2]. В современной историографии эта тема возникала при рассмотрении взглядов отдельных авторов XVII в., она нашла отражение в статье В. А. Серчика[3],

Конец XVII в., как известно, был временем наибольших успехов завоевателей, но, с другой стороны, он явился и тем рубежом, с которого началось медленное неуклонное падение могущества Порты. Она все больше отставала от других европейских стран, в которых с разной степенью интенсивности намечался или уже шел процесс вызревания новых капиталистических отношений. Конечно, для современников, в силу приближенности явления, это не было явственным, но реальная обстановка диктовала для совместной борьбы с коварным врагом необходимость объединения [4].

Военный потенциал Османской империи понижался: когда-то воинственные янычары стали обзаводиться хозяйством, семьей. Анатолию потрясали крупные антифеодальные восстания. Военно-ленная система хозяйства изменялась: служебные лены (сипахов и тимаров) захватывали на откуп представители дворцовой аристократии и ростовщики, превращая их в наследственные [5]. Правящий класс Турции продолжал жить за счет грабительских походов.

Но почва горела под ногами завоевателей. Южнославянские народы предпринимали героические усилия, чтобы вновь обрести независимость и сохранить свою культуру [6].

Однако в конце XVII в. Турция еще направляла свою агрессию в сторону Юго-Восточной Европы [7].

В докладах на XIV Международном конгрессе исторических наук в США Я. Цезар, И. Возар (ЧССР) и И. Переньи (ВНР) еще раз убедительно показали, что татаро-монгольское нашествие в XIII в. и наступление Османской империи в последующее время затормозили прогрессивное развитие стран Восточной Европы, подвергшихся агрессии.

Преодолевая свое отставание, Россия в XVII в. в экономическом отношении делает важные шаги вперед: возникли первые мануфактуры, зарождалось строительство флота, начал складываться всероссийский рынок, крепла централизация государства, постепенно преобразовывалась армия — все это позволило России превратиться в мощное государство и более активно решать стоявшие перед ней внешнеполитические задачи. Укрепление южных границ постройкой засечных черт, воссоединение с Украиной, окончание войны с Польшей и некоторое затишье

на Балтике создали условия для борьбы с набегами крымских татар, поощряемых турецкими султанами.

В связи с этим в России наблюдается особый интерес к истории и государственному устройству Турции и ее вассалов[8]. Неудивительно, что во множестве списков распространялся «Казанский летописец», пользовалась популярностью «Повесть о Царьграде» Нестора-Искандера, в хронографах отмечались вехи борьбы с татарами и турками, распространялись и переводные сочинения. В 70-х годах в России появилось описание Турецкой империи, в котором содержались военно-географические, топографические и статистические сведения о Порте. Издатель этого описания П. А. Сырку полагал, что автором его был сын боярский из Ельца Ф. Ф. Дорохин, пробывший в турецком плену с 1662 по 1674 г.[9]

Необходимость объединенных действий в борьбе с турками осознавал, проводил в своей дипломатической деятельности и отразил в переписке и в публицистических статьях блестящий государственный деятель, «царственные большие печати и государевых великих посольских дел оберегатель» А. Л. Ордин-Нащокин. Как бы ни были противоречивы оценки его личности, исследователи сходятся на признании его поборником объединенных действий России и Польши против общих врагов и прежде всего ограждения южных границ обеих государств от крымско-турецких вторжений[10].

Это убеждение, возникшее еще в начале 40-х годов, в период его первой посольской службы в Молдавии, он пронес через нелегкую годину военной и дипломатической борьбы за воссоединение с Украиной. Этим же он руководствовался в момент вмешательства в первую северную войну Швеции (1656), когда перед русской дипломатией встал вопрос, продолжать ли войну с Польшей или, временно отложив споры, спасать ее от разгрома. Ордин-Нащокин без колебаний решил это в пользу Польши.

Будучи сторонником разрешения международных конфликтов по возможности мирным путем, он писал: «...истинно в руках бес крови всякой способ явен ко одолетельному миру со всех сторон»[11].

Этот принцип он был склонен применять прежде всего по отношению к Польше. Еще будучи в разгар войны в Люблине (1663), он мечтал: «А у обоих государей великих (имеется в виду русский и польский.— *Е. Ч.*)

будет неразорванный союз, и хан бы в соседстве держал со обоими государи дружбу... и турок будет здержан и крепко верен»[12]. Особенно примечательным было львовское посольство А. Л. Ордина-Нащокина (1663), ход которого был освещен в монографии З. Вуйцика[13]. Уже тогда дипломат сформулировал идею «союза и любви» России и Польши для борьбы с татаро-турецкой опасностью. Он считал, что «военные угрозы от турка минутца и будет в соседстве склонен и войну свою отложит»[14].

Перед отъездом на очередные переговоры с представителями Речи Посполитой (1664) Ордин-Нащокин подчеркивал необходимость построить отношения с ней «не черес меч», «не всчиная войны». Он развивал и позже идеи «союза превеликое богоугодное дело». Конкретно это убеждение нашло воплощение в Московском союзном постановлении (1667), согласно которому Россия и Польша договорились «случати силу» там и тогда, где и когда этого потребуют нужды обороны[15]. В 1668 г. он составил программу международных переговоров по экономическим вопросам между Швецией, Россией и Польшей.

Ордин-Нащокин очень гордился своим вкладом в установление мирных отношений с соседними странами: «...преславные миры со всех стран царству Московскому учинились, и не точию з государствы христианскими, но и з бусермены. А изо всех из них с славным королевством Польским преодолетельной мир царству Московскому утвержен и святым союзом во веки постоятельно укреплен и не токмо впредь от королевства Польского какого мщения опасным быти, но и сами благодарят». И ниже читаем об ответной реакции когда-то враждебной Речи Посполитой следующее: «И как от всея Речи Посполитой всего королевства Польского... в высокое дело и в большой промысел славного миру успокоения христианским кровем вечно поставлено, и по милостивым грамотам за много лет к совершениям мирным преобразовано, и дошло с кем страшная война была»[16]. Вся цепь этих договоров и встреч завершилась впоследствии последним звеном — заключением Вечного мира России с Польшей (1686)[17].

Вот почему прав был П. Потоцкий, который писал: «Гремевшая в Европе слава тринадцатилетнего перемирия, коего желали все христианские державы (но едва надеялись), воздвигает Нащокину благороднейший памятник в сердцах потомков: ибо тот, кто кладет основание

миру, хотя и непродолжительному, оказывает истинную услугу обеим сторонам и достоин большей славы, нежели те, которые истощают силы государства бедственными и кровопролитными войнами» [18].

Литературно-публицистические труды «Извещение истинное» и «Ведомство желательным людям» были написаны А. Л. Ординым-Нащокиным после отставки в 70-х годах, когда он жил в уединении в затерянном в псковских лесах Крыпецком монастыре Иоанна Богослова под именем инока старца Антония.

Первое из них — «Извещение истинное с началу войны о Киеве с Украиной и царства Московского с королевством Польским миру быти крепко» — посвящено этапам развития русско-польских отношений в период борьбы за воссоединение Украины с Россией. Одну из причин русско-польской войны Ордин-Нащокин видел в попытках Польши распространить на Украину католицизм. Поворот в русско-польских отношениях предопределила позиция султана, так как возникла угроза того, что «по Украйне в том их насилованье и совсем к турку не отгонить».

Захват султаном Подолии (1672) дал основания автору высказаться за немедленное вмешательство в судьбу Правобережной Украины. Он считал настоятельно необходимым привлечь к этому событию внимание Молдавии, Сербии, Болгарии и других сопредельных стран. В «Извещении истинном» была выдвинута идея создания ассамблеи восточноевропейских государств для решения животрепещущих внешнеполитических вопросов [19].

Проблема борьбы России, Польши и других славянских стран против захватнической политики султанской Турции нашла отражение и на страницах первой печатной книги по русской истории, изданной в 1674 г. в Киеве — «Синопсиса». К этому времени население обеих сторон Днепра все более проникалось мыслью о том, что залогом дальнейшего существования Украины, ее языка и культуры будет тесная связь с родственной ей Россией. Этой идее и служил «Синопсис», вышедший из стен тогдашнего центра науки и просвещения — Киево-Могилянской коллегии. Сохранившая светские традиции братских школ коллегия играла большую роль не только в межславянских связях, но и в международных масштабах. В ее стенах трудились такие поборники воссоединения Украины с Россией, как Борецкий, Баранович, Гизель.

В настоящее время мы еще не можем определенно судить об авторстве «Синопсиса»: известно лишь, что он был напечатан под наблюдением типографа лавры Ивана Армашенко. Имя это упомянуто в первых буквах акростиха в конце книги в киевском издании 1680 г., напечатанном «по благословению архимандрита Киево-Печерской Лавры Иннокентия Гизеля», который по своему положению ведал публикацией и реализацией материалов, изданных лаврской типографией, и поэтому никак не мог быть автором «Синопсиса».

В своем изложении автор «Синопсиса» опирался на труды русских летописцев, сказания (например, о Мамаевом побоище и др.), а также черпал сведения в такой своего рода энциклопедии по истории Восточной Европы, какой была Хроника Матвея Стрыйковского, а через ее посредство привлекал труды и других (античных и средневековых) авторов.

Первое киевское издание (1674) представляло собой небольшую книжку в 115 страниц, напечатанную церковнославянским шрифтом. Текст со сносками на полях был разделен на статьи или главы. По хронологическому охвату она была очень широка, но крайне неравномерно разделена на структурные части: автор подробно остановился на происхождении славян и начале Руси, на крещении Руси и преодолении язычества. Из периода феодальной раздробленности его внимание привлекали события в Южной Руси, в частности в Киевском княжестве, затем рассказ перенесен на XVII в. и заканчивается временем, последовавшим за воссоединением Украины с Россией.

В последующих изданиях структура книги оставалась прежней, но пополнялась новыми материалами: так, во второе киевское издание 1678 г. было включено описание первого похода турок под Чигирин (1677), в нем рассказано о вступлении на престол Федора Алексеевича. Третье киевское издание (1680) было увеличено вдвое за счет включения «Сказания о Мамаевом побоище», статей «О вольности славянской» и о Чигиринской войне [20].

В 1714 г. книга была напечатана гражданским шрифтом. Впоследствии она была широко распространена и, по-видимому, применялась в учебных целях.

Верный традициям, заложенным еще создателями хронографов, автор начинает повествование с вопроса о про-

исхождении «славено-российского народа», образования первых государств, возникновения княжеских династий.

В соответствии с историческими эпохами и воззрениями авторов исторических трудов теории «славянского» этногенеза сменяли друг друга, но оставалось стремление доказать общность и древность этих народов, вывести их из мрака библейских времен, поставить на видное место в современном им мире. В этом стремлении проявлялось желание пробудить национальное самосознание славян, тягу к объединению перед лицом страшной исторической действительности, непрерывной угрозы и унижения, разрушения памятников культуры, языка и веры.

В «Синопсисе» получает завершение так называемая сарматская теория расселения славян и вытекавшая из нее идея «Мосох — Москва», появившаяся на смену сформулированной еще Нестором в «Повести временных лет» балканской теории, отдававшей дань православно-византийскому политическому наследию [21].

Сформулированная польскими хронистами эта теория была подхвачена украинско-русскими книжниками. С освобождением Руси от татаро-монгольского ига, укреплением Российского государства и возникновением надежд славянских народов на его помощь в борьбе с агрессией турок Мосох постепенно превратился (из шестого сына Иафета) в «патриарха» всех славян, а Москва стала чуть ли не их «прародиной»». В основе этой теории лежала мысль об общности славян, единстве их происхождения, их этническом родстве. И как бы они потом ни расселялись и ни назывались, все это был «едино суть» славено-российский народ, скрепленный своим «естеством» и «наречием». В такой трактовке это излагал «Синопсис».

Но особенно злободневной была другая тема в «Синопсисе»: борьба Руси с татаро-турецкими завоеваниями. Реализуя ее, автор четвертую часть книги отводил изложению истории Куликовской битвы и становился одним из первых историков современной ему Чигиринской войны. Перо очевидца выразительно описало эту совместную русско-украинскую победу, предотвратившую дальнейшее наступление турок на Восточную Европу и «превратившую в бегство полки, чуждые с великим и никогда еще не бывшим толиким посрамлением».

Хотя в момент создания «Синопсиса» борьба России с Польшей за Украину еще не была снята с повестки дня,

основное внимание автор обращал на необходимость противостоять наступлению Турции, для осуществления этого требовалось объединение всех сил, поэтому в своем изложении он делал акцент не на то, что разделяло обе страны, а на то, что их объединяло. Именно исходя из этого убеждения, он подчеркивал общность происхождения русских и поляков, сочувственно отзывался о польском воеводе Киева Адаме Киселе. Восторженно приветствуя постановление Переяславской Рады 1654 г. о воссоединении Украины с Россией, он не случайно опустил изложение хода восстания во главе с Богданом Хмельницким. Едва ли это можно расценивать как политиканство и лавирование с его стороны. В то время, очевидно, важнее было проповедовать идею общих усилий народов обеих сторон в предстоящей трудной борьбе за освобождение от угрозы турецкого нашествия.

Большое политическое значение имела книга «Скифская история», написанная стольником А. И. Лызловым в 1692 г. и посвященная истории борьбы славянских стран с татаро-монгольским и турецким нашествиями [22]. Борьбе европейских народов с наступлением Порты отведена почти половина текста.

Автор опирался на разнообразные источники, в первую очередь на труды польских авторов: Я. Длугоша, М. Бельского, М. Меховского, особенно широко использовал хронику М. Стрыйковского, М. Кромера, В. Ваповского и др.[23] Он сам перевел с польского языка фрагменты из хроники М. Стрыйковского и полностью книгу С. Старовольского «Двор цесаря турецкого».

Впервые в русской историографии Лызлов предпринял попытку осветить экономику, военный строй, политику турецкой империи (до конца XVI в.). Он пришел к выводу, что военно-грабительский характер Османской империи не стимулировал развития хозяйства, особенно в присоединенных районах.

Помимо внутренних вопросов развития Порты, он большое внимание уделял рассмотрению истории турецких завоеваний на Европейском континенте. Он ставил вопрос о причине успехов турок и приходил к выводу, что в значительной степени их облегчили отсутствие твердой власти в славянских землях, раздробленность и внутреннее ослабление Византии: «Властели же и синклит греческого царства уклонишася к хищению и неправдам

и к несытному желанию сребролюбия, подручные народы грабяще и разоряюще» (II, 122). По мнению Лызлова, если бы в момент смерти султана Мехмеда I греческий император, сербские князья и другие правители Балкан объединились и сбросили турецкое иго, не было бы впоследствии такого «зла велиего и бедства неподъятного». Прояви они тогда дальновидность, мудрость и мужество, «воистину могли все страны христианские в целости быти» (II, 139).

Автор гневно клеймил предательство части европейской знати, стремление приспособиться к завоевателям он называл предательством. Он осуждал позицию польского короля Казимира, посредничавшего в переговорах Стефана Валашского с султаном, неодобрительно отзывался о лавировании сербского деспота Георгия Бранковича. На этом фоне Лызлов рисовал самоотверженную борьбу славянских народов против завоевателей. Он писал, что со времени битвы на р. Марице (1371) турки рассыпались по Балканскому полуострову, «яко птицы по воздуху», и прежде цветущие города Сербии и Болгарии поразили голод и опустошения. Битва на Косовом поле (1389) тоже окончилась поражением славян и полным подчинением Сербии.

Лызлов привел в своей книге многочисленные примеры героизма братских славянских народов и других народов Балкан, ставших объектами турецких завоеваний. Он подчеркивал, что периодически турки терпели поражения, а их военные успехи были преходящи. Автор ярко описал подвиг воина Милоша (Обилича, Кобиловича), который выдал себя за перебежчика и, войдя в шатер Мурада, поразил его мечом в сердце. Описывая этот драматический эпизод, Лызлов называл Милоша «знаменитым и вечной славы достойным благородным воином». Лызлова восхищало отважное сопротивление сербов, державших войска султана под Белградом семь месяцев (1440).

Так же внимателен Лызлов и к проявлениям героизма со стороны представителей неславянских народов: Джиованни Джустиниани (у Лызлова — «Зустеней из Зиновии»), прибывшего со своим отрядом из Генуи на помощь жителям осажденного Константинополя, действиям венгерского полководца Яна Гуниади (Яноша Хуньяди), короля Матвея Корвина, он отмечал героическое сопротив-

ление албанского народа под руководством прославленного Скандербега.

Таким образом, Лызлов обращал внимание соотечественников на то, что народы восточноевропейских стран, как и русские, «мужественно и крепко браняхуся» против захватчиков. Он подчеркивал, что турецкая армия, даже в пору своих успехов, часто терпела поражения, она не была непобедимой и выигрывала иногда не столько силой оружия, сколько нарушением элементарных норм международного права — «клятвопреступлением во время обещанного покоя».

Четы, гайдуки, ускоки наносили все более чувствительные удары врагу: «...бяху турки всюду частыми победами от христиан одолеваеми и толико множество бяше их побито».

Свой впечатляющий рассказ (хотя и не лишенный порой фактических неточностей) о страданиях и борьбе народов с агрессией Лызлов заканчивал славянской песней о турецкой неволе и страстным призывом к совместным действиям для их освобождения: «Уже бо тамо нас убози христиане, братия наша, с радостью и с надеждою ожидают, готовы суще на своих и наших супостатов помощь подати!»

Автор глубоко убежден, что освобождение порабощенных народов Балкан наступит «во дни наша» (III, 81) и «нам вскоре имать помощь послати».

Борьбу против турецкого ига должна возглавить, по мнению Лызлова, Россия, «собрав многочисленные полки христианского воинства и имеющи согласие со окрестными христианскими государствы...» (III, 81), имея в виду самую близкую, пограничную Речь Посполитую.

Лызлов очень оптимистически оценивал возможности такой объединенной армии, считая, что освободительная миссия России и Польши должна завершиться успехом.

Хотя хронологически автор довел свое повествование до конца XVI в., идеи его книги были глубоко созвучны эпохе — это был патриотический, эмоциональный призыв к борьбе, и он сам как бы «дописывал» книгу, участвуя и в Крымских походах В. В. Голицына и в Азовских походах Петра I.

Взгляды А. И. Лызлова были очень близки идеям его современника, приехавшего в Россию из Сербии,— Юрия Крижанича. Хорват по национальности, Крижанич почти

треть своей сознательной жизни провел в России и здесь написал свои основные труды. Он был неутомимым и последовательным проповедником идеи организации совместной борьбы сопредельных стран с южной опасностью с целью последующего освобождения порабощенных султаном народов [24].

Пропагандируя идею «славянского единства» для борьбы с Турцией, главную роль в ее реализации он отводил России. Но он считал, что прежде, чем выполнить эту высокую миссию, в России должны быть проведены широкие преобразования, направленные на укрепление страны.

Различная социальная принадлежность и служебное положение упомянутых выше авторов свидетельствуют о том, насколько широко распространенной и органичной становится мысль о необходимости совместной борьбы России, Польши (и других славянских стран) против крымско-турецкой агрессии в последней четверти XVII в.

Дипломат-придворный, дворянин-историк, духовное лицо и публицист представляли различные общественные слои, но высказанные ими идеи о путях решения одной из наиболее животрепещущих внешнеполитических проблем эпохи были синхронными. По нашему мнению, это свидетельствует как об автохтонности самой идеи, так и о начале ее влияния на общественное сознание и на политику соответствующих государств.

---

[1] Ср.: *Лещиловская И. И.* Концепции славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX века.— ВИ, 1976, № 12, с. 75.

[2] *Жигарев С.* Русская политика в Восточном вопросе: (Ее история в XVI—XIX вв., критическая оценка и будущие задачи). М., 1896, т. I, гл. IV.

[3] *Serczyk W. A.* Jednośc słowiańska w argumentacji rosyskiej publicystyki politycznej XV—XVII w.— In: Słowianie w dziejach Europy. Poznań, 1974, s. 217—225.

[4] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1946, т. II; *Новичев А. Д.* История Турции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963, т. I. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.), ч. 2, гл. VIII.

[5] *Наджарян Х. У.* Упадок Турции в XVII в. и его причины.— Науч. труды Ереванского гос. ун-та, 1955, т. 47 (на арм. яз.); *Цветкова Б. А.* Аграрные отношения в Оттоманской империи в XVI—XVIII вв. с учетом болгарских земель: Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. в Москве. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960.

[6] *Снегаров И.* Турското владичество пречка за културното развитие на българския народ и другите балкански народи. София, 1958; *Цветкова Б.* Извънредни данъци и държавни повинности в българските земи под турска власт. София, 1958.
[7] *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., 1946, т. I, с. 4.
[8] *Данциг Б. М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. М.: Наука, 1973, с. 28—43.
[9] Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века.— В кн.: Православный палестинский сборник. СПб., 1890, т. X, вып. 3.
[10] *Галактионов И. В., Чистякова Е. В.* А. Л. Ордин-Нащокин, русский дипломат XVII века. М.: Соцэкгиз, 1961.
[11] Отдел рукописей Гос. публ. биб-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Собрание М. П. Погодина, д. 1562, л. 90 об.— 91.
[12] *Копреева Т. Н.* «Ведомство желательным людем» (Из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина).— Археографический ежегодник за 1964 г. (М.), 1965, с. 345, 348, 349.
[13] *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959, s. 119—134.
[14] Исторический архив, 1959, № 6, с. 84.
[15] ПСЗ, т. 1, с. 731—734.
[16] *Копреева Т. Н.* Ведомство..., с. 345.
[17] *Греков И. Б.* Вечный мир 1686 г.: Автореф. канд. дис. М., 1950; Очерки истории СССР. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 534—536.
[18] Северный архив, 1895, № 20, с. 312.
[19] *Копреева Т. Н.* Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII в.— Проблемы источниковедения (М.), 1961, т. IX.
[20] Синопсис. Киев, 1680; *Чистякова Е. В.* Синопсис.— ВИ, 1974, № 1.
[21] *Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 101.
[22] *Лызлов А. И.* Скифская история. М., 1787 (в ссылках в тексте часть указана римской цифрой, страница — арабской); *Чистякова Е. В.* «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения.— Очерки по истории русского востоковедения (М.), 1963, вып. VI.
[23] *Чистякова Е. В.* «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв.— ТОДРЛ, 1963, т. 19.
[24] *Крижанич Юрий.* Политика. М.: Наука, 1965.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ И КРЫМСКОГО ХАНСТВА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В XVI—XVII ВВ.

(По данным Э. Челеби)

И. Б. Греков

Изучая развитие политических взаимоотношений государств Причерноморья и Восточной Европы в XVI—XVII вв. как тему важную и вполне самостоятельную, историк, естественно, должен иметь в виду прежде всего внутренний «ритм» этих отношений, проявление основных закономерностей этого развития, характер политики каждого из государств, участвовавших в международной жизни указанного региона. Но вместе с тем историк должен учитывать и место данного комплекса политических отношений в исторических процессах более широкого масштаба, его место в развитии всей системы международных отношений того времени.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что при изучении политики Османской империи в Восточной Европе в числе многих проблем возникала и проблема реальной значимости данного направления военно-политической активности султанской Турции в ряду других направлений ее политики, проблема установления общей иерархии этих направлений и выявление места в этой иерархии рассматриваемого нами региона. При этом, естественно, возникал и вопрос о том, была ли такая градация направлений стабильным фактором внешнеполитической деятельности Порты в XV—XVII вв. или же эта градация оказывалась каждый раз новой в зависимости от той или иной конъюнктуры на международной арене, от той или иной ситуации во внутриполитической жизни Османской империи.

В настоящее время историческая наука как бы стоит перед дилеммой: либо она должна допустить существование исторически устойчивой иерархии направлений во внешней политике Стамбула, той иерархии, при которой

степень важности военно-политических задач оказывалась раз навсегда установленной и поэтому более «значительный» интерес к Ирану, Средиземноморью и Балканам должен был «гасить» или даже исключать интерес к Восточной Европе, либо наука должна признать существование иного, более эластичного порядка взаимосвязи направлений турецкой военно-политической активности, такого порядка, при котором очередность реализации тех или иных политических целей Турции определялась не заранее принятой их субординацией, а реальным ходом всей международной и внутриполитической жизни Османской империи, возникновением той или иной расстановки сил в рассматриваемом регионе.

При этом исследователи не могут не фиксировать того положения, что сама смена направлений означала не исключение одного направления другим, а лишь перемещение главного острия османской политики с одного направления на другое при сохранении их тесного взаимодействия. Они не могут таким образом не признать, что сама возможность активных действий Порты в одних направлениях предполагала в качестве обязательного условия создание выгодной и вполне надежной конъюнктуры на других направлениях. В связи с этим представляется вполне обоснованной та точка зрения, что в широких стратегических планах Стамбула восточноевропейское направление всегда занимало важное место, хотя и несколько отличное от других направлений. Последнее обстоятельство имело, естественно, свои причины.

И действительно, с одной стороны, Восточная Европа, отделенная от основных турецких владений фактически неприступным Кавказом, а также Черным морем и безводными степями Северного Причерноморья, представляла для Порты наименее удобный из всех возможных театров военных действий, а вместе с тем и наиболее бесперспективный район для приобретения здесь новых обширных территорий; с другой стороны, данная часть Европейского континента являлась ареной интенсивного развития двух мощных государственных систем, в частности ареной развития Московского и Польско-литовского государств, которое происходило, как известно, то в условиях бурного соперничества их друг с другом, допускавшего возможность полного торжества одного из них, то в условиях возникавшего иногда политического сбли-

жения между ними, кстати, чаще всего на антитурецкой, на антикрымской основе.

Но если многонациональный, отнюдь не покоренный Кавказ, а также Черное море затрудняли появление больших турецких армий на восточноевропейской территории, то ход политической жизни самой Восточной Европы (с попытками создания антитурецкой коалиции или образования обширного восточноевропейского государства) не позволял Порте занимать позицию «изоляционизма» по отношению к данной части Европейского континента: совершенно очевидно, что излишняя «пассивность» турецкой дипломатии в данном районе означала бы для Порты потерю контроля над выгодным ей соотношением сил между ведущими восточноевропейскими государствами, угрожала бы ей ослаблением позиций сначала в Восточной Европе, а потом соответственно и на остальных направлениях ее военно-политической активности — в Иране, Средиземноморье, на Балканах.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Османская империя не могла оставаться безучастной к развитию политических событий в Восточной Европе, не могла пускать на самотек происходившие здесь закономерные процессы становления национальных и многонациональных государств.

Но если таким образом становится очевидной необходимость участия Порты в развитии международных отношений Восточной Европы того времени, то не менее очевидной оказывается малая «рентабельность», а следовательно, и малая эффективность непосредственного вооруженного вмешательства Турции в политическую жизнь данного региона.

Подобная ситуация делает понятным существование постоянной заинтересованности Стамбула в восточноевропейском регионе, в сохранении здесь выгодного для него соотношения сил, эта ситуация предопределяет, естественно, и важное значение этой части европейского континента в широких стратегических расчетах Порты, вместе с тем она объясняет и наличие в распоряжении Османской империи определенных политических рычагов, с помощью которых она и добивалась реализации этих своих расчетов. Главным из них оказалось Крымское ханство, которому и суждено было сыграть весьма важную военно-политическую роль в исторических судьбах стран

Восточной Европы. И это не случайно: географическое положение Крыма, с одной стороны, его вассальная зависимость от Порты — с другой, действительно создавали весьма благоприятные условия для использования Крымского ханства в качестве надежного инструмента турецкой политики в данной части Европейского континента.

И здесь перед историком возникает новый комплекс проблем, который оказывается связанным с выявлением особой роли Крымского ханства, попавшего под турецкий контроль с конца XV в., с анализом специфики турецко-крымских отношений в XVI—XVII вв., с учетом использования Портой «старого» политического опыта ордынской дипломатии в Восточной Европе. Все эти проблемы заслуживают пристального внимания не только потому, что они сами по себе значительны, но также и потому, что они до сих пор остаются в фокусе научных споров и дискуссий.

Весьма показательной в этом смысле представляется продолжающаяся полемика по вопросу о характере турецко-крымских отношений в XVI—XVII вв. Так, одна группа историков солидарна с взглядами известного русского тюрколога конца XIX начала XX в. В. Д. Смирнова [1], который считал, что Крымское ханство с 70-х годов XV в. оказалось послушным вассалом султанской Турции и, находясь под ее полным контролем, являлось важным орудием политики Стамбула в Восточной Европе. Другие исследователи разделяют мнение А. А. Новосельского, который видел в политике Крыма две тенденции: одну, связанную с выполнением вассальных обязательств перед Портой, другую, вытекавшую из стремления крымских феодалов противопоставить себя Турции, встать на путь самостоятельной политики и даже борьбы с Османской империей [2].

В связи с различным осмыслением характера крымско-турецких отношений в историографии наметился и различный подход к проблеме взаимосвязанности политических курсов Стамбула и Бахчисарая в восточной части Европейского континента.

Те историки, которые разделяли и разделяют мнение А. А. Новосельского, склонны четко различать линии поведения Стамбула и Бахчисарая в Восточной и Юго-Восточной Европе. Эти историки исходят из презумпции несовпадения политических целей Порты и Крыма в ука-

данном регионе, утверждают, что Порта, занятая главным образом борьбой против Ирана и Габсбургов, вообще не имела сколько-нибудь серьезных территориально-политических интересов в Восточной Европе, осуществляла здесь чаще всего оборонительную и даже миролюбивую политику.

Что же касалось роли крымской дипломатии в данной части Европейского континента, то названные историки, разумеется, признавали ее весьма значительной; правда, никак не связывая поведение Бахчисарая с политикой Порты, они видели в постоянных и якобы хаотичных набегах крымцев на восточноевропейские страны лишь одно — стремление крымских феодалов решать таким путем не политические, а лишь хозяйственные задачи — задачи регулярного получения «ренты» за счет соседей.

Те же исследователи, которые шли за В. Д. Смирновым *, естественно, не отделяли политики Крыма от политики Турции в восточной части Европейского континента в этот период, считали, что допускавшаяся иногда «самостоятельность» Крымского ханства в тогдашней международной жизни Восточной Европы на самом деле была лишь хорошо продуманной тактикой Стамбула, обеспечивавшей ему осуществление определенных стратегических задач в данном регионе.

Так, не отрицая важного значения для Порты таких направлений ее военно-политической активности, как Иран, Кавказ, Средиземноморье и Балканы, указанные историки все же считали, что восточноевропейский регион также занимал весьма важное место во внешнеполитических планах и расчетах Османской империи, что Порта не только не была индифферентна к складывающемуся здесь соотношению сил, но и активно боролась за установление выгодного ей баланса сил в данном регионе, правда, боролась не сама, а с помощью фактически зависимого от нее Крымского ханства. И действительно, именно Крымское ханство, находившееся с 1475 г. под полным контролем Стамбула, оказалось тем орудием турецкой дипломатии, которое обеспечивало осуществление таких ее стратегических замыслов в Восточной Европе, как недопущение создания антитурецкой коалиции в данном регионе, как предотвращение чрезмерного усиления одного

* К их числу относит себя и автор данной статьи.

восточноевропейского государства за счет другого или даже образования одной обширной восточноевропейской державы. В сущности, именно эти задачи последовательно выполнял Крым на протяжении указанных столетий, выполнял не только путем проведения разорительных набегов татар в сторону того из восточноевропейских государств, которое в данный отрезок времени оказывалось сильнее другого, но также путем осуществления в Восточной Европе ряда политических мероприятий, которые были направлены сначала на усиление соперничества восточноевропейских государств друг с другом (с помощью параллельного поощрения великодержавных амбиций обеих сторон), а потом и на прямое провоцирование вооруженных конфликтов между ними, что в конечном счете и обеспечивало достижение главных целей восточноевропейской политики как Крыма, так и Порты.

Только при учете этого сотрудничества Стамбула с Бахчисараем, при учете особой роли Крымского ханства в реализации замыслов турецкой дипломатии в Восточной Европе возникает возможность дать ответ и на вопрос о том, почему в условиях устойчивой заинтересованности крымских феодалов в бесперебойном получении ренты за счет всех своих северных соседей сами набеги татар на московские и польские «украины» совершались не беспорядочно и хаотично сразу во всех направлениях, а в каком-то строго определенном ритме, диктовавшем как конкретные сроки проведения этих набегов, так и четкую смену их направлений.

Таким образом, если рассматривать политику Порты и Крыма в Восточной Европе как единую, внутренне-скоординированную и только внешне (по тактическим причинам) разобщенную, то тезис о незаинтересованности Стамбула в восточноевропейском регионе, тезис о якобы традиционном миролюбии Турции по отношению к восточноевропейским государствам, а вместе с тем и сама концепция стабильной субординации направлений турецкой военно-политической активности, концепция их изолированности друг от друга окажутся недостаточно убедительными. Таким образом, становится очевидным, что эффективность всей внешней политики Порты долгое время базировалась на том, что Стамбул, ведя вооруженную борьбу в каком-то одном направлении, тщательно готовил выгодную для себя расстановку сил на остальных

направлениях, т. е. опирался на тесное и хорошо скоординированное взаимодействие всех направлений, не исключая при этом и того направления, которое было связано с восточноевропейским регионом.

Разумеется, в одной статье нельзя проследить даже в самых общих чертах развитие турецко-крымского сотрудничества на восточноевропейской почве в XVI—XVII вв.; точно так же, как нельзя охарактеризовать основные направления внешней политики Порты в рассматриваемое время; в данной статье нам хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые сюжеты, так или иначе связанные с указанной темой. Так, если иметь в виду вопрос о характере турецко-крымских отношений в XVI—XVII вв., то по данному вопросу существуют очень интересные и по-своему весьма важные высказывания известного турецкого автора середины XVII в.— Эвлия Челеби [3].

Создатель знаменитой «Книги путешествий» Э. Челеби не нуждается в особом представлении. Тем не менее для того, чтобы лучше понять значение его высказываний по поводу характера турецко-крымских отношений XVI—XVII вв., а вместе с тем и по поводу роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы указанного времени, следует все же отметить отдельные факты его биографии, а вместе с тем и некоторые идеологические акценты его сочинений.

Хорошо известно, что Челеби, начав карьеру со службы в турецком войске в качестве воина-спахи, в дальнейшем на протяжении всей своей долгой жизни не порывал связей с военно-политическими инстанциями Османской империи. С начала 40-х и до конца 60-х годов XVII в. Челеби, как известно, участвовал в многочисленных военных кампаниях Турции и Крыма, но участвовал уже не в роли простого воина, а в роли многоопытного военно-политического наблюдателя с весьма широким кругом интересов и обязанностей: от инспекции укрепленных районов и отдельных городов-крепостей до политической разведки и ответственных дипломатических переговоров [4]. В связи с этим есть основания утверждать, что так называемые «географические» сочинения Челеби первоначально создавались отнюдь не ради интереса к экзотике того или иного края, а ради совершенно определенных полити-

ческих целей — сбора сведений военно-стратегического характера, выявления общей расстановки сил в том или ином регионе, оценки обороноспособности той или иной страны, надежности тех или иных крепостных сооружений. И действительно, уже первое ознакомление с сочинениями Челеби убеждает нас в том, что для него как политика, дипломата, военного разведчика была совершенно очевидна определенная скоординированность и тесная взаимосвязь между всеми направлениями военно-политической активности Османской империи, была очевидна и та простая истина, что сама возможность вооруженного выступления Порты в одном направлении обусловливалась наличием благоприятной политической конъюнктуры на всех остальных направлениях, а следовательно, сопровождалась продуманными мероприятиями Стамбула по обеспечению этой конъюнктуры.

Этот присутствовавший в сочинениях Челеби широкий комплексный подход к внешней политике Османской империи, в сущности, многое предопределял и в его трактовке характера турецко-крымских отношений XVI—XVII вв., в его понимании особой роли Крыма как политического орудия Порты в международной жизни Восточной Европы того времени.

Переходя к анализу взглядов Челеби на характер турецко-крымских отношений в XVI—XVII вв., на роль крымско-турецкой дипломатии в политической жизни Восточной Европы того времени, следует отметить одну важную особенность труда турецкого автора середины XVII в.: его труд характеризовался не только враждебностью к русскому государству, но и наличием продуманной программы ослабления Московской державы. Но, призывая к ослаблению Русского государства, Челеби предлагал не беспрестанное ослабление Москвы, а лишь такое, какое было необходимо для восстановления равновесия сил в Восточной Европе, для предотвращения ее превосходства над Польско-литовским государством.

На каких же конкретных высказываниях Челеби основаны эти выводы? Речь идет о сохранившемся в одном из списков «Книги путешествий» тексте [5], в котором автор после рассказа об успешной операции крымских татар по окружению армии воеводы Шереметьева в 1660 г. решил подчеркнуть, что достигнутая таким образом победа была победой не только крымской, но, по существу,

и турецкой. Однако Челеби хорошо понимал, что читатель его рукописи, не получивший подтверждения о непосредственном участии турецких войск в Чудновской кампании 1660 г. и знающий о существовании формально мирных отношений Порты с Русским государством в это время, может усомниться в достоверности этого утверждения, может не только поставить под вопрос само существование реального сотрудничества Стамбула и Бахчисарая в сфере восточноевропейской политики, но склониться к мысли о полной непричастности к воинственной политике Крыма якобы «миролюбивой» дипломатии Порты.

Именно поэтому Челеби в своем рассказе по данному поводу не просто намекает на возможность постановки таких вопросов, но четко их формулирует.

«Могут спросить,— пишет Челеби,— что же это за мир такой, когда при отсутствии военных действий между московским королем и падишахом дома Османов, то есть при мире и покое между ними, отдельные группы татарского войска совершают набеги и разоряют страну Московскую?»

Сформулировав таким образом вопрос, явно касавшийся существа крымско-турецких отношений XVI—XVII вв., а вместе с тем и подлинной роли турецко-крымской дипломатии в международной жизни Восточной Европы того времени, Челеби тут же дал понять, что подобный вопрос может возникнуть лишь у людей, политически наивных и исторически безграмотных. Челеби тем не менее счел нужным «просветить» этих неумудренных политическим опытом людей, предложив примерно такую схему ответа: турецко-крымское сотрудничество на восточноевропейской почве реально существует и существует давно, во всяком случае с начала XVI в., однако это сотрудничество происходит и происходило не в сфере официальной, протокольно-показной дипломатии, а в сфере реального взаимодействия ведущих государств данного региона, в сфере реальной борьбы за нужную Порте и Крыму расстановку сил в данной части Европейского континента. Поэтому реальное сотрудничество между Стамбулом и Бахчисараем оказалось замаскированным, с одной стороны, как бы декоративным «нейтралитетом» Порты или даже серией «мирных» договоров Турции с Москвой или с Варшавой, а с другой — предоставлением Крыму иллюзорной «само-

стоятельности» в вопросах войны и мира с его северными соседями.

Такова схема ответа Челеби, но его развернутый ответ содержал столько интересных и значительных подробностей, что он заслуживает специального рассмотрения.

Так, первое знакомство с данным текстом действительно создает впечатление, что его автор стремился свести все участие турецко-крымской дипломатии в международной жизни Восточной Европы XVI—XVII вв. к антимосковской политике. Но эта явная тенденциозность данного построения Челеби не должна нас удивлять. Создавая текст своего сочинения вскоре после Переяславской рады 1654 г., т. е. в период наметившегося усиления России и ослабления Речи Посполитой, Челеби, видимо, вполне сознательно раскрывал лишь одну сторону турецко-крымского сотрудничества на восточноевропейской почве, именно антимосковскую, актуальную для 1660 г., и столь же сознательно затушевывал при этом другую его сторону, в частности антипольскую, которая была реальностью для ряда этапов международной жизни Восточной Европы в предшествующую эпоху.

Но если причины появления подобной тенденциозности в сочинениях Челеби следует действительно искать в политической конъюнктуре 60-х годов XVII в., то само существо этой тенденциозности раскрывается искусственностью ее исторического обоснования. Так, явно вопреки реальной исторической действительности Челеби писал в этом тексте о том, что главная цель сотрудничества Турции и Крыма в Восточной Европе не только в его эпоху, но и во все предшествующие времена состояла в том, чтобы подрывать экономический и политический потенциал именно Московской державы.

Но, поскольку эта схема не укладывалась в реальную политическую жизнь нашего региона с конца XV до середины XVII в., Челеби оказался вынужденным прибегать к прямой фальсификации исторического процесса. Так, совершенно не случайно, видимо, Челеби в своем рассказе забыл упомянуть о последних десятилетиях XV в., когда Турция, как мы знаем, подчинив себе Крым, осуществляла политику, дружественную Москве и враждебную Польше.

Зато в угоду своей надуманной концепции он предпринял весьма смелую попытку сблизить, по сути «срас-

тить», два важных события тогдашней международной жизни, отдаленных друг от друга в реальной исторической действительности почти 50-летним интервалом. Речь, в частности, должна идти о попытке Челеби совместить во времени факт установления турецко-крымского сотрудничества в Восточной Европе, совершившегося, как известно, в 70-х годах XV в., с фактом вступления Турции и Крыма во втором десятилетии XVI в. на путь открытой вооруженной борьбы против Московского государства. Ничего не было удивительного в том, что эта попытка Челеби увязать начало турецко-крымского сотрудничества на восточноевропейской почве с началом активной политики Турции и Крыма против Москвы привела его не к эпохе султана Махмеда II, когда Порта и Крым были союзниками Москвы, а к эпохе султана Селима, известного противника Москвы, того самого султана, который, хотя и осуществлял, как известно, во втором десятилетии XVI в. крупномасштабные операции на Ближнем Востоке, тем не менее придавал весьма важное значение созданию выгодной для Порты политической конъюнктуры и в восточной части Европейского континента, в частности путем ослабления усилившейся тогда Москвы. Так, Челеби прямо писал о том, что Селим, «очень дальновидный, рассудительный и умный падишах», изучив внимательно расстановку сил в Восточной Европе, не только установил факт чрезмерного усиления Русского государства, между прочим, и за счет включения в его состав многих нерусских народов, но и пришел к выводу, что именно оно стало представлять главную опасность для интересов Османской империи в этом районе.

«Посоветовавшись,— писал Челеби,— с умными людьми своего времени, Селим-хан понял», что если «московские короли» сумеют мобилизовать все боеспособное население своей страны, в том числе и представителей тех нерусских народов, в адрес которых «правоверный» Челеби позволяет себе самые оскорбительные выражения, то они — «московские короли» — «смогут причинить османскому государству... такой вред, что невозможно и представить» [6].

Принимая во внимание нежелательность дальнейшего усиления Московского государства, Селим «мудро рассудил о них (неверных московитах) и понял, что их нельзя сравнить по силе ни с какими другими неверными»

и что поэтому против них должны быть приняты специальные меры [7]. Челеби совершенно откровенно признавал, что наиболее эффективным средством ослабления окрепшего тогда Московского государства были санкционированные и направленные Портой регулярные набеги крымских татар на «украины» этого государства. По данному поводу Челеби писал следующее: «И для устранения этой опасности (т. е. опасности дальнейшего роста и укрепления Москвы.— *И. Г.*), и чтобы не усиливалось Московское государство», крымским ханам особым высочайшим указом султана была предоставлена возможность не только совершать набеги в сторону Москвы, но и совершать их даже в те годы, когда сама Порта находилась в мире с Русским государством.

«И сколь ни был бы прочен мир дома Османов с Москвой,— писал Челеби,— крымские ханы в этом не принимали участия. С крымским ханом Москве нужно было иметь особый мирный договор».

Итак, Челеби, с одной стороны, признавал фактическую обязанность крымских ханов организовывать набеги на земли своих северных соседей с санкции «дома Османов» (именно султаны фактически назначали и направляли ханов в те или иные походы), а с другой стороны, говорил о формальной возможности для Крыма совершать эти походы как бы независимо от Порты, вернее, независимо от характера официальных политических отношений Турции с объектами татарских нападений. Челеби утверждал, что этот сложный порядок отношений Порты с Крымом в реализации их совместной восточноевропейской политики, созданный султаном Селимом, сохранял свою обязательную силу на протяжении XVI—XVII вв. и стал с течением времени даже называться «законом Селима».

«Вот таков [был] закон, который установил Крымскому государству Селим-хан,— писал Челеби.— А тех, кто пренебрегал этим законом, Селим-хан предавал проклятию». Но для того, чтобы не было сомнений в том, что «закон Селима» определял характер турецко-крымских отношений на всем протяжении XVI—XVII вв., что он, по сути дела, определял и восточноевропейскую политику турецко-крымской дипломатии в рассматриваемое время, Челеби прямо заметил: «И со времени султана Селимахана вплоть до эпохи Мехмеда-хана IV, т. е. до нашего

времени, до самой последней минуты [т. е. до 60-х годов XVII в.] этот закон не был нарушен» [8].

На основании всех этих высказываний Челеби о развитии турецко-московских и крымско-московских отношений XVI—XVII вв., действительно может сложиться впечатление, что турецкий автор проявил интерес только к антимосковским выступлениям Порты и Крыма, игнорируя при этом существование широкого подхода турецко-крымской дипломатии к политической жизни Восточной Европы в целом, забывая, в частности, как саму идею поддержания равновесия между ведущими восточноевропейскими государствами, так и практику «регулирования» Портой крымских набегов на территории этих государств.

Такое впечатление, однако, было бы ложным и ошибочным. Хотя Челеби действительно ведет речь в основном о борьбе турецко-крымской дипломатии против Московской державы, говорит главным образом о необходимости ослабления с помощью крымских татар Русского государства, тем не менее для него ослабление Москвы — отнюдь не самоцель, а лишь способ выравнивания сил между Москвой и Варшавой, средство поддержания равновесия между ними.

В сущности, в самой «Книге путешествий» имеются положения, которые подтверждают наличие у Челеби таких настроений, а в правящих кругах Порты таких политических установок и такой практики в осуществлении турецкой политики в восточноевропейском регионе.

Так, явно имея в виду тот период в истории Русского государства начала XVII в., который был, как известно, ознаменован «смутой» и интервенцией и который привел к резкому ослаблению «Московии» и вместе с тем к резкому усилению Речи Посполитой, Челеби не только охарактеризовал его как время «бедственного положения» «московских королей», оказавшихся неспособными «навести порядок в своем государстве», но и отметил наступивший тогда поворот восточноевропейской политики Порты и Крыма, выразившейся в улучшении их отношений с Москвой и вместе с тем и в ухудшении отношений с Польшей. Челеби писал по этому поводу буквально следующее: «Из-за того, что московские короли, оказавшись в бедственном положении, не были в состоянии

навести порядок в своем государстве, между державою дома Османов и Москвой не было сражений и распрей и дом Османов был занят священной войной с другими неверными»[9] (это была война с Польшей, как мы знаем)[10].

Признав таким образом нарушение равновесия между Москвой и Варшавой главной причиной наступившей тогда перемены восточноевропейской политики Порты (а следовательно, и Крыма, поскольку, по утверждению Челеби, вооруженную борьбу в восточноевропейском регионе вели, как правило, не турки, а крымские татары), создатель «Книги путешествий» тем самым не только подтвердил конъюнктурность своей трактовки турецко-крымской политики в Восточной Европе как якобы антимосковской политики, но и зафиксировал существование идеи сохранения равновесия между восточноевропейскими государствами в качестве стержневой идеи внешнеполитической программы Турции в этом регионе.

В сущности, идея поддержания равновесия между восточноевропейскими государствами давала о себе знать и в том высказывании Челеби, в котором он обосновывал «целесообразность» борьбы с Москвой. «Если они [московиты] на пять — десять лет избавятся от набегов татар,— писал Челеби,— если они, пользуясь благополучием, задумают заняться делами по устройству государства, ни одна держава не сможет противостоять им и они займут земли всех казаков и поляков». Таким образом, перед нами еще раз вскрывается внутренняя логика турецко-крымской политики в Восточной Европе: чрезмерное усиление Москвы требовало от Порты, по мнению Челеби, мер по ее ослаблению, а явная деградация Московского государства предполагала прекращение антимосковской активности Турции и в то же время ставила вопрос о проведении мер по ослаблению окрепшей тогда Речи Посполитой. Так выглядела в сфере практической политики идея поддержания выгодного Порте баланса сил в Восточной Европе.

В сущности, о стремлении Челеби сохранить необходимое Турции и Крыму равновесие между восточноевропейскими государствами говорили и те его высказывания, в которых он предусматривал возможность реальной угрозы не только устью Дуная, но и самому Крыму в случае резкого нарушения баланса сил в пользу какого-либо

одного из этих государств. А уж если это преуспевающее государство «захочет выйти к побережью Дуная, тогда оно уже ни за что не даст покоя государству дома Османов и — упаси Аллах — может быть даже вторгнуться в Крым» [11].

Нарисовав эту «мрачную» для турецкой дипломатии перспективу возможного развития событий в случае нарушения равновесия, Челеби еще раз вспомнил о государственной мудрости хана Селима: «Да пошлет господь милосердие победоносному Селиму-хану: он обдумал все это и принял хорошие меры «предосторожности».

Таким образом, хотя Челеби и говорит о том, что «закон Селима» имел якобы только антимосковскую ориентацию, на самом деле этот закон, регулировавший ритм крымских набегов как на московские, так и на польско-литовские «украины», был законом для всей восточноевропейской политики Турции и Крыма, т. е. такой системой политических мероприятий Стамбула и Бахчисарая в данном регионе, которая обеспечивала необходимое им здесь соотношение сил.

Таким образом, значение труда Челеби и, в частности, указанного раздела этого труда состоит не столько в том, что он, исходя из современной ему политической конъюнктуры, подчеркнул якобы постоянную антимосковскую направленность турецко-крымской политики в данном районе, а сколько в том, что он нарисовал картину налаженного взаимодействия между Стамбулом и Бахчисараем и вместе с тем показал реальную роль турецко-крымской дипломатии в международной жизни всей Восточной Европы XVI—XVII вв.

Автор, таким образом, раскрыл «механизм» крымско-турецкого сотрудничества на восточноевропейской почве, показал, с одной стороны, наличие общих для Порты и Крыма стратегических задач в данном регионе, а с другой стороны, зафиксировал своеобразное «разделение труда» между Портой и Крымом в деле тактического осуществления этих общих стратегических задач, отметил существование традиционного разрыва между формой политических взаимоотношений Порты с восточноевропейскими государствами и реальным содержанием этих отношений, разрыва между внешним «миролюбием» Турции по отношению к Москве и Варшаве и реальной ее воинственностью в этом регионе, воинственностью, осу-

ществлявшейся чаще всего не самой Портой, а ее послушным вассалом — Крымским ханством [12].

Подчеркивая, таким образом, зависимость Крыма от политического курса Стамбула, Челеби прекрасно сознавал тот факт, что использование Портой Бахчисарая осуществлялось не стихийно и беспорядочно, не путем поощрения татарских набегов вообще, набегов в любых направлениях и в любое, произвольно «выхваченное» время, а путем «программирования» этих набегов как в отношении их адреса и сроков, так и их длительности и масштабов.

---

[1] *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

[2] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами. М.: Изд-во АН СССР, 1948.

[3] *Челеби Э.* Книга путешествия: Перевод и комментарии. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. Вып. 1; Наука, 1979, Вып. 2.

[4] *Челеби Э.* Книга путешествия, вып. 1, 2. См. вводные статьи А. Д. Желтякова, А. С. Твертиновой, В. В. Мавродина, А. П. Григорьева, а также: *Анчабадзе Г. З.* «Книга путешествия» Э. Челеби как источник по истории горских народов Кавказа: Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1975.

[5] *Челеби Э.* Книга путешествия, вып. 1, с. 217—219.

[6] Там же, с. 218.

[7] Там же, с. 219.

[8] Там же, с. 218.

[9] Там же, с. 218—219.

[10] *Horn M.* Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rreczypospolitej polskiej w latach 1600—1647.— In: Studia i materiały do historii Wojskowości. Warszawa, 1962, T. VIII.

[11] Там же, с. 219.

[12] Возможно, что именно эта особая роль Бахчисарая в реальной политике Порты и обусловила повышенный интерес Челеби не только к крымской дипломатии, но и к Крыму вообще, к его историческому прошлому (включая и ордынский период его истории), к его населению, многочисленным городам и крепостным сооружениям, к памятникам архитектуры и т. д. Подробнее об этом см.: *Григорьев А. П.* «Книга путешествия» Э. Челеби — источник по истории Крыма XIII—XVII вв.— В кн.: Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. Вып. 3; см. также: *Челеби Э.* Книга путешествия, вып. 1, 2; Księga podróży Ewliji Czelebiego (Wybór). Redakcja naukowa, wybór, Slowo wstępne i komentarze Z. Abrachamowicz. Warszawa, 1969.

ПРОЕКТЫ ВСТУПЛЕНИЯ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ В ПОДДАНСТВО РОССИИ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.

П. В. Советов

В политических связях Восточной Европы с Причерноморьем во второй половине XVII — начале XVIII в. немаловажную роль играли переговоры о вступлении Дунайских княжеств в подданство России или Речи Посполитой с целью их избавления от турецкого владычества.

По этому поводу возникали проекты договоров о подданстве этих княжеств России или Польше (1656, 1673, 1674, 1684, 1711, 1735 гг. и др.). Встречаются проекты договоров о вступлении их в подданство Габсбургской империи с целью избавления от оттоманского владычества (1690). Но Молдавское княжество предпочитало искать освобождение от турецкого ига с помощью вхождения в русское подданство. Такое направление поисков освобождения одевалось в формы обращения к единоверному народу [1].

Проекты договоров о вступлении Молдавии и Валахии в подданство восточноевропейских стран с целью избавления от оттоманского владычества изучались в литературе этих стран. Однако до сих пор остались незамеченными и обойденными важнейшие аспекты социально-политической программы феодальных сословий Молдавии и Валахии, отраженные в этих договорах, и соответственно позиции по данным вопросам русского и польского правительств. Речь идет о типологических аспектах тех форм феодализма, которые были представлены в проектах договоров о подданстве Дунайских княжеств России и Польше.

Существенное значение этих аспектов вытекает из того, что Дунайские княжества в XVI — начале XVIII в. оказались на границе двух различных регионов, отличающихся по господствующим в них типологическим формам феодализма: с одной стороны, балканских районов Турецкой империи, в которых после османского завоевания устанавливается господство феодально-государственных

отношений собственности, а с другой — стран Центральной и Восточной Европы, в которых в то же время получили преимущественное развитие сеньориально-вотчинные отношения феодальной собственности [2]. В самих княжествах после установления турецкого владычества наблюдаются типологические сдвиги в формах феодализма в сторону государственного феодализма, при которых в XVII—XVIII вв. постепенно ослабляются сеньориально-вотчинные отношения и устанавливается господство феодально-государственных [3]. Но полностью переход из одного типологического региона в другой в княжествах так и не завершился, хотя по мере усиления турецкого владычества все более шло приближение к балканскому типологическому региону.

Турецкое владычество было главным катализатором роста феодально-государственных отношений собственности в Дунайских княжествах, поскольку выкачивало из них доходы за счет централизованной ренты в этих княжествах (Турция забирала до 50% этих доходов и до 40% всего прибавочного продукта). В результате централизованная рента выросла до того, что стала в 6—8 раз превосходить сеньориальную, которая была фиксирована и ограничена на относительно низком уровне (например, барщина с двора — от 6 до 24 дней в году) [4]. Более того, во второй половине XVII в. развернулась прямая перекачка вотчиной ренты в централизованную вследствие тяжелого податного обложения феодального вотчинного хозяйства, которое в начале XVIII в. зачастую приравнивалось к крестьянской квоте обложения [5]. В результате в княжествах стал развиваться процесс массового разорения вотчинников-землевладельцев и даже окрестьянивания мелкого землевладения [6]. Лишь служилое боярство приспособилось к господству феодально-государственной эксплуатации, остальные землевладельцы катастрофически, в массовом порядке разорялись [7].

Иными словами, если на Балканах (Византия, Болгария, Сербия и т. д.) после турецкого завоевания частнофеодальные отношения собственности были в значительной степени сломлены и заменены отношениями феодально-государственными (о степени этого слома в литературе идет дискуссия), то в Дунайских княжествах обошлось без такой ломки. Местное частнофеодальное землевладение не было сломлено, но было резко ограни-

чено в экономической реализации этой собственности за счет многократного превосходства централизованной ренты и податей над сеньориальной. В результате, если феодальная собственность на землю как категория юридическая стала исключительно частнофеодальной, то категория экономических отношений собственности на землю стала преимущественно феодально-государственной [8].

В этом смысле формы феодализма в Дунайских княжествах отличались от таких же форм в двух больших регионах, на границе которых они находились: Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, и балканских районов Оттоманской империи в Юго-Восточной Европе — с другой.

Занимая промежуточное место между этими двумя большими типологическими ареалами форм феодализма, Дунайские княжества в проектах своих господствующих классов не могли обойти вопросы, касающиеся форм феодализма, при обсуждении перехода из состава Турецкой империи в подданство России или Польши, поскольку тем самым княжества переходили из-под влияния одного типологического региона форм феодализма в другой. В этом смысле перед авторами проектов подданства возникали две типологические альтернативы (соответствующие формам феодализма в этих двух регионах) при возможности различных компромиссов.

Характерно, что именно вокруг этих альтернатив социально-экономического и политического развития в рамках феодализма (т. е. альтернатив его типологических форм) разгоралась самая острая политическая борьба различных группировок при создании проектов подданства России или Польше с целью избавления от оттоманского владычества. Основная масса феодалов-землевладельцев, отстраненных от господствующей централизованной ренты и разоряющихся в массовом порядке, выступала за перестройку феодальных отношений по сеньориально-вотчинному пути, т. е. по тому пути, по которому шли соседние Польша и Россия. Именно в этом направлении в проектах и договорах предлагалось либо возродить сеньориально-вотчинные отношения в том виде, в каком они существовали до их ослабления в результате турецкого владычества (например, договор 1656 г. между Россией и Молдавией) [9], либо приравнять статус молдавской и валашской вотчины, аграрного строя в целом к

польскому и литовскому поместью и аграрному строю[10]. Модель аграрного феодального строя Польши была для значительной части авторов феодальных проектов наиболее желанным статусом, который они прямо оговаривали как в проектах, представленных польскому королю (например, в 1684 г. проект известного молдавского летописца и государственного деятеля М. Костина), так и в проектах, представленных России (один из вариантов договора 1711 г.) [11].

Правда, позиция служилых бояр была противоречива. Бескомпромиссные позиции против возрождения господства сеньориально-вотчинных отношений собственности за сохранение господствующих в княжествах феодально-государственных форм эксплуатации выступала лишь та часть служилого боярства (преимущественно выходцы из балканских районов Турецкой империи), которая была связана только с доходами от централизованной ренты и не приобрела земельных владений в стране, а также некоторые господари (проект 1673 г.) [12]. Во всяком случае, какое-либо из двух противоположных направлений всегда пронизывает все проекты подданства Молдавии и Валахии, врученные русскому или польскому правительствам в XVII—XVIII вв.

Проект 1673 г. (представленный господарем Шт. Петричейку и служилым боярством польскому королю), а также договор 1711 г. исходили из мысли о сохранении господства феодально-государственных отношений собственности. Проекты же, представленные России в 1656 г. Молдавией и в 1674 г. Валахией, а также проект, представленный Польше в 1684 г., договор о русском подданстве Молдавии 1711 г. (в версии летописи И. Некулче) решали вопрос в пользу установления господства сеньориально-вотчинных отношений собственности (близких к формам феодализма, господствовавших в Польше и России). Рождались и компромиссные варианты, каким был молдавско-австрийский договор 1690 г.[13]

К сожалению, рамки статьи не позволяют сделать анализ всех этих проектов и договоров. Мы остановимся несколько подробнее лишь на одном из них — договоре, заключенном между Петром I и Д. Кантемиром в 1711 г., по которому до сих пор в литературе нет единого мнения. Представляется, что именно подмеченный выше аспект двух направлений в решении статуса форм феодализма,

пронизывающий все проекты и договоры подданства, явится тем средством, которое позволит пролить свет на противоречие в историографии по поводу двух принципиально противоположных версий этого договора. Эти две версии отражены: первая — в тексте договора в виде диплома от 13 апреля 1711 г., данного царем Петром I молдавскому господарю Д. Кантемиру [14], и вторая — в составе молдавской летописи И. Некулче, современника и активного участника событий 1711 г. (ближайшего советника Кантемира и гетмана молдавского войска). Он упоминает о ряде пунктов условий подданства, которые в дипломе отсутствуют, но которые, по свидетельству летописца, зачитывались на господарском совете в присутствии Петра I и Д. Кантемира [15].

В настоящее время среди историков по этому поводу распространены два мнения. По мнению румынского историка П. Панаитеску, господарь Д. Кантемир, опасаясь оппозиции своих бояр к установлению наследственной монархии династии Кантемиров, держал в секрете от них полный текст договора и сообщил им на господарском совете другую версию, которую и приводит в своей летописи И. Некулче [16]. По мнению советского автора Н. Кириченко, такого второго варианта не существовало и он является позднейшим вымыслом, результатом субъективных взглядов летописца И. Некулче, который, будучи ранее сторонником сильной наследственной господарской власти, к этому времени защищал идеи боярской олигархии [17]. Это и послужило, по мнению Н. Кириченко, основанием для того, чтобы он сознательно придумал через четверть века после событий 1711 г. новые пункты, которые вовсе не обсуждались и не существовали в какомлибо виде в 1711 г.

В обоих случаях объяснение базировалось на имевшихся противоречиях в среде господствующего класса Молдавии по вопросу об установлении наследственной монархии. Безусловно, этот вопрос был одним из центральных, но не единственным и, может быть, даже не самым острым.

Мы имели возможность подчеркнуть, что наиболее четкое размежевание различных группировок молдавских феодалов (притом не только боярства) происходило по поводу определения тех форм феодальных отношений, которые должны были установиться в стране после осво-

бождения ее от турецкого ига и перехода в подданство России или Речи Посполитой. Какое же место занял этот вопрос в договоре 1711 г.? Оказывается, в обоих вариантах решение было диаметрально противоположным (в отличие от пункта о наследственной монархии, который содержался в обеих версиях) [18].

В том варианте, который был изложен в дипломе от 13 апреля 1711 г., более четко говорится о наследственной власти Кантемиров на молдавском престоле и необходимости укрепления господарской власти. Но менее четки в нем формулировки, раскрывающие будущие формы феодальных отношений. С этой точки зрения, более всего вызывает интерес пункт 8 диплома, который гласит: «Князь по древному обыкновению всеми волоскими городами, яки собственными маетностми, всегда владеть может и во всех доходах княжества никакой убавки и ущербу да не имел бы» [19]. Первую часть этого пункта можно понять, если учесть структуру феодального землевладения в Молдавии начала XVIII в. Господарский домен был почти ликвидирован и сводился только к землям городов, сел в домене не было (из 1900 сел около 1500 сел принадлежало светским и 400 духовным землевладельцам) [20]. Тем самым диплом 1711 г. подтверждал господарю его домен, который состоял только из городов. Поэтому в дипломе и указывалось, что ими будут владеть господари, «аки собственными маетностми».

Вторая часть статьи как бы противопоставлялась первой, распространяясь уже не только на домен, но и на все остальные частнофеодальные земли княжества (куда входило все крестьянство), где «во всех доходах», очевидно, по сравнению с существующим положением в Молдавском княжестве (т. е. многократным превосходством централизованной ренты с крестьян) для господаря «никакой убавки и ущербу» не будет. В данном контексте это означало, что господарь не должен терять доходы не только с земель домена (т. е. городов), но и от существующего весьма высокого уровня централизованной ренты со всего крестьянства княжества. В значительной степени это означало сохранение высокого уровня феодально-государственной эксплуатации и централизованной ренты в княжестве, хотя нераскрытым оставался вопрос о так называемом «турецком наследстве» в централизованной ренте, поскольку русская сторона твердо гарантиро-

вала в дипломе от 13 апреля 1711 г., что никакой дани с Молдавии брать не будет. Можно предполагать, что и это, образно выражаясь, «наследство» должно было переходить господарю, ибо, планируя создание неограниченной наследственной монархии, необходимо было при отсутствии господарского домена, за исключением земель около городов), предусмотреть и соответствующие налоговые поступления в казну. Такой базой мог стать только высокий уровень централизованной ренты, что требовало сохранения в княжестве господства феодально-государственных отношений собственности. Поэтому пункты диплома от 13 апреля 1711 г. были ближе к той типологической альтернативе развития феодализма (в случае освобождения от турецкого ига), которую олицетворял проект 1673 г. и частично договор 1690 г. Во всяком случае, они были противоположны той альтернативе, которую выражали проекты 1674 и 1684 гг.

Текст же договора 1711 г. (в изложении И. Некулче), который был утвержден в присутствии Петра I и Д. Кантемира на господарском совете, приводит к совершенно иным выводам. Правда, наследственная монархия династии Кантемиров предусматривается и здесь, лишь выглядит она более ограниченной, чем в дипломе от 13 апреля 1711 г.[21] Самые разительные отличия между дипломом и летописью И. Некулче наблюдаются в вопросе определения тех форм феодализма, которые должны будут установиться в княжестве после освобождения от турецкого ига и вхождения в русское подданство. Согласно летописи, договор предусматривал огромное сокращение феодально-государственной эксплуатации и централизованной ренты, с одной стороны, и значительное возрастание сеньориальной ренты и вотчинных доходов — с другой.

Для этого предусматривалась в первую очередь полная отмена подушной подати в княжестве: «Чтобы бир не давала страна ни одного бана»[22]. Между тем в условиях турецкого ига бир платили не только крестьяне, но и феодалы. Доходы господаря согласно летописи ограничивались только соляной пошлиной и городскими налогами, «а других податей дабы не было», уточняется в летописи[23]. Но если бир полностью ликвидировался, то другие важнейшие и наиболее древние государственные натуральные повинности не просто подлежали отмене. Они передавались из русла феодально-государственной

эксплуатации в русло сеньориально-вотчинной, частновладельческой: землевладельцы «чтобы владели вотчинами и крепостными (вечинами) своими, чтобы взыскивали десятину и гоштину с овец и улиев со своих вотчин» [24].

В общегосударственном масштабе эти основные виды централизованной ренты с крестьянского хозяйства (десятина с улиев и вина, гоштина с овец и свиней) никогда еще не передавались в Молдавии феодалам-землевладельцам в корпоративном порядке. Феодалы-землевладельцы, которые раньше, в условиях турецкого ига, сами в виде перекачки вотчинной ренты в централизованную платили эти подати (бир, десятину, гоштину) не только освобождались от них, но и в порядке обратной перекачки централизованной ренты в сеньориальную должны были получить в свою пользу большую часть этих податей (десятину и гоштину) со своих зависимых крестьян.

Однако именно в этой части текст договора в его разных редакциях расходился особенно резко. Редакция договора в дипломе предусматривала сохранение существующего в Молдавии господства феодально-государственной эксплуатации. В редакции И. Некулче предусматривалась перестройка в Молдавии форм феодализма.

Между тем в пользу того, что текст договора в редакции И. Некулче существовал или по крайней мере обсуждался и был принят на господарском совете, говорит обнаруженное нами известие в другой летописи (раковицкой). Она не оставляет сомнений в том, что на господарском совете в июне 1711 г. бояре и духовенство обсуждали именно пункты договора, имеющиеся в летописи И. Некулче, но отсутствующие в дипломе, который вообще не был известен большинству бояр и до конца держался в секрете [25].

Автор раковицкой летописи сообщает, что среди зачитанных на совете пунктов были: установление наследственного владения престолом и решение о том, что «доходы самого господаря ограничивались таможнями, солеварнями и городами, а на страну более ни одной повинности не накладывать, чтобы каждый владел своими селами и имениями со всем доходом, монастыри, бояре и другие жители подобно тому, как в стране Польской, каждый волен был владеть тем, чем имеет» [26]. Итак, на господарском совете речь шла не только о наследственной монархии, но и о давно облюбованной значительной

частью молдавских феодалов-землевладельцев польской модели аграрного строя и феодальной эксплуатации крестьян, которая противопоставлялась господству феодально-государственной эксплуатации и была раньше изложена в проектах 1674 и 1684 гг.

Здесь и кроется основная причина того, что Д. Кантемир предложил внести пункт о наследственной монархии не только в диплом, но и в текст редакции договора, зачитанного и принятого на господарском совете, в то время как пункты о так называемой «польской модели» построения феодальной эксплуатации сообщил только на господарском совете, но не предложил включить их в диплом. Более того, в дипломе содержалось другое (почти противоположное) решение этих пунктов.

Такой политический маневр господаря вполне вероятно носил характер своеобразного компромисса с целью объединения феодальных сословий в предстоящей русско-молдавской военной кампании против Турции. Он объяснялся необходимостью привлечь на свою сторону значительную часть разоряющихся от тяжелого налогообложения землевладельцев-вотчинников, которые выражали недовольство преобразованием в конце XVII — начале XVIII в. большей части вотчинной ренты в централизованную. В их глазах стандарт феодальной жизни, отраженный в проекте 1684 г., составленном М. Костиным, и в договоре 1711 г. (в редакции И. Некулче), являл собой желанный образец, из-за осуществления которого они готовы были вновь взяться за оружие.

Расчет Д. Кантемира оправдался. Как пишет летописец И. Некулче, «бояре-мазылы нача и приходить из бегов в его войско и мало кто не пришел... также и служилые люди пришли как услышали» [27]. Остальная часть войска состояла из ремесленников, боярских слуг, мелких землевладельцев — всех тех, кто обычно поддерживал укрепление господарской власти, а в данном случае в приходе русских войск видел свое освобождение от турецкого владычества и непосильного налогообложения.

Неудача Прутского похода Петра I отложила вопрос о русском подданстве Молдавии, а вместе с ним надежды феодалов-землевладельцев на восстановление сеньориальных доходов за счет перестройки системы феодальной эксплуатации и изменения форм феодализма. Но и впоследствии, когда вопрос возникал вновь, молдавские и

валашские землевладельцы стремились оговаривать эту перестройку форм феодализма в проектах подданства России с целью освобождения от турецкого владычества. Эти мотивы мы встречаем и в проекте договора от 5 сентября 1739 г., обращении молдавских землевладельцев к русской императрице 18 ноября 1769 г., записи декабрьских пунктов 1769 г. и мартовских пунктов 1770 г. молдавских и валашских бояр и т. д.[28]

---

1 См., например, документы 1688 и 1697 г. (Исторические связи народов СССР и Румынии. М.: Наука, 1970, т. III, с. 116—118.

2 Подробнее о материалах Кишиневского симпозиума 1973 г. см.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев: Штиинца, 1973, с. 4—7, 84—93, 114—140.

3 Там же, с. 84—93.

4 *Дмитриев П. Г., Советов П. В.* Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV—XVIII вв.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. (Вильнюс), 1965, с. 268—285.

5 *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1972, т. 1, с. 466—470.

6 Там же, с. 456—486.

7 Там же.

8 Там же, с. 427—439, 494.

9 *Советов П. В.* Типологические аспекты молдавского феодализма.— Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975, с. 136—143.

10 Там же, с. 152—156.

11 Там же, с. 167—169.

12 Там же, с. 143—146.

13 Там же, с. 136—169.

14 Исторические связи народов СССР и Румынии, т. III, с. 323—327.

15 *Некулче И.* О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1974, п. 239.

16 *Panaitescu P.* D. Cantemir. Viaţa şi opera. Bucureşti, 1958, p. 104.

17 *Кириченко Н.* Текст русско-молдавского договора 1711 г. и соответствие его летописи И. Некулче.— В кн.: Вековая дружба. Кишинев, 1961, с. 198—210.

18 *Некулче И.* О самэ де кувинте, п. 239.

19 Исторические связи народов СССР, т. III, с. 325.

20 *Советов П. В.* Исследования по истории.., т. 1.

21 *Некулче И.* О самэ де кувинте, п. 239.

22 Там же.

23 Там же.

24 Там же.

25 *Советов П. В.* Типологические аспекты..., с. 194.

26 *Kogălniceanu M.* Cronicele României sau Letopiseţele Moldovei şi Valahiei. Bucureşti, 1874, t. III, p. 46—47.

27 *Некулче И.* О самэ де кувинте, п. 249.

28 *Советов П. В.* Типологические аспекты..., с. 196—197.

ЛЕТОПИСЕЦ МИРОН КОСТИН — ОДИН ИЗ ПОБОРНИКОВ ПРОПОЛЬСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛДАВИИ XVII В.

Е. М. Руссев

Проблема внешнеполитической ориентации отдельных летописцев Молдавии XVII в., как и вопрос об исторических предпосылках возникновения и утверждения той или иной «международной» направленности их соченений, уже были предметом нашего рассмотрения в предшествующих изданиях Комиссии историков СССР — ПНР, в частности, уже была опубликована моя работа, посвященная летописцу Григорию Уреке — одному из видных молдавских идеологов пропольской ориентации первой половины XVII в.[1] В настоящей статье мы продолжаем начатые исследования, обращаясь на этот раз к публицистической деятельности другого пропольски настроенного молдавского летописца, а именно к литературной работе Мирона Костина (1633—1692). Для того чтобы лучше понять характер творчества М. Костина, становление идейно-политических взглядов этого летописца, следует иметь в виду некоторые важные факты его биографии.

Так, следует учитывать прохождение им курса соответствующих наук в польско-иезуитской школе г. Бара на Подолии[2], получение им шляхетства[3], службу в Королевском войске и непосредственное участие в Берестечской битве 1651 г.[4], самые тесные его контакты с влиятельными политическими кругами Речи Посполитой[5].

Вместе с тем нельзя игнорировать и те факты биографии М. Костина, которые подчеркивали его высокое положение в государственном аппарате Молдавского княжества, раскрывали его исполнительность при проведении санкционированных Портой политических мероприятий и в то же время свидетельствовали о его осторожности при появлении возможности сотрудничать с Польшей.

Так, несмотря на победу, одержанную над турками Яном Собесским в сражении под Хотином (1673), М. Костин отказался следовать за господарем Стефаном Петричейку, перешедшим на сторону победителя[6]. В начале 1674 г. М. Костин выполнял важную посредническую мис-

сию в переговорах между турецким правительством и Яном Собесским [7]. Доложить великому визирю о результатах этой миссии М. Костин в апреле поехал в Польшу, где снова встретился с будущим польским королем [8].

Между тем, несмотря на мирные переговоры, летом 1675 г. возобновилась борьба между польскими войсками и турецкой армией; Собесский одержал еще одну победу, после чего опять велись мирные переговоры, в которых снова принял участие М. Костин, представляя Порту и молдавского господаря. Так, весной 1676 г. он вел переговоры в Адрианополе по поводу заключения польско-турецкого мира [9]. Однако, выполняя важные поручения Порты и ее вассала — молдавского господаря, М. Костин в то же время поддерживал все более тесные контакты с правящими кругами Польши.

Проникаясь все большей верой в силу Речи Посполитой и питая всевозрастающие надежды на освободительную миссию Яна Собесского, молдавский хронист все смелее проявляет крепнущие в нем пропольские настроения. В своей известной польской «Хронике страны Молдавской и Мултянской», посвященной в 1677 г. Марку Матчыньскому, Костин без обиняков заявляет, что написал свое произведение по просьбе Яна Собесского, и высказывает пожелание, чтобы королевское «счастье... волею всевышнего спасло бы и нас от погибели» [10].

12 сентября 1683 г. польское войско, предводительствуемое Яном Собесским, разгромило под стенами Вены турецкую армию великого визиря Карры Мустафы. После своей блестящей победы, приведшей к снятию османской осады австрийской столицы, король считал, что сложившаяся в Европе обстановка благоприятствует проведению антиоттоманской политики. А этому содействовало то, что, как указывал К. Маркс, «организация Турецкой империи находилась тогда в состоянии разложения и что уже за некоторое время до этого эпохе оттоманского могущества и величия быстро приходит конец» [11].

Венский разгром турок усугубил положение Османской империи, благоприятствовал подрыву ее господства в Европе, открывал перед европейскими державами перспективу приращений за счет султанских владений.

В Европе создалась антитурецкая «Священная лига», в которую вошли Польша, Австрия, Бранденбург, Венеция и Франция, а с 1686 г.— и Россия.

Военными действиями были охвачены различные территории Восточной Европы, в том числе и Молдавии, которая входила в сферу интересов Речи Посполитой. Ян Собесский не без основания надеялся на то, что его антитурецкие планы встретят сочувствие в среде определенной части молдавских бояр пропольской ориентации, а также и среди высшего духовенства, видевшего в короле избавителя страны из-под ига «неверных».

Блестящая победа польского войска знаменовала поворотный момент и в положении Мирона Костина, занимавшего высшую должность Молдавии — великого логофета.

Возвращаясь из-под Вены, где он вынужден был находиться вместе с господарем в рядах турецкой армии, летописец попал в плен [12], и его препроводили в Польшу. После представления королю в Яворове 21 марта 1684 г. Костину был передан в качестве резиденции королевский охотничий замок в Дашаве, близ Стрыя, в котором он провел около двух лет.

Здесь-то и написал он известную «Польскую поэму», посвященную Яну Собесскому, чье расположение к Молдавии он и старался этим разбудить.

Поэт оплакивает горькую участь своей родины и с тревогой вопрошает у бога: «есть ли еще какая-либо надежда на спасение или же мы ныне вконец погибнем?» [13]. Костин сетует на захват турками днестровско-дунайских крепостей и с сожалением отмечает: «...сколь полезны были бы они ныне, когда бог поручил спасенье наше деснице твоей, великий король Иоанн» [14].

Стихотворец пытается воздействовать на поляков и иным путем, рисуя перед ними мрачные последствия, которые повлекло бы за собой превращение Молдавии в турецкий пашалык: «Тогда увидишь ты, поляк, каких соседей обретешь ты у рубежей своих» [15] — и призывает воспользоваться удобным случаем, на «который господь указует богатырской рукою короля» [16].

Заключительный аккорд поэмы звучит оптимистически: «Не теряйте надежды, страна моя и Подолия! Вызволит вас из пропасти Иоанн Великий, король Польши!» [17].

Глубокая уверенность М. Костина и его политических соратников в освободительной миссии Польши была столь непоколебима, что они выработали известный Жулкевский меморандум от 25 июля 1684 г. [18], который преду-

сматривал магнатско-шляхетские вольности для молдавского боярства. Авторы меморандума трезво оценивали ситуацию после венской победы и учитывали экспансионистские планы Яна Собесского в Нижнем Подунавии.

В претворении в жизнь этих далеко идущих планов немаловажная роль отводилась королем своему пленнику — гостю Мирону Костину. Последний отражал настроения тех молдавских бояр, которые одобрительно относились к королевским проектам [19]; он же собирал достоверные сведения о положении в Молдавии [20].

26 сентября 1685 г. Мирон получил письмо (датированное 17.IX) от своего брата великого гетмана Величко Костина, который усиленно советовал ему вернуться на родину, заверяя его в расположении к нему господаря Константина Кантемира и будущего великого визиря Сулеймана [21]. Для репатриации требовалось согласие короля, с которым наш летописец встретился в Жулкве в ноябре 1685 г.

Королевское соизволение дано было ему тем охотнее, что репатриация Костина прекрасно согласовывалась с военно-политическими планами Собесского, располагавшего в лице летописца ценным соратником, которому предстояло привлечь на сторону Польши молдавского господаря и бояр — сторонников освободительной войны против османов [22]. Гетман Станислав Яблоновский 19 ноября 1685 г. вручил Костину деньги на дорожные расходы и обещал ему и его брату Величко денежные подарки. О своем возвращении на Родину Костин сообщил через нарочного, прибывшего в Польшу 10 декабря.

Несмотря на то что Костин, по свидетельству летописца Некулче, пользовался «милостью и честью» у господаря Константина Кантемира [23], последний все же питал к нему недоверие. Вот почему вместо восстановления его в прежней должности великого логофета он назначил его старостой Путнянского цинута [24], удалив его тем самым, елико возможно, от молдавско-польской границы.

Боясь турецко-татарских репрессий и опасаясь за судьбу сына-заложника в Константинополе, господарь Константин Кантемир был вынужден проводить двойственную политику. Он поддерживал контакты с поляками, но выполнял и обязанности ставленника султана.

Костин не порывал связей с королем Яном Собесским, гетманом Станиславом Яблоновским и киевским

воеводой Андреем Потоцким, своими зашифрованными письмами информируя их о положении дел в этих краях и советуя подчас совершить те или иные акции [25].

В конце 80-х годов экспансионистские тенденции начинает проявлять и австрийский император Леопольд, стремившийся приобщить Молдавию и Валахию к Священной римской империи германской нации [26].

Учитывая создавшуюся ситуацию, Мирон Костин и известный валашский книжник стольник Константин Кантакузино летом 1688 г. поторапливали гетмана Яблоновского, ибо в противном случае, как они подчеркивали в своем письме, «дело будет потеряно» [27]. Предпринятые поляками военные акции разбились о турецко-татарское противодействие.

Более того, 15 февраля 1690 г. через своих уполномоченных Константин Кантемир заключил договор с Леопольдом, которым император обязался защищать неприкосновенность молдавских границ, а господарь — принести присягу на верность новому сюзерену, когда имперские войска достигнут р. Сирет и крепости Брэила [28]. Бояре — сторонники господаря — поддержали эти дипломатические шаги.

Согласно свидетельству французского миссионера-землепроходца Филиппа д'Авриля, находившегося в это время в Яссах при господарском дворе, Кантемиру удалось принудить Мирона Костина, «весьма преданного интересам Польши», подписать договор с Австрией только после того, как он «несколько раз грозился его обезглавить и уничтожить всю семью его» [29]. Сведения эти подтверждаются и письмом от 16 апреля 1690 г. секретаря французского посольства при Оттоманской Порте, находившегося в Яссах на протяжении 12 дней. В свою очередь посол Кастаньер в дипломатическом донесении от 15 июня того же года сообщал королю Людовику XIV, что господарь и молдавское боярство «за исключением бывшего канцлера (М. Костина.— *Е. Р.*) и кое-кого из его партии» (пропольской.— *Е. Р.*) действовали в направлении сближения с Габсбургами [30].

Поляризация крупных молдавских феодалов проявлялась все четче: с одной стороны, господарь и большинство служилого боярства, склоняющиеся к Австрии, с другой — Мирон Костин и его единомышленники, остающиеся верными пропольской ориентации.

Отношения с Кантемиром и его боярским окружением все более обострялись. Напряжение возрастало в условиях дворцового заговора Величко Костина и новой кампании, предпринятой Собесским в Молдавию в 1691 г.

Чувствуя, что круг все более замыкается, и опасаясь, что назревавший конфликт с господарем может иметь печальный для него исход, Мирон Костин 20 октября вторично обратился с тревожным письмом к старому другу своему Марку Матчыньскому, которого слезно молил «защитить его от последней погибели» [31]. К сожалению, этот отчаянный призыв не нашел отклика — поляки были вынуждены поспешно отступить.

Час искупления для Костинов наступил. После расправы над Величко [32] пришла очередь и Мирона, которого господарские слуги схватили у изголовья его усопшей жены и обезглавили в декабре 1691 г.[33]. Так, в расцвете творческих сил, трагически закончил свою жизнь летописец Мирон Костин — решительный поборник пропольской ориентации его многострадальной отчизны.

Походы Яна Собесского, увы, не привели к освобождению Молдавии, которая по Карловицкому миру 1699 г. продолжала оставаться под властью султана. Это привело к прекращению деятельности пропольской партии.

Место ее на политической арене Молдавского княжества XVIII в. прочно заняла прорусская партия, сторонники которой грядущее избавление отечества справедливо связывали с растущим могуществом Русского государства [34], в котором балканские народы, по образному выражению Фр. Энгельса, видели «своего естественного освободителя и покровителя» [35].

---

1 *Руссев Е. М.* Творческое восприятие польской историографии боярским летописанием Молдавии.— В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М.: Наука, 1976, с. 283—291; см. также: *Уреке Гр.* Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу: Штиинца, 1971.

2 *Уреке Гр.* Летописецул Цэрий Молдовей, п. 8.

3 Там же, п. 11.

4 *Costin M.* Opere. Bucureşti, 1965, I, p. 95, 125.

5 Ibid., p. XIV.

6 *Некульче И.* О самэ де кувинте: Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1969, с. 100—101.

7 *Iorga N.* Acte româneşti din Ardeal, privitoare în cea mai mare parte la legăturile secuilor cu Moldova.— Buletinul Comisiei istorice a României, 1916, vol. II, p. 226.

[8] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia ab anno 1507 usque ad annum 1795, II. Acta Joannis Sobieski, t. I, pars II. 1672—1674. Cracoviae, 1881, s. 1425.
[9] *Corfus S.* O nouá scrisoare a lui Miron Costin.— Studii Revistă de istorie (Bucureşti), 1971, t. 24, p. 246—248.
[10] *Costin M.* Opere, p. 218.
[11] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 10, с. 262.
[12] Подробнее об этом см.: *Некулче И.* О самэ де кувинте, с. 120—124.
[13] *Costin M.* Opere, I, p. 248.
[14] Ibid., p. 247.
[15] Ibid., p. 262.
[16] Ibidem.
[17] Ibidem.
[18] Hurmuzaki — J. Bogdan. Documente privitoare la istoria Românilor. Bucureşti, 1900, Supl. II, vol. III, Fasc. 1. 1641—1703, p. 151.
[19] *Chowaniec Cz.* Miron Costfn en Pologne. Contributions à l'année 1684—1685.— In: Inchinare lui Nicolae Iorga cu prilejul împlinirii vîrstei de 60 de ani. Cluj, 1931, p. 115—117; *Spieralski Z.* Awantury moldawskie. Warszawa, 1967, s. 199—200.
[20] О значении этой информации для поляков свидетельствует, в частности, и тот факт, что случаи ее несвоевременного поступления должны были мотивироваться, что́ Костин и делает в своем письме от 6.X 1685 г. к Станиславу Щуке. *Costin M.* Opere, II, с. 139.
[21] *Chowaniec Gr.* Miron Costin..., p. 120—121.
[22] Анализ предпосылок репатриации Костина см.: *Chowaniec Cr.* Miron Costin..., p. 122—124; *Spieralski Z.* Awantury..., c. 200—201.
[23] *Некулче И.* О самэ де кувинте, с. 136.
[24] Там же, с. 137.
[25] Hurmuzaki — I. Bogdan. Documente..., Supl. II, vol. III, Fasc. 1, p. 157—158, 176—177, 184.
[26] *Moga I.* Rivalitatea polono-austriacă şi orientarea politică a ţărilor române la sfîrşitul secolului XVII. Cluj, 1933, p. 160—170.
[27] Hurmuzaki — I. Bogdan. Documente..., Supl. II, vol. III, Fasc. 1, p. 177.
[28] *Moga J.* Rivalitatea..., c. 182—183.
[29] *d'Avril Ph.* Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine. Paris, 1692; *A. Papiu-Ilarian.* Tezaur de monumente istorice. Bucureşti, 1864, t. III, p. 190.
[30] Hurmuzaki — Gr. Tocilescu şi A. Odobescu. Documente. Bucureşti, 1886, Supl. I, vol. I, p. 287.
[31] *Sarnecki K.* Pamiętniki z czasów Jana Sobieskiego. Wrocław, 1958, s. 347; *Spieralski Z.* Avantury..., s. 204.
[32] *Некулче И.* О самэ де кувинте, с. 150.
[33] Там же, с. 150—151.
[34] Подробнее об этом см.: *Руссев Е. М.* Дмитрий Кантемир — поборник свободы и независимости Отчизны.— Лимба ши литература молдовеняскэ, 1973, № 3, с. 1—18.
[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 9, с. 32.

ДВА НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ МОЛДАВИИ И ИХ ПРЕЛОМЛЕНИЕ В ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ПОЛЬШЕЙ В 80—90-е ГОДЫ XVII В.

Л. В. Власова

80—90-е годы XVII в.— один из завершающих этапов многовековой борьбы народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы против Османской империи. В эту борьбу, особенно в указанные годы, значительный вклад внесли военные усилия Польши, что проявилось как в битве под Веной (1683), так и в молдавских кампаниях господаря Петричейку и гетмана Куницкого (1683), С. Яблоновского (1685), Я. Собесского (1686 и 1691 г.). Тем не менее Карловицкий мир (1699) закрепил, как известно, молдавское княжество за Портой.

Вопросы о целях и методах внешней политики верхушки правящего класса Молдавского княжества, о факторах, их обусловливавших, важны для выяснения некоторых причин неудач Польши в этой войне и играют определенную роль при изучении отдельных аспектов политических взаимоотношений Турции с державами Юго-Востока Европы. Именно поэтому мы и избрали их темой данного исследования.

Теоретическую основу той социологической интерпретации внешней политики Молдавии второй половины XVII в., которая дается в настоящей статье, составляют научные выводы и обобщения молдавских историков относительно типологии феодализма вообще и в Молдавии в частности.

Первый из них — вывод о том, что экономические интересы крупного служилого боярства в рассматриваемый период концентрировались при дворе и удовлетворялись главным образом в зависимости от должности, занимаемой в государственном аппарате. Остальные доходы поступали от имений, большая часть которых находилась в княжестве. Второй вывод — выдвинутое П. В. Советовым положение о двух альтернативных путях развития фео-

дализма в Молдавии: феодально-государственном и сеньориально-вотчинном [1]. Мы применим их для объяснения конкретной истории молдавско-польских политических отношений 80-90-х годов XVII в.[2]

С началом нового этапа активной борьбы ряда стран против Оттоманской Порты (1683 г.) роль Дунайских княжеств в международных отношениях значительно возросла. Княжества стали не только объектом борьбы (как военной, так и дипломатической) Порты с державами антитурецкого союза. Вопрос о власти над этими важными в экономическом и стратегическом отношении провинциями стал причиной жестоких разногласий а затем и неприкрытого соперничества между Польшей и Австрией.

В чрезвычайно сложной международной обстановке рассматриваемого периода правившие Молдавией господарь и крупное служилое боярство осуществляли ставший уже традиционным внешнеполитический курс страны. Основными внешнеполитическими целями верхушки феодального класса Молдавии было сохранить относительную самостоятельность княжества (в составе Порты или в составе одной из европейских держав, с помощью которой Молдавия могла бы освободиться от турецкого ига), свои богатства, привилегии и свободу православного вероисповедания. Однако при наличии единства целей внутри правящей верхушки молдавского боярства существовали различные мнения по поводу путей их достижения. Эти разногласия, обусловленные рядом политических и социально-экономических причин, нашли свое выражение в оформлении двух основных вариантов внешней политики княжества и соответственно в оформлении двух внешнеполитических группировок — «протурецкой» и «прохристианской» [3].

Но при исследовании внешней политики Молдавии историк не может не обратить внимания на тот факт, что между вышеназванными группировками не было непроходимой грани. Так, «протурецки» настроенное боярство никогда не отказывалось от дипломатических контактов с соседними христианскими странами (Г. Дука, К. Кантемир, И. Руссет), в то время как у сторонников «прохристианской» ориентации политические симпатии в подавляющем большинстве случаев не соответствовали их политическому поведению. Поэтому в наиболее критиче-

ских ситуациях, когда внешнеполитические программы обеих группировок, казалось, диктовали им немедленное и решительное размежевание, они, наоборот, выступали единым фронтом, на время забывая обо всех внутрипрослоечных противоречиях и вражде.

Победа Яна Собесского под Веной и образование новой антитурецкой коалиции значительно активизировали освободительные настроения в княжестве, но последовавшие одна за другой неудачные кампании в Молдавию (1683—1684) показали правящей верхушке молдавского боярства, что Порта вовсе не так слаба, как казалось, а Польша не так сильна и надежна. Однако неудачи, по-видимому, не сразу обескуражили ту часть молдавского боярства, которая верила в близкую победу над Турцией. Так, летом 1684 г. попавший в польский плен канцлер Молдавии Мирон Костин представил Яну III проект условий, на которых княжество после победы над турками могло войти в состав Речи Посполитой.

Как показал проведенный П. В. Советовым анализ экономического аспекта этого документа, он представлял собой программу поворота феодального хозяйства Молдавии к господству сеньориально-вотчинных отношений собственности, что соответствовало интересам не только крупных землевладельцев, но и самых широких слоев господствующего класса страны [4]. Есть все основания полагать, что Ян III отнесся к этому проекту благожелательно.

Однако в последующие годы (1686—1688) М. Костин, ставший признанным лидером «прохристианской» группировки, и часть крупных служилых бояр, разделявших его политические симпатии, не возражала, по-видимому, и против второй альтернативы социально-экономического развития страны, которую выдвигал, в частности, господарь К. Кантемир.

Переговоры К. Кантемира с Яном Собесским в 1686—1688 гг. велись, по нашему мнению, с ведома и благословения его ближайших советников Г. Костаке и М. Костина. Так, по свидетельству летописца, Г. Костаке, «мажордом» К. Кантемира, родственник и друг братьев Костинов, имевший безраздельное влияние на господаря, управлял всеми делами страны с 1685 по 1688 г.[5] О том, что в переговорах активное участие принимал и Мирон Костин, свидетельствует как его участие в составлении проекта об укреплении молдавских крепостей, представ-

ленного королю в 1687 г., так и его письмо от 25 июня 1688 г., являющееся, по нашему мнению, прямым продолжением переговоров с поляками господарского посла Саввы (январь 1688 г.), в котором этот видный молдавский боярин призывал короля как можно быстрее войти в Молдавию, чтобы защитить ее от австрийского вторжения [6]. В указанное время вместе с этими боярами и К. Кантемиром выступал, по-видимому, и И. Руссет, в 1685 г. спасенный Г. Костаке и В. Костином от гнева господаря и тогда же назначенный великим вистерником княжества [7]. Впоследствии И. Руссет, вступив в острую борьбу за влияние на господаря с братьями Костинами (видимо, где-то с середины 1688 г., т. е. после смерти Г. Костаке) [8], стал их непримиримым врагом и одним из главных виновников их казни.

По мнению П. В. Советова, во время переговоров 1686—1688 гг. К. Кантемир выставлял условиями перехода под польский сюзеренитет сохранение в Молдавии государственного типа феодализма и наследственное управление страной для своей династии [9]. Надо полагать, что, например, в 1686 г. король принял эти условия, ибо господарь со своей стороны обещал ему поддержку во время очередного похода против турок. Что же произошло на самом деле?

Ни К. Кантемир, ни кто-либо из крупных служилых бояр, даже тех, кто традиционно называется исследователями в качестве представителей «пропольской партии» (Мирон Костин и его брат гетман молдавских войск Величко), не оказали полякам даже минимальной, но столь необходимой им помощи правдивой информацией о состоянии княжества, проводниками, картами и т. п.[10] Даже Д. Кантемир, явно враждебный братьям Костинам, свидетельствует, что ни один из крупных служилых бояр, настаивавших во время бурного совета в Епуренах на присоединении к королю (среди них историк в первую очередь называет В. Костина), не покинул господаря, а последовал вместе с ним в турецко-татарский лагерь [11].

По нашему мнению, именно пассивность большинства людей, считавшихся в Польше сторонниками Собесского, была причиной высказываний Бетюна о Молдавии как о вражеской стране; сообщение хельмского кастеляна о том, что «молдаване нам враждебны», и, наконец, откровенное признание самого Я. Собесского о том, что «колеб-

лющая, непостоянная верность волохов и мултян, которые... *все свои обеты и на святом Евангелии учиненные присяги вскоре отринули* (выделено нами.— *Л. В.*) и сотворили, что их больше боятися и опасатись нежели на помочь призывати мы принуждены были» [12]. Кампания 1686 г. потерпела неудачу, и немалая доля вины, за это, по вполне разделяемому нами мнению польского историка Ч. Хованца, лежит на молдавском господаре и правившей страной верхушке молдавского боярства.

Аналогичной была позиция К. Кантемира и крупного служилого боярства и во время похода короля в Молдавию в 1691 г.[13] Несмотря на то что К. Кантемир непосредственно перед кампанией очень скомпрометировал себя перед поляками, Ян III, войдя в Молдавию, в своем универсале, обращенном к господарю, всем боярам и жителям княжества, просил у них помощи и поддержки. Король напоминал, что, по признанию самих молдаван, он является законным сюзереном этой страны и обещал жителям освободить их от турецкого рабства и сохранить все старинные вольности княжества [14]. Но господарь и правящая верхушка молдавского боярства остались глухи к призывам короля. 5—6 октября 1691 г., накануне начала тяжелого отступления польской армии, венецианский резидент Альберти (очевидец похода) писал, что на военном совете было признано, что до сих пор с молдавскими боярами нет общего языка и о склонении их на свою сторону нет и речи [15]. Поход 1691 г., как известно, закончился еще более тяжелым фиаско, чем кампания 1686 г.

Мы не можем признать правильным утверждения о том, что уход в Польшу митрополита Досифея есть доказательство активности «пропольской партии» молдавских бояр. Причины, побудившие Досифея оставить страну, многочисленны и разноплановы. Нам важно отметить лишь тот факт, что, несмотря на свою добрую волю, один Досифей не оказал, да и не мог оказать королю эффективной помощи.

Мы не можем согласиться и с мнением тех историков, которые рассматривают письмо М. Костина к М. Мадзиньскому от 20 октября 1691 г. как свидетельство катастрофического положения этого боярина из-за активного проведения им пропольской политики [16]. Во-первых, детальное исследование хода кампании 1691 г., как и выше-

приведенное свидетельство Альберти, полностью отрицает наличие такой политики.

Во-вторых, обращает на себя внимание существенное противоречие в тексте письма. С одной стороны, М. Костин молит оказать ему помощь, иначе он погибнет из-за своей преданности полякам. С другой стороны, он пишет: «Я припал бы к ногам панским (королевским.— *Л. В.*), но там (у господаря.— *Л. В.*) два моих сына, а родственник уже погиб» [17]. Наличие этого последнего обстоятельства вообще ставит под сомнение желательность для М. Костина столь горячо просимой им помощи (которую, кстати, в тех условиях было невозможно оказать). Это противоречие, на наш взгляд, показывает, что истинной целью данного документа, как и представленного в 1687 г. проекта укрепления с польской помощью молдавских крепостей, было оправдать перед королем бездеятельность «прохристианской» группировки во время похода и одновременно обеспечить возможность контактов с Польшей на будущее.

О том, что поляки именно так и поняли цели письма М. Костина, говорят факты. М. Костин послал в польский лагерь два письма. На первое письмо, судя по всему аналогичное по содержанию второму, ответа на последовало [18]. В составленном же по приказу Собесского ответе на второе письмо вопрос о катастрофическом положении М. Костина полностью обходится. Зато первая фраза говорит сама за себя: «Его королевская милость не нуждается сейчас в том, чтобы он (М. Костин.— *Л. В.*) приезжал оттуда сюда...». (В самом деле, чем сейчас, когда каждому было ясно, что кампания бесповоротно проиграна, сейчас, в разгар тяжелого отступления из Молдавии, мог помочь полякам открытый переход на их сторону даже столь авторитетного боярина, как М. Костин?) Далее король выражал понимание тех причин, которые не позволили М. Костину присоединиться к его войску и заверял его в своем милостивом к нему отношении [19]. Кроме всего сказанного, можно прибавить, что М. Костину, не скомпрометировавшему себя никакими пропольскими действиями и готовившемуся близко породниться с господарем, не было никакого смысла обрекать себя на лишения и неизвестность новой эмиграции.

Цели и методы внешней политики правящей верхушки молдавского боярства раскрываются очень ярко и в

критической ситуации 1689—1690 гг. В эти годы Молдавии реально угрожало австрийское вторжение. Не надеясь уже ни на заступничество Польши, ни на помощь Турции, лидеры обеих группировок К. Кантемир и М. Костин поначалу в тайне друг от друга вступают в переговоры с представителями австрийского военного командования [20]. Однако во время этих переговоров господарь и его бояре столкнулись с одним очень неприятным для них фактом: в отличие от польского короля австрийская военщина, уверенная в своей силе, не только корректировала условия, выдвинутые молдавской стороной, но и властно диктовала свои.

Как показал П. В. Советов, Австрия предлагала Молдавии такой путь развития феодализма, при котором отчасти сохранившиеся феодально-государственные отношения собственности мешали прочному укреплению сеньориально-вотчинных. Кроме того, Австрия требовала от Молдавии большой ежегодной дани и категорически отказывалась передать управление страной династии Кантемиров [21]. Таким образом, австрийские условия не удовлетворяли целиком требований К. Кантемира и не были выгодны крупному служилому боярству, как условия, на которые, по-видимому, согласилась Польша в 1684 г. Если австрийский вариант не позволял К. Кантемиру реализовать своих требований, то М. Костин не мог не видеть всей бесполезности защищать и даже вообще выдвигать свои условия в том варианте, в котором он представил их польскому королю в 1684 г. Однако перед лицом силы, агрессивного давления и угрозы не договориться вообще ни о чем, поставив себя тем самым в положение завоеванной вражеской страны, т. е. перед угрозой интересам всей правящей верхушке, обе группировки сплотились и пошли на необходимый в той внешнеполитической ситуации шаг: их лидеры подписали мало выгодный обеим группировкам договор с Австрией.

Чтобы быть до конца последовательными, следует отметить, что по договору К. Кантемир терял больше всех. Он не был крупным землевладельцем, и, следовательно, значительное сокращение получаемой им доли централизованной ренты и переход части «турецкого наследства» в руки Австрии фактически разрушали его материальное благосостояние. А поскольку Австрия категорически отказалась признать наследственное правление дома Канте-

миров, то после смерти старого князя его потомки были обречены на весьма скромное существование, в лучшем случае они перешли бы в разряд феодалов средней руки.

Другое дело такие крупные земельные магнаты, как И. Руссет, И. Бухуш, братья Костины и др. Условия договора позволяли им выиграть больше, чем при существовавшем в Молдавии типе феодализма, хотя давали им много меньше того, что они бы получили, перейдя под сюзеренитет Польши. Кроме того, этот договор соответствовал и политической программе прохристианской группировки. Эта, а также ряд других причин [22] заставляют нас думать, что М. Костин добровольно подписал договор с Австрией.

Аргументы в пользу нашей точки зрения мы усматриваем и в том, что как только угроза австрийского вторжения ослабла, господарь поспешно отказался от чрезвычайно невыгодного для себя и своих наследников договора. М. Костин отказывался от надежд на Австрию гораздо медленнее. Поэтому так постепенно, небольшими «порциями» просачивались в Польшу сведения о начале (!) молдавско-австрийских переговоров (апрель—май 1690 г., т. е. более чем через год после их начала) и, наконец, о заключении трактата с австрийцами (лето 1690 г., т. е. через полгода после того, как этот документ потерял даже свою формальную силу) [23].

Конкретно-исторический анализ молдавско-польских и частично молдавско-австрийских политических отношений 80—90-х годов XVII в. ставит перед исследователем вопрос: почему крупное служилое боярство, выдвигая или поддерживая тот или другой из альтернативных вариантов социально-экономического развития страны, вместе с тем не боролось активно за претворение в жизнь ни одного из них?

Крупное служилое боярство постоянно колебалось между страхом потерять уже имевшиеся у него привилегии и стремлением выиграть еще больше, упрочив свое социально-экономическое положение при переходе под сюзеренитет какого-либо христианского государства. Эти колебания, с одной стороны, заставляли его занимать во время войн выжидательную позицию на стороне турок, ибо их господство *уже* обеспечило им высокий стандарт жизни и привилегированное положение, а с другой —

были причиной того, что одни и те же представители крупного служилого боярства относительно легко соглашались то на одну, то на другую из вышеназванных альтернатив социально-экономического развития княжества под сюзеренитетом какой-либо из враждебных Турции держав. При перемене сюзерена, но сохранении государственного типа феодализма господарь и крупное служилое боярство имели бы не только доступ к централизованной ренте, но разделили бы между собой «турецкое наследство», т. е. ту огромную часть централизованной ренты, которая ранее шла в Порту. Поэтому господари, настаивавшие на сохранении status quo при перемене сюзерена, не встречали со стороны крупных служилых бояр непримиримой оппозиции. Вторая альтернатива (переход к господству сеньориально-вотчинного типа феодализма) также устраивала все крупное служилое боярство (кроме господаря, в том случае, если он не был крупным землевладельцем), которое в рассматриваемое время (положение изменилось только в XVIII в.) состояло из наиболее крупных земельных магнатов страны.

Однако стремление получить этот выигрыш, который при обеих альтернативах обеспечивался при переходе Молдавии под сюзеренитет какой-либо христианской страны, сдерживался важнейшим внешнеполитическим фактором — реальной мощью Турции. Осуществляя внешнюю политику страны, все представители крупного служилого боярства стремились избежать риска, ибо неудачная ставка могла погубить политическую карьеру и связанное с ней благодаря доступу к централизованной ренте привилегированное положение в стране; лишить их накопленного богатства, без которого они не смогли бы существовать ни в системе Оттоманской империи, ни в каком-либо из европейских государств. Поэтому чем богаче был боярин, тем трезвее и осторожнее было его «открытое» политическое поведение. Крупное служилое боярство, не отказываясь от надежды улучшить свое положение в случае победы христиан, не хотело, однако, рисковать ради этой победы ничем из того, что оно уже имело при турецком господстве.

Таким образом, между обеими группировками, их экономическими и строго говоря политическими интересами не было пропасти. И главным моментом, на котором, по нашему мнению, безоговорочно сходилось все крупное

служилое боярство и господарь, был момент отрицания всякого политического риска, одинаково близкий феодалам обеих группировок, независимо от того, какой путь социально-экономического развития страны они предпочитали.

Поэтому, как справдливо отметил П. В. Советов, «в целом служилое боярство, захватившее в свои руки не только часть централизованной ренты, но и львиную долю земельных владений, выглядело в этих вопросах (автор имеет в виду приверженность к той или иной альтернативе социально-экономического развития княжества, мы же добавим — и приверженность к тому или иному варианту внешней политики), как двуликий Янус...» [24]. Объяснение того, почему в одном случае проступало одно лицо Януса, а в другом — другое, следует, на наш взгляд, искать в политической конъюнктуре, которая делала более или менее вероятной реализацию той или иной альтернативы социально-экономического развития княжества.

Различие же позиций, наблюдающееся внутри одной и той же социальной группы в один и тот же момент, объясняется, на наш взгляд, сложностью и противоречивостью процесса отражения классовых и групповых интересов в сознании политиков и идеологов соответствующих классов и групп. Это отражение носило неизбежно субъективный характер; оно проходило в каждом отдельном случае сквозь призму индивидуального жизненного опыта, систему ценностей и поэтому могло приводить к формированию различных взглядов на одну и ту же проблему внешней политики при полной идентичности исходных социально-экономических позиций.

Все сказанное выше позволяет сделать ряд выводов.

1. В силу социально-экономического и политического положения крупного служилого боярства между обеими группировками этой прослойки правящего класса страны при осуществлении ею внешней политики и формулировке социально-экономических условий перехода под сюзеренитет той или иной христианской державы не было непроходимой грани. Поэтому среди крупных служилых бояр рассматриваемого периода мы не находим бескомпромиссных сторонников того или иного варианта внешней политики, того или иного пути социально-экономического развития княжества.

2. Концентрация интересов крупного служилого боярства внутри страны, обусловленность возможностей реализации этих интересов политической стабильностью делали подавляющее большинство его представителей ярко выраженными конформистами, отрицавшими всякий политический риск. Поэтому какую бы из социально-экономических альтернатив развития Молдавии не принял эвентуальный сюзерен из числа соседних христианских держав, он не обеспечивал себе этим автоматически поддержку господаря и крупного служилого боярства в период открытой борьбы с Турцией. Их позиция зависела от степени успешности этой борьбы.

---

[1] *Дмитриев П. Г., Советов П. В.* Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. (Вильнюс), 1964, с. 268—282; *Советов П. В.* Исследование по истории феодализма в Молдавии (Очерки истории землевладения в XV—XVII вв.). Кишинев, 1972, т. 1; *Он же.* Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши и Австрии).— В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев: Штиинца, 1975, с. 125—136.

[2] Однако при анализе конкретных событий мы по некоторым вопросам приходим к выводам, несколько отличающимся от выводов П. В. Советова.

[3] Анализ политических и социально-экономических причин, обусловивших образование двух внешнеполитических группировок молдавского боярства, а также разъяснения к вводимым нами терминам («протурецкая» и «прохристианская») подробнее см.: *Советов П. В.* Типологические аспекты..., с. 125—136; *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические контакты 1687—1690 гг.— В кн.: Карпато-Дунайские земли..., с. 266—269.

[4] *Советов П. В.* Типологические аспекты..., с. 152—156.

[5] *Некулче И.* О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу: Штиинца, 1969, п. 136; *Stoicescu N.* Dicţionar al marilor dregători din Ţara Românească şi Moldova, sec. XV—XVII. Bucureşti, 1971, p. 381.

[6] *Iorga N.* Sobieski et les Roumanies. 1683—1696.— Revue Historique du Sud — Est Européen. 1933, N 1—3, p. 302; *Hurmuzaki.* Documente..., Supl. II, vol. III, p. 176—178; *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические контакты..., с. 272, 280.

[7] *Некулче И.* О самэ де кувинте, п. 138; *Stoicescu N.* Dicţionar..., p. 436.

[8] *Stoicescu N.* Dictionar..., p. 381.

[9] *Советов П. В.* Типологические аспекты..., с. 157.

[10] *Chowaniec Cz.* Wyprawa Sobieskiego do Moldavji roku 1686.— Przegląd Historyczno-Wojskowy, 1931, t. IV, s. 62, 109, 111.

[11] *Cantemir D.* Viaţa lui C. Cantemir zis cel Bătrîn domnul Moldovei. Bucureşti, 1950, p. 88—90.
[12] ЦГАДА, ф. 79. Дела польские, 1686, д. 10; *Hurmuzaki.* Documente..., vol. XVI, p. 128—132; Supl. II, vol. III, p. 155—157.
[13] *Smolarek P.* Kampania Moldawska Jana III r. 1691 (неизданная рукопись, хранящаяся в Ягеллонской библиотеке).
[14] *Sarneski K.* Pamiętniki do czasów Jana III Sobieskiego. Wrocław, 1958, s. 14—16.
[15] *Smolarek P.* Kampania..., s. 62.
[16] *Spierałski Z.* Awantyri moldawskie. Warszawa, 1957, s. 204; *Костин Мирон.* Летописецул Цэрий Молдовей де ла Аарон-водэ инкоаче. Кишинэу, 1972, п. 21.
[17] *Sarnecki K.* Pamietniki..., s. 347.
[18] Ibid., s. 347.
[19] Ibid., s. 347—348.
[20] *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические контакты..., с. 286—287.
[21] *Советов П. В.* Типологические аспекты..., с. 158—159.
[22] *Власова Л. В.* Молдавско-польские политические контакты, с. 288—289.
[23] *Hurmuzaki.* Documente..., Supl. I, vol. I, p. 287—288; *Avril Ph.* Voyage en devers Etats d'Europe et d'Asie... Paris, 1692, p. 359.
[24] *Советов П. В.* Типологические аспекты..., с. 135.

ОТНОШЕНИЕ ПОЛЬШИ К ТУРЦИИ И КРЫМУ В ПЕРИОД ПЕРСОНАЛЬНОЙ УНИИ С САКСОНИЕЙ

Ю. Геровский

Широко распространенная в свое время формула: «Польша — передовой оплот христианства» сегодняшним историком принята быть не может: по сути дела, ее следует сдать в архив.

Это определение служило разнообразным целям. Вначале оно употреблялось для поощрения к борьбе с мусульманскими странами. Им пользовались писатели и публицисты, которые (особенно в XVI и XVII вв.) стремились в интересах Рима и Вены воодушевить поляков к боевой готовности на юго-востоке, к выступлениям против Порты. От них эту избитую фразу переняли историки, для которых, особенно в период разделов, роль Польши как передового оплота христианства должна была служить одним из аргументов в пользу сохранения или восстановления прежней Речи Посполитой. Однако уже в XIX в. критические и серьезные исследователи с большим скептицизмом относились к правильности этого определения либо ограничивали его резонность довольно узким отрезком истории Речи Посполитой. Это же направление избрало большинство историков XX в.

Если же в настоящее время еще иногда и воскрешается старая формула, то в нее вкладывается иной смысл: стремление подчеркнуть тесные связи исторического развития Польши с культурно-политической жизнью Европы в целом.

Таким образом, если Польша когда-либо и играла роль передового оплота христианства, то этот период следовало бы, собственно говоря, ограничить последним тридцатилетием XVII в., причем и тогда можно говорить лишь о том, что она составляла часть передового оплота христианства наряду с Венецией, Австрией, а прежде всего Россией. Именно российскому государству суждено было сыграть в этом отношении особо важную роль: ликвидировать татаро-турецкое господство в Восточной Европе. Процесс, начавшийся в XVI в. овладением Казанским,

Астраханским и Сибирским ханствами, увенчался в XVIII в. подчинением Крымского ханства. Эти победы были несоизмеримо большими, чем те, которые удалось одержать Речи Посполитой, которой, собственно говоря, пришлось удовлетвориться сохранением целостности своей территории. Но все же, поскольку военные победы, одержанные польской армией над турками, завершили на долгие годы успешный период в истории польского оружия, они наложили своеобразный отпечаток на психику польской шляхты. Битвы под Хотином и Веной раз и навсегда посвятили праздное потомство мужественных воинов в рыцари христианства. Эта же традиция приносила огромный вред дальнейшему развитию польской военной готовности, ибо подгоняла военные потребности Польши под уровень отставшей в этом отношении Порты. До самого Великого сейма польская армия была сформирована таким образом, словно ее главной задачей был отпор татарским нашествиям.

В XX в., а особенно в его второй половине, утверждает другая формула, определявшая место Польши в «архитектуре» Европы, формула, лучше подогнанная к тенденциям эпохи: Польша — мост между Востоком и Западом. Можно полагать, что независимо от кроющейся за этим понятием актуализации оно значительно точнее, чем предыдущее, определяет сущность отношений Польши с Портой и Крымом, хотя и в этом случае мы имеем дело с преувеличенной оценкой роли Польши, которая не была ни единственным, ни важнейшим связующим звеном между мусульманским Востоком и христианским Западом. Во всяком случае по отношению почти ко всему XVI в. и значительной части XVII в. можно говорить о стремлении обеих сторон к своего рода (говоря языком сегодняшней дипломатии) мирному сосуществованию между Речью Посполитой и Портой. Обе стороны стремились избегать вооруженных конфликтов, хотя оснований для напряженности было достаточно, например ввиду татарских набегов на юго-восточные земли Речи Посполитой или казацких — на черноморские города. Однако же Польша не присоединилась к обороне Венгрии от нашествия Сулеймана II, облегчила туркам подчинение Молдавии; и даже великие планы освобождения Венгрии и Балкан, которые строил Стефан Баторий, а после него — Ян Замойский, закончились в итоге разгромом по-

ляками Михая Храброго, когда он пытался восстановить независимое от Порты древнее государство — Дакию. Турки тоже предпочитали не вмешиваться в закарпатские и заднестровские дела; военная конфронтация имела место, собственно говоря, лишь один раз за этот период, и то, пожалуй, как показал В. Маевский[1], вследствие ошибочной оценки положения польской стороной, точнее, гетманом С. Жулкевским. Долгое время как в Варшаве, так и в Стамбуле преобладала тенденция избегать военного столкновения и решать споры полюбовно (даже в случае концентрации обеих армий на границе). Гораздо чаще напряженность и вооруженные конфликты имели место в отношениях с Крымом, хотя и крымские татары нередко превращались в зависимости от той или иной политической конъюнктуры из нападающих в союзников.

За этими относительно мирными отношениями крылись и экономические связи, а в определенной степени также культурное воздействие друг на друга. Даже в периоды напряженности не прекращалась прибыльная, хотя и не совсем безопасная торговля Речи Посполитой с причерноморскими территориями, которая охватывала также транзитную торговлю. Если ей далеко было до масштабов левантийской торговли, которую вели итальянские и западноевропейские государства, то для Польши она, пожалуй, по-прежнему была важнейшим источником пряностей и других восточных продуктов. Она находилась главным образом в руках армянских купцов и приносила им огромную прибыль, которая стала основой их влиятельной позиции на юго-востоке Речи Посполитой. Благодаря этой торговле процветали Каменец-Подольский, Львов, Замостье и даже Люблин.

Этот неослабевающий торговый обмен оказался связанным с широким проникновением в материальную культуру Речи Посполитой восточных изделий, распространением в среде польских феодалов и мещан предметов восточного ремесла. На этой почве происходило утверждение восточного влияния на художественный вкус феодальных верхов Речи Посполитой (особенно в XVII в.), того влияния, которое сильно отразилось на всем укладе культурной жизни тогдашней Польши, на декоративном искусстве, одежде, интерьере помещений и т. д. Отсюда, как правильно заметил в свое время

Т. Маньковский [2], столь почетную роль играют в сарматской культуре восточные элементы, которые слились в неповторимое целое как с традициями отечественной, так и с элементами западной культуры. Для распространения этих влияний имели свое значение и военные трофеи, особенно во времена Яна III, однако их историческая родословная уходит гораздо дальше в прошлое, и трофеи, добытые под Хотином или Веной, могли лишь продолжить, а не начать этот процесс.

Намного труднее определить, в какой степени шла через Польшу в мусульманские страны волна воздействия Запада. Эти вопросы, насколько мне известно, не изучались подробно, как и характер торгового экспорта из Польши в Крым или в турецкое государство. Отчетливее всего эти явления проявились по отношению к подчиненным Порте придунайским странам, впрочем этот вопрос лучше всего изучен польскими, а также румынскими и венгерскими историками. Менее ясно представляется это воздействие на Крым, хотя близкие личные связи (несмотря, а частично благодаря многочисленным набегам) между населением юго-восточных земель Речи Посполитой и Крыма предполагают естественно и культурные их контакты, обусловливающие проникновение на территорию не только Крымского ханства, но и всей Османской империи изделий польского ремесла (в качестве трофеев или предметов торгового обмена). Можно говорить о каком-то влиянии польского искусства, польского ремесленного производства на материальную и художественную культуру балканских вассалов Порты или самого Крымского ханства, допустимо даже говорить о воздействии польской модели государства на организацию аппарата власти в Крыму, но в то же время можно сомневаться в том, имело ли место подобное культурно-политическое воздействие на территориях, непосредственно принадлежавших турецкому государству.

Мы обратили внимание на разные, иногда противоречащие друг другу элементы традиции, которые, по-видимому, влияли на отношения Польши к Порте и Крыму также и в XVIII в. Можно ли говорить здесь о взаимном воздействии или же более осторожно, пользуясь языком современной социологии, об интеракции, происходящей между этими столь различными обществами? Решать этот вопрос еще рано. Во всяком случае, это не были общест-

ва, полностью враждебные либо безразличные друг другу. Что из этих элементов традиции сохранилось в XVIII в.?

В начале XVIII столетия положение Польши, а также Турции и Крыма было иным, чем еще во второй половине XVII в. Польша перешла в разряд второстепенных государств, которые лишь с трудом могли сохранять фактическую самостоятельность. Правда, утверждение, иногда еще встречающееся в историографии, что Польша не была тогда способна к какой-либо самостоятельной политической активности, было бы преувеличением, тем не менее у нее преобладала пассивность, прерываемая лишь спонтанными действиями. До сих пор полностью не выяснено, в какой степени это явление было результатом дегенерации государственных основ, а в какой — отрицательной стороной персональной польско-саксонской унии. Речь Посполитая во второй половине XVII в., ослабленная экономическими трудностями и значительными перегрузками военно-фиксального плана, стала перед необходимостью определить свое отношение к различным планам и действиям руководителей саксонской политики: Августа II, а затем Генрика Брюля. Если даже их действия не всегда были столь авантюрными, как это хотели бы считать некоторые историки, то все же их соперничество требовало обычно значительных усилий и тревожило квиетизм, в который погружалась Польша. Обществу Речи Посполитой требовались спокойствие, благоприятные условия для восстановления, а со временем для перестройки своей экономики; оно не желало также отказываться от возможности легкой жизни, которую открывало перед ним постепенно повышающееся благосостояние. Это было, как мы сказали бы сегодня, типичное общество «малой стабилизации», которое не ставило перед собой каких-либо далеко идущих целей и уж во всяком случае отнюдь не стремилось играть сколько-нибудь значительную роль «в концерте» европейских государств.

Разумеется, были и другие элементы, углублявшие расхождения между Польшей и Саксонией. Это были как различия в экономическом и общественном развитии, так и в государственно-политическом, а также национальные различия и, наконец, религиозные, которыми трудно пренебречь. В итоге с самого начала существования персональной польско-саксонской унии этот союз потрясали многочисленные противоречия, разжигаемые к тому же

другими государствами, обеспокоенными возможностью образования нового, экспансивного государственного организма в Центральной Европе. Учитывая существовавшие трудности, которые в конце концов привели к неудаче польско-саксонского эксперимента, нельзя в то же время не отметить, что экономический потенциал Польши в Саксонии, взятых вместе, был одним из самых больших в тогдашней Европе, а их объединенные вооруженные силы были фактором, с которым не могли не считаться другие государства. К этому следует добавить широко развитую и отлично действующую дипломатию, правда главным образом саксонскую. Не было также совпадения целей и действий Польши и Саксонии. Силы, которыми располагали обе страны, служили скорее взаимному контролю и торможению инициативы одной из сторон, чем совместным действиям. Вот почему история польско-саксонской унии в значительной степени полна внутренней напряженности, если не открытых конфликтов, а когда они стали менее острыми, то изменения территориальной системы (захват Силезии Пруссией) окончательно разделили оба государства [3].

Таким образом, трудно говорить, что в тот период Польша и Саксония вели единую политику, выражаемую двором Веттинов. Можно скорее говорить о трех линиях политики этих стран: саксонской, официальной польской, связанной с Августом II, но отнюдь не всегда совпадающей с направлениями, выдвигаемыми саксонскими министрами, и, наконец, о польской оппозиционной политике, проявляющейся в критические моменты и видимой почти всегда в начинаниях магнатов, настроенных против королевского двора. Эту тройственность политики Польши и Саксонии нам следует учитывать в наших дальнейших рассуждениях, ибо без этого невозможны какие-либо попытки осветить эту политику.

В качестве нового элемента в польском обществе следует также учитывать воздействие идеологии раннего Просвещения. В последнее время польская историческая наука отказалась от датирования начала эпохи Просвещения в Польше 1764 г.; теперь принято считать, что по крайней мере с 40-х годов польское общество оказалось под все усиливающимся влиянием новой идеологии. Для нас это явление имеет значение прежде всего ввиду появления новых экономических взглядов, в которых росту

торгового обмена приписывалась особая роль. Именно страны Леванта стали в то время объектом усиленного меркантильного проникновения. Вторым явлением, типичным для тогдашней эпохи Просвещения, был интерес к Востоку, который становился, особенно для отдаленных стран Запада, примером более справедливых отношений, не испорченных западной цивилизацией [4]. Правда, образ справедливого кади не совсем отвечал действительности, однако этот новый миф оказывал влияние и на интерес Польши и польскую трактовку возможностей, стоящих перед Стамбулом или Бахчисараем.

Но не только польское общество претерпело изменения, отразившееся в отношении к Крыму и Турции. И в этих странах произошли заметные сдвиги, обусловившие, с одной стороны, ослабление их экспансионистских устремлений (по крайней мере в Европе), а с другой стороны, переключение их правящих верхов на проблемы внутриполитического характера [5]. Этому способствовали, безусловно, неудачные войны конца XVII и второго десятилетия XVIII в. в Европе, а также очень сильное воздействие европейских образцов, в том числе и раннего Просвещения, в период царствования Ахмеда III и Махмуда I. «Период тюльпанов» толкал турецкое общество и двор падишаха скорее к сибаритству и квиетизму, равнодушному отношению к вопросам большой европейской политики. Эта летаргия была прервана на короткое время восстанием Патрона Халила, но вскоре после этого неудачи в войне с Персией и Россией снова отбили у турецких министров охоту вмешиваться в конфликты соседей. Эти образцы проникали также в Бахчисарай, хотя крымские ханы болезненнее ощущали изменения в соотношении сил, происшедшие в их ближайшем окружении.

Таким образом, хотя Порта и Крым по-прежнему представляли собой серьезную милитарную силу, более грозную, чем тогдашняя Польша, обе эти страны переживали, подобно Речи Посполитой, упадок политической активности и стремились замкнуться в кругу собственных дел. Ныне уже трудно без оговорок присоединиться к суждениям прежних историков, что это был совершенно бесплодный период и что отсутствие внешней активности было лишь отражением внутреннего застоя. В свете аналитических исследований, посвященных экономическим и культурным процессам, эти суждения кажутся

по крайней мере сомнительными. Ведь подобным образом оценивалось в свое время положение в Швеции полвека спустя после 1720 г.— сегодня все признают, что именно тогда был сделан существенный скачок в развитии шведской экономики и культуры. В настоящее время мы начинаем также переоценивать осуждавшиеся прежде «саксонские времена» в Польше. Быть может, аналогичные исследования, проведенные по отношению к Турции, позволят изменить также и эту, иную оценку периода первой половины XVIII в., ибо тогда происходила своего рода регенерация сил этих государств, которые вышли особенно ослабленными из кризиса и войн XVII в. Правда, были страны, которые производили этот экономический скачок, не теряя в то же время своей активности на международной арене. В ближайшем соседстве это была прежде всего Россия (Австрия может быть менее удачным примером, ибо за попытку увязать интенсификацию внутреннего экономического развития с необходимой, впрочем, в ее условиях активностью в международной политике она заплатила рядом неудач в 30-е и 40-е годы XVIII в.). Но ведь неизмеримо иным был ее экономический потенциал, а также общественная дисциплина. И здесь, впрочем, большая напряженность и нагромождение задач вызвали несколько критических моментов.

Если отношения Речи Посполитой с Портой и Крымом все больше зависели от роли, какую играли в этой части Европы заметно усилившаяся тогда Россия, а вместе с тем и Австрия (хотя и в меньшей степени), то в какой-то мере польско-турецкие и польско-крымские отношения того времени зависели также от соперничества западноевропейских государств, главным образом Франции и Англии, которые с помощью своих дипломатов пытались оказывать нажим на Польшу, Саксонию и Турцию, чтобы спровоцировать в этом районе действия, отвечающие потребностям их политики. Сравнительно лучше изучена в этом отношении роль французской дипломатии, очень влиятельной на Босфоре и имевшей горячих сторонников на Висле. Английским дипломатам было труднее найти доступ к польским магнатам, зато у них были лучшие контакты с Дрезденом (хотя бы в связи с Ганновером), а в Стамбуле их значение не уступало французскому. Однако мы не располагаем достаточными результатами

исследований, чтобы оценить значение Лондона столь же подробно, как Парижа [6].

Мы попытались вкратце изложить условия, в которых формировалась польская политика по отношению к Турции и Крыму в период персональной польско-саксонской унии. Однако уместно будет сделать еще одно общее замечание. Удивляет то, что, хотя Август II был избран на польский трон под натиском событий, вызванных войной с Турцией, и хотя предшествующее тому участие Веттина в этой войне имело определенное значение для избирающей короля шляхты (как и для поддерживающей его России и Австрии), вопросы юго-восточной политики в дальнейших действиях польско-саксонского государства отошли на второй план. Главный центр тяжести политики Саксонии и Польши находился довольно естественным образом в Центральной Европе, концентрируясь там прежде всего на делах Силезии (овладение которой было conditto sine qua non для прочности персональной польско-саксонской унии), а в определенной степени также на Балтике, что выражалось в попытках возвратить себе Инфлянтию, а затем Щецинское Поморье и Восточную Пруссию. На Востоке возраставшее преимущество России принуждало к политике исключительно пассивной, основывающейся на сохранении территорий, определенных московским трактатом (ратифицированным в 1710 г.). Разные нашептывания требовать Смоленска или Киева, доносившиеся как из Стамбула (чаще из Бахчисарая, Стокгольма), так и из западных столиц, не встречали одобрения. «Никому не хочется приходить в азарт и отдавать кусок богатства»,— так характеризовал состояние умов в Речи Посполитой по отношению к этому вопросу Францишек Оссолинский в преддверии русской кампании Карла XII [7], и такую же позицию выражает, пожалуй, лучше всего отношение огромного большинства шляхты на протяжении всего периода правления Веттинов. Союз с Россией или по крайней мере стремление избегать с ней конфликтов и недоразумений стали краеугольным камнем официальной саксонской и польской политики. И если Август II пытался вести более независимую политику и предпринял усилия для того, чтобы освободиться от влияния Петра I, то его сын, вознесенный на трон с помощью могущественной царицы Анны, стремился найти в Петербурге надежную под-

держку для борьбы с грозным прусским экспансионизмом.

Политика Польши по отношению к Турции и Крыму в значительной степени зависела от характера ее отношений с Россией. Но даже официальная политика Саксонии и Польши не была свободна от определенных конъюнктурных колебаний. Особенно сильными они были в первом двадцатилетии царствования Августа II, до заключения в 1719 г. Башковым русско-турецкого договора. В тот период можно выделить несколько противоречивших друг другу тенденций в этой политике. В первой фазе ее целью было использование возможностей, какие намечала еще ведущаяся война. Август II надеялся, что ему удастся осуществить давние планы Яна III и завладеть Молдавией. Несмотря на серьезные военные усилия и тщательную подготовку, ему все же не удалось добиться ощутимых успехов вследствие конфликтов между поляками и саксонцами. Впрочем, война близилась к концу, и не оставалось ничего другого, как удовлетвориться достигнутым в Карловицах. Что касается территорий, то это означало возвращение к границам до турецкого нашествия в 1672 г. Однако некоторые возможности дипломатических маневров крылись в таких решениях, как обязательство подбирать молдавских господарей, дружески расположенных к Речи Посполитой, а также устранить из Молдавии осевших там татар, особенно буджакских. Существенное значение имело соглашение о льготах в торговле между обеими странами: свобода проезда и торговли лишь при условии уплаты обязующей пошлины, запрет захвата выморочного наследства, судопроизводство на основе письменных актов, а не устных заявлений.

Теперь перед Речью Посполитой встали две возможности: первая — принудить ослабленную Турцию полностью выполнить карловицкие решения, что могло вести к увеличению польского влияния и росту напряженности между Варшавой и Стамбулом; вторая — эвентуальное сближение между обоими государствами, направленное против одного из общих соседей. Август II, который как раз стремился в союзе с царем приступить к действиям на Балтике, хотел лишь полного нейтралитета со стороны Турции. Официальная же политика Речи Посполитой, которую представлял примас Михал Радзеевский и от-

правленный с посольством в Стамбул Рафал Лещинский, делала ставку на вторую возможность: путем завоевания дружбы Турции предполагалось достичь всего, что открывал Карловицкий договор, и в то же время использовать Порту для шантажа России, ибо вопреки позиции короля в его отсутствие примас внес в инструкцию Лещинского от имени сената поручение препятствовать установлению мирных отношений между Турцией и Россией.

Лещинский пытался также обратить внимание турецких министров на общие интересы, объединявшие в этом случае Порту с Речью Посполитой. Эта мысль не была совершенно новой в отношениях Польши с Крымом и Турцией. В этом случае, впрочем, для них было важно сделать шаг не столько против России, сколько против Августа II как ее союзника. За этими действиями крылось стремление свергнуть короля с трона: не случайно оба инициатора этой политики вскоре возглавили антисаксонскую оппозицию. После выдвижения сына Станислава Лещинского Рафала на польский трон лагерь варшавской конфедерации приступил к энергичным попыткам привлечь на свою сторону если не Порту, то по крайней мере Крым как союзника Станислава и Карла XII [8].

Таким образом, уже в начале царствования Августа II можно заметить принципиальные различия в политике по отношению к Порте и Крыму. В политике самого Августа II проявлялось и направление, сходное с установками оппозиции. Оно особенно усилилось во втором десятилетии XVIII в., однако наблюдалось и гораздо раньше. Уже в 1701 г. имели место первые попытки сближения между Августом II и крымским ханом Девлет-Гиреем. Неясно, какими планами руководствовался в то время король, думал ли он лишить поддержки оппозицию (ибо и такую возможность следует принять в расчет). Во всяком случае после возвращения Августа II на трон не приходилось начинать с самого начала.

Положение было в то время особенно сложным. Август II находился вместе с Петром I в лагере, враждебном Порте, воодушевляемой дипломатами Карла XII, станиславовской эмиграцией, а частично и западной, прежде всего французской, дипломатией, к выступлениям против обоих этих монархов. Дело дошло до войны, в ходе которой приднепровские земли Речи Посполитой

были опустошены татарами, взаимодействовавшими с казаками Филиппа Орлика и отрядами Юзефа Потоцкого. Несмотря на это, Речь Посполитая не вступила в войну, а Август II на встрече в Ярославле с Петром I взял на себя задачу обороны поморской «стены». Кампания на Пруте закончилась поражением царя, и в мирном договоре было записано, что Петр I обязуется вывести свои войска из Речи Посполитой.

Таким образом, у Порты появилось средство, с помощью которого можно было ограничить вмешательство царя в дела Речи Посполитой. В момент заключения мира на действенность этого средства рассчитывала прежде всего эмиграция. Станислав Лещенский и его лагерь воображали, будто после ухода русских войск из Речи Посполитой власть снова перейдет в их руки. К тому же они надеялись, что сама Порта, которая в Адрианопольском мирном договоре видела первую удачную попытку пересмотреть Карловицкий договор, обратится в свою очередь с подобным предложением к Речи Посполитой. Сторонники Станислава готовы были заранее отказаться от Каменца, лишь бы захватить власть в Польше, но вскоре оказалось, что они строили воздушные замки. Трон Августа II не рухнул тотчас же, как ожидала оппозиция, а турки не напали на Речь Посполитую. Вся эта акция носила характер диверсии — подлинной целью турок было отобрать Морею у Венеции, что и удалось им без труда.

Но удивительнее всего то, что турецкими правами пытался воспользоваться сам Август II. Разочаровавшись в войне и в своих союзниках, не видя в перспективе никакой выгоды от своего участия в Северной лиге, Веттин пытался либо примириться с Карлом XII, либо заставить Перта I уступить ему Инфляндию. Благодаря помощи французской дипломатии Стамбул изменил свое отношение к этому, как его тогда называли, королю-узурпатору и даже выдвинул предложение начать совместные действия против России. В этот момент наметилось отчетливое расхождение в ориентировке польской и саксонской дипломатии. Когда польское посольство пыталось лишь получить подтверждение Карловицкого мирного договора и строгого соблюдения его решений, Сакс Шпигель начал в 1714 г. за спиной посланного в Стамбул С. Хоментовского, хотя и не без помощи пребывавшего в Бахчисарае

М. Ламара, переговоры о заключении союза. Это ему удалось тем легче, что уже в предыдущем году татаро-турецкие посольства Абдула-аги и Сулеймана-мурзы в Польшу занимали явно антирусскую позицию и требовали от Польши соблюдения строгого нейтралитета. Еще дальше пошел ханский посол Шеферза-бей в следующем году, во время аудиенции в Рыдзыне. Он предложил Августу II присоединиться к общему союзу с Турцией и Швецией. Это было не очень-то реальное предложение, хотя бы ввиду явно неблагожелательного отношения Карла XII к Веттину, однако Август II вскоре использовал саму идею союза с Крымом и Портой для того, чтобы угрожать, впрочем безуспешно, русской дипломатии [9]. Главную инициативу проявлял в этих переговорах хан; татарский посол пытался сохранить в секрете от поляков свои главные намерения.

Сближение между Августом II и крымско-турецкой дипломатией продолжались недолго. После начала турецко-венецианской войны Август II начал переговоры с венецианским правительством о вербовке солдат, частично осуществляемой в Польше, а турки и татары оказали поддержку взбунтовавшейся против Веттина шляхте, которая объединилась в тарноградскую конфедерацию. Правда, Август II даже тогда пытался сохранить хорошие отношения с турками и татарами, в начале 1716 г. его посол к царю Дунин грозил Петру, что король обратится за помощью к туркам, если царь будет и впредь вмешиваться в польские дела, а летом того же года польский двор готовил посольство в Крым и Стамбул с целью сохранить мир и хорошие отношения. Но в конце концов разгром турок в битве с австрийскими войсками под Петроварадыном (август 1716 г.) перечеркнул возможность военного вмешательства Порты и Крыма в польские дела.

Неудачи турок привели вскоре к совершенно неожиданному изменению в турецкой политике. Причиной поддержки, которую Стамбул и Крым оказывали антисаксонской оппозиции в Польше, было опасение, что Речь Посполитая укрепится, если в ней установится сильная королевская власть. Обещая свою помощь тарноградцам, хан Каплан-Гирей открыто писал, что Турция опасается, как бы русские «не принуждали Речи Посполитой к неправильному договору, поскольку москаль более благо-

приятствует королю, чем Речи Посполитой, чтобы не сделал Польши наследным государством, а потом не был грозен границам Блистательной Порты»[10]. Между тем в начале 1718 г. Стамбул выступил с предложением, чтобы Август II стал посредником в мирном урегулировании турецко-австрийского конфликта. Посланный с этой миссией к королю референдарий султана капиджи-паша Мустафа Тхалиачи-бей обвинял на секретном совещании поляков в том, что они препятствуют его встрече с королем, требовал переговоров только с саксонскими министрами, наконец, заявлял, что султан рассчитывает на тесную дружбу с Августом II, что готов поддержать его интересы[11].Однако Веттин не очень-то надеялся на поддержку ослабленной и побежденной Турции. Август II, который в то время думал скорее о том, чтобы найти опору своим устремлениям у Австрии, не принял этих предложений, требуя зато строгого соблюдения Карловицкого договора, разрушения только что воздвигнутых укреплений в Хотине, устранения турок из Буджака и обеспечения свободы торговли.

Эта позиция полностью совпадала с официальной позицией Речи Посполитой. Посланному с посольством в Вену в декабре 1717 г. Якубу Флеммингу по совету сената в Всхове предписывалось, чтобы, используя близкие мирные переговоры, он пытался добиться для Польши Молдавии или же хотя бы включения в мирный договор требования разрушить все замки между Днестром и Дунаем. Однако, поскольку Польша решительно отказывалась присоединиться к антитурецкой «священной лиге», создаваемой венецианской и австрийской дипломатией, из этих планов ничего не получилось, и в Пожаревацком трактате наряду с обязательством Турции соблюдать Карловицкий договор было лишь неопределенно сказано, что турки согласны на непосредственные переговоры с Польшей по спорным вопросам. Однако такие переговоры не состоялись.

Вскоре после этого в ответ на союз венского и варшавско-дрезденского дворов Стамбул ответил сближением с Россией и заключением упомянутого договора от 1719 г. В нем имелось заявление о том, что с согласия Турции царю будет дозволено ввести в Речь Посполитую свои войска в случае угрозы ее свободе со стороны иностранных войск, например при попытке навязать абсолютную

монархию. Таким образом, по отношению к намерениям Августа II Ахмед III нашел наконец общий язык с Петром I. Вопреки мнению историков предыдущего периода, именно этот договор, а не прутские решения, содержит правильную оценку отношения Порты к Польше в период ее персональной унии с Саксонией. Турки стремились прежде всего не допустить усиления Польши.

Лишь с этого времени наступила стабилизация в отношениях Польши с Крымом и Стамбулом. Весь следующий период вплоть до 1763 г. носит уже более единый характер. Довольно слабо изученный последний период царствования Августа II не внес новых элементов в эти отношения. Турция, вовлеченная в действия против Персии, не была способна к тому, чтобы вести более активную политику в Европе, немного ожидали от нее и руководители антисаксонской оппозиции. Но и в годы борьбы за польский трон, и в период царствования Августа III уже довольно монотонно повторялась та же самая схема. Антисаксонская оппозиция пыталась получить, главным образом с помощью Франции и, как правило, обычно безуспешно, помощь со стороны Турции, саксонская дипломатия и официальная дипломатия Речи Посполитой противодействовали тому, впрочем, без труда при поддержке русской или австрийской дипломатии.

Турки и татары продолжали согласно повторять, что наибольшим несчастьем было бы для Речи Посполитой введение наследственного престола для Веттинов (как в 1732 г. заявил хан Каплан-Гирей посланнику Станислава, молодому Гжегожу Орлику), время от времени они доставляли оппозиции немного денег и, быть может, оружия (эти вопросы слабо изучены), и этим ограничивались их действия. Если в 1733 г. Турция решительно высказалась (хотя не без влияния французской дипломатии) в пользу Станислава как короля Польши, то ведь ни Петербург, ни Вена не обращали внимания на протесты пребывавшего во время бескоролевья в Варшаве турецкого посла в Стокгольме — Мохамеда Саида. И опять же, как в 1716 г., разгром турок (только на этот раз в войне с персами) перечеркнул возможность турецкого вмешательства. Но, несмотря на все это, сторонники Станислава, подзадориваемые обманчивыми обещаниями, раздававшимися особенно громко из Бахчисарая, стремились поддерживать близкие отношения с Крымом и Стамбу-

лом. Они не желали прислушиваться к более трезвым голосам, например куявского епископа Шембека на совете конфедератов в Ченстохове, который довольно метко оценил положение, отметив, что «турки не в состоянии in statu помочь, а если бы и вдались в это, то, по-видимому, non pro interesse nostre, а лишь pro interesse Франции et proprio, чтобы урвать себе кусок, как привычны делать это обычно»[12]. Напрасно и дзиковяне посылали в Стамбул посольства, напрасно дольше других оказывали сопротивление под Каменец-Подольском, надеясь на турецко-русский конфликт. Когда Франция отказалась поддерживать Станислава, оппозиция потеряла почву под ногами и ей пришлось примириться с царствованием Веттина.

Война Турции с Россией и Австрией в 1736—1739 гг. поставила перед Польшей серьезную дилемму. В основе этой войны крылись конфликты на Кавказе. Тем не менее победы России, перенесение военных действий в близкое соседство Польши, наконец, действия австрийской дипломатии, которая снова подумывала о воссоздании «священной лиги», поставили на повестку дня вопрос присоединения Польши к войне. Сторонником такой концепции был сам Август III, который послал свои саксонские отряды на помощь императору, а также его польские сторонники, готовые полностью осуществить намерения короля. Мирная конференция в Немирове в 1737 г. должна была послужить мостом для вступления Польши в войну, однако прежде, чем представитель Августа III и Речи Посполитой, волынский кастелян Пепловский успел прибыть на нее, конференция уже распалась, а война вспыхнула снова. Но в конце концов даже обещания признать право Польши на Молдавию или Валахию не смогли втянуть ее в войну. Напрасно также Чарторыйские и Понятовский, словно опережая события, разыгравшиеся лишь спустя полвека, требовали прежде всего согласия и поддержки петербургского и венского дворов в проведении необходимых внутренних реформ, усиления армии и увеличения казны и лишь этим обусловливали участие Польши в войне.

А между тем армия Миниха нарушила нейтралитет Польши и начала военные действия против турок на ее территории. Оппозиция, руководимая великим коронным гетманом Юзефом Потоцким, использовала вызванное этим недовольство. Ее лагерь, в состав которого вошли

прежде всего прежние дзиковяне, сторонники Станислава, установил связи с различными претендентами (Филиппом Орликом, Иосифом Ракоди — сыном Ференца) и готовился организовать конфедерацию, которая под антирусскими лозунгами, с турецко-шведской помощью хотела свергнуть с трона Августа. Гуровский, стольник подольский, посланный гетманом к великому визирю, вернулся с многозначными обещаниями, из которых следовало, что турки намереваются перенести военные действия на польскую территорию. Все эти планы были перечеркнуты победами Миниха в 1739 г.: после разгрома турок под Ставучанами образовавшиеся кое-где воеводские конфедерации распались. Теперь даже оппозиция выступала за участие Польши в качестве посредника в переговорах между Турцией и ее противниками, однако посредничество взяла на себя Франция. Французский посол в Стамбуле Вилленов, который столько раз посредничал в переговорах между турками и польской оппозицией, на этот раз добился быстрого заключения мира в Белграде, компрометирующего — для Австрии, не слишком выгодного — для России, ибо принуждавшего ее уйти с большей части завоеванных территорий. Однако Белградский мирный договор перечеркнул Прутский договор, причем самым решительным образом. С тех пор у Турции, уже не было никаких оснований для того, чтобы вмешиваться в польско-русские отношения.

Впрочем, нет оснований обвинять ее в таком вмешательстве. Правда, Стамбул и Бахчисарай по-прежнему поддерживали хорошие отношения с республиканской оппозицией в Польше, приезжавшие в Варшаву послы подчеркивали свою готовность поддержать любые попытки сохранить в Речи Посполитой ее прежние свободы (т. е., удержать ее в состоянии слабости), а эмиссары Юзефа Потоцкого, а после его смерти — Яна Клеменса Браницкого, тоже коронного гетмана, время от времени пытались привлечь турецких и татарских министров к более или менее нереальным проектам конфедерации. В действительности, вслед за этой дипломатической игрой не шли какие-либо конкретные действия, зато сами эти попытки, изобиловавшие жалобами на короля и Россию, все более становились делом pour le roi de Prusse, ибо как во время австрийской войны за наследство, так и Семилетней войны, целью было вызвать турецко-татар-

ско-польскую диверсию и тем самым отодвинуть опасности, нависшие над Фридрихом II. Эти действия тормозила польская и саксонская дипломатия Августа III, выступали против них также русские и австрийские послы, но в конечном счете они не дали никакого результата, укрепив лишь в республиканцах и защитниках старого порядка в Речи Посполитой веру в том, что только в лице Турции и Крыма можно найти надежного союзника и что в решающий момент турки не преминут выхватить сабли из уже несколько заржавевших ножен. Впрочем, обе стороны слишком переоценивали свои милитарные возможности. Но, когда эта дружба была подвергнута в 1764 г. новому испытанию, республиканцы напрасно искали в Стамбуле поддержку: они получили убежище в Молдавии, однако им не удалось тронуть своим положением Порту. Это удалось лишь барским конфедератам с французской помощью, однако можно сомневаться, послужило ли это к добру Польше и Турции.

В официальных миссиях, посылаемых с двадцатых годо в Стамбул и Бахчисарай, появилась, однако, новая нотка, которой зря пренебрег в свое время Вл. Конопчиньский. Вопросы большой политики были лишь частью дипломатического багажа. Правители Речи Посполитой придавали все большее значение экономической выгоде, которую можно было получить от Турции или Крыма. Это было убедительным свидетельством изменений, происходивших постепенно в психике тогдашнего польского общества. Уже посланный в 1721 г. в Порту Кшиштоф Сулима-Попель, тучанский староста, был уполномочен обсудить прежде всего ряд погранично-торговых вопросов. Однако о его миссии нам мало известно. Эти вопросы поручались также позднейшим послам (например, Павлу Бено, яблоновскому старосте, в 1742 г.). Сильнее всего проявились эти мотивы в миссии Яна Мнишка, литовского шталмейстера (в 1755—1756 гг.), который возвратился, как писал Конопчиньский [13], «с пакетом выхлопотанных фирманов в предмете частной торговли». Но тем не менее он добивался также освобождения польских купцов от дополнительных оплат в соответствии с Карловицким договором, облегчения молдавским, татарским и турецким купцам возможности приезжать на пограничные ярмарки в Каменец-Подольск, Жванец, Могилев и другие местности, позволения польской шляхте

разводить скот в Молдавии, соблюдения принципов судопроизводства, введенных Карловицким договором, и запрета захвата выморочного наследства. В результате посольства были восстановлены пограничные польско-турецкие суды. После него эти старания продолжал граф Юзеф Подольский, литовский кухмистр.

Для того чтобы обеспечить нормальное функционирование соседских отношений, особенно торговых, недостаточны были соответствующие клаузулы в трактатах, а также кратковременные дипломатические миссии. Как и другие европейские страны, Польша начала переговоры об открытии своего постоянного представительства в Стамбуле. Они принесли лишь частичный успех. В 1718 г. Август II выдал от имени Речи Посполитой верительное письмо на пост консула в Стамбуле Ежи Ломаку с поручением заботиться о польских купцах. Однако великий визирь не признал этого назначения, отказав в разрешении учредить польское консульство. Но Ломака остался в Турции без официального назначения, как так называемый переводчик (эту функцию он исполнял, кстати говоря, при посольстве Хоментовского) или корреспондент. Фактически он занимался польскими вопросами в Турции, покупками для нужд королевского двора, а прежде всего посылал в Дрезден и Варшаву систематические донесения из Стамбула. Формально он находился под опекой какого-нибудь посольства, дольше всего — австрийского. Жалованье ему выплачивали как Речь Посполитая, так и Саксония. Однако его поведение во время войны за польский трон вызвало недовольство, и в 1735 г. был назначен другой переводчик и корреспондент, Фарцишек Гюлями, который также получал двойное жалованье (600 талеров от Речи Посполитой и 900 от Саксонии). После смерти Ломаки с 1744 г. постоянным корреспондентом Августа III был Фридерик Хюби, получавший жалованье только из саксонской казны, но используемый также и по польским делам [14].

Мы еще не в состоянии пока на основании исследований однозначно ответить на вопрос, в какой степени вся эта дипломатическая деятельность способствовала облегчению торговли между Речью Посполитой и странами, находившимися под властью султана. Во всяком случае, она указывает на то, что этой области отношений Польши с Портой придавалось все растущее значение.

Характеризуя торговые отношения Речи Посполитой с османским государством, Я. Рейхман подчеркивал дефицитный для Польши баланс этих отношений. Однако он не располагал подробными цифровыми данными и лишь указывал на то, что спрос на импортируемые с Востока товары был в Речи Посполитой бо́льшим, чем спрос в Турции на польские изделия. Купцы, по-прежнему главным образом армянские и в меньшей степени — еврейские, греческие, македонские, турецкие и татарские, привозили в Речь Посполитую прежде всего бакалейные товары (особенно кофе и пряности), восточные ткани, дорогие художественные изделия. Из соседней Молдавии поставлялись скот, некоторые сельскохозяйственные продукты, дерево, поташ, вина и т. п. Из Польши также экспортировались некоторые ткани (прежде всего полотно), кожи и меха, галуны, мануфактурные изделия, которые, впрочем, частично шли транзитом с Запада. Эта торговля происходила в традиционных условиях и формах. Но существовали и крупные купеческие дома, например Гжегожа Никоровича, который осел в Стамбуле и оттуда вел торговлю с Польшей, заказывая нужные ему товары (например, пояса) у турецких ремесленников. Попытки создания торговых компаний для торговли с Востоком, предпринятые в начале царствования Августа II, закончились неудачей.

Но можно судить, что Рейхман, как и многие другие историки, недооценивал значения торговли с разными территориями турецкого государства для Речи Посполитой. Так, торговля с Молдавией и Крымом в значительной степени носила характер пограничной торговли, в которой случался даже двусторонний оборот одинаковыми видами товаров. Что касается разного рода восточных продуктов, привозимых из турецкого государства или через его территорию, то существенным был не дефицитный характер этой торговли, а то, в какой степени импорт этих товаров через Турцию оказывался дешевле, чем импорт посредством английских и голландских купцов через Балтийское море или же венецианских купцов. Многое говорит за то, что для юго-восточных территорий Речи Посполитой импорт обходился дешеле из причерноморских территорий. Стоит сравнить в этом отношении соотношение цен на восточные продукты первой половине XVIII в. в Львове и в Гданьске. Правда, перевозка

морем обходилась дешевле, однако случае дорогих товаров (а именно они были важнее всего) всякое дополнительное посредничество повышало цену.

В этих условиях вполне обоснованной была деятельность, направленная на облегчение и оживление торговли с Турцией, и трудно было бы пренебрегать такими успехами, как получение в 1756 г. Мнишком фирмана Османа III, запрещающего вводить в Молдавии какие-либо ограничения для турецких купцов, отправлявшихся в Польшу. Правда, более серьезный перелом в характере торговых отношений на этом отрезке наступил лишь в последней четверти XVIII в., но все же кажется, что описываемый период сыграл подготовительную роль. Подробный анализ сообщений корреспондентов Августа II и Августа III из Стамбула, хранящихся в Дрезденском архиве, поможет, несомненно, дать окончательную оценку происходивших в то время изменений [15].

В общем можно, пожалуй, принять, что в период персональной унии Польши с Саксонией начала сознательно проводиться современная торговая политика в отношениях с Турцией.

Это был главным образом результат стремлений правящего класса Польши, а не двора Веттинов. Польская дипломатия, которая в XVIII в. была пассивной, проявляла исключительную для себя активность в отношениях с Турцией и Крымом. В оба эти государства в период персональной унии с Саксонией было послано по крайней мере 56 миссий (40 — в Стамбул и 16 — в Бахчисарай). Только число посольств, посланных Польшей и Саксонией в Россию, превышает эти цифры: даже во Францию, Пруссию и Австрию посылалось меньше посольств, чем в Порту [16]. В отличие от всех остальных миссий и посольств восточное направление обслуживалось главным образом польской дипломатией. Наряду с королем и сеймом (или сенатом) многие миссии были отправлены гетманами, которые не чувствовали себя особенно связанными в этом отношении запретом в конституции от 1717 г., особенно в отношениях с крымским ханом, молдавским господарем и силистрийским и бендерским пашами. К последним посылали свои посольства также пограничные сенаторы. Наконец, как можно было убедиться, значительная часть посольств посылалась антисаксонскими конфедерациями.

В результате это направление дипломатической деятельности находилось под сравнительно слабым контролем монарха. В определенной степени этим объясняется и ограниченный интерес Веттинов к политике на этом участке. Поддерживание дипломатических связей с Портой и Крымом было связано с обязательством взаимно покрывать часть расходов посольства, опиралось на традиционные либо вытекающие из договоров между обоими государствами права. В этом случае Веттинам проходилось выступать в качестве польских королей и пользоваться в соответствии с пожеланиями другой стороны польскими дипломатами. Впрочем, именно среди поляков бывали люди, хорошо знающие восточные отношения и подготовленные к такой миссии. Даже послы не всегда пользовались переводчиками. Бегло говорили по-турецки, например, Ламар, Векерский и Бено.

В этих условиях антиветтинской оппозиции нелегко было добиться улучшения отношений в Крыму и Порте. В основе этих связей лежало опасение обеих сторон как перед укреплением монаршей власти в Речи Посполитой, так и перед ростом могущества России. Как можно убедиться, поддерживание Стамбулом и Бахчисараем консервативной оппозиции в Польше было результатом хорошо продуманной тактики, целью которой было ослабление угрозы северо-восточным территориям османского государства. Это была в сущности тактика, подобная той, которую применяла в предыдущий период Порта в Венгрии и на Украине (впрочем, не отказавшись от нее на этих землях полностью и в XVIII в., что проявилось в отношении Стамбула к Ракоци и Орлику). Польская сторона гораздо активнее участвовала в этих действиях, и в то же время создавался миф о дружбе могущественной империи с Польшей. Этот миф вырастал одновременно на благоприятной почве давней традиции и на новых уверениях Крыма и Порты. С этим была связана и традиционная вера в силу турецкого и татарского оружия. В недалеком будущем этот миф принес Польше горькие разочарования. Однако он долго сохранялся, попал также в книги историков, которые искали шансы спасения приходившей в упадок Речи Посполитой в союзе с Портой. Этот миф повлиял также на отношение Польши к странам, захваченным Турцией. Лозунг об освобождении христиан, находящихся под османским господством, встречал

лишь слабый отклик в Польше XVIII в. Впрочем, пример Венгрии, которая, освободившись не без участия поляков от турецкого господства, попала в зависимость от Австрии, не поощрял к взаимодействию в этом направлении, результаты которого не были для Польши особенно выгодными.

Однако возраставший в Польше интерес к востоку и миф о дружеском отношении Турции к Речи Посполитой содействовали тому, что не только пала концепция XVII в. о Польше как передовом оплоте христианства и были вместе с тем установлены добрососедские отношения с мусульманскими странами, но и произошло распространение рационального взгляда на Восток, который был одним из средств преодоления крайностей окцидентализма в эпоху Просвещения. В этом отношении, несмотря на всяческие различия, странным образом совпадали заинтересованность и пристрастия веттинского двора с магнатской оппозицией в Речи Посполитой. Поэтому изменениям, происходившим в отношении поляков к Турции и к Крыму, мы приписываем особенно большую роль в формировании в польском обществе эпохи Просвещения нового отношения к окружающему миру.

---

1 *Majewski W.* Cecora. Warszawa, 1971.
2 *Mańkowski T.* Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław, 1959.
3 *Gierowski J.* Polska, Saksonia i plany absolutystyczne Augusta II.— In: Polska w epoce Oświecenia. Warszawa, 1971.
4 *Reychman J.* Orient w kulturze polskiego Oświecenia. Wrocław, 1964, s. 11—16.
5 *Reychman J.* Historia Turcji. Wrocław, 1973, s. 156 i n.
6 *Konopczyński W.* Polska a Turcja 1683—1792. Warszawa, 1936. В этой работе дан самый полный в настоящее время обзор политических отношений Польши с Турцией и Крымом.
7 *Gierowski J.* W cieniu Ligi Północnej. Wrocław, 1971, s. 47.
8 Ibid., c. 45 i n.
9 *Gierowski J.* Traktat przyjaźni z Francją z 1714 r. Warszawa, 1965, s. 139 i n.
10 *Gierowski J.* W cieniu..., s. 177.
11 Ibid., s. 179.
12 *Konopczyński W.* Polska..., s. 113.
13 Ibid., s. 161.
14 Дрезденский архив, loc. 1447, Bibliografia Czartoryskich, рук. IV 886, c. 98.
15 *Reychman J.* Orient..., s. 52 i n.; *Idem.* Życie polskie w Stambule w XVIII wieku. Warszawa, 1959, s. 173.
16 Polska służba dyplomatyczna, pod red. Z. Wójcika, s. 402.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И НАРОДЫ ЗАКАВКАЗЬЯ В 20-х ГОДАХ XVIII В.

Ж. А. Ананян

Самым значительным и знаменательным событием в ближневосточной политике России в 20-х годах XVIII в. принято считать так называемый Персидский поход Петра I [1], поход, который должен был, по мнению ряда исследователей, утвердить военное господство России в Восточном Закавказье и на Ближнем Востоке. Но так ли было на самом деле? Преследовал ли этот поход цель территориального захвата и утверждения России в Восточном Закавказье — вот тот вопрос, правильный ответ на который прояснит многие аспекты внешнеполитической деятельности русского правительства в рассматриваемом регионе не только в 20-х и 30-х годах XVIII в., но и в последующее время.

Многие исследователи считают, что одна из задач внешней политики России в петровский и послепетровский период — это начать активные действия на Ближнем Востоке, что, естественно, предполагало военные акции России с вытекающей отсюда ее наступательной политикой по меньшей мере в Восточном Закавказье. В свете решения этой задачи рассматривался и Персидский поход Петра I. Однако, организуя поход к берегам Каспия, Петр I не столько заботился о военных успехах России как таковых, сколько о стремлении, как пишет А. В. Фадеев, «захватить в свои руки стратегическую инициативу» [2].

Эта инициатива была необходима России для предотвращения турецкой экспансии в Закавказье и недопущения ее к берегам Каспия, что обеспечило бы Русскому государству перевод всей восточной торговли с Европой на транзит через Россию. Стало быть, мы имеем дело с политикой не военной, а экономической экспансии, поскольку интересы интенсивно развивающейся Российской державы требовали налаживания восточной торговли первоначально, если и не через посредство русских куп-

цов, то хотя бы руками армянских торговцев, которые тогда могли вести свою торговлю с Европой через Россию. Поскольку Черное море было закрыто для России, то, исходя из своей генеральной задачи, русское правительство связывало надежды с Восточным Закавказьем и, в частности, с Ираном. Поэтому мы не можем не согласиться с О. П. Марковой, которая подчеркивала, что Персидский поход был предпринят Петром I, между прочим, в целях налаживания русской торговли с Востоком «без помех» [3].

Если до похода 1722 г. правительство Петра I еще и питало какие-то иллюзии насчет Кавказа как одного из возможных театров военных действий против Турции, то уже в ходе похода и тем более после него Петру I стало ясно, что Россия в этом регионе не может вступить в серьезный вооруженный конфликт ни с Турцией, ни с Ираном, так как без разрешения проблемы Азова и Крыма невозможно было вплотную заняться решением кавказской проблемы. К тому же Россия еще не располагала в изучаемое время для этого достаточными средствами. Все это было осознано еще Петром I, вынужденным заключить с турками Константинопольский договор 1724 г. [4]

Практические шаги русского правительства в послепетровский период свидетельствуют о том, что государственным деятелям России нельзя было отказать в трезвости и понимании основных тенденций политики Русского государства в Восточном Закавказье и на Ближнем Востоке, основы которых были заложены еще Петром I. В дальнейшем наблюдается подтверждение генеральной внешнеполитической линии России, которой в течение почти всего XVIII в. придерживались деятели Русского государства, хотя при этом нельзя отрицать и того, что каждый из них при решении основной задачи применял свои тактические ходы.

Таким образом, Персидский поход 1722 г. прояснил главные аспекты политики России и на Ближнем Востоке, и в Закавказье на протяжении последующих десятилетий. Русское правительство сделало важный для себя вывод. Все более активно участвуя в международной жизни Европы, Россия могла сохранить свое влияние в Закавказье лишь с помощью применения гибкой политики, умением использовать в качестве опоры местные силы. Вот почему во второй половине 20-х и в 30-е годы XVIII в.

русское правительство при решении своих внешнеполитических задач в Закавказье главную роль отводило дипломатии, увязке этих задач с задачами общеевропейского масштаба.

Разрабатывая после Персидского похода Петра I свою ближневосточную политику, русская дипломатия исходила из наличия в Закавказье следующих действующих факторов. Это, с одной стороны, политические устремления Турции и Ирана, исключающие друг друга, с другой — освободительные чаяния закавказских народов. Эти факторы образовали клубок противоречий, обернувшийся той благодатной почвой, на которой в дальнейшем произросли семена политических успехов царской России в Закавказье. Рассмотрим эти факторы каждый в отдельности.

Политика Турции. Известный историк Иосиф Хаммер в своем исследовании по истории Турции подчеркивал, что «благополучие Порты требовало ее исключительного господства на Черном и Каспийском морях... никакого другого господства она здесь не допускала» [5]. Контролируя Черноморское побережье, Турция в изучаемое время стремилась утвердиться и на Каспийском море. Смерть Петра I как бы сняла с Турции путы Константинопольского договора 1724 г., и она начала наступательные действия в Иране. Предвидя негативную реакцию России, турецкие правители желали опередить события: пользуясь слабостью Ирана и политической смутой в этой стране, а также выжидательной и осторожной политикой России, до консолидации сил освободительного движения Персии, они стремились овладеть последней и утвердить свое господство в Закавказье. Эта задача турецкого правительства стояла на повестке дня вплоть до начала 30-х годов. Документальные данные свидетельствуют о том, что даже на рубеже 20-х и 30-х годов XVIII в. султанское правительство, несмотря на ослабление своих военных позиций, вызванное как изнурительными войнами в Иране, так и успешной борьбой армянских сыгнахов [6], намеревалось и в дальнейшем расширять свои территориальные владения за счет Ирана, превратив его в свое наместничество, и осуществить религиозный доминат над магометанами шиитской ветви [7].

Однако султанское правительство прекрасно понимало, что основной преградой в осуществлении его политиче-

ских замыслов в Закавказье является Россия. Поэтому для решения персидских дел оно стало искать союзника в лице России. Из инструкции, данной Екатериной I грузинскому царю Вахтангу VI перед его поездкой в Персию, выясняется, например, что Турция предлагала раздел Ирана между Россией и Турцией еще Петру I [8]. Точно такое же предложение поступило из Константинополя и позднее. В беседе с русским послом И. И. Неплюевым турецкий визирь говорил: «Вместо того, чтобы искать человека, кого бы возвести на персидский престол, не лучше ли России и Турции разделить между собой Персию, как добрым друзьям» [9]. Более того, воюя с Ираном, султанское правительство явно толкало и Россию на обострение отношений с ней. «России надобно рассудить,— говорил в 1726 г. турецкий визирь И. И. Неплюеву, — если Порта одна победит, то она от всех обязательств признает себя свободною, а если, паче чаяния, Эшреф победит, то он будет враждовать одинаково к России и к Турции» [10].

В турецком правительстве, однако, не все были заинтересованы в развитии мирных отношений с Россией. Действия антирусских сил подогревались подстрекательской деятельностью англо-французской дипломатии, которая всяческими мерами, даже путем подкупа, стремилась втянуть Турцию в вооруженный конфликт с Россией. Естественно поэтому, что в султанском правительстве почти в одно и то же время вынашивались диаметрально противоположные планы. Противники России предлагали склонить Эшрефа к подданству Турции, в случае же неуспеха — изгнать русских из Гиляна и завладеть всем Ираном [11]. План этот мог возникнуть не позже 1726 г., поскольку уже в 1729 г. тот же И. И. Неплюев доносил своему двору: «Неприятели визиря внушали султану, что русских давно можно было бы выгнать из Персии» [12].

Если к России турецкая дипломатия не могла применить прямолинейных действий, то к Ирану и подвластным народам отношение было совершенно определенное. Или завладеть их территорией, или же установить над ними свое политическое господство — таковы были планы правящих кругов Турции. Что же касалось закавказских народов, то султанский двор считал этот вопрос раз и насегда для себя решенным: он не мог допустить развития освободительного движения в Закавказье и ревни-

во следил, чтобы Россия не потворствовала национальным лидерам армянского и грузинского народов.

Политические цели Ирана. Потеряв государственную целостность, Иран во второй половине 20-х годов XVIII в. стремился к консолидации своих национальных сил. Первоначально этот процесс развивался исподволь. В конечном же итоге он обернулся освободительной борьбой иранского народа против турецких завоевателей, ликвидацией политической смуты в стране и объединением всех персидских провинций (в том числе и тех, которые отошли к России по петербургскому договору 1723 г.) под властью нового шаха Надира. Уже в следующем десятилетии для сохранения своего политического веса Иран не мог допустить ни продвижения Турции в глубь Закавказья, ни передачи России Каспийского побережья, ни активизации освободительных сил закавказских народов.

Чаяния народов Закавказья. В 20-х годах XVIII в. народы Закавказья, находившиеся под гнетом турецких и персидских завоевателей, воспользовавшись активизацией ближневосточной политики России, поднялись на борьбу с поработителями. Однако даже при условии совместного выступления этих народов невозможно было без военной помощи России освободиться от ига иноземных завоевателей. Это прекрасно понимали как грузины, так и армяне.

В изучаемое время предметом особых забот русской дипломатии в районе Ближнего Востока и Закавказья являлись Турция и Иран. Если быть точнее, то это касалось в первую очередь тех ирано-турецких противоречий, которые имели место между этими странами. Это касалось вместе с тем и действия в рассматриваемом регионе такого фактора, как освободительное движение народов Закавказья. Сложившаяся политическая ситуация оказалась благоприятной для русского правительства. Прежде всего, именно благодаря наличию турецко-иранского антагонизма и существованию такой оппозиционной Турции силы, как освободительное движение армянского и грузинского народов, Закавказье не стало главным театром военных действий между Россией и Турцией. Это обстоятельство становилось существенным потому, что в тот период русское правительство было больше обеспокоено проблемой Азова и Черного моря. Президент военной коллегии Б.—Х. Миних был вынуж-

ден признать: «Нам тяжело переносить, что Азов у турок; быть может, мы пойдем вырывать его у них с оружием в руках, если не удастся достигнуть этого мирным путем, если султан не согласится взять Дербент за Азов» [13]. Стало быть, если и планировались военные действия с Турцией, то только не в Закавказье. Вот почему основная внешнеполитическая задача России на Ближнем Востоке и в Закавказье должна была быть решена чисто дипломатическими средствами.

Спустя всего лишь год после смерти Петра I в разговоре с великим визирем султана русский посол в Константинополе И. И. Неплюев, выражая мнение правящих кругов России, сказал: «...Россия не может допустить к Каспийскому морю никакой другой державы, не может так же допустить и Персию до падения: *давно* (курсив наш.— *Ж. А.*) уже мы твердим Порте, что Россия считала и считает эти два пункта главными» [14].

Русский двор исходил из того, что в случае утверждения турецкого господства в Закавказье и в Иране Россия от Черного до Каспийского морей фактически будет граничить только с Османской империей. Вследствие этого она лишится выхода одновременно к двум морям, перекроются ее коммуникации в таком важном регионе, как Закавказье, что не только ликвидирует возможность перевода торговли шелком на волжско-каспийский путь, но и отстранит русское купечество от восточной торговли. Наконец, утверждение турецкого господства в Закавказье привело бы к удушению национально-освободительного движения армянского, грузинского и арзербайджанского народов, что способствовало бы падению политических акций России в Закавказье.

Таким образом, предотвращение турецкой экспансии в Закавказье и Иране, отвод войск султана из оккупированных ими провинций — такова была стратегическая задача русской внешней политики в изучаемое время. Для ее решения необходимо было прежде всего не допустить нового усиления Турции за счет Персии, что могло быть достигнуто лишь путем укрепления политического потенциала Ирана. Теперь становится понятным, почему важная ставка русской дипломатии делалась на Иран.

Россия осознавала, что единственная реальная сила, способная сдерживать турецкую агрессию на Ближнем

Востоке,— это централизованное иранское государство. Понимание этого обстоятельства было одним из веских аргументов против принятия предложения Турции о разделе с ней сфер влияния в Закавказье и Иране. Характерно, что в правительственных кругах России вынашивалась следующая мысль: «Дальнейшие военные действия в Персии, если бы Порта по общему соглашению (с Россией.— *Ж. А.*) стала их требовать, тяжелы для России, тем более что она никаких дальнейших завоеваний себе там не желает, и эти действия могут приносить пользу одним туркам» [15].

Из двух держав, господствовавших в рассматриваемом регионе, только Иран мог быть лояльным по отношению к России и к ее планам. Если учесть и то обстоятельство, что именно в Иране находилась джульфинская армянская торговая компания, которую русское правительство склоняло на свою сторону, то станет понятным, почему вопрос о существовании устойчивого иранского государства, как и проблема заключения с ним политического соглашения, острие которого, естественно, должно быть направлено против Турции, так беспокоили Россию.

Однако во второй половине 20-х годов иранское государство продолжало оставаться политически раздробленным. И затруднение состояло в том, что не с кем было заключить мира. Поэтому русская дипломатия стала искать в политических кругах Ирана реальную силу, с которой она могла бы войти в согласие с целью осуществления своих замыслов. Если в 1726 г. уполномоченный русского правительства грузинский царь Вахтанг VI вел переговоры с иранскими властями, то уже в 1727 г. переговоры велись с предводителем афганцев Эшрефом, а несколько позже, когда реальная сила перешла к самим персам, переговоры в этом же направлении велись с шахским двором [16].

В поисках политического соглашения с Ираном русская дипломатия столкнулась с рядом проблем, решение которых становилось неотвратимым. В числе их главенствующей, пожалуй, была проблема уступок Ирану территориальных приобретений Петра I. Шахский двор в качестве одного из предварительных условий для заключения соглашения с Россией требовал, например, возвращения Ирану Прикаспийских провинций (кстати, не-

которые исследователи считают, что камнем преткновения переговоров Вахтанга VI с шахским правительством являлось именно это выдвинутое Ираном требование).

Изучение в правящих кругах России перспектив и последствий территориальных уступок Ирану привело деятелей Русского государства к выводу, что этот политический шаг был бы во всех отношениях выгоден России и мог явиться самой действенной дипломатической акцией русского правительства в ходе решения тех широких международных задач, о которых писалось выше.

Во-первых, уступка Россией занятых ею провинций объективно способствовала бы успеху объединительного процесса, начавшегося в Иране в конце 20-х годов.

Во-вторых, в условиях развернувшейся дипломатической борьбы между Россией и Турцией за установление своего влияния в Иране и Закавказье важное значение приобретал вопрос, какая из этих двух держав раньше установит политический контакт с иранским государством. Проводимая Турцией в отношении Ирана политика с позиции силы [17] преследовала цель с помощью оружия перехватить у России дипломатическую инициативу в Иране и тем самым нейтрализовать действия России на Ближнем Востоке и в Закавказье. Прямолинейным действиям турок, их политике территориальных захватов русская дипломатия противопоставляла гибкую и продуманную политику. Ее действенность значительно возросла бы в случае, если перед Ираном раскрылась заманчивая перспектива возвращения Прикаспийских провинций. Объективно эта уступка должна была бы усилить противодействие Ирана далеко идущим антиперсидским планам Османской империи.

В-третьих, уступка в Прикаспии должна быть компенсирована приобретениями на Черном и Азовском морях. Как подчеркивал С. М. Соловьев, французская дипломатия уже в то время понимала, что Россия хочет овладеть Азовом и Крымом взамен переданных Персии провинций [18]. Это еще одно подтверждение того, что во второй половине 20-х годов XVIII в. русское правительство видело свою главную задачу в борьбе с Турцией за выход к Черному и Азовскому морям. Не удивительно поэтому, что в изучаемое время как для России, так и для самой Турции этот регион был значительно важнее закавказского. В 1728 г. посол И. И. Неплюев писал из

Константинополя: «Турки один Азов не променяют на все персидские провинции»[19].

В-четвертых, уступая Ирану Прикаспийские провинции, русское правительство намеревалось в качестве компенсации получить от шаха еще больше привилегий для русских купцов и выговорить для себя условия наибольшего благоприятствования в восточной торговле[20].

Таким образом, становилось ясным, что в случае осуществления на Ближнем Востоке и в Закавказье политики территориальных уступок Россия могла нажить для себя большой политический капитал, цена которого была бы много весомее, нежели доходы, которые приносили эти провинции русской казне.

По сведениям Е. Зевакина, доход от оккупированных провинций за 1723—1731 гг. составил 386 669 руб., что не покрыло бы даже годичного расхода на содержание сокращенного количества войск, предложенного в 1732 г. фельдмаршалом Б.-Х. Минихом[21]. Современник событий исследуемого периода генерал Манштейн, находившийся долгое время при русском дворе, писал: «Россия должна была содержать в тех областях (Прикаспийских провинциях.— *Ж. А.*) почти до 30 000 человек оберегательного войска, и ни одного года не проходило, чтоб не дополнять оного более половины; обо россияне не могли привыкнуть к тамошнему воздуху, умирали... Считают, что с 1722 года, как Петр I занял те области своими войсками, до тех пор, пока русские оттуда вышли, погибло 130 000 человек»[22].

Таким образом, документальный материал свидетельствует о том, что спустя уже два года после Константинопольского русско-турецкого договора 1724 г. русское правительство ясно осознало, что Россия не в состоянии ни в экономическом, ни в военном, ни в политическом отношениях удержать Прикаспийские провинции, поэтому уже во второй половине 20-х годов русский двор допускал возможность уступки персам южного побережья Каспийского моря[23].

Генерал Манштейн в 1727 г. писал: «Двор российский с особливым удовольствием *давно* (курсив наш.— *Ж. А.*) искал хорошего случая с честью избавиться от завоеванных Петром I в Персии областей, которые, по причине погибшего там великого числа людей, стоили содержанием гораздо более, нежели приносили пользы»[24]. Эту же мысль высказывает и С. М. Соловьев, отмечавший, что

в мнении князя А. Д. Меншикова проглядывало сильное желание отделаться от персидских завоеваний, которые слишком дорого стоят [25]. Одним из первых официальных документов, где идея территориальных уступок была четко сформулирована, был рескрипт Петра II князю В. В. Долгорукову: «Пускай персиянам паки места достанутся, только б турков на берега Каспийского моря не допускали и им вселиться и утвердиться не дали, отчего нашей стороне может быть великая опасность» [26].

Проявляя готовность к уступке Прикаспийских провинций, русское правительство хотело бы иметь реальную гарантию того, что эти территории не будут захвачены турками. Вот почему правящие круги России желали видеть Иран более мощным в военном отношении, нежели таким, каким он был во второй половине 20-х годов. Поэтому русские правители не спешили с передачей провинций, терпеливо выжидая более благоприятной политической конъюнктуры в Иране, которая возникла лишь в начале следующего десятилетия [27].

Подытоживая основные аспекты развития русско-иранских отношений во второй половине 20-х годов XVIII в., необходимо отметить, что одним из слагаемых успехов России на Ближнем Востоке и в Закавказье прежде всего являлась ставка русской дипломатии на политическое сближение с Ираном и на удержание таким путем равновесия между Персией и Портой. В условиях феодальной раздробленности сефевидского государства первостепенной задачей русской внешней политики становились поиски такой силы внутри Ирана, которая была бы в состоянии не только выполнить объединительную миссию и противостоять турецкой агрессии, но и поставила бы перед собой цель изгнания турок из Закавказья. В поисках союза с Ираном (эти поиски из-за сложных переплетений политической конъюнктуры в иранском государстве затянулись вплоть до 30-х годов) русские правящие круги пришли к выводу, что Ирану необходимо оказать не только политическую и военную помощь, но и пересмотреть свои позиции в отношении занятых Петром I Прикаспийских территорий.

Русское правительство понимало, что единственное обстоятельство, которое могло бы помешать сближению России и Ирана,— это вопрос политического влияния двух государств в таком важном для них регионе, как Закав-

казье. Возникала ситуация, требующая выбора: либо Россия должна была оставаться «союзником» освободительного движения народов Закавказья хотя бы в плане моральном, либо отказаться от этой роли, лишив население данного региона своей политической поддержки.

В этих условиях русское правительство, видимо, нашло нужное решение: стараясь не допустить чрезмерного усиления Порты за счет Ирана, добиваясь таким путем восстановления равновесия между Персией и Османской империей, оно тем самым создавало реальные политические предпосылки как для дальнейшего развертывания освободительного движения в Закавказье, так и для упрочения своего влияния на этих территориях.

Парадоксальность политической ситуации заключалась в том, что, поддерживая таким способом освободительную борьбу народов Закавказья, Россия без каких-либо видимых обострений отношений с Турцией и Ираном приобретала в лице боровшихся за свое освобождение закавказских народов верного союзника.

На какое-то время России удалось сбалансировать свою ближневосточную политику так, чтобы с малыми издержками избежать открытых конфликтов с двумя восточными деспотиями, сохраняя де-юре нормальные отношения с Турцией, инициативу в отношениях с Ираном и влияние на освободительное движение народов Закавказья. Этот внешнеполитический успех, на наш взгляд, был вызван тем, что русским правящим кругам, начиная уже с Петра I, удалось найти единственно приемлемый модус в решении такой проблемы, как освободительная борьба закавказских народов.

Односторонний анализ политических событий и политики России на Ближнем Востоке и в Закавказье в 20-х и 30-х годах XVIII в. привел некоторых исследователей к выводу, что действенное и верное решение вопроса — это оказание борющимся за свое освобождение народам военной помощи и тем самым радикальное разрешение ближневосточного вопроса. Кстати, это положение не является новым, поскольку точно такую же точку зрения в свое время высказывали видные государственные деятели России В. В. Долгоруков и П. П. Шафиров [28].

Однако внутренняя логика развития русско-турецких и русско-иранских отношений вкупе с соображениями о возможностях экономического и военного потенциала

русской державы и некоторыми аспектами политической жизни как Восточной, так и Западной Европы, в которых прямо или косвенно была замешана и Россия, подсказывали последней совершенно другое, более рациональное и оправданное решение вопроса. При всем своем желании русское правительство не могло в изучаемое время прийти на помощь армянам и грузинам. После Персидского похода, на наш взгляд, это стало ясно и Петру I.

В случае оказания народам Закавказья военной помощи Россию ожидала рискованная перспектива вооруженного столкновения с Турцией, и не только с ней, поскольку народы Закавказья желали — и это было известно всем — освободиться и от персидского ига. Военные действия Российской державы в Закавказье могли привести не только к тому, что все внимание России приковалось бы к этому региону и она вынуждена была содержать на юге большой контингент войск, а это было исключено по изложенным выше причинам, к которым присовокуплялись и политические осложнения на Западе. В полученном в 1727 г. при отъезде главнокомандующего русскими войсками, расположенными в Прикаспии, рескрипте князя В. В. Долгорукова указывалось, что хотя в Прикаспийских областях опасность очевидная, однако нельзя было посылать туда большую армию, поскольку «европейские обстоятельства» заставляли Россию держать в готовности главные вооруженные силы на западных ее границах [29].

На рубеже 20-х и 30-х годов XVIII в. Россия была связана с Австрией, Данией, Пруссией и другими странами цепью союзных договоров, цель которых заключалась в том, чтобы обеспечить в Европе status quo и не допустить нежелательных для России политических перемен в Польше. Во имя осуществления своих замыслов договаривающиеся стороны обязывались держать в Европе вспомогательные войска. В силу, например, договора, заключенного в Вене между русским правительством и австрийским двором от 6 августа 1727 г., Россия держала вспомогательные войска в Австрии. Уже в декабре 1730 г. по новому соглашению, заключенному между русским двором, Австрией и Пруссией, Россия «для упреждения противных к избранию онаго (польского.— *Ж. А.*) короля» обязывалась расставить на границах Польши

6 тыс. конницы и 14 тыс. пехоты, «коими и отвращать всякие предприятия» [30].

В дальнейшем число русских войск на польских границах увеличилось до 30 тыс. и спустя три года было вновь увеличено. 30 июня 1733 г. Россия отправляет в Польшу «для удержания могущих на избирательном сейме произойти непорядков» дополнительный корпус, состоящий из 33 тыс. солдат [31]. Однако уже в августе того же года появилась необходимость послать в Польшу новый корпус российских войск [32]. После смерти польского короля Августа II Россия увеличила число войск и в Курляндии. Таким образом, как следует из приведенных фактов, так называемые «польские дела» серьезно отвлекали внимание России от закавказского региона и в создавшихся условиях было крайне рискованно активизировать свои действия параллельно на двух фронтах.

«Европейские обстоятельства», на которые указывало русское правительство, включали в себе и другой аспект. Правящие круги России не могли не считаться с тем фактом, что за ходом развития русско-турецких отношений ревниво следили европейские державы. Как Англия, так и Франция не могли, например, допустить, чтобы Турция уступила свои позиции на Ближнем Востоке [33]. Поэтому они гласно и негласно активно поддерживали Турцию. Английское правительство в начале 1722 г. в одном из своих инструктивных писем объяснило, что в случае успехов России в Азии русское правительство направит всю индийскую торговлю через Россию и захватит монополию на торговлю персидским шелком. Доходы от этой торговли увеличат ее силу, поведут к новым завоеваниям в Турции и приблизят восстановление «Греческой империи» [34].

Государственный секретарь Франции граф Морвиль писал: «С какою бы европейской державою Франция ни находилась в союзе, союз ее с Турцией должен быть ненарушим». Он пояснял: «Треть королевства французского получает свое благосостояние от торговли, производящейся во владениях султана, король не может согласиться ни на какое условие, которое могло бы дать хотя малейшее подозрение Порте» [35].

Стало быть, военные действия в Закавказье Россия должна была начинать с оглядкой на Запад.

И, наконец, что, на наш взгляд, является главным:

перспектива военной помощи народам Закавказья в корне меняла аспект внешней политики России на Ближнем Востоке и в Закавказье. Русское правительство должно было отказаться от бескровного пути осуществления своих целей в названном районе, иначе говоря, отречься от политики применения дипломатических рычагов и переориентироваться на подготовку военных действий, что пока являлось для России задачей непосильной и не входило в планы ее правящих кругов.

В этой связи задача состояла в том, чтобы выработать такую политику применительно к народам Закавказья, которая, с одной стороны, способствовала бы привлечению армян, грузин и азербайджанцев на сторону России, заинтересовав их открывавшейся политической перспективой, с другой — не напугала бы турок, предотвратив вооруженное столкновение между Россией и Турцией в рассматриваемом регионе и, наконец, нейтрализовала бы Иран. Таковой могла быть только политика восстановления равновесия между Ираном и Турцией, а также политика моральной поддержки Россией борющихся народов Закавказья.

---

[1] Некоторые исследователи более справедливо называют его Каспийским походом.

[2] *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 21.

[3] *Маркова О. П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.: Наука, 1966, с. 25.

[4] Видный деятель внешней политики России А. И. Остерман дал следующую ретроспективную оценку этого договора: «Императорское Величество... имея единое старание как о бережении берегов Каспийского моря и о препятствовании всеконечного опровержения всего персидского государства, так и для сохранения дружбы и мира с блистательною Портою, со оною и во угождение оной учинил трактат, по которому между владения к России и Порты в Персии границы определены, и Порте от всего персицкого государства, хотя б шах Тахмасиб оный трактат принял или нет, для удобнейшаго отнятия между всех трех держав подозрения, непреходимые пределы предписаны и постановлены». Здесь важно обратить внимание на то обстоятельство, что в период разложения сефевидского государства Петербург думал о поддержании равновесия между Портой и Персией, а в связи с этим о сохранении политической целостности Ирана. Таким образом Россия, идя на заключение этого договора, преследовала в числе других задачу предотвращения окончательного распада Ирана. См.: Копия с письма, отправленного по Указу е.и.в. самодержицы всероссийской от кабинетного министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остер-

мана к турецкому верховному визирю апреля 12 дня, 1736 года. СПб., 1736, с. 14.

[5] См.: *Маркова О. П.* Россия..., с. 24.

[6] Сыгнахы — военно-политические центры армянского освободительного движения в провинциях Арцах и Капан (Восточная Армения).

[7] См.: АВПР, ф. СРП, 1727, д. 8, л. 105—107 об.

[8] См.: *Пайчадзе Г. Г.* Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1970, с. 118.

[9] См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1963, кн. 10, с. 12.

[10] Там же, с. 170.

[11] Из реляции А. И. Румянцева и И. И. Неплюева от 31 января 1726 г. См.: *Маркова О. П.* Россия..., с. 35.

[12] См.: *Соловьев С. М.* История России..., с. 172.

[13] Там же, с. 287.

[14] Там же, с. 13.

[15] Там же, с. 273.

[16] АВПР, ф. СРП, 1727, д. 8, л. 42 и об.

[17] Суть этой политики хорошо определила Коллегия иностранных дел.
См.: *Соловьев С. М.* История России..., с. 273.

[18] Там же, с. 416.

[19] Там же, с. 171.

[20] АВПР, ф. СРП, 1730, д. 5, л. 36.

[21] *Зевакин Е.* Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII века.— Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана, 1927, № 5; *Маркова О. П.* Россия..., с. 122.

[22] *Манштейн Г.* Записки историческия, гражданския и военныя о России с 1727 по 1744 год. М., 1823, ч. I, с. 89—90.

[23] ЦГАДА, ф. 110, д. 15, л. 515; АВПР, ф. СРП, 1727, д. 8, л. 105—107 об.

[24] *Манштейн Г.* Записки..., с. 89.

[25] См.: *Соловьев С. М.* История России..., с. 186.

[26] *Маркова О. П.* Россия..., с. 39.

[27] Стало быть, не правы, на наш взгляд, исследователи, считающие территориальные уступки в изучаемом регионе политическим просчетом русской дипломатии 30-х годов XVIII в. См.: *Фадеев А. В.* Россия и Кавказ..., с. 22.

[28] «В 1726 г.,— пишет О. П. Маркова,— князь В. В. Долгоруков считал возможным открытие успешных действий против турок с помощью армян. Но он был скован верховной «директивой» не вызывать озлобления турок». См.: *Маркова О. П.* Россия..., с. 118.

[29] См.: *Соловьев С. М.* История России..., с. 169.

[30] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1894, ч. I, с. 53, 56.

[31] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор... М., 1897, ч. III, с. 231.

[32] Там же, с. 231—232.

[33] «На протяжении 30-х годов,— пишет Г. А. Некрасов,— французская дипломатия неуклонно проводила политику «восточного барьера», подталкивая Турцию... к агрессии против России». *Некрасов Г. А.* Роль России в европейской международной политике 1725—1739. М.: Наука, 1976, с. 227—228.

[34] См.: *Маркова О. П.* Россия.., с. 26.

[35] См.: *Соловьев С. М.* История России.., с. 21—22.

РОССИЯ И ПОЛЬША ПЕРЕД ЛИЦОМ ТУРЕЦКО-ТАТАРСКОЙ АГРЕССИИ В 1667 Г.

И. В. Галактионов

Во второй половине XVII в. Турецкая империя переживала короткий период возрождения и, опираясь на усилившийся военно-экономический потенциал, в 50—70-х годах активизировала свою внешнюю политику. Удары ее армий пришлись сначала по странам Южной и Центральной Европы, а со второй половины 60-х годов объектом агрессии стала Восточная Европа [1].

История турецко-татарской агрессии в этом регионе Европы в старой историографии рассматривалась односторонне: татарские орды расценивались как наемная сила в борьбе Речи Посполитой с Россией и восставшим украинским народом. В советской и современной польской исторической литературе этот сюжет нашел более разностороннюю оценку в специальных исследованиях Н. А. Смирнова, Е. Н. Апанович, З. Вуйцика, И. Паевского, хотя и не все выводы этих авторов представляются нам в одинаковой мере бесспорными [2].

Как известно, основной принцип дипломатии Стамбула и Бахчисарая в отношениях со своими северными соседями гласил: «разделяй и властвуй!». Придерживаясь его, Махмед-Гирей вскоре после Переяславской рады 1654 г. стал на сторону Речи Посполитой и 12 лет был ее союзником, помогая воевать с Россией и украинским народом.

Магнаты Польши дорожили союзом с татарами и ради восстановления своей власти позволяли им грабить и разорять Украину, вмешиваться в качестве арбитров в междоусобные распри казацкой старшины. Эта классово ограниченная, близорукая политика польских феодалов помогла вызреванию турецко-татарского плана завоевания Украины.

Такое понимание проблемы, высказанное нами еще в 1960 г. [3], встретило возражение со стороны польского историка З. Вуйцика, который рассматривает польско-татарский союз как «ключевой вопрос всей внешней поли-

тики Речи Посполитой», якобы целиком отвечавший государственным интересам Польши [4]. Он полагает даже, что, «пока Речь Посполитая в союзе с Крымом проводила войну с Москвой, ни татары, ни турки не смели проталкивать открыто свои захватнические планы в отношении Украины» [5]. Такой взгляд не представляется исчерпывающим решением проблемы. Во-первых, широко известны неоднократные предложения султана и хана украинским гетманам порвать с царем и королем и принять протекторат Крыма и Турции [6]. А во-вторых, в 60-х годах в Стамбуле и Бахчисарае думали не о помощи Польше, а о завоевании Украины [7].

Практические попытки турок колонизовать Украину начались с 1665 г., когда гетманом Правобережной Украины по воле татар стал П. Дорошенко. Мухаммед IV, приняв гетманского посла, объявил П. Дорошенко своим подданым, гарантировал «покровительство и защиту», обещал помочь в войне с Польшей и сделать гетманом «обеих сторон Днепра» [8]. «Так как Вы (Дорошенко.— *И. Г.*) при посредничестве крымского хана пришли к Порте,— писал в Чигирин в апреле 1666 г. визирь,— то в силу обязанностей в Высокой Порте пойдете вместе с ханом заодно (на Польшу.— *И. Г.*) и свою верность и послушность докажите и проявите» [9].

«Операция» с П. Дорошенко была первой козырной картой султана, которой он пытался сорвать начавшиеся в Андрусове переговоры между Россией и Польшей. Второй картой должен был стать дворцовый переворот в Крыму. Ставка на Махмед-Гирея, союзника Речи Посполитой, оказалась неудачной и хана прогнали с престола. Адиль-Гирей должен был заключить мир с Россией и вместе с П. Дорошенко наступать на Польшу. Француз Бонзи, резидент Людовика XIV в Польше, с тревогой писал в Париж, что «враждебные действия татар не оставляли сомнения, что они предприняты по приказу Порты, которая сменила хана татар ради одной цели — вести войну против Польши» [10].

Сейчас общепризнано считать, что разгром польского войска отрядом нурадына Девлет-Гирея и полками П. Дорошенко под Меджибожем в ноябре 1666 г. был одной из причин, толкнувших Речь Посполитую на примирение с Россией. Ходом событий Россия и Польша были поставлены перед дилеммой: либо искать соглашения между

собой и совместно защищать свои интересы на юге, либо продолжать соперничество и уступать позиции в этом районе Оттоманской Порте.

Турция, продолжая старую тактику, изменила лишь направление удара: объектом атаки стала Польша, а Россию призывали к миру и дружбе. В конце 1666 г. в Москву прибыл Маамет-ага с заявлением хана о мире. Одновременно визирь через пленного боярина В. Б. Шереметева предложил царю дружбу при условии, что казакам Украины подданными «короля полсково не быть, чтоб им быть сами собою».[11] Не замедлил и султан с миролюбивым жестом в сторону Москвы, воспользовавшись приездом в Адрианополь русского стряпчего В. М. Тяпкина. Мухаммед IV лично принял царскую грамоту и заверил, что его дружба с царем «неизменна и никогда не будет нарушена»[12]. Помощник везиря Мустафа-паша говорил москвичу, что «он де Василей — гость у них милый для того, что послан от великого государя с добрым делом», что «Мегмет салтаново величество братцкие дружбы и любви с великим государем... желает и чтоб де великий государь изволил о том слать к Мегмет салтану турскому и хану крымскому послов и дары с ними...»[13].

Однако, узнав о примирении России и Польши, султан изменил позицию: весной 1667 г. он предложил Яну Казимиру совместный поход на Москву, если король разорвет договор с царем. Одновременно он потребовал от поляков не нападать на П. Дорошенко как подданного султана и передать Турции польские города в Поднестровье[14]. Ультиматум султана тут же поддержал Адиль-Гирей. В письме к королю с Дедеш-агой хан указывал, что Крым недоволен примирением Польши с Россией, что этим актом поляки разрушили союз с татарами и поставили себя в положение их противников[15].

Чтобы оказать давление на Польшу, хан летом 1667 г. направил на Украину отряды калги Крым-Гирея, которые в союзе с П. Дорошенко выбили польские гарнизоны из Чигирина, Корсуни, осадили Белую Церковь, прорвались до Львова и Люблина, угрожая одновременно и Киеву[16]. Гетман обещал хану «быть при нем до смерти своей», а на войну с королем поднять Запорожье и казаков Левобережья[17]. А султану он клялся быть верным и торжественно принял турецкого чауша, который прибыл в Чигирин с С. Портянкой и «привез статьи о подданстве»[18].

Таким образом, событиями на юге Польша была поставлена на грань войны с Турцией, а Россия — перед выбором: или исполнять статьи 18 и 19 договора в Андрусове и, вступив в союз с Польшей, бороться с Крымом, Турцией и их ставленником П. Дорошенко, или же принять предложение хана и султана о мире и дружбе, а вместе с тем и разрыва с Речью Посполитой.

А. Л. Ордин-Нащокин, ссылаясь на договор в Андрусове, предлагал заключить союз с Польшей и совместно бороться против турок и татар. Еще в конце 1666 г. он квалифицировал проникновение Турции на Украину как явление, опасное для государственных интересов не только Польши, но и России [19]. Острие русско-польского союза, по мысли начальника Посольского приказа, должно быть направлено против Крыма и Турции, а вопрос о казаках Украины надлежало решать мирным путем как проблему внутренней жизни России и Польши. Он предлагал также расширить антитурецкий блок за счет стран Европы, справедливо считая, что «оборона против бусурман не только тем великим государствам (России и Польше.— *И. Г.*) имети достойно, но и всем великим государем христианским то дело потребно» [20]. Убеждая царя и Ближнюю думу не верить миролюбию хана, высказывая сомнение в искренности султана, русский дипломат советовал вместе с Польшей действовать как против Адиль-Гирея, если он не прекратит войны и будет добиваться подчинения Украины, так и против П. Дорошенко, которого называл «послушником» хана.

Царь и бояре весной 1667 г. отвергли эти соображения А. Л. Ордина-Нащокина, любезно приняли крымского гонца Маамет-агу и решили добиваться дружбы с ханом и султаном, ограничившись простой информацией в Бахчисарай и Стамбул о прекращении русско-польской войны. С этим и были направлены к хану стольник Е. Лодыженский, а к султану — А. Нестеров. [21] Но разыгралась запорожская трагедия — агенты П. Дорошенко убили Е. Лодыженского — и перечеркнула надежды царя.

На специальном заседании Боярской думы, собравшейся 25 июня 1667 г. для решения русско-крымской проблемы, царь согласился с предложением А. Л. Ордина-Нащокина расколоть татарско-казацкий блок путем дискредитации П. Дорошенко в глазах украинского народа и крымского хана. Первую задачу решало широко

известное воззвание, с которым царь обратился 7 июля к населению Поднепровья, а вторую — посольство А. Путицына к Адиль-Гирею. В письме на имя хана царь подтвердил свое желание обновить «братцкую дружбу и любовь», но выразил недоумение, что П. Дорошенко, «который у хана в послушании», подчинился «своевольным крымским и ногайским людем» [22].

27 июня в Посольском приказе состоялся отпуск крымского гонца Телеш-аги, который возвращался назад вместе с А. Путицыным [23]. В речи на отпуске «посольских дел оберегатель» говорил гневные слова в адрес гетмана Правобережья, который умышленно «чинит доброму делу помешку» и разжигает войну на Украине опираясь на ногайскую орду [24].

Прошло еще немного времени, и в письме царя к хану от 1 июля 1667 г., которое вез Б. Ушаков на Дон, где намечалась новая встреча с послами Крыма, угроза в адрес заднепровского гетмана прозвучала совершенно открыто. Царь и король, писал Алексей Михайлович, обязуются «в общей соседственной дружбе с вами, братом нашим, всегда пребывати ...а ссорных людей здерживать общим страхом и грозою... таковых, яко Дорошенко» [25]. Только хан должен был не нападать на русские земли, на запорожских и украинских казаков и присоединиться к русско-польскому договору в качестве «третьего друга». Окончательный договор по этому поводу послы трех держав совершат на очередной встрече в июне 1668 г. [26]

В Москве, как видим, разгадали тактику турецко-татарской дипломатии, рассчитанную не только на захват Поднепровья с помощью Дорошенко, но и на поощрение антимосковских настроений в Варшаве и ответили предостережением о наличии плана сотрудничества России и Польши на юге. В конце наказа Б. Ушакову было дописано буквально следующее: «Одноличио им, Богдану и подьячему, с присланным (послом Адиль-Гирея.— *И. Г.*) в разговорех... напоминать, что у царского величества с польским королем учинен мир вечно и они... пребывают в добром и крепком миру, а Адиль-Гирея... имеют себе за третьего друга» [27]. Эта же мысль информировать хана о предстоящей ратификации русско-польского договора и предложить ему «быть в крепкой и непорушимой дружбе навеки» с царем и королем была заключена в письме А. Л. Ордина-Нащокина к подьячему Г. Михайлову, ис-

полнявшему обязанности русского резидента в Крыму [28]. Предстоящая ратификация Андрусовского договора позволила русскому правительству сделать новый шаг в сторону антитурецкого военно-политического союза с Польшей. В письме на Дон от 9 ноября царь предупредил Б. Ушакова, что в Москве русские и польские дипломаты договорились «о союзе и случении обоих войск... против общих христианских неприятелей — турского салтана и крымского хана» [29]. Он рекомендовал послу еще раз призвать Крым быть «в опчей соседцкой дружбе и приятстве» и отвергать любые попытки татар противопоставить царя и короля на том основании, что «наши... украинные порубежные города сошлись вместе» [30].

Даже известие о заключении Подгаецкого договора между Крымом и Польшей, антирусская направленность которого была хорошо известна в Москве, не внесло заметных изменений в крымскую политику правительства царя Алексея. В письме к хану с толмачом Ф. Танакаевым в декабре 1667 г. царь рассматривал этот договор как начало «соседственной любви». Предложив хану прекратить войну, отвести свои войска в Крым и направить послов для мирного договора на Дон, он рекомендовал подтвердить договор посольствами трех стран, «чтобы крепость в задержании от войны и в обороне была общая» [31].

Такова динамика русской политики на юге с весны до глубокой осени 1667 г. Россия под давлением обстоятельств, связанных с усилением турецко-татарской опасности, пыталась исполнить статьи Андрусовского договора и продвинуться в сторону союза с Речью Посполитой, хотя и шла по этому пути медленно, зигзагами.

Многое сделал в этом направлении тогдашний руководитель Посольского приказа А. Л. Ордин-Нащокин. Так, преодолевая оппозицию какой-то части Боярской думы [32], а также многие трудности на международной арене (в частности, попытки крымско-турецкой дипломатии закрепиться с помощью Дорошенко в Поднепровье [33] и восстановить сотрудничество с Польшей) [34], Ордин-Нащокин все же добился в конце 1667 г. заключения союзного договора между Россией и Речью Посполитой, в силу которого обе стороны обязывались вести совместную борьбу против крымско-турецкого натиска в Восточной Европе [35]. Таким образом, государственная мудрость

восторжествовала: договором от 4 декабря 1667 г. были созданы условия для согласованных действий Польши и России, направленных на сдерживание экспансии Порты и Крыма в данной части Европейского континента.

....

1 *Новичев Л. Д.* История Турции: Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963, с. 181—183; *Jorga N.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha, 1911, t. 4, S. 157—172; *Konopczynski Wl.* Polska a Turcja. 1683—1792. Warszawa, 1936, s. 13.

2 *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв.— Учен. зап. МГУ, 1946, вып. 94; *Апанович О. М.* Запорізська Січ у боротьбі проти турецько-татарськоі агресії. 50—70 роки XVII ст. Київ: Наукова думка, 1961; *Pajewski I.* Bunczuk i koncerz. Z dziejow wojen polsko — tureckich. Warszawa, 1963; *Wojcik Z.* Traktat Andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959; *Idem.* Miedzy traktatem Andrussowskim a wojna turecka... Warszawa, 1968.

3 *Галактионов И. В.* Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII века. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1960, с. 37, 66.

4 *Wójcik Z.* Traktat Andruszowski..., s. 20—21; *Idem.* Niektóre zagadnenia politkyi wschodniej Rzeczypospolitej...— Rocznik Lubelski, 1962 (1964), t. 5, s. 28.

5 *Wójcik Z.* Historia powszechna XVI—XVII w. Warszawa, 1968, s. 458.

6 Памятники, изданные временною комиссиею... Киев, 1852, т. 3, с. 266; Киев, 1859, т. 4, с. 155; АЮЗР. СПб., 1872, т. 7, с. 210.

7 *Соловьев С. М.* История России... М., 1961, кн. 6, с. 110.

8 Летопись Самовидца по новооткрытым спискам... Киев, 1878, с. 89; ЦГАДА, ф. 89. Сношения России с Турцией. Дела турецкие, 1666, д. 1, л. 89.

9 *Dorošenko D., Rypka I.* Hejtman Petr Dorošenko a jego turecka polityka.— Časopis Narodniho musea (Praha), 1933, R. CVII, s. 10. В. У. Олейник ошибается, считая, что вплоть до конца 1667 г. П. Дорошенко «не спешит обращаться за помощью к туркам», и исправляя дату (1666 г.) подданства гетмана султану, данную В. А. Голобуцким, на 1669 г. См.: *Олійник В. У.* Про маловідомий історичний художній твір...— Український історичний журнал, 1971, № 8, с. 71, 73—74. Не прав и П. И. Марченко, утверждая, что в 1666 г. «Дорошенко не был еще связанным с Турцией и не думал про разрыв союза с Россией». См.: *Марченко М.* Повстання в Переяславському полку 1666 року...— Вісник Київського університету, 1959, № 2, с. 105.

10 *O'Brien C. B.* Muscovy and the Ukraine...— University of California. Publications in history..., vol. 74, p. 120. З. Вуйцик указывает на другую причину свержения Махмед-Гирея. Этот хан, пишет польский историк, «главные свои усилия направлял к достижению полной независимости Крыма от Порты, что, естественно, противоречило интересам Турции. См.: *Wójcik Z.* Między traktatem..., s. 14. Впрочем, современники, хорошо знавшие внутреннюю жизнь Крыма, считали, что «крымский юрт в воле салтана турского: ково он хочет, тово на крымском юрте и посадит».

ЦГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом; Дела крымские, 1666, д. 1, л. 5; д. 2, л. 2, 4, 6, 15; 1667, д. 9, л. 284.

[11] ЦГАДА, Книги крымского двора, д. 44, л. 24; Дела крымские, 1666, д. 2, л. 22; д. 6, л. 13; Дела турецкие, 1666, д. 1, л. 89, 90.

[12] ЦГАДА, Дела турецкие, 1666, д. 1, л. 44.

[13] Там же, л. 76, 127, 129; Дела крымские, 1666, д. 2, л. 77, 85. З. Вуйцик, ссылаясь на Н. А. Смирнова, считает, что посольство В. М. Тяпкина подтвердило враждебные настроения Порты против России. Документы ЦГАДА, связанные с этим посольством, решительно противоречат такому выводу.

[14] ЦГАДА, Книги крымского двора, д. 44, л. 27 об.; ф. 79. Сношения России с Польшей. Дела польские, 1667, д. 13, л. 27.

[15] ЦГАДА, Дела крымские, 1666, д. 6, л. 99.

[16] ЦГАДА, Дела Крымские, 1667, д. 1, л. 16; Книги польского двора, д. 116, л. 13.

[17] АЮЗР, т. 6, с. 192, 200.

[18] АЮЗР, т. 7, с. 92, 185; Книги крымского двора, д. 46, л. 141.

[19] *Галактионов И. В.* Из истории..., с. 95.

[20] ЦГАДА, Дела польские, 1668, д. 12, л. 24.

[21] ЦГАДА, Дела крымские, 1667, д. 3, л. 74; Книги турецкого двора, д. 8, л. 56; АЮЗР, т. 6, с. 197.

[22] ЦГАДА, Книги крымского двора, д. 46, л. 35 и об., 55, 56.

[23] ЦГАДА, Дела крымские, 1667, д. 1, л. 29; д. 9, л. 63, 328.

[24] Там же, д. 9б, л. 34, 93, 112—113; д. 10, л. 4.

[25] Там же, л. 130, 131, 309.

[26] Там же, л. 190 об.

[27] Там же, л. 168 об.

[28] Там же, д. 9б, л. 99, об., 100 об.

[29] Там же, л. 312.

[30] Там же, л. 314.

[31] Там же, л. 335.

[32] ЦГАДА, Книги польского двора, д. 116, л. 48—50, 176.

[33] Там же, д. 107, л. 36; д. 116, л. 79.

[34] Акты, относящиеся к истории Южной и Юго-Западной России. СПб., 1870, т. VI, с. 175, 221; *Павлищев Н. И.* Польская анархия при Яне Казимире... СПб., т. 2, с. 364—365; ЦГАДА, Дела польские, 1667, д. 9, л. 3; д. 10, л. 2.

[35] ПСЗ, т. I, с. 730—731; ЦГАДА, Книги польского двора, д. 107, л. 38 об.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России
АЗР — Акты, относящиеся к Западной России
АИ — Акты исторические
АЛМ — Акты Литовской метрики
АЮЗР — Архив Юго-Западной России
ВИ — Вопросы истории
ГБЛ — Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Отдел рукописей
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ИЗ — Исторические записки
КСИС — Краткие сообщения Института славяноведения и балканистики
ПДСДР — Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными
ПРП — Памятники русского права
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека
РИО — Русское историческое общество
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AGAD — Archiw Główny akt dawnych
AU — Akademia Umiejętności

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ, ПОЛЬША И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
в XV — начале XVIII в.

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Л. И. Тормозова
Художник Л. Грибов
Художественный редактор И. В. Разина
Технический редактор И. Н. Жмуркина
Корректор Л. А. Сулханова

ИБ № 5223

Сдано в набор 26.06.79. Подписано к печати 09.10.79. Т-16345.
Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 20,58. Уч.-изд. л. 22,5. Тираж 2450 экз.
Тип. зак. 2028. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2 р. 50 к.